МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПЕРМСКОГО КРАЯ В ЗЕРКАЛЕ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

МОНОГРАФИЯ

Под общей редакцией И.И. Русиновой

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
"Perm University Press"

Пермь 2014

УДК 81’37(470.53)
ББК 81.03
Т 54

Боброва М. В., Жидких М. Г., Зверева Ю. В., Нечаева Л. С.,
Пантелеева Л. М., Подюков И. А., Полякова Е. Н., Русинова И. И.,
Чугаев Н. В., Шкураток Ю. А.

Традиционная культура Пермского края в зеркале лексики
Т 54 и фразеологии: монография / под общ. ред. И.И. Русиновой;
Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – 300 с.

ISBN 978-5-7944-2465-2

В монографии представлены статьи, посвященные исследованию лексики, ономастики, фразеологии русских говоров и памятников письменности Пермского края в аспекте отражения в этих лексических единицах материальной и духовной культуры региона.

Монография предназначена для широкого круга филологов.

УДК 81’37(470.53)
ББК 81.03

Печатается по решению кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета

Рецензенты: кафедра общего языкознания Перм. гос. гум.-пед. ун-та; И.И. Бакланова, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Перм. гос. гум.-пед. ун-та

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ
(проект №12-34-01043а1 «Традиционная культура Пермского края по данным лексики говоров и памятников письменности Пермского края»)

© Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2014

ISBN 978-5-7944-2465-2

Фото на обложке из архива лаборатории «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте» ПГНИУ

Научное издание

Боброва Мария Владимировна, Жидких Майя Григорьевна, Зверева Юлия Владимировна, Нечаева Лидия Сергеевна, Пантелеева Лилия Михайловна, Подюков Иван Алексеевич, Полякова Елена Николаевна, Русинова Ирина Ивановна, Чугаев Николай Валентинович, Шкураток Юлия Анатольевна

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПЕРМСКОГО КРАЯ В ЗЕРКАЛЕ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

Монография

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 26.12.2014.
Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 17,44. Тираж 200 экз. Заказ ____

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. А.И. Букирева, 15

СОДЕРЖАНИЕ

Боброва М.В.	Критерии и средства достижения эффективности коммуникации в традиционной культуре (на материале фразеологии тематической группы «Говорение»)…….	*4*
Жидких М.Г.	Структура и лексика коми-пермяцких загадок……...	*27*
Зверева Ю.В.	Традиционное питание жителей Пермского края (по данным пермских говоров)……...	*42*
Нечаева Л.С.	Основные мотивационные модели СП «Болезнь» (на материале русских говоров Пермского края)…….....	*76*
Пантелеева Л.М.	История названий хозяйственных сооружений на пермских соляных заводах…….....	*112*
Подюков И.А.	Особенности промысловой речи Прикамья (по данным лексики охоты и рыболовства).....	*161*
Полякова Е.Н.	Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности) …….	*194*
Полякова Е.Н.	Что носили модницы в Прикамье в XVI – начале XVIII века (по данным лексики пермских памятников письменности) …….	*229*
Русинова И.И.	Языковой образ нечистой силы, связанной с колдуном (на материале лексики говоров и мифологических рассказов Пермского края)…….....	*247*
Чугаев Н.В.	Антропология пыскорских документов 1740–1741 гг. ……..	*282*
Шкураток Ю.А.	Традиционные представления о колдунах и знахарях по данным языка (на материале пермских говоров)……	*292*

УДК 81’28

Мария Владимировна Боброва
доцент кафедры теоретического
и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
bomaripgu@yandex.ru

КРИТЕРИИ И СРЕДСТВА ДОСТИЖЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОММУНИКАЦИИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

(на материале фразеологии тематической группы «Говорение»)[1]

Статья посвящена изучению факторов и средств достижения эффективной (результативной) коммуникации, актуальных с позиций русского диалектоносителя. На основе зафиксированной в Пермском крае народной фразеологии тематической группы «Говорение» были подтверждены следующие положения: фразеология изначально служит повышению эффективности коммуникации, что обеспечивается максимально ярким проявлением в ней языковых факторов, способствующих результативности общения; лексика и фразеология определенной лексико-семантической группы, тематической группы, тематического поля отражает специфику описываемого явления с актуализацией его свойств, качеств и т. п., значимых в данной культуре (с точки зрения народа-номинатора); фразеологические единицы тематической группы «Говорение» позволяют выявить факторы, содействующие (либо препятствующие) эффективности общения.

Ключевые слова: диалектная фразеология, тематическая группа, говорение, Пермский край, эффективность коммуникации.

Неутихающий интерес лингвистов, а теперь психологов и специалистов по менеджменту, вызывает проблема эффективной (иначе – результативной) языковой коммуникации, при которой каждый из участников достигает своей цели общения. Однако обычно изучение «идеального» и «реального» высказывания осуществляется на основе литературного языка, главным образом разговорной его разновидности. Тем интереснее раскрыть представления об особенностях ситуации устного речевого общения в представлениях русского крестьянина. Способность к речемыслительной и эмотивной деятельности осознается носителями языка как сущностное свойство человека, и, как можно предположить, попытка вскрыть особенности восприятия и оценки речевых процессов носителями языка будет способствовать воссозданию фрагмента языковой картины мира говорящих. Сделаем это на основе фразеологических единиц (далее также ФЕ), зафиксированных в русских говорах Пермского края и извлеченных из различных источников. ФЕ

© Боброва М.В., 2014

частично представлены в словарях местных говоров, но нами также исследованы еще не обнародованные материалы диалектологических экспедиций сотрудников и студентов Пермского госуниверситета, данные картотеки и первого выпуска «Словаря русских говоров севера Пермского края», материалы проектируемой хрестоматии «Русские говоры севера Пермского края» и др.

Как известно, языковая коммуникация осуществима либо в устной (говорение / аудирование), либо в письменной (письмо / чтение) форме. Анализ всего материала соответствующего тематического поля потребовал бы не одного исследования более значительного формата. В силу неохватности данных мы остановились лишь на той форме, которая непосредственно реализует основную функцию языка и в наибольшей степени отвечает заявленной проблематике, – на говорении. Кроме того, учитывалось, что говорение, как один из атрибутов социума, – один из наиболее значимых в жизни процессов, что в настоящем случае нашло отражение в количественных показателях: оригинальных единиц только данной тематической группы (ТГ) в пермских русских диалектах выявлено около 900.

В силу того что до сих пор не решены многие вопросы изучения лексики и фразеологии, отражающих говорение (вопросы терминологии, достоверности сведений, отбора и систематизации материалов, методологии, верифицируемости интерпретаций, др., см. об этом подробнее [Богачева 2007в]), оговорим принципы отбора материалов.

Исследователями отмечалась семантическая «зыбкость» слов данной ЛСГ (см., например, [Черенкова 2004: 147]), в силу чего до сих пор четко не установлены границы данной группы, нет полной, строгой, объективной классификации ее составляющих. При отборе и анализе материала мы руководствовались пониманием под лексикой говорения отдельных слов и устойчивых сочетаний, так или иначе отражающих речевой процесс, который предполагает работу речемыслительного аппарата, производство особого рода речемыслительных единиц (от отдельных звуков до цельных текстов), наличие говорящего и слушающего, а также возможность характеристики и оценки говорящим самого процесса, его продукта и производителя.

Нами рассмотрена именно тематическая группа, а не лексико-семантическая группа и не тематическое поле: это позволило отказаться от чисто семантического принципа как недостаточно надежного, поскольку иногда семантические связи различны в восприятии диалектоносителей и носителей литературного языка; на этом основании, в частности, в группу включены ФЕ, объединенные понятием пения, так как «петь» в сознании носителей говора обязательно предполагает текст, сопровождаемый мелодией (ср. [Потапова 1966]). Вместе с тем это позволило сохранить бо-

лее или менее четкие границы группы.

При отборе ФЕ существенными явились факторы: а) включение / невключение в лексический состав фразеологизма лексики говорения (формальный аспект), б) обозначение / необозначение понятия, связанного с речевыми процессами (содержательный аспект). С их учетом все устойчивые выражения делятся на 4 основные группы: 1) ФЕ, включающие лексику говорения и обозначающие речевые процессы (например, ***наслыхи сказывать*** ‘пересказывать слухи’); 2) ФЕ, не включающие лексику говорения, но обозначающие речевые процессы (например, ***зубы мыть*** ‘насмехаться над кем-, чем-либо’, ***наводить правоту*** ‘крикливо, вызывающе доказывать правомерность чьих-либо поступков’); 3) ФЕ, включающие лексику говорения, но не отражающие речевые процессы (например, ***мать-та поёт!*** ‘возглас удивления’); 4) ФЕ, не включающие в свой состав лексику говорения и не отражающие речевые процессы. Устойчивые сочетания четвертой группы (основная масса фразеологического фонда народной речи) изначально оказывается за пределами нашего внимания. ФЕ первой группы представляют собой ядро ТГ и базу для научных изысканий и каких-либо обобщений. Можно предположить, что такие устойчивые сочетания слов обеспечат выводы, тождественные тем, которые делаются на основе самостоятельных, нарицательных лексем говорения.

Опыт наших и иных исследований [2] убеждает в том, что для носителя традиционной культуры весьма актуальна связь речемыслительной деятельности с практической, в чем проявляется прагматичность народа-номинатора. Такой подход позволяет утверждать значимость для характеристики речевой деятельности и тех ФЕ, которые демонстрируют минимальную степень привязки называемых и обозначаемых явлений к речевым процессам (ср., например, в ФЕ, обозначающих «нуль речи»: ***молчит да бает*** ‘продолжать свое дело, не реагируя на замечания’). Отобраны также ФЕ, лишь косвенно связанные с обозначением процесса и результата говорения, – периферийные устойчивые сочетания, в которых значение говорения оказывается в той или иной степени завуалировано. Нередко подобные ФЕ обозначают действия, которые характеризуются разнообразием конкретных форм их осуществления. Так, мы привлекаем фразеологизм ***вверх ногами поставить*** ‘опорочить, оскорбить кого-либо’, понимая, что оскорбление можно нанести не только словом, но и действием; фразеологизм ***с бороной летать*** ‘беспричинно злиться’ – осознавая, что раздражение обычно выражается в первую очередь в поведении и лишь во вторую – в словах; фразеологизм ***на ветер делать*** ‘колдовать’ – отдавая себе отчет в том, что магические действия не всегда имеют вербальное сопровождение (как и в данном случае: колдун может не произносить наговор для причинения вреда, а только плюнуть или дунуть).

При анализе отобранных ФЕ мы отталкивались от ряда посылок.

Во-первых, фразеология изначально служит повышению эффективности коммуникации, что обеспечивается максимально ярким проявлением в ней языковых факторов, способствующих результативности общения.

Во-вторых, лексика (и фразеология) определенной лексико-семантической группы, тематической группы, тематического поля отражает специфику описываемого явления (феномена) с актуализацией его свойств, качеств и т. п., значимых в данной культуре (с точки зрения народа-номинатора).

В-третьих, ФЕ тематической группы «Говорение» позволят выявить факторы, содействующие (либо препятствующие) эффективности общения, с позиций русского диалектоносителя.

1. Остановимся на первом заявленном пункте и определим основные языковые факторы, обеспечивающие эффективность ФЕ как коммуникативных единиц.

1) *Узость семантики*. Один фразеологизм, как правило, имеет одно значение. Так, в пермских материалах обнаружено лишь 24 оригинальных многозначных ФЕ, а с учетом существования фразеосхем и морфологической вариативности глагольных фразеологизмов даже это количество сокращается до 16. Кроме того, семантическая структура многозначных единиц не разветвлена, ее образует не более 2 значений.

Многозначность редка, обычно причина ее кроется в полидиалектных условиях функционирования фразеологизмов, ср.: ***ве'сти перенести*** 'известить; сообщить' (Усольский р-н Пермского края), 'насплетничать' (Чердынский р-н); ***дать слово*** 'ответить на чей-либо зов, обращение' (Соликамский р-н), 'заверить в правдивости сообщаемого' (Карагайский р-н); ***рот на крючке держать*** 'не отличаться многословием' (Соликамский р-н), 'не разглашать чужих секретов, помалкивать' (Чайковский р-н). Показательно, что в разных своих значения ФЕ нередко относятся к разным ТГ, ЛСГ, ср: ***едьмя'*** (***едьми'***) ***есть*** 'поглощать пищу с жадностью' (ТГ «Питание»), 'бранить, изводить попреками' (ТГ «Говорение»); ***распелить рот*** (***хайло***) 'начать говорить на повышенных тонах' (ТГ «Говорение»), 'проявить нерасторопность' (ТГ «Человек»); ***собачья ересь*** 'какое-либо сообщение, не заслуживающее внимания, пустяки' (ТГ «Говорение»), 'легкомыслие' (ТГ «Человек»).

2) *Высокая степень точности обозначений*. Многочисленные деривационные, семантические, лексические, грамматические, экспрессивные средства формирования фразеологии выступают одновременно средством возможно более точной дифференциации понятий, ср.: ***свалебная*** (***свалебжинная***, ***свадьбишная***, ***свадьбешная***, ***сварьбешная***) ***песня*** 'свадебная песня', ***величальная*** (***пе'вальная***, ***опе'вальная***, ***опе'вочная***) ***песня*** 'песня,

в которой высказывается хвала в адрес гостя на свадьбе', ***корительная*** (***корильная***) ***песня*** 'песня, в которой высмеивается тот или иной участник свадьбы', ***обидная песня*** 'причитание невесты, в котором она высказывает свою обиду родителям', ***отказна'я песня*** 'песня, исполняемая для невесты из-за отказа от родительского очага', ***па'рная песня*** 'песня, исполняемая для присутствующих на свадьбе супругов', ***плясовая*** (***пляско'вая***, ***пляскова'я***) ***песня*** 'свадебная песня, сопровождаемая пляской', ***поневе'стишная песня*** 'исполняемая в адрес невесты свадебная песня', ***пропойная песня*** 'песня, исполняемая для невесты в день ее пропивания', ***расхожая песня*** 'песня, завершающая свадебный обряд', ***сиротская песня*** 'величальная свадебная песня, исполняемая для невесты-сироты или вдовой женщины', ***чаровая песня*** 'величальная свадебная песня, во время исполнения которой гостю подносят чару вина', др.

3) *Широкие семантические связи*. «Одиночные» фразеологизмы фактически отсутствуют, устойчивые сочетания реализуют те или иные парадигматические связи. Как это свойственно фразеологии в целом, среди ФЕ слабо выражена омонимия, антонимия, но весьма распространено явление синонимии.

Абсолютные синонимы немногочисленны, наличие их вновь объясняем полидиалектными условиями. В целом же ФЕ специфичны в своем употреблении в зависимости от смысловых, функционально-стилистических, коннотативных оттенков, а кроме того, от степени актуальности внутренней формы. Сравним на примере ряда выражений со значением 'громко, очень громко (говорить, петь, кричать и т. п.)': ***бла'жным голосом*** 'очень громко, изо всей мочи', ***во все колокола*** 'в несколько голосов и громко', ***во всю голову***, ***во всю головушку***, ***как корова об порозе***, ***как корова о быке***, ***как федюнькинский троян***, ***на всю ве'слину***, ***на всю вселенную***, ***на всю матушку-деревню***, ***недаровы'м матом*** 'очень громко'. Несмотря на то, что в словарях указанные 11 единиц подаются нередко с тождественными дефинициями, считаем ФЕ неравнозначными. Полагаем, специфика их употребления определяется следующим. ***Блажным голосом*** кричат не столько из-за того, что прикладываются все физические силы (а именно это отражено в словарной дефиниции), сколько из-за того, что это *неестественный*, *дикий* и т. п. крик. Громкость речи может зависеть от степени активизации речевого аппарата; в частности, звук идет сильнее, если рот открыть как можно шире, ***во всю голову***. Громкость пения ***во все колокола*** определяется количеством участников (переосмысление получило то, сколько колоколов задействовалось на церковной звоннице). Немаловажна и дальность распространения звука: одно дело, если охватывается поселение (***веслина***, ***матушка-деревня***), и другое – если ***вся вселенная***. Значим и функциональный аспект: особенно громко выплескиваются эмоции, особенно негативные, для передачи ко-

торых в выражениях не стесняются, прибегая к нецензурной лексике (***мату***), причем ***недаровой***, собственной, а значит, самой искренней. Естественны при этом иронические интонации (в сравнениях или в оборотах с уменьшительно-ласкательными образованиями типа ***как федюнькинский троян***, ***во всю головушку***), причем с разной степенью проявления (ср. ***как корова о быке*** и более конкретное ***как корова об порозе***, где ***пороз*** – ‘некастрированный бык’, ‘бык-производитель’ [СПГ II: 177]). Некоторые обороты довольно древние по происхождению (ср. ***на всю веслину*** и общеславянское ***весь*** ‘деревня’ из индоевропейского **uik-* [Преображенский I: 80]), другие более современные (ср. ФЕ ***на всю вселенную***, в которой, считаем, получила позднее переосмысление ФЕ ***на всю веслину***). Значимы используемые средства выразительности: метафора, гипербола, сравнение и т. п.

Таким образом, анализ синонимов подводит к выводу о неоспоримости своеобразия каждой единицы.

Эта же особенность народных ФЕ определяет специфику антонимических связей. Во-первых, устойчивые сочетания – антонимы единичны. Во-вторых, как отмечает Д. О. Добровольский, если слова-антонимы – это прежде всего прилагательные, то во фразеологии антонимия характерна в первую очередь для глагольных фразеологизмов [Добровольский и др. 1990: 14]. Действительно, при столь тонкой дифференциации семантики отдельных единиц выявление точного антонима затруднено и возможно преимущественно в отношении глагольных конструкций, ср.: ***язык присох*** и ***язык не присох***, а также ***дать*** (***давать***) ***руку*** ‘дать (давать) согласие на брак’, изначально – ‘получив согласие невесты и ее родителей, соединить руки отца жениха и отца невесты’ и ***ломать руку*** ‘отказываться от согласия на брак’.

Полагаем, количественное многообразие ФЕ при большой детальности номинаций (дифференцированности обозначаемых понятий) поддерживается за счет явления семантической диффузности, под которой понимаем частичное наложение семантики фразеологизмов за счет большого разнообразия в народных ФЕ возможных комбинаций сем. Ср.: «Явление синонимии основано на особенностях сигнификативного компонента значения и способности единицы иметь в своем составе большое количество дифференцирующих сем» [Сафина 2003: 175]. Сопоставим ФЕ ***брань дать*** ‘отругать’, ***чистить шары*** ‘сильно ругать, бранить’, ***уру’ги ругаться*** ‘сильно ругать кого-либо или перебраниваться с кем-либо’, ***ввести шпары*** (***шпару***) ‘сильно отругать, наказать’, ***воска’ть щетину*** ‘взъесться, сильно отругать’, ***всех святых собрать*** ‘сильно, с проклятиями выбранить’, ***едьмя*** (***едьми***) ***есть*** ‘бранить, изводить попреками’, ***с мату брать*** (***взять***) ‘добиваться (добиться) своего бранью, угрозами’. Все они объединены общим компонентом ‘ругать, браниться’, который в каждом слу-

чае отягощен дополнительными (дифференцирующими) семами и коннотациями, конкретизирующими частотность, регулярность, целеполагание, интенсивность и т. п. действия.

4) *Экспрессивность* (в языке), *эмоциональность* (в речи). Абсолютное большинство ФЕ стилистически окрашено, является образным и / или употребляется в контексте в соответствующем интонационном оформлении. По нашим наблюдениям, в живой народной речи нейтральны по преимуществу номенклатурные единицы, большей же части ФЕ свойственна оценочность. В частности, в синонимических рядах преобладают выражения, обозначающие высокую степень проявления признака, интенсивности действия и т. п.

В условиях контекста оценка может меняться, вплоть до противоположной, ср.: 1) *Наподгорь идите*, *Анна там живёт*. *Така баюнья* [т.е. хорошая рассказчица] – ***словами укладёт!***; 2) *Сколь долго она у меня сидела* – ***словами уклала!*** *Одвашечки я её* [*с*]*провадила* [СПГ II: 471]. Полагаем, в первом случае многословие, словоохотливость человека, его способность даже усыпить долгими рассказами рассматривается как положительное качество, востребованное при продолжительных беседах с диалектологами. Однако в повседневном общении (вторая ФЕ) эта способность не вызывает одобрения, поскольку отнимает силы и время собеседника.

5) *Информационная насыщенность*. ФЕ характеризует наличие дополнительных смыслов (коннотаций), имеющих социальный, этнокультурный, территориально ограниченный, ассоциативный характер. Внеположность речевого опыта воспринимающего высказывание соответствующему (социальному, этнокультурному и т. п.) контексту препятствует эффективности общения, и наоборот: эффективности коммуникации способствует наличие общего языкового, речевого, этнокультурного, религиозного и т. д. кода. Ср., например: «Языковая личность представляет собой точку пересечения этнокультурных кодов. Характер кодирования как элемент культуры и языка обусловливает главное направление во взаимоотношении последних. Ракурс кодирования высказываний на национальных языках формируется на базе надличностных этнокультурных установок» [Седых 2005: эл. ресурс].

Так, ФЕ ***говорить икоткой*** (***икотками***, ***икотами***) отражает местные народные представления о способности к чревовещанию. Эта способность, как рассказывают, обычно проявляется по наговору: колдун насылает на свою жертву помощников – чертей (чертенка), обычно по ветру либо через питье, еду. Обосновавшись в человеке и используя его речевой аппарат, чертенок (теперь ***икота***, ***икотка***), получает возможность говорить, причем бесконтрольно. Часто сообщения имеют провидческий характер. Нередко при таком чревовещании меняется природный тембр го-

лоса говорящего. Очевидно, что обнаруживаемые в словарях определения указанной ФЕ ‘обладать чревовещанием’, ‘по суеверным представлениям, обладать чревовещанием’ явно неполны. К сожалению, очень часто составителями словарных статей столь значимые факторы не учитываются, и дефиниции оказываются обедненными и неполноценными. [3]

6) *Актуальность внутренней формы*. Анализируя пермские материалы, мы выделили и этот фактор как значимый, поскольку прозрачность или затемненность внутренней формы также влияют на выбор говорящим наиболее подходящего в данном контексте устойчивого выражения и на степень точности восприятия мысли слушающим. Внутренняя форма обеспечивает собственно лингвистическую и экстралингвистическую базу узуального употребления ФЕ.

Например, ***брань дать*** будет нейтральным для выражения значения ‘выбранить, отругать’; это выражение входит в ряд аналогичных по структуре ФЕ типа ***дать спасибо*** ‘поблагодарить’, ***дать совет*** ‘согласиться (на брак дочери)’, ***дать наветки*** ‘предостеречь’ и др. При необходимости подчеркнуть, что говорящий (бранящий) не только выразил свое отношение к поведению провинившегося, но и попытался *открыть* ему *глаза* на моральный аспект совершенного, наиболее точным оказывается ФЕ ***начистить шары*** ‘отругать, пристыдить’, где ***шары*** – ‘глаза’ [АС VI: 217]. Высокую степень недовольства чьим-либо поведением и особую эмоциональность бранящего, который не ограничится словесным наказанием, сможет передать выражение ***ввести шпары*** (***шпару***) (ср.: ***шпарить*** экспрессивное ‘употребляется для обозначения действия, выполняемого с особой силой, азартом’ [СПГ II: 559], ‘производить какое-либо действие с особой силой, энергией, азартом и т. п.’ [АС VI: 238]). Очевидно, что ***отмотать на три буквы***, ***отправить к матушке*** выбираются для обозначения брани с использованием инвективной лексики. Указанным выражениям в настоящее время близка по значению ФЕ ***и в рот и в нос*** ‘сильно отругать’, хотя изначально, по нашему предположению, оно использовалось для обозначения брани, которая сопровождалась побоями.

7) *Значимость грамматической структуры ФЕ.* Исследователями неоднократно отмечалось, что ядро соответствующей лексико-семантической группы нарицательных слов составляет глагольная лексика. Так, в говоре д. Акчим Пермского края ЛСГ включает 277 глаголов (около 72%) и 105 других единиц (около 28%) [Скитова 1964: 79], по более поздним (и более полным) данным – 412 глаголов (68,2%) и 192 иные единицы (30,8%) [Калиушко 2006: 15]. Наиболее активными являются лексемы *говорить* и *сказать*, точнее, одна лексема в двух указанных супплетивных видовых формах. Они нейтральны семантически (называют процесс речи как таковой) и стилистически (очевидно, этим объясняется повышенное к ним внимание со стороны лингвистов). Среди ФЕ анало-

гичные единицы отсутствуют, что, вероятно, объясняется самой природой фразеологизмов: лишь номенклатурные единицы способны обладать нейтральной стилистической окраской, обычно же ФЕ нагружены дополнительными коннотациями, отягощены экспрессивностью и оценочностью.

ФЕ демонстрируют ту же особенность наполнения ТГ. Например, в «Словаре русских говоров Коми-Пермяцкого округа» из 106 отобранных единиц 69 в качестве стержневого слова имеют глагол, ср.: (***все***) ***уши опеть*** ‘надоесть разговорами’, ***клик кликать*** ‘звать, призывать’, ***много стелить*** ‘много говорить, болтать, обещая’, ***на деньги нажимать*** ‘требовать денег’, ***славу пускать*** ‘распространять дурные слухи’, ***посадить на горячий пепел*** ‘обмануть’, ***слезы доставать*** ‘причитать’ и т. п.; сюда же мы отнесли фразеологизированные сочетания пословично-поговорочного типа: ***на тебя дождь не дожжит, ветер не дует, снег не валит*** ‘слова, которые говорят при отказе на просьбу о помощи (обычно материальной)’, ***ходи да не дохаживай, пей да не допивай*** ‘пожелание не все рассказывать, договаривать’ и др. В остальных случаях это междометные конструкции (ср.: ***батюшко бог, истинный Христос!*** ‘уверения в правоте, божба’), словосочетания по типу согласования (ср.: ***дамка мостовая*** ‘о сварливой, бранчливой женщине’) либо не глагольного управления (ср.: ***голос под голос*** ‘в голос’), сравнительные обороты (ср.: (***как***) ***буторова борона*** кто-либо ‘неодобрительно о человеке, постоянно перескакивающем с одной темы на другую’), двусоставные предложения с именным сказуемым (ср.: ***язык на простом месте у*** кого-либо ‘о болтливом человеке’), бессоюзные сложные предложения (ср.: ***с*** кем-либо ***баять – язык маять*** ‘говорить без пользы’).

Несколько иначе связь рассматриваемых ФЕ с глаголами отражена в семантике. Значение процессуальности передается в 53 устойчивых сочетаниях, ср.: ***басни сказывать*** ‘говорить неправду’, ***деньги выпевать*** ‘исполнять величальные песни гостям свадьбы’, ***драть хайло*** ‘очень громко и много петь или кричать, говорить’, ***ко стенке припятить*** ‘вынудить что-либо сделать’, ***перетворить молитву*** ‘сотворить молитву, помолиться’ – и ***только набелки щелкают*** ‘о болтливом человеке’.

Отсюда вытекает, что речь рассматривается носителями русского языка (и носителями пермских говоров, в частности) прежде всего как процесс, причем ценностно значимый.

2. Обращение к вопросу об этнокультурно, социально значимой информации, сокрытой в народных ФЕ, позволяет сделать ряд наблюдений.

Для носителей языка в целом значимы коммуникативная, номинативная, эмоциональная, волюнтативная функции ФЕ, и это в значительной степени иллюстрирует сказанное ранее. Для носителей говоров особое значение приобретает магическая функция.

В пермских фразеологических материалах нашла отражение

двойственность (дуалистичность в широком смысле), свойственная религиозному фрагменту мировидения русского народа и описанная многими исследователями. Подразумеваем сложность взаимодействия языческих и христианских мотивов, образующих поляризованный, но вместе с тем цельный мировоззренческий комплекс.

Так, в народных верованиях представлен мир «нечистой силы» и мир «крестной силы». С одной стороны, они противопоставлены, и это проявляется, например, в следующем: первый персонифицирован в образах черта и лешего (ср.: ***черти вышли наверх*** ‘по суеверным представлениям, проявиться наведенной порче в виде болезни икотки, которая выражается в неконтролируемых, чаще неприличных выкриках’, ***лешака гаркать*** ‘ругаться, упоминая нечистую силу’), второй – в образах Бога, Господа, Христа, Богородицы (ср.: ***Батюшко бог***, ***истинный Христос!*** ‘уверения в правоте, божба’, ***(да) Господи благослови!*** ‘междометный возглас, реакция на необходимость закончить что-либо, согласиться с чем-либо’); «нечистым» магическим средством являются *слова*, «крестным» – *молитва* (ср.: ***слова знать*** ‘быть колдуном, быть сведущим в колдовстве’ и ***с молитвой стоять*** ‘верить в Бога’; ***брать слова***, ***слова принять***, ***слова сделать***, ***присушные слова*** – и ***брать молитву, читать молитву, молитву перемолить, перетворить молитву, крёстная молитва***).

С другой стороны, обнаруживаются примеры отражения переходных звеньев структуры. Например, в народном сознании не всегда однозначно понимается сакральный смысл обрядовых действий (ср.: ***виноградье гаркать*** – и ***читать Господни молитвы*** ‘ходить по дворам с пением обрядовых рождественских песен’, а также ***виноградье гаркать*** и ***лешака гаркать***). Или: знание и использование *слов* (вербальной магии) не всегда служит проявлением мирового зла (ср.: ***принимать слова*** ‘лечить болезни у знахарки’, ***сделать слова*** ‘сделать заговор от какой-либо болезни’, ***ногтовы слова*** ‘заговор против болезни лошади’), в то время как обращение к «крестной силе» не обязательно во благо (ср.: ***всех святых собрать*** ‘проклинать, ругаться’).

ФЕ отражают значимость древних культурных, нередко еще языческих традиций. В частности, многочисленны единицы, связанные со свадебным и похоронным обрядами, всегда занимавшими особое место в культуре русского народа. Велико, например, количество номенклатурных единиц, называющих обрядовые песни, причитания (около 40 ФЕ), ср.: ***игрищенская песня*** ‘песня, исполняемая во время молодежных игрищ’, ***насказу’лечная*** (***походячая***) ***песня*** ‘короткая песня типа плясовой; частушка’, ***осённая песня*** ‘песня, которую пели на уборочных работах’, ***девичешная песня*** ‘песня девушек на девичнике перед свадьбой’, ***вдо’вая песня*** ‘величальная свадебная песня, исполняемая для вдовой женщины’,

пла'чешная песня 'причитания по умершему', ***сепе'тая песня*** 'поминальная песня' и др.

Примерно половина изученных ФЕ связана с народными представлениями о колдовстве, о магической силе слова, ФЕ религиозной направленности значительно им уступают. По убеждению носителя традиционной культуры, словом можно вызвать несчастье, накликать беду (ср.: ***будь ты анафема на семи соборах*** 'восклицание, выражающее неодобрение', ***лешака гаркать*** 'ругаться, упоминая нечистую силу', ***щипо'та тебе на язык***, ***чтоб щипо'та тебе на язык се'ла*** 'недоброе пожелание, обычно тому, кто говорит то, что не следует'), но можно и отвести их (ср.: ***брать*** (***взять***) ***молитву*** 'читать (прочесть) очистительную молитву над женщиной, родившей 40 дней назад ребенка', ***басню на ветер!*** 'слова, способные, по суеверным представлениям, отвести бедствие, упомянутое в данный момент, от говорящего, его семьи, дома', ***тридевять и минь!*** 'заклинание, по суеверным представлениям, отводящее темные силы', ***не в рок молвить*** 'обереговый, оборонительный возглас (при разговоре о чем-либо опасном)', ***пусть тот ревёт***, ***кто меня берёт*** 'обрядовый наговор невесты, используемый в оправдание отказа невесты плакать на свадьбе').

Многочисленны (более 40 единиц) наименования заклинаний, вызываемых ими болезней, обозначения колдовских действий и т. п., например: ***макарово слово*** 'заговор на скотину, чтобы сама приходила домой', ***ногтовы' слова*** 'заговор против болезни лошади', ***присушные слова*** 'любовные заговоры', ***уро'шные*** (***уро'чливые***, ***щепо'тные***) ***слова*** 'заговоры против болезней'; ***горловая жаба***, ***подсердечный*** (***сердечный***) ***хомутец*** 'сердечные болезни, причиняемые, по суеверным представлениям, колдовством', ***ну'да подвенечная*** 'болезнь (фурункулез), по суеверным представлениям, причиняемая невесте колдовством'; ***в трубу кричать*** 'произносить заговор в дымоход', ***закрыть молоко*** 'по суеверным представлениям, колдовством вызвать прекращение лактации у коровы', ***зачерчивать болезнь*** 'излечивать болезнь знахарскими или магическими способами', ***оборот делать*** 'заколдовывать, оборачивать', ***род уводить*** (***увести***) 'по суеверным представлениям, магическими действиями или словами воспрепятствовать продолжению рода человека или плодовитости скота', ***свадьбу испортить*** 'по суеверным представлениям, причинить какой-либо вред участникам свадьбы магическими действиями или словами'; ***принимать слова*** 'лечить болезни у знахарки' и др.

По нашему заключению, создатели исследуемых ФЕ – люди не столько религиозные, сколько суеверные, или, иными словами, не столько верующие, сколько верящие.

Характерная для ФЕ ТГ «Говорение» связь с неречевой действительностью проявляется не только в том, что речевые акты и их продукты способно становиться одной из важнейших составляющих культурно зна-

чимых процессов, в числе которых магические и обрядовые действия. Усматривается данная связь также в том, что ФЕ, передающие абстрактные представления о речевом процессе, чаще связаны с предметным миром: речевая деятельность характеризуется через факты и явления окружающей действительности, та, в свою очередь, оценивается через факты и явления процесса говорения. Ср.: ***худая становина*** ‘о болтливом человеке’ (очень болтливый человек не способен ничего скрыть, как уже не скрывает голого тела дырявая *становина* – нижняя женская холщовая рубаха), ***водить беседки*** ‘собираться в вечернее время где-либо, обычно зимой, для того чтобы за разговорами, песнями выполнять различную ручную работу (вязание, прядение, вышивание и т. п.)’, ***мазать масленым крылом*** ‘льстить’, ***снежины не выпросишь у*** *кого-либо* ‘о скупом человеке’ и т. п. Замечено, в частности, что велико количество единиц, включающих названия частей речевого аппарата (*язык*, *рот*, *зубы*, реже – *горло*, *глотка* и синонимичные обозначения; так, нами выявлено 67 ФЕ со словом *язык*). Наблюдения показывают, что больш***а***я часть ФЕ генетически связана с женскими работами и занятиями (***перемота положить*** ‘насплетничать’, ***плести на косое веретено*** ‘говорить неправду’, ***щёлкать набелками*** ‘много и быстро говорить’ и т. п.) и лишь в отдельных случаях – с мужскими (***баляски точить*** ‘пустословить’, ***баклухи откалывать*** ‘рассказывать небылицы’ и др.). Вследствие возникновения экстралингвистических ассоциативных связей широко развита метафоричность устойчивых выражений, востребована литота и гипербола, нередко в устойчивых выражениях присутствует ирония.

Слово, таким образом многофункционально.

Из всего, сказанного выше, логически вытекает вопрос: каков же «народный стандарт», идеал полноценной, эффективной, результативной устной речи, реализующей столь богатый ее потенциал?

3. В продолжение исследования мы задались целью подтвердить сформулированное выше положение, в соответствии с которым народные ФЕ ТГ «Говорение» позволят выявить факторы, содействующие (либо препятствующие) эффективности общения, с позиций русского диалектоносителя, и заинтересовались аксиологическим, т. е. оценочным, аспектом (в одном из значений аксиология – раздел социологии языка, изучающий систему оценок естественных языков и их элементов [Комлев: эл. ресурс]). Предпочтение отдано расширительному ракурсу наблюдений, во-первых, позволяющему не ограничиваться этической характеристикой явлений с позиций бинарного противопоставления «хорошо / плохо»; во-вторых, предполагающему либо оценочность в семантике ФЕ (отражается в дефиниции), либо оценочность номинируемого явления (отражается обычно в выборе номинаторами лексики для ФЕ). Мы исходим из мысли, что в ФЕ маркируются *отклонения от нормы*, которые могут быть как в

положительную, так и в отрицательную сторону.

Изученные ФЕ ТГ «Говорение» позволяют уточнить и расширить лексико-семантические классификации предшественников (см., например, [Скитова 1964]).

Структура ФЕ включает следующие уровни и компоненты смысла:

I. Референтный, отражающий предмет номинации, в качестве которого в нашем случае способны выступать: а) речь как процесс (в частности, установление факта / «нуля» речи: ***плут родился*** шутливо ‘о внезапно наступившей среди разговора тишине’, ***ни вести ни памяти (ни грамоты), ни костей ни мощей*** ‘нет, не было никаких известий о ком-либо’); б) субъект речи: ***немая палка*** ‘неразговорчивый человек или ребенок, который долго не начинает говорить’, ***сидячи девушки*** ‘девушки, подруги невесты, исполняющие свадебные песни на девичнике’, ***дамка мостовая*** ‘о сварливой, бранчливой женщине’, ***на языке сыр-масло у*** кого-либо ‘о словоохотливом и льстивом человеке’, ***как колоколо*** ‘о чрезмерно разговорчивом, словоохотливом’; в) продукт речи: ***славу пускать*** ‘распространять дурные слухи’, ***плести нетунаину*** ‘болтать пустое, говорить вздор’, ***только набелки брякают*** ‘о сильной ругани’, ***батюшко бог, истинный Христос!*** ‘уверения в правоте, божба’, ***провожанные песни*** ‘рекрутские песни’, ***умерший стих*** ‘похоронное причитание’, ***трубу чистить*** ‘о летней хороводной игре «Трубочист» с песнями; то же что ***трубочистом играть***’.

II. Коннотативный, отражающий различные наращения смысла: 1) эмотивно-экспрессивный компонент, предполагающий оценку речевой деятельности как вызывающей неодобрение, снисхождение и т. п. (об этой группе ниже), 2) оценочный компонент: а) содержательный, предполагающий характеристику речевой деятельности с точки зрения информативности, логичности, полноты смысла, новизны, истинности / ложности, др. (ср.: ***плавить плоты*** ‘вести пустые разговоры’, ***забежать в сторону*** ‘ошибиться, сбиться с мысли’, ***басни сказывать*** ‘говорить неправду’); б) формальный, предполагающий характеристику речевой деятельности с точки зрения цели, образа действия, способа действия, времени, места, меры, степени, условий, причин (ср.: ***политику читать*** ‘читать мораль, воспитывать’, ***на все проклятые ставить*** ‘ругать, проклинать’, ***коляски подкатывать*** ‘стараться понравиться, подольщаться’, ***деньги выжимать*** ‘предпринимать разного рода действия, требуя выкупа за невесту и приданое’; ***драть хайло*** ‘очень громко и много петь и кричать, говорить’, ***некошным голосом*** ‘истошно, исступленно’, ***стон стоит*** ‘о громких звуках’; ***с придвойкой*** ‘с распевом’; ***(все) уши опеть*** ‘надоесть разговорами’, ***три вороха (наговорить)*** ‘много’, ***в мешок не уйдет*** ‘очень много’, ***с крутую гору*** ‘излишне много’); в) функциональный, предполагающий характеристику

речевой деятельности с точки зрения соотнесённости с реальностью, пользы / бесполезности, регулярности / нерегулярности, др. (ср.: ***раз ду-ля-ля-ля*** ‘о непонятной речи инородцев’, ***с*** кем-либо ***баять – язык маять*** ‘говорить без пользы’, ***знику не давать*** ‘не давать покоя постоянными просьбами, требованиями, расспросами’); 3) стилистический компонент, предполагающий характеристику речевой деятельности как обиходной / книжной («культурной», в определении диалектоносителей), книжной / нейтральной / сниженной и т. п. (ср. ***недаровы́м матом*** ‘очень громко’, ***с мату брать*** (***взять***) ‘добиваться (добиться) своего бранью, угрозами’); 4) ассоциативный компонент (соотносится с предыдущими), отражающий эмоционально-оценочную прагматическую информацию об отношении языкового коллектива к обозначаемому ФЕ объекту (ср., например, коннотативный признак ‘грубый’, ‘неотёсанный (о человеке)’ ФЕ *дамка мостовая* ‘о сварливой, бранчливой женщине’ в связи с понятиями *дама* и *мостовая*, с присутствием придающего пренебрежительность суффикса -*к*-, сопоставьте с общерусским *базарная баба* ‘крикливая вздорная женщина’).

Обычно в ФЕ представлен один референт и несколько коннотативных оттенков. Одновременно ФЕ характеризуются значительной степенью диффузности. Нет таких единиц, которые бы содержали только первый компонент (в отличие от самостоятельных лексем типа *говорить*), каждая совмещает несколько сем, в итоге возникает практически бесконечное количество комбинаций. Следствие этого – множество синонимичных выражений, различающихся подчас едва уловимыми нюансами (и, к сожалению, лексикографами эти оттенки смысла нередко не учитываются, толкования даются крайне неточно). Это приводит к своего рода избыточности ФЕ, но вместе с тем облегчает диалектоносителям «поиск надлежащей языковой формы для выражения мысли и её содержания», который, по выражению Е. С. Кубряковой, и является основной целью в процессе порождения речи [Кубрякова 1986: 33]. В этом наши выводы совпадают с выводами диалектологов, сделанными на иных материалах (см., например, [Грузберг 1965]).

Некоторые составляющие обычно находят традиционное воплощение. Например, эмотивно-экспрессивный компонент (II 1) отсутствует лишь в номенклатурных единицах, хотя и здесь бывают исключения (ср.: ***нежная песня*** ‘песня, под которую молодых усаживали за свадебный стол’). В ФЕ характеристика речи дается преимущественно «от противного»: в них преобладает негативная оценка, что в целом характерно для народной номинации.

Иные же ФЕ обеспечивают специфику семантической структуры фразеологизмов ТГ «Говорение». Так, можно заметить соотнесенность (II 2 а) с функциями языка, а это не что иное, как отражение единицами ука-

занной ТГ взаимодействия элементов триады «язык – речь – речевая деятельность». Специфика (II 2 б), очевидно, определена процессуальной (в языке – «глагольной») природой обозначаемых фразеологизмами понятий.

Особенно интересным представляется рассмотреть характеристики высказываний, рисующие в итоге речь, «идеальную» с точки зрения диалектоносителя как носителя традиционной культуры. Укажем наиболее часто актуализируемые в народной фразеологии характеристики и сопроводим их примерами.

Общая оценка высказывания. Выделяется несколько ФЕ, дающих положительную характеристику речи: *кто-либо* ***бойкий на языке*** ‘о человеке, хорошо владеющем речью’, ***язык с собой носить*** ‘хорошо владеть речью’, ***говорит как пишет*** ‘кто-либо обладает развитой речью’, ***слово слово родит*** ‘о чьем-либо даре красноречия’, ***языком кружева’ плетёт*** ‘кто-либо обладает красноречием’. Любопытно, что негативной оценке чья-либо речь в целом (как лишенность дара речи) не подвергается; как отрицательные маркируются лишь отдельные ее стороны, хотя во ФЕ может быть отражено сразу несколько из них, ср. ***боронить нетунавину (не своё, не свойску, не сво’ичко)*** ‘говорить много и, по мнению окружающих, попусту и лишнее’.

Информативность высказывания. Наличие в высказываниях более или менее важных сведений естественно, и, как правило, данная характеристика оказывается нейтральной (нулевой) и не маркируется. Бессодержательность же претит носителю традиционной культуры – труженику, и потому «пустое» высказывание, которое не укладывается в понятие «сообщение», воспринимается отрицательно: ***раскласть басни*** ‘заняться пустыми разговорами’, ***трепаться языком*** ‘говорить попусту, не подкрепляя своих слов действиями’, ***шуметь языком*** ‘болтать, пустословить’, ***набелками хлопать***‘пустословить’, ***плавить плоты*** ‘вести пустые разговоры’, ***плести нетунаину*** ‘болтать пустое, говорить вздор’ и др. Такое времяпрепровождение, заметим, не одобряется, как непродуктивное и потому бессмысленное (ср. ***без ниток холст сновать*** ‘пустословить’), а образы при этом преимущественно связаны с трудовой деятельностью.

Отражение целеполагания. Значительное количество диалектных ФЕ, обозначающих процесс говорения, в соответствии с предложенной классификацией ориентировано формально, причем чаще в аспекте цели, причин высказывания (интенций говорящего): ***вваливать в колею*** ‘давать наставления, учить’, ***кормить ну’ками*** ‘уходить от прямого разговора, от какого-либо обещания, уклончиво соглашаться’, ***клясть кости*** ‘проклинать’, ***мрачи’ть (мороча’ть) мир*** ‘обманывать’, ***печь мягкие (мяконькие)*** ‘обманывать, выдавая за правду что-либо хорошее’, ***брать на пыж*** ‘дотошно расспрашивать о чем-либо, вызнавать, выведывать что-либо’, ***дать (давать) нотацию*** ‘сделать (делать) критическое замечание’, ***при-***

нести покорного клону ‘попросить прощения’, ***спорить да вздорить*** ‘пререкаться, ссориться из-за несогласия в чем-либо’, ***ставить песню*** ‘говорить что-либо с целью обидеть, упрекнуть в чем-либо’ и т. д. Большинство ФЕ указывает на речевые акты, имеющие негативную, с позиций воспринимающего речь, цель.

Цельность высказывания. Это свойство отражается в ФЕ ***не выпускать из устов*** ‘постоянно говорить о чем-либо, упоминать что-либо в речи’, ***наговорить (насказать) алелую*** ‘наговорить много лишнего’, ***отойти на три лаптя в сторону*** ‘перестать говорить на какую-либо тему’. Примеры немногочисленны; вероятно, постольку, поскольку крестьянам не свойственно произносить пространные речи. Характерно, что и здесь отмечаются лишь негативно оцениваемые отклонения от нормы.

Доступность изложения оценивается в ФЕ нечасто: ***быть не пятое не десятое*** ‘о невнятном, бессвязном рассказе’, ***говорить в невнятие*** ‘говорить то, что недоступно пониманию’, ***тонко вязать*** ‘интересно, затейливо рассказывать’, ***сказать языком*** ‘спокойно, вразумительно выразить свою просьбу, требование и т. п.’. Возможно, что и в данном случае отражается интерес к более частным особенностям речи, от совокупности которых зависит в конечном итоге доступность изложения.

Логичность высказывания. В наших материалах обнаруживаем и позитивные, и негативные оценки этого важного параметра сообщения: ***говорить (рассказать) добром чередом*** ‘рассказывать (рассказать) о чем-либо по порядку, не сбиваясь’, ***быть в складу*** ‘быть связной, гладкой (о речи, высказывании)’, ***(как) буторова борона*** *кто-либо* ‘о том, кто постоянно перескакивает с одной темы на другую’, ***мешаться в говóре*** ‘сбиваться с мысли’.

Истинность высказывания. Несоответствие сообщаемого действительности порицается: ***откалывать (хлопать*** и т. п.***) баклухи, еркулесы да лукавоны выдумывать*** ‘рассказывать небылицы’, ***гнать лихорадку*** ‘говорить вздор, ерунду’, ***городить нетунаину*** ‘говорить ерунду, чушь’, ***смешить становину*** ‘говорить вздор, пустяки’, ***раскатать пятак*** ‘преувеличить’. Даже случайность правильного ответа будет замечена (***попасть в тук*** ‘сказать точно’), так что не лишним оказывается побожиться, уверить в своей правоте: ***Батюшко бог, истинный Христос!***

Правдивость говорящего обеспечивает доверие собеседнику. Нарушение требования быть честным вызывает явное неодобрение, которое провоцирует порой проникновение оценочности даже в словарные дефиниции: ***сказывать басни*** ‘говорить неправду’, ***ссечь кривулю*** ‘слукавить, сказать неправду’, ***молоть пургу*** ‘лгать’, ***сказка про гуся́*** ‘вранье’, ***обвести всех (своим) языком*** ‘заставить поверить лживым обещаниям, высказываниям, неверным оценкам и т. п.’, ***шить иголкой без ушка*** ‘обманывать, вводить в заблуждение’.

Точность речи. Эффективная речь в норме также должна однозначно передавать мысль, иначе актуализируются обороты ***говорить мая'ком (мая'ками)*** 'объясняться жестами, намеками', ***сказать надвое*** 'сказать неточно, неопределенно', ***наугад по-вятски*** '(сказать) невпопад'.

Лаконичность. В народных ФЕ положительно оценивается краткость, но не скупость на слово: ***быть как колоколо, колоколо деревянно(е)*** 'о чрезмерно разговорчивом, словоохотливом человеке', ***говорильня работает у*** *кого-либо* 'о разговорчивом человеке', ***наговорить три вороха (с крутую гору)*** 'рассказать, наговорить избыточно много', ***опеть (все) уши*** 'надоесть разговорами', ***болтать неоколёсицу (нетунавину)*** 'пустословить; говорить много лишнего'; ***как абыз*** 'о невежливом, малоразговорчивом, непочтительном человеке', ***нет (нету) языка*** 'о том, кто почему-либо не хочет разговаривать, отвечать на вопросы и т. п.'.

Экспрессивность. В ФЕ отмечается грубость выражений: ***богородица с неба сорок раз вали'тся*** 'об обилии сквернословий в речи', ***большой рот*** 'о грубияне', ***выставлять зубы***, ***щёлкать зубами*** 'говорить с кем-либо грубо, дерзко, неуважительно', ***дамка мостовая*** 'о сварливой, бранчливой женщине', ***держать собаку во рту*** 'сквернословить', ***из душеньки в душеньку*** 'чрезмерно грубо, бранно', ***оглоблей в рот въехать*** 'оскорбить, унизить', ***ответ отдать*** 'нагрубить', ***отколет дак только чавкайся*** 'о ком-либо, чрезмерно грубом, несдержанном', ***подавать*** (***подать***) ***голос*** 'перечить, грубить (нагрубить)', др. Множеству таких ФЕ не противостоит ни одного, связанного с проявлениями вежливости: вероятно, учтивость строго обязательна.

Прагматичность высказывания. Как всякий процесс, говорение должно быть продуктивным, давать ощутимые результаты, ср. ***с*** *кем* ***баять – язык маять*** 'говорить без пользы' (*С ним баять – только язык маять: ничё не слушат*). Обычно отмечается несвоевременность говорения, мешающего труду (ср. ***точить (водить, возить, болтать, разводить, строить) балясы (баляски), балясать лясы, разводить бары*** 'проводить, тратить время в разговорах', а также выше – многочисленные примеры, номинирующие бессодержательную речь, болтунов). Разговорчивость и, тем более, болтливость оказывается свойственна бездельникам, тунеядцам.

Уместность речи. Постоянно ***высовывать язык*** 'проговариваться; говорить лишнее', ***звонить бота́лом*** 'быть несдержанным на язык', ***ляпать (лячкать, молоть) (своим) языком*** 'говорить не к месту и не по делу' – серьезный недостаток. Несдержанность вербальная неприлична, как неприлично недержание физиологическое: ***тёплая вода не держится у*** *кого* 'кто-либо не может сохранить тайну' (ср. также аналогичное грубопросторечное ***тёплая вода в ж… не держится у*** *кого*). Отсюда недоброе пожелание, обычно тому, кто говорит то, что не следует, ***(чтоб) щипо'та***

тебе на язык (села).

Компетентность говорящего также значима. Пермским крестьянином высмеивается тот, кто говорит о предмете, мало известном ему, поскольку он оказывается так же смешон, как ***боро'к на синей нитке*** (*борок* – оборка).

Особенности произнесения. Ср. ***как мышь подкопённая*** 'слабо, тоненьким голосом', ***на всю матушку-деревню*** 'очень громко', ***некошныы'м голосом*** 'истошно, исступленно', ***раз ду-ля-ля-ля*** 'о непонятной речи инородцев', ***толстый голос*** 'грубый, низкий голос'. Часто в таких ФЕ отражаются дефекты речи говорящего: ***говорить на шэ*** 'шепелявить', ***каша во рту варится*** 'о ком-либо, кто говорит невнятно, косноязычно', ***косой (кривой, кривозубой) язык*** 'о неправильной, с дефектами произношения речи', ***уральский немко*** 'о косноязычном человеке', ***лебезить языком*** 'говорить так, как свойственно маленьким детям', ***ломаный языке*** 'о манере речи, произношении и т. п., которые кажутся говорящему непонятными, непривычными', ***тих 'й на язык*** 'о том, кто говорит слишком медленно, с трудом подбирая слова', ***языком пельмени стряпать*** 'сильно картавить'. Однако и полное отсутствие недостатков обращает на себя внимание: ***шёлковый язык*** 'о плавной, гладкой речи'.

Во ФЕ могут отражаться только негативно оцениваемые особенности речи, чаще – и негативно, и позитивно, никогда – только позитивно. Иными словами, характеристика речи в ФЕ дается преимущественно «от противного», вплоть до асимметричности номинаций и возникновения лакун при обозначении понятий. Например, в пермском материале обнаруживаем ряд фразеологизмов, в которых отражается такая характеристика говорящего, речи, высказывания, как грубость (ср., помимо указанных выше: ***подавать*** (***подать***) ***голос*** 'перечить, грубить (нагрубить)', ***подавать***, ***подать зубы*** 'говорить (поговорить) с кем-либо грубо, дерзко, неуважительно', ***отколет дак только чавкайся*** 'о ком-либо, чрезмерно грубом, несдержанном', ***разинуть хавальник*** (***хавало***) 'начать ругаться, грубо, громко кричать', ***хру'шко*** (***крупно***) ***молоть*** 'говорить резко, грубо', ***щёлкать зубами*** 'грубить' и др.), и ни одного, который был бы связан с понятием вежливости.

Наибольшей критике, кроме грубости, подвергается бессодержательная речь (в силу ее бесцельности и бесполезности), болтливость, любовь к сплетням, иначе говоря – склонность человека к много-, пусто- и злословию: ***звонить боталом*** 'быть несдержанным на язык', ***как худое колоколо*** (***помело***), ***худая становина***, ***язык на простом*** (***полом***) ***месте*** (***на просторе***) ***у*** *кого-либо* 'о (чрезмерно) болтливом человеке', ***наболтать как молотильной палкой***, ***оторощить все уши*** 'много наговорить, надоесть своей болтовней', ***щелкуша начётистая*** 'болтунья'; ***ломать язык***, ***разводить тары-бары*** 'вести пустые разговоры, говорить о пустя-

ках; пустословить’, ***худое ляпало***, ***язык на полом месте*** ‘о пустослове’; ***переломить косточки*** ‘позлословить’, ***перемота (перемоты) класть*** ‘сплетничая, ссорить людей, сеять вражду’, ***как корова рогатая***, ***как собака на цепе*** ‘о злом, сварливом человеке’; др.

Преобладание отрицательной оценки в целом свойственно народной номинации. Предполагаем зависимость закономерности от представлений творцов ФЕ о границах нормы: естественное не нуждается в вербализации, маркируются отклонения от стандарта речевого поведения. И потому, например, осуждается неуместность высказывания или некомпетентность говорящего, но допускаются логические нарушения, естественным образом возникающие в спонтанной устной речи.

Итак, живое народное слово богато содержательными, формальными и функциональными потенциями. Благодаря собственным коммуникативным характеристикам народная фразеология не уступает по своей значимости самостоятельным лексемам. Однако сочетание таких свойств, как граничащая с терминологической точность обозначения понятий и экспрессивность, делают фразеологизмы более предпочтительными в условиях живой, неофициальной речи.

Реализация заложенных потенций предполагает следование целому ряду требований диалектоносителя к устной речи – содержательных, формальных, функционально-стилистических, прагматических, – требований, которые способствуют достижению практически любых интенций говорящего и отклонения от которых русский диалектоноситель не приемлет.

В изученных ФЕ отражаются критерии эффективного высказывания, актуальные для традиционной народной культуры, причем эти критерии естественным образом аналогичны тем, которые выработаны в отношении текстов носителей литературного языка; аспекты и критерии оценивания универсальны. Подход в оценивании говорения, его продукта, говорящего преимущественно «негативный». Специфику отражения ценностных ориентиров в устойчивых оборотах определяет граница нормы в представлениях диалектоносителей. Ядро нормы составляют нейтральные и «хорошие» характеристики, в ФЕ номинируются периферийные факты отклонения от него, отражающие полярные представления о «плохом» (которое очевидно и частотно) и «*очень* хорошем» (которое очевидно, но крайне редко). Наиболее часто оцениваются негативно те особенности акта говорения, которые связаны с содержательной стороной речи, что указывает на особую ее значимость для диалектоносителей. Отсутствуют обороты с характеристикой объекта речи; полагаем, в народных ФЕ отражены ценностные ориентиры слушателя. В идеале русский крестьянин – это, скорее, человек слушающий, который говорит только при необходимости и по существу.

Диалектная фразеология – источник знаний о языковых (системных), речевых (узуальных), этнокультурных (функционально-прагматических) аспектах в вопросе эффективности устной коммуникации.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 12-34-01043а1, 14-04-00437а).

[2] Материалы статьи ранее частично описаны в работах [Боброва 2013; Богачева 2007а, 2007б, 2007 в, 2008, 2009а, 2009б, 2011].

[3] По этой причине, в частности, большая часть используемых в статье дефиниций отличается от тех, которые были обнаружены в словарях: определения скорректированы в соответствии с иллюстративным словарным материалом и с опытом автора как диалектолога (собирателя и исследователя) и лексикографа. В связи с этим мы отказались от непосредственных ссылок на диалектные словари, полный перечень которых представлен в списке литературы.

Список словарей и источников с условными сокращениями

АС – *Словарь* говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области. Пермь, 1984–2011. Вып. 1–6.

Борисова А.Н., Грузберг Л.А., Шварц А.П. Хрестоматия говоров Пермской области. Пособие по курсу русской диалектологии для студентов-заочников. Пермь, 1976.

Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края».

Подюков И.А. и др. Усольские древности. Сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX–XX вв. / И.А. Подюков, А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, С.В. Хоробрых, Д.А. Антипов. Усолье, Соликамск, Березники: «Пермское книжное издательство», 2004.

Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Усолье, Соликамск, Березники, Пермь: «Пермское книжное издательство», 2004.

Подюков И. А. и др. Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3 вып. / И.А. Подюков, С.М. Поздеева, Е.Н. Свалова, С.В. Хоробрых, А.В. Черных. Пермь, 2010–2012.

Подюков И.А., Черных А.В., Хоробрых С.В. Земля Соликамская. Традиционая культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2006.

Преображенский – *Этимологический* словарь русского языка / сост. А. Преображенский. М., 1910–1914. Т. 1.

Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2002.

Русские говоры севера Пермского края: Хрестоматия / сост. И.И. Русинова, М.В.Боброва, А.В.Лебедева. (В рукописи.)

СПГ – Словарь пермских говоров: В 2 т. Пермь: Книжный мир, 2000–2002.

Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006.

Словарь русских говоров севера Пермского края. Вып. 1. А–В. Пермь, 2011; Вып. 2. Г–Ж. (В рукописи).

Список литературы

Боброва М.В. Народная фразеология тематической группы «Говорение» в семантико-аксиологическом аспекте // Уральский филологический вестник / ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». Вып. 4 / гл. ред. Т. А. Гридина. (Сер. «Психолингвистика в образовании». Вып. 2). Екатеринбург, 2013. С. 126–135.

Богачева М.В. К вопросу об изучении фразеологии в живой народной речи (лексико-семантическая группа «Говорение») // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. ун-т. Пермь, 2007а. Ч. 2. С. 136–151.

Богачева М.В. Народные религиозные представления в зеркале языка (на материале диалектной фразеологии тематической группы «Говорение») // Русский язык в языковом пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет: тез. докл. IV Междунар. науч. конф. 8–12 мая 2008 г., г. Варшава. Варшава, 2008. С. 37–38.

Богачева М.В. Номинация речевых процессов в народной фразеологии (на материале пермских говоров) // Проблемы ономасиологии и теории номинации: сб. мат-лов междунар. науч. конф. 11–13 октября 2007 г. В 2-х частях. Ч. II. Орел, ОГУ, 2007б. С. 15–20.

Богачева М.В. Фразеологизмы в русских говорах Коми-Пермяцкого округа (на материале лексики говорения) // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009а. Вып. 3. С. 31–36.

Богачева М.В. Человек говорящий в народной фразеологии и в отантропонимических ойконимах // XX Оломоуцкие дни русистов: мат-лы Междунар. конф. (02–04.09.2009 г., г. Оломоуц). Оломоуц, 2009б. С. 39–42.

Богачева М.В. К вопросу об изучении фразеологии в живой народной речи (лексико-семантическая группа «Говорение») // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. ун-т. Пермь, 2007в. Ч. 2. С. 136–151.

Богачева М.В. Эффективность слова в ситуации устного общения (на материале русской диалектной фразеологии) // «Slowa, slowa, slowa…» w komunikacji jezykowej III / pod redakcja Marceliny Grabskiej. Gdansk: Fundacja Rozwoju Uniwersitetu Gdanskiego, 2011. С. 27–37.

Бахаева Т.Ю. О фразеологизмах в русских говорах Красноярского края // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2000. СПб.: Наука, 2003. С. 157–162.

Бахтина В.П. К семантической характеристике глаголов речи в русском языке // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1963. С. 143–161.

Бахтина В.П. Сложные словосочетания с глаголами речи // Вопросы лексикологии и синтаксиса. Уфа, 1964. С. 53–58 / Уч. зап. Уфим. ун-та. № 8 (12). Сер. филолог. Т. XVIII.

Бессонова Ю.А. Восприятие процесса речи носителями южных и северных говоров (на примере словообразовательного гнезда с производящим глаголом *говорить* в орловских, вологодских и ярославских говорах) // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысяелетий: мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж: ВГПУ, 2005. Ч. III. С. 7–14.

Васильев Л.М. Семантика русского глагола. Уфа, 1981. 184 с.

Васильев Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола: некоторые вопросы урало-алтайского языкознания. Уфа, 1970. С. 38–310.

Вендина Т.И. Диалектное слово в парадигме этнолингвистических исследований // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2002. С. 3–15.

Грузберг Л.А. Вводные слова, указывающие на источник сообщения в говоре д. Акчим // Вопросы русского и славянского языкознания. Пермь, 1965. С. 45–54.

Добровольский Д.О., Малыгин В.Т., Коканина Л.Б. Сопоставительная фразеология: Курс лекций. Владимир, 1990.

Ерофеева Т.И., Моринова М.Н. Глаголы говорения в разговорной речи // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1982. С. 48–54.

Калиушко Г.В. Тематическая группа «Говорение» в говоре д. Акчим Красновишерского района Пермской области: дипломная работа. Пермь, 2006.

Кашина И.В. К вопросу об отражении менталитета в русской фразеологии // II Междунар. Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.): труды и материалы: в 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. Т. 1. С.153–155.

Кодухов В.И. Из истории глаголов говорения в русском литературном языке XVII–XVIII вв. Казань, 1961.

Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов // URL: http://enc-dic.com/sociology/Aksiologija-91.html (дата обращения: 24.06.2013).

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1986.

Малышева В.А. Глаголы речевой деятельности в идиолексиконе // Проблемы современной русской диалектологии: тез. докл. междунар. конф. 23–25 марта 2004 г., г. Москва. М., 2004.

Ничман З.В. Глаголы говорения (устной речи) в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 1980.

Полякова Е.Н. Лексика говорения в пермских прозвищах конца XVI – начала XVIII века // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. Вологда, 1995. С. 93–97.

Потапова Н.П. Структура предложения с глаголами говорения // Языкознание. Уч. зап. Перм. ун-та. Пермь, 1966. № 162. С. 236–257.

Сафина Р.А. Парадигматические характеристики фразеологических единиц // II Междунар. Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.): труды и материалы: в 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. Т. 1. С.175–177.

Седых А.П. Этнокультурные характеристики языковой личности (на материале французской языковой личности): автореф. дис. … д. филол. наук. Саратов, 2005 // URL: http://cheloveknauka.com/etnokulturnye-harakteristiki-yazykovoy-lichnosti (дата обращения: 20.11.2013 г.).

Скитова Ф.Л. Из наблюдений над лексикой говорения в народной речи (опыт определения границ и структуры лексико-семантической группы) // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания: тр. 4-й зон. конф. кафедр рус. яз. вузов Урала. Пермь, 1964. Вып. I. С. 77–84.

Степанова Г.В. Лексико-семантическая группа глаголов речи в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1970. 19 с.

Черенкова А.Д. Глаголы речи в говорах Воронежской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001–2004 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2004. С. 146–154.

M.V. Bobrova
Associate Professor of Theoretical
and Applied Linguistics Department
Perm State University

CRITERIA AND MEANS OF ACHIEVING EFFICIENCY OF COMMUNICATION IN TRADITIONAL CULTURE (on the material phraseology of the thematic group "Speaking")

The paper is about the actual for the Russian dialect speakers factors and means of achieving efficiency of communication. On the base of the fixed in Perm Krai folk phraseology of thematic group "Speaking" the next theses was verified: phraseology serves the increasing efficiency of communication because of implementation of the language factors which promote it; vocabulary and phraseology of the certain lexical-semantic group, thematic group, thematic field reflects the specificity of the describing phenomenon actualizing its properties, qualities and etc. which are significant for this culture (from the point of view of people-nominator); phraseological units of thematic group "Speaking" enable to identify the factors contributing (or hindering) the efficiency of communication.

Key words: dialect phraseology, thematic group, speaking, Perm Krai, efficiency of communication.

УДК 398.6:81”37(811.511.13)

Майя Григорьевна Жидких
учитель русского языка и литературы
Муниципальное автономное
общеобразовательное учреждение
«Лицей №8» г. Пермь
may-land@mail.ru

СТРУКТУРА И ЛЕКСИКА КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ЗАГАДОК

В статье рассмотрена структура и лексический состав коми-пермяцких загадок. Чаще всего загадка имеет двухчастное строение: вопрос, ответ. Иногда она построена в виде диалога. Одним из композиционных приемов выступает анафора. В коми-пермяцких загадках использованы антропонимы и клички лошадей. Усеченные формы имен передают различные чувства и отношения говорящего к загадываемому предмету. Встречающиеся в загадках звукопись и рифмовка придают образам эмоциональную окраску, делают текст загадки художественно завершенным.

Ключевые слова: коми-пермяцкие говоры; загадка; структура загадки; имена собственные в загадках.

1. Структура коми-пермяцких загадок

Небольшие, но емкие художественные формы: пословицы, поговорки, притчи, загадки, получившие в научном мире название паремий, – можно считать кумулятивными источниками или единицами изучения культуры того или иного народа. Основным средством передачи культуры является язык. В языке как в системе особо структурированных звуков и условных символов передается национальное своеобразие, складывающееся в определенные модели, называемые «картинами мира». Говорить о различных «картинах мира» стало возможным после признания принципа антропоцентризма языка. Основы этого принципа были заложены еще идеями В. фон Гумбольдта, отмечавшего, что «человек становится человеком только через язык, в котором действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности. Язык есть единая духовная энергия народа» [Гумбольдт 1984: 314]. Неизбежность появления такого взгляда на язык подтверждается следующими словами Н.Д. Арутюновой: «Человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции, свой интеллект, свое отношение к предметному и непредметному миру, природе.., свои отношения к… другому человеку» [Арутюнова 1999: 3]. Языковая картина мира имеет универсальные и национальные черты, формирующиеся из определенных

© Жидких М.Г., 2014

фрагментов – концептов, которыми могут быть и группы слов и отдельные слова. Такими концептами, определенно, могут быть и имена.

Издательством «Маматов» в 2010 г. был выпущен сборник коми-пермяцких загадок под названием «Красный круг по небу катается: Гӧрд гӧглян небоӧт тарласьӧ», во вступительной статье к которому авторы-составители В.Н. Бойко, Т.Г. Голева, А.С. Лобанова, А.В. Черных кратко говорят об истории собирания и изучения коми-пермяцкой загадки, о функции, структуре, тематике, поэтической формуле, о её фонетических, лексических, морфологических особенностях. Источниками для нашего исследования послужил вышеуказанный сборник и полевые материалы, собранные автором статьи и студентами Пермского государственного научного исследовательского университета.

Вопрос о структуре загадок находится в прямой зависимости от поэтики фольклора, одним из основных критериев которого является традиция. Материалом для фольклора является народный быт во всем его разнообразии. Диахронический взгляд на языковые явления фольклора, т. е. наличие некоторой исторической ретроспективы, позволяет вслед за Б. Н. Путиловым сказать, что «…фольклор создается и живет как органическая часть народного бытия, что фольклорное творчество во всех своих основных аспектах непосредственно включено в народный быт, … что фольклор органически связан с традиционными формами бытового уклада, со всем комплексом социально-бытовых, производственных, семейных отношений…» [Путилов 1975: 13]. В широком смысле под фольклором понимается вся крестьянская духовная и материальная культура, в узком смысле – только устная. В рамках нашей работы мы будем опираться на фольклор в узком понимании – простонародную вербальную традицию, осуществляемую передачей опыта и знаний, облаченных в определенные словесные и структурные формы, понимаемые в науке как малые жанры устного народного поэтического творчества. Среди них сказки, традиционными в которых являются сюжетные мотивы, образы, имена персонажей, средства поэтической речи: постоянные эпитеты, троекратные повторы, различные словесные формулы. Типичность образов, характерных для народного творчества и связанных с традиционностью фольклора, особенно заметна в примкнувших к сказкам лирических песнях с определенным набором эпитетов. Обрядовые свадебные песни замечательны своей устоявшейся символикой: жених – сокол, невеста – лебедь или утица. Свой взгляд на проблемы песенного жанра в статье «Генезис необрядовой лирики» изложил В. П. Аникин, заметив, что «… система символических образов выработалась под влиянием условных обозначений, принятых в «тайной» бытовой речи. Некогда, в древности, ее целью было скрыть факт свершения действий человека, чтобы предотвратить ущерб, который

будто бы могли нанести людям воображаемые сверхъестественные силы» [Аникин 1971: 14]. Но не только для песен был характерен особый «язык» поэтических символов. «Система условных «подставных» обозначений охватывала широкий круг бытовых явлений и по-своему повлияла на формирование и судьбу многих фольклорных жанров: загадок, считалок, обрядовых игр, сказок и др.» [там же: 14]. Выводы своего исследования о календарных обрядовых песнях-величаниях – колядках изложил в своей статье «К сравнительному изучению поэтики календарных песен» А.Н. Розов. Тексты колядок имеют устоявшуюся трехчастную структуру, предназначенную, по словам ученого-фольклориста, «выразить величаемому доброжелательное отношение окружающих и хотя бы устно наделить его всем тем, что, по мнению народа, являлось самым ценным, нужным и радостным для человека» [Розов 1981: 51]. Несколько в ином ключе о традиции писал С.Г. Лазутин в статье «Некоторые вопросы стихотворной формы русских пословиц». В своей работе автор показал, что «складность пословиц, их тяготение к стихотворной речи обусловлены не столько заботой об их запоминаемости, сколько особенностями поэтического рода, к которому они принадлежат, спецификой их назначения и конкретного содержания» [Лазутин 1971: 136]. По мнению ученого, традиционна художественная форма пословицы: ей присуща двучастность, интонация и ритм, что в свою очередь способствует яркому выражению разнообразных взаимосвязей жизненных явлений, имеющих нередко глубокий философский смысл. Например, *Пожалел волк кобылу – оставил хвост да гриву* или *Черна корова, да молоко у ней бело*.

Связь между традиционностью фольклора и творческим методом существует вне всякого сомнения. Поэтому мы без труда можем отличить потешку (*Из-за леса, из-за гор // Едет дедушка Егор. // Сам на лошадке, // Жена на коровке, // Дети на телятках, // Внуки на козлятках*) от считалки (*Трынцы-брынцы, бубенцы, // Раззвонились удальцы, // Диги, диги, диги, дон, // Выходи скорее вон!*) от заклички (*Дождик, дождик, // Сварю тебе борщик, // Поставлю на дубочке // В зеленом горшочке. // Не шатайся, дубок, // Не пролейся, горшок!*), опираясь на характерные для каждого жанра лексику и синтаксис.

Совсем иначе обстоит дело с загадками. В.В. Митрофанова в статье «Ритмическое строение русских народных загадок» заявляет, что в загадках «нет единства ни в чем, кроме основного, определяющего жанр, признака: для того чтобы загадка была загадкой, необходимо не называть предмет, о котором идет речь, а заменить его каким-нибудь другим или назвать его свойство, функцию, способ изготовления. Это может быть достигнуто многими, различными способами. Загадка может представлять небольшой рассказ, диалог, короткое суждение. В основе ее может лежать

метафора, отрицательное сравнение и т. п. Еще разнообразнее загадка в своем ритмическом строении. Более одной трети подлинно народных загадок имеет совершенно определенное прозаическое строение. Это обычные простые предложения, очень редко осложненные распространенными определениями. Сложные предложения в загадках – большая редкость. Прозаические варианты равноправны, не являются искажением, следствием забывания или умирания жанра. Они так же хороши, как и ритмически организованные, их образы и уподобления не менее остроумны и поэтичны» [Митрофанова 1971: 150]. Действительно, при близком рассмотрении загадок замечаешь, что их внешняя сторона и внутренняя языковая структура чрезвычайно разнообразны. Некоторые загадки стилистически несомненно близки к пословицам и поговоркам. Например, загадка про солнце «*Дзебсисяс – он адззы, мыччисяс – он дзеб*» (Спрячется – не отыщешь, появится – не спрячешь) [ГГ 2010: 17, с. 47] сопоставима по строению и интонационно с пословицей «*Играл в дуду – не скачут, рыдал в пиру – не плачут*» [Русские пословицы и поговорки 1988: 117]. Загадка про град «*Рассыпался горох на семьдесят дорог: Никто его не соберет: Ни царь, ни царица, ни красная девица*» напоминает заговор или считалку [Пословицы. Поговорки. Загадки 1986: 152, с. 356].

Прежде отметим, что мы понимаем не как синонимы понятия «композиция» и «структура», не отвергая полностью их схожести. Композиция – это своего рода план выражения. Структура, на наш взгляд, предполагает построение с взаимообусловленными связями между входящими в нее компонентами, образующими логико-семантическую, смысловую основу высказывания. Структура, таким образом, связана с художественным содержанием текста загадки, являясь поэтически необходимым жанровым элементом.

Композиция загадок, как уже было упомянуто выше, очень разнообразна. Но жанровые особенности диктуют свои условия построения загадок. По этому поводу сказано верно, что «загадка невелика по объему, но художественное строение ее сложно и разнообразно. Общее у всех загадок то, что все они кратки, не называют предмет прямо и имеют отгадку» [там же: 345]. Замечания по поводу плана выражения касаются не только фольклора, так как «многие особенности композиции произведений ряда жанров определены реальными условиями их бытования…» [Плисецкий 1975: 58].

В фольклоре каждого народа наблюдаются универсальные и специфические, характерные для данного этноса черты. Например, дагестанская загадка состоит из зачина – обращения ‘отгадайте-отгадайте, Что это? Кто это?; угадайте у меня? Что это?’, имеющего целью привлечь внимание слушателей к содержанию загадки [Гасанов 1971: 76]. Одной из

особенностей японской загадки является то, что «ряд японских загадок начинается с прямого указания на место, которому принадлежит предмет ответа: в море, в поле, во дворе и т. д.» [Мазурик 1984: 69]. Исследователь паремий якутского фольклора С. П. Соловьева-Ойунская находит, что для большинства якутских загадок характерны повествовательные предложения.

Коми-пермяцкая загадка состоит из одного, двух или трех предложений, часто неполных. Поэтому мы выделили несколько композиционных групп. Загадки, стостоящие из простых двусоставных распространенных предложений, иногда осложненных однородными членами, составляют первую немногочисленную группу. Например, загадки «*Керку весьтын виа бекӧр ӧшалӧ*» (Над домом масляная чашка висит) [ГГ 2010: 4, с. 45], «*Мича ныв одз саймӧ, ӧшынӧ видзӧтӧ, некинлӧ узьны оз сет*» (Красна девица рано просыпается, в окно глядит, никому спать не дает) [там же: 5, с. 45] с отгадками «солнце» или загадка про уши: «*Сарай дорын кык акань чеччалӧны*» (На краю сарая две куклы прыгают) [там же: 184, с. 67] и стол «*Нёль вон этік крыша увтын олӧны*» (Четыре брата под одной крышей живут) [там же: 345, с. 87-88].

Сложены тексты коми-пермяцких загадок и из двух простых двусоставных нераспространенных предложений с союзной и бессоюзной связью, как, например, загадки про «*тӧлісь*» (луну): «*Мийӧ узьны водам, а сія чеччӧ*» (Мы спать ложимся, а она встает) [там же: 18, с. 47] и «*шор*» (ручей): «*Вӧлыс гӧнитӧ, додьыс сулалӧ*» (Лошадь бежит рысью, сани стоят) [там же: 73, с. 54]. К такой же группе загадок относится загадка «*Пасьыс чочком, а кудыс сьӧд*» (Шуба белая, а лукошко черное) [там же: 39, с. 49-50] с отгадкой ‘*лым* и *му*’ (снег и земля).Эта группа загадок необширна.

Лапидарность загадки даже при описании объектов мироздания (небо, звезды, месяц) или природных ландшафтов (берег, река, камыш) позволяет ей ограничиться тремя простыми нераспространенными предложениями, к тому же построенными на основе синтаксического параллелизма. В соответствии с приведенными отгадками загадки имеют следующий вид: «*Ыбыс меряйтӧм, Баляэс лыдьдытомӧсь, Пастухыс сюра*» (Поле не пахано, овцы не считаны, пастух рогат) [там же: 22, с. 47] и «*Ӧтік куйлӧ, Мӧдік котрасьӧ, Куимӧтыс нюкрасьӧ*» (Один лежит, Другой бегает, Третий кланяется) [там же: 85, с. 55]. Ученые-исследователи А. Мартынова и В. Митрофанова в своем сборнике «Пословицы. Поговорки. Загадки» дают идентичный коми-пермяцкому вариант загадки про небесные объекты [Пословицы. Поговорки. Загадки 1986: 30, с. 351], где месяц назван пастухом. В том же сборнике про земные объекты загадка говорит: «Один бежит, другой лежит, третий кланяется» [там же: 191, с. 358]. Первые две строки русской загадки

ритмически организованы и полностью рифмуются. Происходит это на основании морфолого-грамматических норм языка. Случайно или намеренно, сказать трудно, в коми-пермяцкой загадке тоже есть рифма. В силу грамматических особенностей национального языка коми-пермяцкая загадка рифмует две последние строки, но при этом наблюдается изменение грамматического значения слова *котрасьны* (бегать). Слово ‘бежит’ имеет значение однонаправленного действия, в случае с коми-пермяцкой загадкой использовано слово *котрасьö* (бегает), одно из лексических значений которого ‘совершать разнонаправленные действия’. Загадка могла использовать и слово *котöртö* (бежит), но в таком случае требовалась бы рифмовка со словоформой *нюкöртö* (клонит) глагола *нюкрасьны*, обладающей признаками переходности. А объект в загадке совершает действия самостоятельно.

В композиции коми-пермяцкой загадки крайне редки назывные предложения, как, например, в загадке про солнце: «*Небоын ви гöглян*» (На небе масляный круг) [ГГ 2010: 3, с. 45]. Так же построена загадка «*Потолокын ви латка да гос латка*» (На потолке масляная латка и сальная латка), в которой загаданы «*шонді да тöлісь*» (солнце и луна) [там же: 20, с. 47].

Единичны тексты, состоящие из двусоставных неполных предложений, в которых чаще всего пропущен субъект. Подобные загадки загадывают предмет через его отличительные признаки или характерные действия. Таким образом зашифровано солнце: «*Лун-лун öтік туй кузя ветлöтö*» (Изо дня в день по одной дороге ходит) [там же: 7, с. 46], в загадке «*Вöр шöрын гöрд вешьяна сулалö*» (Посреди леса в красных штанах стоит) загадана ‘симöттöм кыдз’ (береза, у которой ободрана береста) [там же: 97, с. 57].

Способность к типизации образов и явлений характерна для фольклорных текстов. Сказка говорит не об отдельном конкретном человеке, а имеет в виду некий собирательный образ. Пословицы обладают не меньшим характером обобщения, способным в одной фразе аккумулировать весь жизненный опыт человека, относящийся к той или иной ситуации или явлению. Наверное, по этой причине в загадках встречаются тексты, представляющие неопределенно-личные предложения со значением обобщения, когда деятелем может быть любой человек. Загадки такого плана входят в тематические группы «дорога» и «природные явления». Так построена загадка про солнце «*Адззан, а он судзöт*» (Видишь, а не достанешь) [ГГ 2010: 2, с. 45] и дорогу «*Стена бердö катыльтан, катыльтан, а он вермы*» (К стене катишь, катишь, а не можешь) [там же: 90, с. 56].

Немало коми-пермяцких загадок построенны как вопросительные предложения. Самая обширная тематическая группа – 87 текстов – из

рассмотренных нами коми-пермяцких загадок авторами сборника обозначена как «явления природы». Кроме собственно явлений природы в этой группе находятся загадки про солнце, луну и звезды, про день и ночь, про землю и реку. Словом, про все реальные объекты и явления, существующие или возникающие независимо от воли человека. 17 загадок, отгадками на которые являются природные явления, представляют собой предложения, создаваемые вопросительными местоимениями «*мый*» (что) и «*кин*» (кто). Объектами для загадок выбраны ветер, луна, солнце, вода и земля.

Среди загадок, построенных в виде вопросительных предложений, есть тексты, осложненные вводным словом *пö* (молвят, говорят). «*Кытшöм зверь пö меддука*?» (Какой зверь, говорят, самый вонючий?) [там же: 158, с. 64]. Загадка отвечает, что это *чужмöр* (горностай), но не хорек, как можно было бы предположить. В среде охотников известно, что этот зверек (горностай), одежду из шкурок которого могли позволить себе только царственные или очень обеспеченные особы, метит свою ревностно охраняемую территорию сильно пахнущим секретом. Железы хорька тоже имеют сильный запах, но зверек пускает их в ход только при сильной опасности. Поэтому понятна и отгадка – запах для горностая – постоянный признак.

Небольшие сложные предложения разной конструкции тоже могут составлять текст коми-пермяцкой загадки. Например, загадка про луну имеет форму сложного бессоюзного предложения, состоящего в свою очередь их двух других бессоюзных предложений: «*Дзебсисяс – он адззы, мыччисяс – он дзеб*» (Покажется – не отыщешь, появится – не спрячешь) [там же: 17, с. 47]. Про борону говорится, что у нее «*Коккез уна, а ыбись лэдзчöтöны спина вылын*» (Ног много, а с поля везут на спине) [там же: 433, с. 99].

Выполняя образовательную и воспитательную функции, знакомя с реально существующими предметами крестьянского быта и объективными природными явлениями, обладая при этом устной формой бытования, загадка должна быть краткой, а наличие игровых свойств, являясь необходимой чертой эстетической функции, делает ее ритмичной и фонетически организованной. Нижеследующие загадки мы отнесли к разряду игровых, или сценических: при их произнесении загадывающий обязан или, во всяком случае, должен производить определенные движения руками, ногами, телом. Такова загадка про *корось* (банный веник):

«*Эт кузя (дженыт) гöнтöм.*
Эт кузя (кузь) гöна.
Лег-легöтан – сьöлöм бурмöтан».
Такой длины (показывают короткое) лысый.

Такой длины (показывают длинное) волосатый.
Помашешь – сердце порадуешь.
[там же: 357, с. 89].

Несмотря на разнообразие рассмотреннывх выше структурных типов, большинство текстов коми-пермяцких загадок представляют собой простые повествовательные предложения с прямым порядком слов. Например, «*Гӧрд гӧглян небоӧт тарласьӧ*» (Красный круг по небу катается) [там же: 6, с. 45-46] ‘солнце'; «*Горба тури ыб шӧрын чеччалӧ*» (Горбатый журавль среди поля скачет) [там же: 442, с. 100] ‘серп’; «*Кочка вылӧ ен зерӧ*» (На кочку дождь идет) [там же: 477, 105] ‘квас процеживают’; «*Джодж шӧрын ош юр сулалӧ*» (Посреди избы медвежья голова стоит) [там же: 350, с. 88] ‘табуретка’; «*Керку гӧгӧр веж гаг каттисьӧм*» (Вокруг дома желтый червяк обернулся) [там же: 306, с. 83] ‘мох в стене между бревнами’.

2. Личные имена в коми-пермяцких загадках

Для конкретизации или выделения отдельного предмета из ряда подобных или родственных в ономастике используют собственные имена. Много веков назад традиционно у коми-пермяков использовались имена-прозвища: *Ур (Белка), Кӧч (Заяц), Ош (Медведь)* и другие. Из статьи А.С. Кривощековой-Гантман «Система личных имен коми-пермяков» мы узнаем, что «…коми-пермяки до принятия христианства называли друг друга именами, образованными от названий зверей, птиц, рыб и растений. Это объяснялось, по-видимому, верой древних людей в магическую силу слова, в то, что имя способно сделать ребенка таким, каким хотели его видеть родители. Иногда подчеркивались мнимые недостатки; имена с нарочито неприятным, некрасивым или неблагозвучным значением призваны были оберегать человека от злых духов, от сглаза, отвлекать от него сверхъестественные силы» [Кривощекова-Гантман: эл. ресурс]. С принятием христианства коми-пермяки при крещении стали получать имена, заимствованные из русского языка.

Обычные имена называют, но не значат. Иначе обстоит дело с именами в фольклорных текстах. На наш взгляд, имена в исследованных загадках – это результат интерпретации и закрепления в отдельном языковом факте значений или свойств загаданного объекта и своего рода метафоры. Следовательно, имя в народном творчестве неслучайно, а нагружено определенным смыслом. По мнению В.С. Виноградова, имена в фольклорных текстах имеют смысл, «это своеобразный троп, равнозначный, в известной степени, метафоре и сравнению и используемый в стилистических целях для характеристики персонажа или социальной среды» [Виноградов 2001: 161].

Антропонимическое пространство коми-пермяцких загадок заполнено и мужскими и женскими именами. Особенностью этих текстов является наличие претерпевших фонетическую адаптацию просторечных вариантов некоторых имен: Матвей – *Матю*, Трифон – *Трипан*, Матрёна – *Матрён*. Замечательно и ничтожно малое количество загадок с именами – всего четырнадцать среди более шестисот рассмотренных текстов.

Один из текстов загадок с женскими именами следующий: *Сулалӧ Усьтя, ӧм осьта* (Стоит Устя, рот открытый) с отгадкой «труба на крыше» [В-Язьва: Полевые исследования]. Адаптированный перевод звучит как «Стоит Устинья, рот разиня». И в русском переводе и в национальном тексте загадки мы видим игру слов, построенную на фонетическом совпадении. Имя Усьтя созвучно слову устье – отверстие в русской печи. Отгадка, кажется, прозрачна: Устя – это русская печь. Но в действительности устье печи закрыто заслонкой, а то и шторкой. Выходит, надо искать такой предмет, который в с е г д а бывает открыт. Современным отгадчиком были даны ответы «полынья» и «колодец», но полынья в морозные ночи и дни затянута льдом, т.е. закрыта, а колодец имеет крышку. Труба на крыше иногда бывает с защитным козырьком, но всё же она всегда открыта. Мотивация имени может быть связана с лексическим значением выражения «*осьта ӧм*» (разг.) [КПРС 1985: 298, 1 стлб.], имеющем в коми-пермяцком языке широкий смысловой диапазон: от шутливого до оскорбительного, и означающем в переводе «разиня, ротозей, болтун». В образе трубы реализуются не столько физические свойства человека, сколько его морально-нравственные качества: неумение держать язык за зубами. О чем бы человек ни узнал, он не удержится от соблазна рассказать другим, часто по-своему интерпретируя события. Так и труба: что бы печь «ни съела», всегда всё выдаст наружу в изменённом виде. В данной загадке налицо и фонетический аспект: совпадение звучания слов «Усьтя» и «осьта».

Две загадки: *Джадж дорын сера Матрён пукалӧ* (На краю полки узорчатая Матрёна сидит) [ГГ 2010: 91, № 374,] и *Джоджулын сера Матрён* (В подполье узорчатая Матрёна) [там же: 375, с. 91] отражают концептуальные признаки, обусловленные лексемой имени. Имя Матрена, которое в переводе с латинского обозначает «почтенная дама», «уважаемая мать семейства», в представлении говорящих, как правило, обозначает женщину дородную и в возрасте. Почему же она сидит на краю полки или, того хуже, в подполье? Ответы на все вопросы дает отгадка – глиняная кринка, обмотанная лыковыми (берестяными) полосками. По внешнему виду кринку можно сравнить с дородной пожилой дамой, одетой в широкую юбку, на голове у дамы бывает надета шляпка – горлышко для сохранности содержимого накрывают бумагой, тряпицей и обвязывают, или же в горлышко может быть вставлена пробка,

которую предварительно оборачивают чем-либо. Узорчатость Матрёны тоже связана с ее старостью. Новый горшок не обвивают берестой – его и так можно в печь ставить. Берестяной наряд украшает «Матрёну» лишь в старости, когда кринка начинает использоваться для хранения сыпучих продуктов. Почему не выкинуть старую вещь и не приобрести новую? У коми-пермяка, обычным занятием которого было земледелие, гончарные изделия должны были цениться, и именно благодаря рачительному хозяйствованию и могла появиться подобная загадка. Данная загадка построена на соотношении значения имени и смысла загадки. Можно предположить, что в основу загадки положен и нравственный идеал (позитивное отношение к хозяйству). К тому же, загадка не только называет некий предмет, но и оценивает его.

Еще два имени – *Дарья* и *Марья* – замещают в коми-пермяцких загадках наименования предметов. Три варианта загадки про пол и потолок взяты из указанного сборника. *Дарья да Марья ӧтамӧдсӧ пыр видзӧтӧны* (Дарья и Марья друг друга постоянно разглядывают) [там же: 82, № 297], *Дарья да Марья ӧтамӧдныс вылӧ видзӧтӧны, а оз ӧтлаасьӧ* (Дарья да Марья друг на дружку глядят, а не сходятся), [там же: 82, № 298], *Дарья да Марья ӧтамӧднысӧ адзӧны, а локны оз вермӧ* (Дарья да Марья друг друга видят, а подойти не могут) [там же: 82, № 299]. Еще один текст с отгадкой «пол и потолок» записан во время полевых исследований в Юсьвинском районе: *Дарья да Марья пыр паныт видзӧтӧны да пыр чӧлӧны* (Дарья да Марья всегда друг на друга глядят и всегда молчат) [Антипино: Полевые исследования]. В данных загадках имена играют большую роль в звуковом оформлении текста. Звучание имен подсказывает, что **Д**арья – пол (**д**жодж), а **Ма**рья – потолок, вернее **ма**тица (матнича). Кроме того, Дарья да Марья составляют своего рода пару похожих, но противопоставленных предметов, признаков или действий – оппозиций: левый – правый, вперёд – назад, верх – низ.

Выше были рассмотрены загадки, содержащие женские имена, которые символизируют предметы, относящиеся к дому и домашнему хозяйству.

Среди загадок с мужскими именами встречаются две композиционно соотносимые загадки: *Вӧр шӧрын пельтӧм Макар китсасьӧ* (Посреди леса безухий Макар кричит) [там же: 105, № 482] и *Вӧр шӧрын китӧм, коктӧм Захар китсасьӧ* (Посреди леса безрукий, безногий Захар окликается) [там же: 53, № 65]. Такой же текст загадки записан при полевых исследованиях с несколько иным переводом: Посреди леса безрукий, безногий Захар кричит [В-Язьва: Полевые исследования]. Несмотря на лексическую однородность текстов (отличие только в имени и его определении), загадки функционально различны. Наблюдается разница и в отгадках при несомненном совпадении образно-эмоционального аспекта этнической

картины мира: загадка про Макара имеет отгадку «рубка леса», Захар в загадке символизирует «эхо», но и в том, и в другом случае наблюдатель «слышит» отгадку.

Интерпретация имени и замещаемого предмета представляет определённую сложность. Для объяснения имен Макар и Захар обратимся к народному календарю. В народном календаре февраль именовался «сечень»: проводили вырубку леса, заготавливали дрова. Начинали эту работу первого февраля, в день Макария Весноуказчика [Православные имена: эл. ресурс]. В морозном воздухе далеко разносился стук топора – шла рубка леса. Через три недели после дня Макария Весноуказчика в святцах стоит имя Захара Серповидца. С давних пор в этот день, 21 февраля, крестьяне доставали свои серпы и несли кузнецу для правки. Кузнецы, как правило, селились на краю деревень, ближе к лесу. Поэтическое воображение связало приуроченные к определенному дню крестьянские работы с именем святого, покровителя указанного дня. В данном случае перенос имени произошел не на сам предмет, а на результат действия этим предметом, например, эхо – звук, производимый ударом молота по железу или, что вполне возможно, ударом топора по дереву. Загадка *Вӧр шӧрын пельтӧм Макар китсасьӧ* (Посреди леса безухий Макар кричит) [ГГ 2010: 110, № 519] имеет еще отгадку *джыннян* (ботало ‘изготовленный из медного или железного листа колокольчик, который надевается на шею коровам и лошадям, пасущимся без пастуха’ [СРНГ 3: 129]), что семантически сближает обе отгадки.

В среде охотников могла родиться загадка *Вӧрын Трипан чеччалӧ* (В лесу Трипан прыгает) [ГГ 2010: 64, № 156] с отгадкой «заяц». Согласно суеверным представлениям встреча с зайцем предвещала неудачу, несчастье. В народных рассказах о зайцах говорится о них как о помощниках колдунов и ведьм, то есть лиц, знающихся с нечистой силой, владеющих знаниями («вещих») не от Бога, а от Сатаны [Народные приметы и суеверия: электронный ресурс]. И.А. Седакова, С.М. Толстая в статье «Загадка» словаря «Славянские древности» происхождение загадки связывают «с архаическим ритуалом … с магией слова и мифопоэтической картиной мира; с явлениями языкового табу и тайных знаков» [Седакова, Толстая 1999: 235].

Положительно окрашенная коннотация имени Матвей встречается в загадке *Джоджын чеччалӧ кӧс Матю* (По полу скачет сухой Матвей) [ГГ 2010: 88-89, № 354]. Под именем Матю загадан веник-голик. В данной загадке каждое слово способствует отгадке. Традиционно коми-пермяки при обращении старших к младшим в быту используют усеченную и одновременно ласкательную форму имени: *Мишу, Колю, Катю*. Несложные хлопоты по уборке пола выполнял один из младших, «домашних» детей, который еще не мог делать «взрослую» работу.

Потому и веник имеет уменьшительно-ласкательное имя. Скорее всего, эта номинация отражает обиходно-бытовой опыт людей и говорит об их отношении к обозначаемому предмету.

Советский лингвист и ономаст В.А. Никонов в своей книге «Ищем имя» говорит о том, что «в дореволюционной русской деревне 25 % крестьян носили имя Иван – каждый четвёртый был Иваном» [Никонов 1988: 13]. Не случайно в таком случае имя карандаша в загадке *Сьӧд Ивашка, пуовӧй рубашка, кыті нырнас гӧрас, сэті и туй коляс* (Черный Иванушка, деревянная рубашка, где носом пропашет, там и дорогу оставит) [ГГ 2010: 117, № 573]. Налицо использование синекдохи: имя Иван выступает как обозначение любого крестьянина. Действия карандаша сопоставимы с действием плуга: оба оставляют след. Деревянная рубашка карандаша может быть соотнесена с деревянными рукоятками плуга. В более адаптированном переводе текст звучит так: «Чёрный Ивашка, деревянная рубашка, где носом проведёт, там дорогу кладёт», но в таком случае теряется смысл слова *гӧрас* (вспашет). В коми-пермяцкой загадке наблюдается следующая смысловая связь: имя – действие – орудие действия – результат. Данная загадка относительно молода, и потому в тексте загадки наблюдается русская лексика и русские словообразовательные морфемы: слово «рубашка» не переведено на коми-пермяцкий язык и в написании эпитета использовано окончание – *ӧй*, активное новоприобретение, соответствующее русскому окончанию прилагательного в единственном числе именительного падежа. Кроме того, слово «рубашка» рифмуется со словом «Ивашка», что немаловажно для поэтического творчества. Наличие в загадке имени Ивашка, а не Иван или Иванушка, исторически оправданно. Иван – обращение довольно официальное, Иванушка выражает сердечное отношение к человеку, Ивашкой зовут незначительного, бесправного человека, каковым являлся русский крестьянин в своем большинстве.

На прямую связь с этимологией имени выводит загадка *Сулалӧ Антошка ӧтік кок вылын, Кин сійӧ казялас, сія и босьтас* (Стоит Антошка на одной ножке, Кто его заметит, тот и подберёт) с отгадкой «гриб» [там же: 59, № 114]. Коми-пермяцкая загадка про гриб является прямой калькой русской загадки (см. русский перевод). «Вступающий в бой» (рим.), «противник» (греч.) и «состязающийся» (лат.) – таково значение имени Антон. Выросший гриб действительно напоминает маленького воина: шляпка на его голове ассоциируется с воинским шлемом, сбоку он может «держать» сосновые хвоинки или сучок, которые напоминают оружие «вступающего в бой» «противника». На небольшой размер загадываемого предмета указывают уменьшительно-ласкательный суффикс -к- в рифмующихся словах «ножка» и «Антошка» и глаголы «заметит» и «подберёт».

Подобна предыдущей загадка про *муягöд* (землянику): *Сулало Никитка гöрд понитока, кин мунас, сія поклон пуктас* (Стоит Никитка в красном понитке, кто ни пройдет, всяк поклон кладет) [В-Язьва: Полевые исследования]. Эта загадка, как и загадка про «гриб», построена на звуковом соответствии слов «Никитка» и «понитка», замещающее слово также имеет уменьшительный суффикс -к-, что вместе со словосочетанием «поклон кладёт» подсказывает его малый размер. Слово «пониток» входило в состав русской лексики, о чем свидетельствует словарь В.И. Даля [Даль 1995: 287], и входит в состав коми-пермяцкой лексики, с пометой *уст.* [КПРС 1985: 357]. в значении «зипун» ‘сермяга, рабочий кафтан из этой ткани’. Имя в загадке не бывает случайным, но всегда подобрано к замещаемому слову по различным лингвистическим или экстралингвистическим критериям (ассоциативным, визуальным). Так, имя *Никитка* соотносится частично (графически и фонологически) со словом земляника: *Ник*итка, земля*ник*а. Воображение позволяет представить мальчика, одетого в красную до пят одежду, ягодой красного цвета.

Загадка *Котöртö Матвей, а сы бöрсянь – сё дзодзог* (Бежит Матвей, а за ним – сто гусей) с отгадкой «поезд» [ГГ 2010: 104, № 470] является прямым заимствованием из русского языка. Характерная особенность передвижения гусей за вожаком в гусиной стае стала метафорой для данной загадки. Вагоны поезда «идут гуськом», вереницей, один вслед за другим. Сигнальные свистки приближающегося поезда напоминают звуки, которые издает вожак, ведя за собой стадо. В русском варианте загадки имя Матвей имеет пусть неполное, но фонетическое созвучие со словом «гусей». На 22 августа – начало межсезонья – выпадает день памяти святого Матвея. В это время шумные птичьи стаи готовятся к отлету в дальние края. [Православные имена: эл. ресурс]. Исторически имя Матвей восходит к одному из апостолов Иисуса, распространявшего христианство в Палестине, Македонии и Сирии. В таком случае сто гусей символизируют его сподвижников и учеников.

Имя Федорка в коми-пермяцкой загадке символизирует пуговицу. Загадка говорит: *Учöт Федорка писькöсö сибтöм* (Маленький Федорка в дырке застрял) [В-Язьва: Полевые исследования]. Имя Федор с еврейского переводится как «дарованный Богом». Власть царю также дарована Богом. Интерпретировать данную номинацию поможет связь между пуговицей и царской печатью. И тот и другой предмет могут иметь на своей поверхности какие-либо символы, знаки, гравировку. Пуговица вплоть до середины XIX в. была только мужской принадлежностью и могла рассказать о профессии человека или быть оберегом. Сильный духом святой Федор в народном сознании выступал заступником земли Русской от врагов [Православные имена: эл. ресурс]. Пуговица, используемая в

крестьянском быту, скорее всего, была маленькая и незатейливая, играющая свою прямую роль, потому загадка говорит не о Фёдоре, а о Федорке.

Завершая небольшое исследование коми-пермяцких загадок с именами собственными в роли замещаемых слов, отметим их чрезвычайную скудость: всего четырнадцать имен в более чем пятистах текстах. На наш взгляд, это отчасти можно объяснить поздним заимствованием русских имён и возможной их табуированностью. В загадках под женскими именами «зашифрованы» дом, части дома и домашняя утварь. Мужские имена замещают различные явления и предметы, в том числе бытовые, но не пересекающиеся с женскими. Ряд антропонимических номинаций наводит на мысль о знании составителем загадки этимологии, первичного значения указанных христианских имен. Отмеченные усеченные формы имён передают различные чувства и отношение к загадываемому предмету. Функцию собственных имен мы видим в передаче художественного видения человеком окружающего мира, в котором велика ассоциативная составляющая. Для внешней стороны загадок характерна звукопись и рифмовка, что придает текстам стилистическую и эмоциональную окраску.

Рассмотренные нами загадки отражают национально-культурную специфику, но не исчерпывают всего многообразия этнокультурных особенностей коми-пермяцких паремий.

Список литературы с условными сокращениями

Аникин В. П. Генезис необрядовой лирики // Русский фольклор. Т. XII. Из истории русской народной поэзии. Л.: Наука, 1971. С. 3-24.

Арутюнова Н. Д. Метафора в языке чувств // Язык и мир человека. М.: Языки мировой культуры, 1999. с. 385–399.

Виноградов В. С. Введение в переводоведение. М.: 2001. 224 с.

Гасанов М.М. Дагестанские народные пословицы, поговорки, загадки. – Махачкала, 1971. 77 с.

ГГ – *Красный* круг по небу катается: Гӧрд гӧглян небоӧт тарласьӧ. Коми-пермяцкие загадки: сборник фольклорных текстов и комментарии / В. Н. Бойко, Т. Г. Гилева, А. С. Лобанова, А. В. Черных. СПб.: Маматов, 2010 144с.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3: П. М.: ТЕРРА, 1995. 560 с.

КПРС – *Коми*-пермяцко-русский словарь / Р. М. Баталова, А. С. Кривощекова-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. 624 с.

Кривощекова-Гантман А. С. Система личных имен коми-пермяков // Система личных имен коми-пермяков. URL: http: //avomarba. Livejournal/com/8155/html (дата обращения: 13.09.2013).

Лазутин С.Г. О стихотворной форме русских пословиц // Русский фольклор. Т. XII. Из истории русской народной поэзии. Л.: Наука, 1971. С. 135-146.

Мазурик В.П. Японская загадка // Паремиологические исследования. Сб. ст. М., 1984. С. 61-81.

Митрофанова В.В. Ритмическое строение русских народных загадок. // Русский фольклор. Т. XII. Из истории русской народной поэзии. Л.: Наука, 1971. С. 147-161.

Плисецкий М.М. Роль памяти в фольклорном процессе // Проблемы фольклора. М.: Наука, 1975. С. 53-60.

Полевые исследования автора: п. Антипино Юсьвинского района Пермского края.

Полевые исследования студентов: В-Язьва Красновишерского района Пермского края.

Пословицы. Поговорки. Загадки. / Сост., авт. предисл. и коммент. А.Н. Мартынова, В.В. Митрофанова. М.: Современник, 1986. 512 с.

Православные имена. URL: http://kakzovut.ru/pravoslavnie-imena.html (дата обращения: 20.06.2014).

Путилов Б.Н. Историко-фольклорный процесс и эстетика фольклора // Проблемы фольклора. М.: Наука, 1975. С. 12-21.

Розов А.Н. К сравнительному изучению поэтики календарных песен // Русский фольклор. Т. XXI. Поэтика русского фольклора. Л.: Наука, 1981. С. 47-69.

Русские пословицы и поговорки. / Под ред. В. Аникина; Сост. Ф. Селиванов, Б. Кирдан, В. Аникин. М.: Художественная литература, 1988. 431 с.

Седакова И. А., Толстая С. М. Загадка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 233–237.

Соловьева-Ойунская С. П. Якутские народные загадки. Специфика жанра. СПб., 1992. 111 с.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров. Вып. 3. Л.: Наука, 1968.

M.G. Zhidkih
school teacher
grammar school №8 of Perm

STRUCTURE AND VOCABULARY OF THE KOMI-PERMYAK RIDDLES

The paper is about structure and vocabulary of the Komi-Permyak riddles. Most often the riddle has two-part structure: question, answer. Sometimes it has dialog structure. One of the composition methods is anaphora. The anthroponomy and the nicknames of the horses are used in the Komi-Permyak riddles. The truncated forms of the names convey different speaker's sentiments and attitudes toward the proposed subject. Occurred in the riddles tone-painting and rhyming give emotional nuances to the images, give completeness to the text of the riddle.

Key words: Permian Komi dialects; riddle; structure of the riddle; proper names in riddles.

УДК 81’37

Юлия Владимировна Зверева
доцент кафедры гуманитарного
образования в начальной школе
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
zv.ul@mail.ru

ТРАДИЦИОННОЕ ПИТАНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ (по данным пермских говоров) [1]

Статья посвящена изучению названий лексико-семантической группы «Питание» в русских говорах Пермского края. Эта группа включает в себя общие наименования пищи, названия невкусной пищи, хлебобулочных изделий, названия напитков, а также единицы, называющие различные блюда. Эти слова и словосочетания отражают национальные особенности питания русских на территории Пермского края, условия жизни, а также межэтнические контакты в Пермском крае.

Ключевые слова: Пермский край; русские говоры; лексико-семантическая группа; питание.

В пермских говорах представлено большое количество наименований, относящихся к лексико-семантической группе «Питание». Лексика, связанная с процессом принятия пищи, относится к числу древнейших слоев словарного состава русского языка, поэтому ее изучение представляет большой интерес. Заселение Пермского края происходило преимущемственно с Русского Севера, поэтому в основе пермских говоров лежат севернорусские говоры (архангельские, сольвычегодские, вологодские, вятские и др.). Так, Е.Н. Полякова пишет о том, что Пермь Великая – Чердынь (современные Гайнский, Косинский, Чердынский районы и часть Красновишерского района Пермского края) заселялась выходцами из Поморья и с Русского Севера [Полякова, 2006: 24-25]. Этнографы отмечают сходство многих деталей быта, а также называющей их лексики Северного Прикамья и Поморья [Чагин 1995: 122-139]. Близость быта и культуры крестьян Русского Севера и жителей Пермского края обнаруживается в том числе и в традиционной кухне. Кроме того, в лексике питания нашли отражение межъязыковые контакты русских жителей края с другими народами, населявшими эту территорию. Исследователи отмечают, что соседство русских с коми-пермяками обусловило появление в лексике пермских говоров большого количества коми-пермяцких по происхождению слов. Юг Пермского края начал осваиваться русскими позже, в XVII в., выходцами из разных территорий, в том числе из Средней России, поэтому говоры южного Прикамья имеют отличия от говоров севера Пермского

© Зверева Ю.В., 2014

края. Кроме того, русские на этой территории находились в другом иноязычном окружении, их соседями были татары, башкиры, ханты, марийцы [Полякова 2006: 33], и наибольшее количество заимствований в этих говорах связано с тюркскими языками.

Лексика питания пермских говоров нашла отражение в работах И.И. Баклановой, Ю.В. Зверевой [Бакланова 2008; Зверева 2008, 2009, 2011], на материале памятников письменности рассматривает языковые единицы этой группы Е.Н. Полякова [Полякова 2009а, 2009б, 2010]. Пища как неотъемлемая часть бытовой и культурной жизни народа описывается также этнографами, например, в работе А.В. Черных «Народы Пермского края» [Черных 2007], а также в коллективной монографии «Народы Поволжья и Приуралья» [Народы Поволжья и Приуралья 2000].

Тематическую группу «Питание» можно разделить на следующие подгруппы: 1) общие наименования пищи, 2) названия плохо приготовленной, невкусной пищи; 3) наименования выпечных изделий; 4) единицы, обозначающие различные кушанья (в том числе ритуальные); 5) наименования приправ; 6) названия лакомств; 7) слова, служащие для называния пищевых отходов; 8) наименования напитков.

Общих наименований пищи по сравнению с количеством языковых единиц в остальных подгруппах немного, однако их значительно больше, чем в литературном языке. Кроме слова *еда*, в пермских говорах для обозначения пищи вообще используются также однокоренные единицы ***е'деро*** (*Едеро-то наготовлено, токо вынести да дать чипушкам вовремё* (Уинское) [СРГЮП 1: 244]); ***едо'бно*** (*Там хлеб делают, крупу, конфеток, в первую милостыньку и только в неё чашку делают хлёбальну, ложку, кружку. Это только в первую делают. Во вторую и третью там одинаково едобно кладут* (Ильята Киш.) [там же: 263]); ***е'ства'*** (*Всю еству надо кадить, покадят, потом садятся есть на поминках-то* (Тимина Юрл.) [СРГКПО: 95]. *Если пойдём в поле, то надо будет еству взять* (Редикор Черд.) [СПГ 1: 250]); ***съедо'ба*** (*Съедобу готовить. Хоть непутные, да ешьте, что приготовила* (Камгорт Черд.). *Щи, кашу варили из туси. Крупа ето перловая. Вот и вся съедоба* (Ныроб Черд.) [КСРГСПК]). Эти слова полисемичны: они обозначают не только пищу, но и отдельное кушанье, поэтому могут употребляться во множественном числе и сочетаться с количественными числительными: *На второй день – там уже немного еств делают, три ествы по-моему ставили и четвёртое сносное, закрытая тарелочка. Это означало, конец гулянию* (Пешкова Кунг.) [СРГЮП 1: 268]). В говорах отмечены и такие общие наименования, как ***ха'вка*** (*Дедко пошёл в лес, хавку с собой взял* (Острожка Ох.) [СПГ: 494]); ***харцы'*** (*Хлеб-от один не будешь кушать-то, надо каки-то-ка харцы. Ну вот пишша: картошка, капуста. Вот просто харцами и называм* (Пянтег Черд.); ***харчи*** (*Нужно хлебушко купить, харчи*

(Камгорт Черд.) [КСРГСПК]) и ***харч*** (*Раньше харч на столе. Еда принесёна на стол, ешьте. Шти, каша* (Черд.) [там же]). Лексема ***ха'вка*** заимствована из арго и связана с глаголом *хавать*, о происхождении которого исследователи спорят [Грачев, Мокиенко: 263-265]. Это заимствование свидетельствует о размывании диалектов, в них появляются слова из разных идиомов языка. Общие наименования пищи ***харцы*** и ***харч*** являются однокоренными к литературному слову *харчи*, в говорах они имеют то же значение, что в литературном языке.

В общие наименования входят также единицы, разделяющие еду и продукты питания по признаку постное / скоромное. Для называния постной пищи использовалось слово ***по'стно(е)*** (*В промёжгонье молосное едим, а потом постное готовить надо* (Бельских Сол.) [там же 2: 232]); для пищи животного происхождения – ***скоро'мное*** (*На Троицу ели скоромное: селянки делали рисовые, можно и картофельные, булочки, торта, супа* (Вильгорт Черд.). *А В Маслену скоромноё едят, только мясо не кушают* (Вильва Сол.) [КСРГСПК]) и ***моло'сно(е)*** (*Теперь сквозную всё молосноё едим, отпостовали* (Жуланово Сол.). *Три недели в рот ничё молосного не бирала: ни мяса, ни яичка* (Толстик Сол.) [СПГ 1: 522]). Во многих русских говорах прилагательное *молочный* относится не только к молоку и продуктам из него, но и характеризует любую пищу животного происхождения [СРНГ 18: 246-247]. Такое противопоставление пищи по признаку постное / скоромное является существенным для диалектоносителей и отражает особенности быта русского крестьянина, для которого питание определялось христианским календарем – чередой постов и мясоедов. Отражается это противопоставление не только в общих наименованиях еды, но и названиях конкретных кушаний. Так, к лексеме ***шти*** (***щи***) часто добавлялось определение ***молосные*** (с мясом) или ***постные*** (***толстые, толстопятые***).

Существуют в пермских говорах едирницы, отражающие способ приготовления пищи: ***ва'рня, ва'рево, варёшка, ва'ря***, ***прива'рок*** ‘что-либо сваренное’ (*Бьют лосей – близко-то нету – жорут (жрут) другие, не укараулят – сходит, на варево принесет* (Акчим Краснов.) [АС 1:111]. *Варни-то нету. Вчера варила, так дохлебала седни* (Мыс Юрл.) [СРГКПО: 58]. *Ходил на реку, да ничего не поймал, так, на варёшку, на жарёшку* (Неволино Кунг.) [СРГЮП 1: 98]. *Мама часто говорила «варя», это так называли чё-нибудь сваренное* (Чернушка) [там же: 99]. *Приварки были, приварок – суп, каша, пища сварённая* (Тиуново Гайн.). *Еды не было, приварки мало было, варить нечего было* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК]); ***стряпное***, ***стряпенина*** ‘стряпня’ (*Стряпное надо на обеды, поминать – пироги, шаньги* (Калинино Кунг.). *Сряпенину-то – шаньги, пельмяни, оладейки – Иван не ест у нас; токо супу наестся* (Володино Сол.) [СПГ 2: 412]).

В пермских говорах также отмечаются языковые единицы, служащие для наименования невкусной, плохо приготовленной пищи: ***ала'кша*** ‘жидкое невкусное кушанье’ (*Во время голода алакше были рады* (Янидор Черд.) [СРГСПК 1: 30]); ***бала'нда*** ‘жидкая невкусная похлебка’ (*Ты что сварила, баланду какую-то!* (Черд.) [СРГСПК]); ***бурдома'*** ‘недоброкачественный, плохо приготовленный напиток или кушанье’ (*Сначала надо варить сироп, если сразу насыплешь ягоды-те, бурдома какая-то получатся* (Ныроб Черд.) [СРГСПК 1: 166]); ***буторма'га*** (*Ну и бутормагу подали!* (Диково Караг.) [СПГ 1: 69]); ***телепня'*** ‘неудавшийся напиток, пища’ (*Как телепня, одна вода у их вышла; это неиздача пиво, оно не устаивается; или брага сделатся неугодница, вот и телепня* (Толстик Сол.). *Что это за телепню ты, Маруся, приготовила? Есть нельзя* (Моховое Кунг.) [там же 2: 435]). Часто значение ‘невкусное, неудавшееся блюдо или напиток’ получают единицы, содержащие в своем прямом значении сему ‘нечто жидкое’: ***алакша*** из офенского языка ‘пиво’ [Аникин 1: 141]; ***баланда*** ‘пища, состоящая из заквашенного отвара свекольной ботвы и других стеблей и листьев огородной зелени со ржаною мукою’ [Опыт: 6]; ***телепня*** ‘мука, замешанная с водой; пойло для скота’ [КСРГСПК]. Существуют также отдельные языковые единицы для именования плохо приготовленных, неудавшихся напитков и хлеба, это связано с тем, что в крестьянском хозяйстве хмельные напитки и хлеб изготавливали собственноручно.

В питании жителей Пермского края существенное место занимали блюда из выращиваемых здесь зерновых культур, традиционный стол всегда включал в себя различные виды выпечных изделий. В говорах региона отмечается более 150 языковых единиц, называющих эти блюда. Выпечные изделия (без конкретизации признаков) обычно мотивируются глаголом *стряпать* (*постряпать*): ***пострепе'ньки***, ***постряпу'шки***, ***стряпаньё***, ***стряпени'на***, ***стряпно'е***, ***стряпня'*** ‘печёные хлебные изделия’. Для собирательного обозначения выпечных изделий используется также лексема **хле'бное** (*Хлебное у каждого своё – кто шаньги, кто печенье, булочки* (Меча Киш.) [СРГЮП 3: 308]).

В традиционном питании использовалось больше видов муки, чем в современном хлебопечении. С этим связано существование в говорах названий выпечных изделий, мотивированных видом муки: ***аржани'на***, ***ржани'на***, ***ржани'нка***, ***ржану'шка*** (*В магазин опеть ржанину привезли* (Камгорт Черд.). *Ржаной хлеб. Ниче в лавке не было, одна аржанина, а я не могу есть аржаной хлеб* (Вильва Сол.) [КСРГСПК]. *В тряпочку начавкают хлеба ржаного с сахаром и дадут робёнку; мозгочит робёнок... Со ржанушки-то, как осколки, растут* (В. Мошево Сол.) [СПГ 2: 291]. *Ржанинку каку-ко намажошь… Чем богаты, тем и рады* (Акчим Краснов.) [АС 5: 30]); ***горо'ховик*** ‘лепешка из гороховой муки’ (*Раньше*

любили гороховики стряпать. Натолкёшь мелко гороху и лепёшками печёшь. Как нонче оладьи делают (Шаврята Ильин.) [СПГ 1: 181]); ***гречи'шник***, ***гречу'шник*** (*Я записался в колхоз, там де все пшеничники едят, а этто все гречишники, тут всё и робил в колхозе*. (Шульдиха Ел.). *Гречушник – это хлеб из гречневой муки* (Трушники Чернуш.) [СРГЮП 1: 201]); ***пшени'чник*** (*Раньше мы пшеничники пекли* (Илаб Сол.) [КСРГСПК]); ***овся'ница*** (*Овсеница – овсяный хлеб* (Редикор Черд.) [там же]); ***яру'шник*** (*Ерушники – еровой хлеб. Из ячменю делали, не ржаной, а еровой. Они скусные были, хорошие* (Илаб Сол.) [там же]); ***я'сник*** (*Ясник из ясной муки, или ячменной, только на сыворотке, простокваше. Разболтают, когда творим, когда кладём гущу, а утром кладём на листы* (Покча Черд) [там же]). Диалектоносители противопоставляют хлеб из пшеничной муки другим его сортам: хлеб из ржаной, ячменной, овсяной муки являлся повседневной пищей, а изделия из пшеничной муки – праздничной: *На праздник пшеничники пекли. Пшеница-то белая, а белый хлеб только ко празднику пекли* (Кривец Ильинск.) [СПГ 2: 250]. *Ярусник пекли к празднику, из белой муки. Вот на свадебный стол. Тесто аржано, белый хлеб редко едали, токо попы да богаты* (Тиуново Гайн.) [КСРГСПК].

В выпечных изделиях могли сочетаться несколько видов муки, а также пресное и квашеное тесто. Так, лексема ***му'чник*** (***му'шник***, ***му'сник***) имеет значение ‘хлебное изделие, представляющее собой тонкую пресную лепешку, на которую накладывается квашеное тесто из ржаной или ячменной муки’ (*Мучники одна моя жена печь умеет в нашей деревне, а молодые-то и не умеют. Тесто пресное надо, да сочень скать, а им и неохота. Возни с ними много* (Коровино Ильинск.) [СПГ 1: 531]. *Мусники делали: раскатают сочень, а сверху квашенку из пшеничной муки выкладывают* (Елога Юрл.) [СРГКПО: 152]. *Мушники пекли – тесто заведено ячменной мукой, потом сочень пшеничный, на его тесто и кладёшь, как на шаньги. Мушники всё больше на сочельник стряпали, на свадьбу ли* (Дубровка Юрл.) [там же: 153]). Такое сочетание было традиционным и в культуре питания Русского Севера, об этом свидетельствует существование слова ***мучник*** с похожим значением – ‘хлебное изделие, представляющее собой тонкую пресную лепёшку, на которую накладывается дрожжевое тесто из ячменной или гороховой муки’ в севернорусских говорах [СВГ 5: 12].

Обычно хлеб выпекался в домашнем хозяйстве, он редко был покупным. Именно поэтому в говорах зафиксированы антонимичные определения хлеба: ***казённый*** (***база'рский***, ***бра'ный***) ‘о хлебе недомашней выпечки’ (*Ешьте этот хлеб, казенной-то хлеб, поди, надоел* (Сильново Караг.) [СПГ 2: 499]; *Накормила ребят браным хлебом, ржаной хлеб, не белый* (Езова Черд.). *Дак щас хлеб-от не пекём, всё базарский покупаем*

(Илаб Сол.) [КСРГСПК]) и ***крестья'нский* (*домашний*)** ‘о хлебе, выпеченном в русской печке’ (*Крестьянской хлеб-от вкусняя магазинного* (Сильново Караг.) [СПГ 2: 499]. *В печи ярушник-то выпекали, домашний-то хлеб* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК]). Этим же обстоятельством объясняется большое количество единиц, которые называют неудавшийся (неподнявшийся) хлеб: ***аля'буш, бы'нда***, ***закала'***, ***зака'ло***, ***зака'льник, зака'листый*** (***закалова'тый, зака'льный***) ***хлеб*** ‘хлеб с непропеченным сырым слоем у нижней корки’, ***корка на подпорках*** ‘о неудавшемся хлебе, пироге и т. п. с отставшей коркой’, ***кулеба'ка*** (***кулебе'ня***), ***лачка'н***, ***ля'ля***, ***недо'ка***, ***недопёка***, ***неизда'ча*** (***неуда'ча***), ***неизда'шный хлеб***, ***несами'к***, ***ня'ча***, ***узьма'лый хлеб***.

В говорах Прикамья фиксируется большое количество лексем, обозначающих пироги и шаньги, названия которых зависят от начинки. Такие наименования могут иметь форму номинативного сочетания и отдельной лексической единицы, оформленной с помощью суффиксов -*ник*-, -*овик*-, -*ушк*-. Так, фиксируются названия пирогов, мотивированные наименованиями овощей: ***ка'лежный пирог***, ***капу'стник***, ***карто'вник*** (***карто'вошник***), ***лу'ковик*** (***лу'кович***) и ***лу'ковышный пирог***, ***морко'вник***, ***ре'пник*** и ***ре'пный пирог***, ***ре'тешник*** и ***ре'тешный пирог***, ***свеко'льник, си'тченый пирог*** (пирог из *си'ченки* ‘квашеной капусты, приготовленной из мелко нарубленных зеленых листьев’); ягод: ***брусни'чник***, ***кали'новик*** и ***кали'новый пирог***, ***ряби'нник***, ***черёмушник***, ***черни'чник***, ***я'годник***; грибов: ***гри'бник, гу'бник*** и ***гу'бный пирог***, ***че'лишник*** и ***че'лишный пирог*** ‘пирог с грибами’, ***грузлёвик*** ‘пирог с солеными груздями’.

Кроме овощей, грибов и ягод в качестве начинки использовались и такие дикоросы, как *пестики* ‘побеги хвоща полевого’, *пиканы* ‘один из видов борщевика’, *щавель*. Пироги соответственно назывались ***пе'стичными*** (***песто'вными, пестяны'ми***), а также ***писте'шниками*** (***писте'льниками***, ***пи'стешками***); пироги с пиканами – ***пика'нниками***, с щавелем – ***ки'слениками*** (*кисленка* ‘щавель’ в пермских говорах).

В традиционном питании жителей Пермского края были распространены также выпечные изделия с крупой, о чем свидетельствуют такие языковые единицы: ***крупиня'к***, ***кру'пный пирог*** ‘пирог с крупой’, ***нале'вник***, ***налеву'шка*** ‘изделие из теста (обычно квашеного), испеченной с вареной крупой’, ***перло'венная шаньга*** ‘шаньга с начинкой из перловой крупы’, ***про'совая шаньга*** ‘шаньга с начинкой из пшенной крупы’. В качестве начинки использовалось также семя конопли, что нашло отражение в таких единицах, как ***сокови'к*** (*Комок разогреватся, и масло бежит, чисто масло бежит. А ето остается сок. Из его пекли пироги, соковые пироги, хорошие, вкусные* (Акчим Краснов.) [АС 5: 113]) и ***со'ковый пирог*** (*Конопляные пироги – соковы, соковики. Не*

называют конопляники, называют соковики (Ужиткарс Гайн.) [КСРГСПК]).

Начинкой пирогов могла быть даже соль, такие пироги назывались ***соло'ника'ми*** (*Солоники были. Тесто, сочни, накладут туда соли и испекут. Вот и ели* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]), ***шабу'рниками*** (*А у нас ещё шабурники всё стряпал. Тесто наскут, солью посыпят, вот тебе и шабурники* (Тагъяшер Черд.) [там же]), а также ***пирогами с молитвой*** («*Мама, а это у тебя с чем пирог-от? – А это у меня с молитвой». Я говорю: «Мама, там ничё нету ведь»! А она как этот пирог с молитвой делала – корку, значит, растреплет, солью её посыплет и завернёт. Просто «Господи, помилуй, прости меня грешную». Вот, пирог с молитвой. Соль-то растворится, так он такой и душистый, и солёненькое, и приятно так-то* (Калинино Кунг.) [СРГЮП 2: 328]).

Внутренняя форма слова ***солоник*** прозрачна, лексема ***шабу'рник*** скорее всего мотивирована словом *шабу'р* ‘старинная верхняя одежда, сшитая из домотканого холста’. Основанием переноса названия одежды на выпечное изделие, видимо, является или признак внешнего вида: ржаное тесто по цвету похоже на грубый холст, или признак повседневного (непраздничного) употребления. В устойчивом сочетании ***пиро'г с моли'твой*** актуализируется значение ‘без начинки’, т. е. начинку заменяет молитва. Большое число названий пирогов в пермских говорах говорит и о большей детализации, которая свойственна диалекту по сравнению с литературным языком, и о том, что продуктов для начинки выпечных изделий в традиционной кухне использовалось больше, чем в современном питании.

Пироги и шаньги начиняли также продуктами животного происхождения. Так, рыбный пирог часто был ритуальным блюдом: его пекли на свадьбы и поминки: *Пирог рыбной на свадьбе, холодец, пиво* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]. *Первое кутья, там суп, парёнки могут быть, пироги рыбные, капустные* (Посад Киш.) [СРГЮП 2: 288]. Для номинаций пирога с рыбой в пермских говорах используются лексемы ***ры'бник*** ‘пирог с рыбой’ (*Стряпаем пироги с рыбой. Рыбник, снетовник* (Камгорт Черд.) [КСРГСПГ]); ***му'лешный пиро'г*** ‘пирог из мулька, мелкой речной рыбы’ (*Ведром этих мульков приносили. И вот мулёшные пироги стряпали, вкусные* (Воскресенское Уинск.) [СРГЮП 2: 328]); ***снето'вник*** ‘пирог с мелкой рыбой’ (*Стряпаем пироги с рыбой. Рыбник, снетовник* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]); ***тобо'лка*** ‘небольшой пирог с рыбой’ (*Тоболка – пирожок маленький с рыбой* (Пянтег Черд.) [там же]).

Если не было поста, то в качестве начинки использовали молочные продукты. Обычно начиняли пироги творогом, выпечные изделия с ним назывались ***творо'жниками***, ***сы'рными пирогами*** и ***сы'рниками***. В традиционной кухне сыром называли творог, из которого под прессом

удалили лишнюю жидкость, а затем высушили для хранения впрок: *Сыр с осени делали из своего творога – катали колобками, сушили у окна на полочках, а зимой размачивали в молоке* (Бахари Краснов.). *Колобки из сыра. Творог выцедишь, посолишь, вымесишь, колобки сделашь, сушишь – сыр получатся* (Камгорт Черд.) [там же].

Наименований мясных пирогов в пермских говорах немного, к ним относится само словосочетание ***мясной пирог***. Кроме того, существуют лексемы, которые обозначают пироги с разными начинками, в том числе мясной: ***ку'рник*** ‘большой пирог’ (*Курники – это большие пироги, их пекли хоть из редьки, хоть из грибов, и из мяса пекли. Вот в Чистый понедельник курники на стол ставили* (Они Юсьв.) [СРГКПО: 133]); ***жа'реник*** ‘жареный пирожок’ (*Жарены пирожки с мясом жареники назывались* (Черд.). *Мясо-то, скот держали, мясо, супы да пельмени, да всё стряпали. Пироги да каши. Пироги мясные,капустные, всякие. У нас они пироги назывались жареники* (Верх-Давыдовка Ос.) [ДАКТиПЯ]). Можно предположить, что мясные пироги не были распространены в традиционной кухне жителей Пермского края так, как пироги с другими начинками. Связано это с тем, что, во-первых, дней мясоедов в календаре гораздо меньше, чем постных, во-вторых, мясо часто использовали в других блюдах, предназначенных для праздничного стола. Явное преобладание названий пирогов, в которых начинкой были продукты растительного происхождения, свидетельствует о том, что в традиционной кухне постная пища была основной.

С течением времени в кухне жителей Пермского края появились новые продукты, что привело к возникновению таких языковых единиц, как ***изю'мник*** ‘кондитерское изделие, печенье из муки с запеченым изюмом’ (*В будни дни хлеб пекли, а на свадьбу – изюмники, ягодники, розанцы* (Поськино Сол.) [СПГ 1: 357]); ***изю'мный пирог*** ‘пирог с изюмом’ ([На сладкое] *чай подавали, всякие пироги изюмные, сдобные* (Камгорт Черд.) *Изюмны пироги стряпали* (Попово-Останино Сол.) [КСРГСПК]); ***изю'мный карава'й*** ‘сдобное мучное изделие с добавлением изюма’ (*Коровай изюмный на свадьбу пекли; высокой он такой, белой, сдобной, изюму туда накладут* (Осокино Сол.) [СПГ 1: 419]); ***пови'дленник*** (*Повидленники пекут* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]); ***пови'дленный пирог*** (*Стряпаем пироги капустные, творожные, повидленные* (Камгорт Черд.) [там же]).

В пермских говорах фиксируются и другие названия сдобной сладкой выпечки, которая обозначается словами ***слатина'*** ‘кондитерские изделия, лакомства; сласти’ (*Делали вахли, пирожки стряпали маленькие с изюмом – вот и слатина была вся* (Осокино Сол.) [СПГ 2: 351]), ***сла'дость*** (*Магазин-от где торгуют, водки сколь хочёшь. Ну, вопшэм всё есь: конфеты, песеньё – всякая слатось* (Вёлгур Краснов.) [КСРГСПК]).

Обычно подобные выпечные изделия употребляли пищу в праздники, некоторые из них пекли специально к определенным дням. Например, лексемы ***козу'лька***, ***козу'лечка*** имеют значение ‘рождественское печенье в виде фигурок животных’ (*Рождество ходили утром по домам славить; славильщикам давали кто прянича; кто* ***козулечку****; козулечки настряпают – и рога, и хвостик, и ножки выстряпают* (Пянтег Черд.) [СПГ 1: 401]. *Козульки пекли из оржаной муки. Ничё не клали в них* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]. *Раньше в Рождество всё славить бегали, козульки настряпают* (Акчим Краснов.) [АС 2: 51]). Сладкая выпечка всегда сопровождала и свадебный стол, так, готовили ***ро'занцы*** (***ро'зки***) и ***ку'дри*** ‘домашнее печенье, хворост’ (*Раньше-то на свадьбу розанцы обязательно стряпали. Замесишь тесто, раскаташь, надрежешь его. Резок был, тако колёсико с зазубринками, и в масло бросашь* (Вогулка Ус.). *Розки стряпают. Их резцом нарежут, и на веретёшке-то и варим. Их все потом складут на решето и для смеху на лопате-то и подносят* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]. *Раньше на свадьбу обязательно кудри стряпали. Тесто тонехонько разоскут, нарежут полосочками, восьмерки навертят да в масле подсолнечном варят* (Белово Киш.) [СРГЮП 1: 439]).

Кроме этих единиц, в пермских говорах отмечаются другие названия печенья: ***ва'хля*** (*Вахли пекут: есть форма, где их пекут, их делают из простокваши с сахаром* (Камгорт Черд.) [СРГСПК 1: 192]); ***грузелёк*** (*Шаньги как грузелёк сделают, грузлевница была. И яминка была в ей* (Шарынино Орд.) [СРГЮП 1: 205]); ***катышо'к*** (*На Масленицу катышки стряпали, это сдобно тесто сделаешь, оно пресное. Тамо токо сахар, масло. Так накатаешь шарики. Они испекутся – такие румяные, такие вкусные. Большие не делашь, маленькие. Как конфетки* (Пожва Юсьв.) [СРГКПО: 117]); ***мали'на*** (*Делали из сдобного теста, кружок свертишь, яму сделашь – это и малина* (М.Романово Ус.) [СПГ 1: 503]); ***песо'чник*** (*К свадьбе песочники стряпали, по-нынешнему печенье* (Тюлькино Сол) [там же 2: 95]); ***смета'нник*** (Сейчас печенье делают сдобное, а тогда сметанники. Это подобие печенья. А потом пирожником его [тесто] разоскёшь и стаканом вырежешь (Редикор Черд.) [КСРГСПК]).

Одним из видов сладкой выпечки был пирог, состоящий из отдельных частей с начинкой, который в пермских говорах обозначался так: ***разбо'рник*** (*На Петров день разборник пекут* (Гаревая Чайк.). *Разборник – мучное изделие* (Солодяна Караг.) [СПГ]), ***разбо'рный карава'й*** (*Разборный каравай выпечен в круглой форме, тесто отдельными кусочками накладывается в форму и ставится в печь* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]), ***рассыпно'й карава'й*** (Были короваи, россыпные короваи, ето всё на Паске (Кикус Черд.) [там же]); (***разбо'рчивый***) ***карава'шек*** (*Разборчивые каравашки-то на молосном*

делали (Советная Сукс.) [СРГЮП 1: 72]. *Мне давала Галя малину, дак я всю исстряпала на каравашки. Каравашек-то ты ела, ну, разборник по-вашему* (Суксун) [там же]); ***раскла'дной пиро'г*** (*А тут вот я люблю делать раскладной пирог называтся. Возьмёшь с начинкой конфеты, разломишь пополам. Возьмёшь кружочек теста и в это тесто-то положишь конфетку. И вот его как завернёшь… Это называтся раскладной пирог* (Касиб Сол.) [КСРГСПК]); ***сло'йник*** (*Сделаем сочень, положим в серединку конфетку, потом скумчим и положим на сковородку. Это и есть слойник* (Камгорт Черд.) [там же]); ***компа'ния*** (*А на свадьбу готовили компанию* (Курашим Пермск.) [СПГ 1: 410]). Как видно из примеров, сладкой начинкой подобного пирога могли быть конфеты, но они появляются на столе жителей края довольно поздно (в XX в.), их, в отличие от большинства продуктов, покупали. В целом кондитерские изделия не были распространены в традиционном питании, о чем свидетельствуют записи разговоров с диалектоносителями: *Наладят маленько губы да капуста, а сластей не было* (Редикор Черд.). *И слатости не смили ись* (Говорливое Краснов.) [КСРГСПК].

4) Распространенных блюдом жителей Пермского края была каша, в пищу употребляли различные виды круп: пшеничную, ячменную, ржаную, овсяную, пшенную, гречневую. Готовили кашу из крупы, она называлась ***крупи'нник***, ***крупя'нка*** (*Крупинник – крутая каша, кутья – рис с изюмом* (Черд.) *Тюсь – перловая каша. Крупянка – каша из овса пользительная* (Ныроб Черд.) [КСРГСПК]), или же делали из крупы муку и заваривали. Такая каша в пермских говорах получила названия ***заболту'ха***, ***завару'ха*** (***завари'ха***), ***затиру'ха***, ***повали'ха*** (***повалю'ха***), ***салама'та***, ***сулo'й*** ‘каша из пшеничной или ячменной муки, заваренной кипятком’ (*Заболтуха из овсяной муки* (Карпичово Черд.). *Заваруху из муки делают* (Илаб Сол.). *Кашу из ясной муки заварим, заваруху. Из ясной муки заваруха лучше, чем из белой* (Говорливое Краснов.) [там же]). *Из муки завариху заваривали, кипятком заваришь* (Калинино Кунг.) [СРГЮП 1: 286]. *Затируху ели – только ложки свистят* (Чернушка) [там же: 320]. *Из белой муки заваривали, дак заваруху ешо звали кашей повалихой* (Илаб Сол.) [КСРГСПК]. *Есть нечо, дак повалюху сделам. Муку заваришь горячей водой, молоком забелишь, и хлебай* (Пожва Юсьв.) [СРГКПО: 187]. *Пойду-ка саламату заварю* (Бельских Сол.) [СПГ]. *Ясная мука была. Сварят её и забилят. Сулой. Всё и кормили* (Рожнево Черд.) [КСРГСПК]); ***размазня'*** ‘*блюдо из ржаной муки и постного масла*’ (*Еще, я помню, размазню ели. Засыпается ржаная мука и заваривается кипятком, и туда надо ложить постного масла* (Ножовка Част.) [СРГЮП 3: 14]); ***щелку'нья*** ‘каша из ячменной муки, заваренной кипящим молоком’ (*Шшолкунью делали из ясной муки, из ячменю. Молоко скипятят круто и заварят* (Попово-Останино Сол.) [КСРГСПК]). Иногда в кашу добавляли

сусло ‘сладковатый безалкогольный напиток, настоенный на солоде и муке’ и ягоды, что отразилось в словарных дефинициях таких слов: ***жарови'ха*** ‘кушанье из ячменной муки или толокна с клюквой или другими ягодами’ (*Каша из муки с ягодами – жаровиха* (Черд.) [там же]); ***кула'га*** ‘тестообразное кушанье из ржаной муки и солода (иногда с ягодами) (*Я раньше кулагу любила; кулага – это замешают просеяной солод, не шибко густо, разотрут; когда клюкву бросят* (Тюлькино Сол.) [СПГ 1: 448]); ***шо'миша*** ‘каша из пшеницы или ржи, заправленная суслом’ (*Рожь напарим, шомшу сделаем, хлебаем с суслом. Густая она, как каша* (Марушева Черд.). *Напарят рожь в печке. Не сварят, а только чуть водички нальют, и в печке она разопреет. И это хлебали с суслом, и вместе с суслом шомша называлась* (Ныроб Черд.). *Из пшеничи делают шомшу, как каша это* (Ныроб Черд.) [КСРГСПК]).

Данные пермских говоров свидетельствуют о преобладании в рационе жителей Пермского края в прошлом двух видов круп: ячменной и овсяной. Ячменная крупа могла быть из целых или из раздробленных зерен, в пермских говорах для названия перловой (из целых зерен ячменя) использовались лексемы ***тусь*** (***тюс***, ***тюсь***) и ***то'лстая крупа'*** (*Ячмень раньше называли толста крупа, а по-деревенски: – заспа* (Акчим Краснов). *Ячмень возьмём, истолкём, высушим, прополем, заспу подсушим, в чугунку ложим, сывороткой заливам... шти называм* (Акчим Краснов.) [АС 1: 329]. *Перловка у нас называли тусь* (Ветлан Черд.). *Тусь – толстая крупа. Ячмень вытолкут в ступе* (Тиуново Гайн.). *Раньше-то тюс толкли. Толстая-то крупа тюсом зовётся* (Марушево Черд.) [КСРГСПК]. *Из толстой крупы шти сварим и сбуживам, хлебам, едим в Велико-то говеньё. Толстая крупа – это ячмённая крупа* (В. Мошево Сол.) [СПГ 2: 440]). Крупу из дробленого ячменя называли ***за'спой***, ***крупя'нкой*** (*Заспа – ячменная сечка. Тус – это целиком зерна* (Бондюг Черд.). *Крупянка – крупяны шти, жиденька каша. Толста крупа – тус, штями зовём, мелка крупа – то крупянка* (Тиуново Гайн.) [КСРГСПК]). Материалы картотеки СРГСПК показывают, что *сечка* обозначает не любую дробленую крупу, как в литературном языке [Ожегов: 715], а мелкую крупу из ячменя: *Сечка – из ячменя, ну дак она рубленая, как вот и сечка и есть* (Пянтег Черд.). *Из ячменя-то толстая крупа, мелкая крупа из ячменя – сечка* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК].

Большое место в питании жителей Пермского краям занимала овсяная крупа и приготовленное из нее толокно. В говорах региона зафиксировано несколько единиц, обозначающих кушанья из толокна: ***болту'шка***, ***деже'нь***, ***жаварёха***, ***кишкома'р***, ***лу'да***, ***месу'шка***, ***поболту'ха***, ***помаку'шка***, ***су'хо***, (***сухо'е***), ***сухо'е толокно'***, ***сухо'е на масле***, ***сырое'жка***, ***толоку'шка, тю'ря***. Такое количество слов связано как с разными принципами номинации кушанья, так и с неполным

совпадением семного состава лексем. Так, диалектоносители разводят значения слов *дежень* и *луда* по признаку густоты блюда: *В квас или в сусло мешают толокно жиденько и хлебают с хлебушком, дежень называется* (Ныроб Черд.). *Дежень – его мешают жиденько, а луду густенько, мешают его в квасу* (Редикор Черд.). *Сделаем луду из толокна, густо намешаем и едим, а если жидко намешаем, то дижень называется* (Марушева Черд.). *Луду раньше хлебали. Толокно густо замешивают на квасу и хлебают с молоком или с суслом* (Пянтег Черд.). *Луда. Тоже замешают на воде толокно-то, на холодной. Густо получается, а потом хлебают с водой или с суслом. Это и есь луда* (Ныроб Черд.) [КСРГСПК]). В СРНГ одно из значений лексемы *луда* ‘толокно, замешанное на молоке’ [СРНГ 17: 177], в говорах же севера Пермского края, как мы видим, напиток, которым разводят толокно, не имеет значения. Таким образом, этим словам можно дать следующие дефиниции: ***дежень*** ‘толокно, негусто замешанное на квасе, сусле т.п.’; ***луда*** ‘толокно, густо замешанное на молоке, квасе, сусле и т.п.’

Этот же признак густоты блюда лежит в основе номинации следующих единиц: ***сухо*** (***сухое***), ***сухое толокно***, ***сухое на масле***: *В сухо шибко много толокна намешают – вот и сухо выйдёт* (Марушева Черд.); *Намешают толокна в сусло – сухо будет* (Ныроб Черд.). *А сухое – это квас, сахар наложишь, толокно. Это густо-густо намешашь, ну совсем уж оно сухое* (Кирьяново Черд.). *Сухое на масле – блюдо такое. Масла туда дивно ленёшь, толокна намешашь густенько – приторомно есь даже, ну густо* (Редикор Черд.). *Сухое толокно. Воды маленько, сахарку* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]. Эти единицы фиксируются только в на севере Пермского края, в других русских говорах та же реалия называется словом ***сухомес*** ‘кушанье из толокна, круто замешанного на воде или молоке с добавлением соли, растительного масла или меду, патоки, ягод’ [СРНГ 43: 18].

Наличие развитой системы вариантов наименований этой реалии свидетельствует о распространенности этого кушанья в прошлом в быту крестьян Пермского края. Толокно было традиционным продуктом питания не только в Прикамье, но и на Русском Севере [2], культура употребления толокна была принесена выходцами оттуда. И.С. Лутовинова отмечает, что в севернорусских говорах существует множество синонимов, имеющих значение ‘овсяная каша, как густая, так и жидкая’, образованных от основы существительного *толокно* с помощью различных суффиксов [Лутовинова 2005: 15-16].

Большое место в питании населения Пермского края занимали различные овощи: брюква (в говорах *бухва* и *калига*), капуста, репа, редька, картофель. Словом каша в говорах обозначались не только кушанья из крупы, как в литературном языке, но блюда из сваренных

овощей: ***ка'лежница***, ***ка'лижная каша***, ***бу'хвенная каша*** ‘каша из брюквы’ (калига, бухва ‘брюква’), ***ре'пная каша, ре'пница*** ‘каша из репы’, ***карто'вная каша*** ‘картофельное пюре’, ***свеко'льник*** ‘каша из свеклы’, ***турне'чная каша*** ‘каша из турнепса’. Использовались овощи также в качестве начинки пирогов, пельменей и для заправки супов.

Капусту использовали не только свежей, но и квасили на зиму, в пермских говорах отмечено несколько языковых единиц со значением ‘соленая капуста’: ***сда'вленка*** (*Заварённая-то капуста не твёрдая, а сдавленка скусная и твёрдая* (Осокино Сол.) [СПГ 2: 325]; ***се'ченка*** (*Ситенка. Зеленя изрубим. Верхние зелёные листья скоту бросам. Хорошо-то капуста называм. Подле кочень беловато – ситенка. Изрубим мелконько, заварим, заквасим, в кадце ночует, затиснет – вытаскивам на мост, там выстынет. Ситенку наливают в крупу, кипятишь, сваришь, крошками ешь* (Ужиткарс Гайн.). *Сиценка – капуста рублена в корыте* (Кривец Ильинск.) [КСРГСПК]); ***толчёнка*** (*Толчёная капуста. Котора к весне толчёнка. Изрежем пласточками, подсолим, немножко потолчём, слоёчек навалим, опять потолчём* (Шипицыно Гайн.) [там же]); ***пласто'вая капу'ста*** ‘капуста, засоленная пластами’ (*У соседки была пластовая капуста, дак она мне целую пластину принесла – я всю умяла* (Андроново Чернуш.) [СРГЮП 1: 371]); ***полиро'ванная капу'ста*** ‘шинкованная капуста с добавлением сахара и яблок’ (*Попробуйте капусту-ту, она у меня, правда, не полированная, ни сахару, ни яблочка не положено, дак так-ту ядреная* (Касиб Сол.) [СПГ 1: 377]); ***се'ченая капуста*** ‘рубленная сечкой капуста’ (*Капусту квасят сиценую, иссекут её* (Покча Черд.). *Капуста бывать сечёная, пластовая, колды её давят* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК]); ***шинко'вая капу'ста*** ‘шинкованная капуста в засоле’ (*Шинковую капусту делали – вдоль кочана ее всего шинкуют; я счас токо такую и делаю – зубы-те нету дак* (Дуброва Сол.) [СПГ 1: 377]). Квашеную капусту добавляли в супы (***ки'слыми штя'ми*** назывались щи с квашеной капустой), тушили (***гре'тая капуста*** – кушанье из тушеной квашеной капусты), клали в пельмени (***ки'сленые пелья'ны*** – пельмени из квашеной капусты). Солили (квасили) не только капусту, но и ботву брюквы, репы, редьки. Такая ботва называлась ***кислы'*** и употреблялась в качестве начинки для пирогов: *Раньше рубят верёху – рубят, режут – солят ретешны, калежны кислы. Сёдня я из кисел пироги напекла, вкусно поели* (Акчим Краснов.) [АС 2: 43].

Различные корнеплоды (репу, брюкву, свеклу) также парили в печи. Это блюдо называлось ***парёнки*** **и** ***печёнки***: *Ретюшки, брюкву ли, калегу, в русской печке как испекешь, потом режешь кусочками. В сусло потом, и на стол хлебать* (Сёйва Гайн.) [СРГКПО: 178]. *Парёнки-те тожно бучкали зиму-то (много раньше саживали репу-ту), скусные очень* [паренки], *не хуже груши* (Ныроб Черд.) [СРГСПК 1: 173]. *Калигу, если*

печь вытопится, ставим в печь, так называм печёнки (Покча Черд.). *Из свёклы тоже печёнки делают* (Покча Черд.) [КСРГСПК]. Парёнки могли заготавливаться впрок на зиму, тогда после выпаривания в печи их сушили, такое блюдо называлось ***сухие*** (***сушёные***) ***парёнки*** (*Парёнки. Репу, калегу, свёклу, можно морковь, их чистят, режут, а потом сушат. Выпарят в печке, они выпреют, потом на лист их накладёшь, они высохнут, будут сухие парёнки* (Черд.). *Парёнки с квасом ела. На зиму насушат. Вымоют их, распарят, квасу нальют, и они настоятся вкусные* (Попово-Останино Сол.). *Сушёные парёнки. Да из калеги, да из репы* (Камгорт Черд.) [там же]) или ***сушёнки*** (*В начале выпарят брюкву или репу, а потом сушат* (Покча Черд.) [там же]).

О важной роли овощных культур в питании жителей Пермского края свидетельствует поговорки: *Из редьки семь перемен. Ретецька-де тёрта, да ретецька-де соком, ретецька соцьнями, ретецька топками, да ретецьку так поедим, ретецька парёна* (Купчик Черд.) [там же]. *Раньше в шутку говаривали: «Губнича, морковнича – репнича, картовнича, основная еда»* (Чернушка) [СРГЮП 3: 37].

Жители Пермского края использовали в пищу различные дикорастущие растения: побеги хвоща полевого (*пестики*), стебли борщевика (*пикана*), дикую редьку (*гоныш*, *пустосёл*, *орюпа*, *ретюга*, *серьгабуз*), соцветия ели и сосны (*гузёнки*, *едоки*, *ёлка-ягоды*, *крупянки*, *козоль*, *костыльки*, *лесные ягоды*, *прянички*, *свечки*, *семенушки*). Особенно большое значение приобрели эти растения в голодные годы Великой Отечественной войны, о чем свидетельствуют экспедиционные записи: *У-у, когда репейный пикан пойдёт, дак мы всё лето сытые. В войну их ели* (Обвинск Караг.) [ФСПГ: 272]. *Весной от голода спасались, так круплянки сладкие жевали с ёлок* (Ленск Кунг.) [СПГ 1: 442].

Побеги хвоща полевого и стебли борщевика входили в традиционный рацион жителей Прикамья издавна, поэтому в пермских говорах фиксируются названия различных блюд из этих растений. Так, запеканку из полевого хвоща с яйцами и молоком называли ***пи´щница*** (*Ой, пистики каки были. Мы злые на эти пистики… Им не хватало питания или что. Мелконьки, крупны, таки толстые. Их нарвёшь делали пищницу, яищницу. Тожо изрубишь в корыте, мясорубки раньше не было, молоко линёшь, яичко – и поставишь в печь* (Пухирёво Сол.) [КСРГСПК]); ***пи'стичная яичница*** (*Пестики очистят, порубят, зальют ичком, и пестична яичница будёт* (В. Мошево Сол.) [СПГ 2: 96]); ***крупи'шница*** (*Весной как пистики на полях выйдут, собирали их да крупишницу пекли – запекали с яичками да с молоком* (Филатово Ильинск.) [там же 1: 442]); ***пи'стиковая каша*** (*Пистики* [ели]. *Кашу с маслом. Пистикова каша* (Тиуново Гайн.) [КСРГСПК]); ***пи'стешница*** (*Пистики измельчат и с ичками да с молоком приготовят, вот и пистешница* (Казанцево

Чернуш.) [СРГЮП 2: 331]); ***пи'стишна*** (*Пистишну ели, с яйцом и молоком пекли, пироги стряпали из пистиков*. (Пирожково Бер.) [СРГЮП 2: 333]).

В словарях пермских говоров и их картотеках также упоминаются разнообразные кушанья, которые готовили из *пиканов*. Например, ели вареные пиканы с квасом: *Весной дудка у пикана мягкая, тогда их и собирают. Очистят стебель от листьев, нарежут и варят стебель. Солят, а потом едят, добавляют квас* (Березники Сив.) [СПГ 2: 99]. В диалектных пермских словарях мы находим лексемы ***пика'нница*** ‘блюдо типа окрошки с пиканами (борщевником)’ (*Делаем часто пиканницу с пиканами – как окрошка, с квасом* (Моховляны Лысьв.) [СРГЮП 2: 325]) и ***шо'миша*** с этим значением (*Шомшу я и сейчас ем, и робята у меня тоже любят, пиканы с квасом сделашь и вот* (Пож Юрл.) [СРГКПО: 267].

Слово ***шомша*** происходит от коми-пермяцкого *шӧма* ‘кислый’ [КПРС: 567] и *шыд* ‘суп, щи’ [там же: 575]. Иногда пиканы солили, как капусту, и добавляли в различные кушанья (*В голодные годы-то борш ели – траву. Пиканы иссеку, заквасю и варю* (Пянтег Черд.). *Пиканы – такие мохнатые, варят их, капусту делают из их* (Илаб Сол.) [КСРГСПК]), а также просто запекали в печи (*Пиканы в печке направлю да и кормлю всю семью* (Григорьевская Нытв.) [СПГ 1: 563]. *Пиканы насекёшь, как говно, их накаташь, на печке напекёшь. Так и ешь* (Дий Черд.) [КСРГСПК]). Широкое употребление пиканов в пищу на территории Пермского края привело к появлению хрононима ◊ ***пиканное воскресенье*** ‘воскресенье через неделю после Троицы, заговенье на Петров Пост’ (*После Троицы Цветково заговенье, так это и Пиканно воскресенье* (Илаб Сол.). После *Троицы – Пиканно воскресенье, в Пиканно воскресенье ходили на луга с шаньгыма. Чё у кого есть (там брага, кисель, каша), с собой носили, там угощались* (Марковина Караг.) [Черных 2009: 49].

Добавляли *пестики* и *пиканы* и в муку при приготовлении хлеба: *Пиканы такие растут оне, дудкима. Молоды-те они мягкие. Их но запаришь, а иногда и. Дак и в хлеб да куды да, везде запекали* (Кедровка Черд.). *Алябушки, хлеба-то не было, дак перерошшые пистики, клеверные сосульки, всё запекали* (Илаб Сол.) [КСРГСПК]. В пермских говорах фиксируются наименования различных выпечных изделий с примесью побегов хвоща полевого и других растений: ***завалю'шки*** (*А молоденьки, маленьки были, собирали пистики. дикий клевер. Собирам головки пистики, мать перемелет на мельнице, и такие завалюшки пекли нам, табалюшки, маленькие булочки* (Ракшино Кудымк.) [СРГКПО: 98]); ***зелену'шки*** (*Пистики с ячменем раскатают и пекут зеленушки* (Каргино Ильинск.) [СПГ 1: 324]); ***оля'бушки*** (*Олябушки в войну делали из пистиков и чуть-чуть мучки прибавишь* (Илаб Сол.) [КСРГСПК]);

травяну'шки (*Хлеба-то не было, травянушки ели. Пистики ле, клевере ли истолкёшь, мучки добавишь, испекёшь – вот и травянушки* (Грудная Караг.) [СПГ 2: 446].

Материалы СРНГ и других диалектных словарей показывают, что названия кушаний из борщевика и хвоща полевого фиксируются только в говорах Урала и Приуралья: *пиканница* ‘суп из пикана’ (удм.) [СРНГ 27: 23], *пистишница* ‘кушанье из молодых побегов полевого хвоща – пистиков, сваренное на молоке’ (перм.) [там же: 50]. Упоминания об использовании этих растений в качестве употребляемых в пищу мы находим в этнографических источниках по Русскому Северу: «В традиционном питании большую роль играли дикорастущие растения. Их обычно собирали весной. В пищу употребляли побеги полевого хвоща, получившие в народе разные названия: песты, пестики, пистики, пестушки, письники и другие, а также его клубни. Ели дикий лук, чеснок и щавель (кислицу), стебли зонтичных растений» [Русский Север 2004: 389].

Подобную локализацию лексем можно объяснить влиянием на рацион жителей территории Русского Севера, Урала и Приуралья традиций питания финно-угорских (пермских) народов. Так, у коми-пермяцкого народа блюда из *пиканов* и *пистиков* являются национальными и до сих пор употребляются в пищу. Существуют подобные кушанья и у удмуртов, например, холодная похлебка с квасом и борщевиком в удмуртской кухне называется *чырс* (ср. *шомша* у коми-пермяков). В.В Похлебкин считает, что употребление этих растений характеризует именно финно-угорскую (пермскую) кухню: «Из применяемых только в пермяцкой кухне продуктов следует отметить молодой полевой хвощ (пестики) и пиканы (растение, близкое к ангелике). Их используют как овощи в супах, в пирогах в виде начинки и в пермяцких “селянках”. Под этим русским названием в пермяцкой кухне фигурируют яично-молочные смеси, выпекаемые, как яичницы, на сковородках в печи (а не на огне) и сдобренные большим количеством мясных, рыбных, грибных или овощных добавок» [Похлебкин 2004: 317].

Е.Н. Полякова отмечает, что в питании жителей Верхнего и Среднего Прикамья большую роль играли мясной и молочный стол, их роль особенно возрастала в холодные, неурожайные годы [Полякова 2009б: 5].

Мясные блюда готовились с помощью тушения (томления в печи), жарения и варки, в пермских говорах отмечены такие языковые единицы: ***жарёха*** (*Поросят не продавали, сами жарили жарёху* (Занино Киш.) [СПГ 1: 253]); ***печёное мясо*** (*В мясоед молосная пишша: жареное мясо и пецёное* (Кикус Черд.) [КСРГСПК]); ***тушёнка*** ‘мясо, тушённое с картофелем и луком’ *Картошку нарежем и мясо на маленьки кусочки,*

лук. Это называтся тушёнка (Акчим Краснов.) [АС 6: 55]); ***холо'дное мя'со*** (*Холодное мясо – ето просто сварёно мясо, только холоднее* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК]). Для долгого хранения мясо солили, а потом использовали для приготовления блюд: *Мясо осолят и в леднике летом держат. Это погреб, туда снегу набьёшь* (Вогулка Ус.) [СПГ 2: 51]. Соленое мясо называли ***солони'ной*** и ***солони'нкой***: *Чё-ко вы не или солонинку-ту?* (Краснов.). *Давай кушай солонину* (Сыпучи Краснов.) [КСРГСПК]. Одним из способов заготовки мяса было вяление. Е.Н. Полякова отмечает, что в пермских памятниках письменности вяленое мясо называлось *провеслым,* однако в современных пермских говорах это слово не сохранилось [Полякова 2009б: 7]. Сам же способ заготовки мяса жители Прикамья использовали: *Мясо томили. Где-то оно на голубнике, на вышках весится. Не шибко большими кусками, просолено. Не сильно – чтобы можно варить* (Сивково Сукс.) [СРГЮП 1: 191]. Мясная пища не была повседневной, часто она готовилась в праздники: *Кушанье почётно. Капуска с жарким, мясо в сале нажарят* (Купчик Черд.) [КСРГСПК]. *И вот праздник – дак капуста квашеная – рубленка, мясо отварное, вот его разделашь как на нитки-то эти, и вот перемешашь и вот это было на столе* (Ножовка Част.) [СРГЮП 3: 50]. Мясные блюда были обязательны на свадебном столе, в одной из записей диалектоносители говорят о том, что их должно быть двенадцать: *Одного мяса, чтобы было двенадцать переменных мяс* [на свадьбу] (Пянтег Черд.) [КСРГСПК]. В этнографических записях П.С. Богословского (1926) отмечаются такие свадебные блюда: *Обед после венца: рыбный пирог, студень (холодное), холодное мясо с хреном, окорок, заушица, ноги, язык, щи, лопатка жареная, середка жареная, холка жареная, поросенок жареный, пирожное (хворост), вахли, картофельная селянка, гороховая селянка, морковная селянка, селянка с рыбьей икрой, просовая селянка, картофельный кисель* (Каловая Александр.) [ЭССТСП: 158]. В диалектных материалах зафиксированы названия различных мясных блюд свадебного стола: ***голо'вка*** *‘блюдо из телячьей головы, которое подают на свадьбу’* (*К свадьбе уж завсегда головку ладили: телячья голова, в иё мяса накладут, как на пельмяни сделают, подают на сковороде, а сперва-то её обдирают и обваривают кипяточком* (В Мошево Сол.) [там же: 42]); ***гу'ска*** ‘куриный зад, обязательное блюдо для молодых’ (*Курицу, гуску (детородный орган у курицы считается) обязательно чтоб жених съел с невестой. В свадьбу молодым давали* (Никольское Караг.) [там же: 44]); ***лы'тка*** ‘обрядовая еда на обрученье’ (*В обрученье подавали лытку – тонкую кость окорока, украшена цветной бумагой* (Черд.) [там же: 85]); ***поросёнок*** ‘зажаренный целиком, фаршированный поросенок’ (*Поросёнка подавали в начинённом виде* (на свадьбе). *Поросёнок пекётся и мясо пекётся. Мясом начинят* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК]). *Поросёнка на*

свадьбу только начиняли салом, крупой и запекали в печке – так, спроста (Ленск Кунг.) [СРГЮП 3: 166]). Любое блюдо с добавлением продуктов животного происхождения могло стать свадебным, так, часто подавали на свадьбе холодец, в говорах для его обозначения используются лексемы ***сту'день*** (*Мы студенью раньще звали холодец* (Илаб Сол.). *Суп наливают, студень тожно несут.* Кикус Черд. [КСРГСПК]); ***холоде'ц*** (*Холодец из ножек варят. Рубят мелко. Кушанье почётно* (Купчик Черд.). *Пирог рыбной на свадьбе, холодец, пиво*. Камгорт Черд. [там же]); ***холо'днее*** (*Холоднее подавали (на свадьбе), раньше холоднее звали* (Пянтег Черд.). *Холоднее состряпаешь. Ножки изладишь, голова ли чё ли. Изрубишь, сваришь* (Анисимово Черд.) [там же]); ***холу'нья*** (*Холунья, ли студень, делают цеснок* (Велгур Краснов.) [там же]). Готовили в качестве праздничных блюд также ***лапшу*** и ***пельмени***: *Лапша сальная была на свальбах. Гольное сало сваришь, лапшу спустишь* (Вильва Сол.) [СПГ 1: 465]). *На третий день свадебжаны пельмены стряпают, ето выгонишшыки называются* (Кикус Черд.) [КСРГСПК]. *На второй день гостей угощать уж заставляют, пельмени варить. Никто не мешал, пельмени уже настряпаны были, морожены. Вот постряпушки, пироги, караваи-разборники* (Берёзовка) [СПГ 2: 186]. В Юрлинском районе Пермского края готовили особое свадебное блюдо – ***заветные пельмени***, по которым гадали о судьбе: *Во второй день у нас ещё пельмени заветные стряпали, по ним загадывали, исполнится желание или нет* (Пож Юрл.) [ЭССТП, 108]. Пельмени – одно из самых распространенных мясных блюд как повседневного, так и праздничного рациона в Пермском крае. Е.Н. Полякова отмечает, что «пельмени с древности были распространены в Прикамье, они были удобной пищей для охотников, зимой уходивших на промысел надолго и далеко» [Полякова 2009: 12]. Пельмени часто становились также блюдом поминального стола: *Раньше всё на поминках три ествы только делали. Дак вот пирог, пельмени и шти молосны ле ну и суп. Вот и всё* (Усть-Уролка Черд.) [КСРГСПК].

Сама лексема ***пельмень*** (в пермских говорах ***пельмя'нь, пелья'н***) заимствована из коми-пермяцкого языка, в котором образовано сложением двух слов: *пель* ‘ухо’ и *нянь* ‘хлеб’ («хлеб в виде уха»). Пельмени в пермском крае делали не только с мясом, но и с рыбой, капустой, редькой, репой, творогом, грибами: *Стряпню стряпам постоянно, это вот зовут шаньгима, это вот ватрушки, ушки делали, пельмени рыбные, губные, капусные* (Томилово Черд.) [КСРГСПК]. *В выходной-то день настряпаю, бывало, пельяны капустные, мясные, твороженые, из редечки – всю неделю потом безбедно жили* (Красный Ясыл Орд.) [СПГ 2: 82]. В пермских говорах существует также номинативное сочетание ***холщо'вые пельмя'ни***, которое обозначает пельмени из ржаной муки, с начинкой из капусты: *Белой муки не было, дак мама стряпала холщовые пельяны из*

ржаной муки, и то токо по праздникам (Усть-Коса Кос.) [СРГКПО: 179-180]. *Колды холщовые пельмяни изладишь, из оржаной муки, капуста наголь* (Володино Сол.) [Там же].

Употребляли в пищу сало, его солили и коптили: *Солила сало. Я луковой шелухе солила, мне нравится. Раньше солили просто. У папки был ящичок липовой. Слой сала кусочкам наложит и сверху соли, чеснок, и всё, сверху придавит* (Ножовка Част.) [СРГЮП 3: 120]. *Кабанчиков много держат на сало* (Бондюг Черд.) [КСРГСПК]. Однако данные пермских говоров показывают, что чаще этот продукт использовали для жарки, предварительно его могли вытапливать: *А в подойницах-то вот сало топят, да чё, а через рожок сливают. Подойницу-то для топки сала брали* (Черновское Больш.) [СПГ 26: 126]. В пермских говорах используется зафиксировано несколько лексем, имеющих значение ‘остатки, полученные при вытапливании сала’: ***вы'топки*** (*Сало жаришь, остаются вытопки* (Покча Черд.) [КСРГСПК]); ***ото'пки*** (*Отопки останутся, сало топят дак; картошку в их жарят, в отопках-то* (В. Мошево Сол.) [СПГ 2: 59]); ***ошу'рки*** (*Ошурки называли после топки сала нутряного. Сало топлёно сливашь, ошурки остаются* (Кривец Ильинск.) [ДАКТиПЯ]); ***сморчки'*** (*Сало перетопят, нарежешь мелконько, растоплятся, сморчки-те остаются – поросёнку снесёшь* (Половодово Сол.) [КСРГСПК]). В пищу употребляли также кушанья из мясных субпродуктов и говяжьей крови. Внутренности животных обычно использовали для приготовления супов, пирогов, холодца. Кроме литературного слова ***сбой*** ‘голова, ноги и внутренности убитого животного, употребляемые как пища’ [Ожегов 2008: 698], собирательное обозначение субпродуктов имеют в пермских говорах лексемы ***бой*** (*На печке из боя пирожки жарили. Сваришь, и жаришь в печке, перепечки звали* (Тюинск Окт.) [СРГЮП 1: 65]); ***осе'рдие*** ‘употребляемые в пищу внутренности убойных животных’ (*Осердьё всё вместе: сердце, печень, легкие – сварят, изрубят и пироги делают* (В. Мошево Сол.) [СПГ 2: 49]. *Из коровьего осердья варили похлёбку: лёгкое, сердце, печень* (Покча Черд.) [КСРГСПК]); ***печёнки*** ‘требуха животного (сердце, легкие, печень, почки)’ (*Уже люди печёнки несут, а ты на охоту идёшь* (Романово Ус.) [СПГ 2: 97]); ***по'трох*** (*Сбой – весь потрох в животном, там и лёгкие, и сердце* (Ныроб Черд.). *Из капусты пироги делают, из потроха из скотского, из осердия* (Купчик Черд.) [КСРГСПК]); ***смо'лость*** *(Летось курицу зарубили, дак смолость-то шибко уж была жирная. Я желудок вылуплю, зерно вытрясу, сдеру кожу-ту, дак мясо-то и сало шибко сладкоё. Из лесу грибов нарубили да смолости-то положили, дак какие сладкие пироги-то были* (Толстик Сол.) [СПГ 2: 359]). Из внутренностей домашних животных готовили похлёбку, которая называлась ***ушно'*** *(Ушно из ливера, в виде супа. Сначала сварят, изрубят. А потом кушают*

(Камгорт Черд.) *Сварят лёгкое, осердье, ушно получается* (Кикус Черд.) [КСРГСПК]). Кроме пермских говоров, лексема ***ушно'(е)*** с этим же значением отмечается в говорах Среднего Урала, а также в северо-западных русских говорах, в которых может обозначать суп, мясной навар, лапшу [Даль 4: 1123]. Слово является производным от *ухо* со значением ‘отвар, навар, похлебка’ [Шапошников 2: 467]. Употребляли в пищу также кровь. Обычно ее запекали или жарили, в пермских говорах фиксируются лексемы ***запека'нка*** ‘блюдо из жареной крови’ *(Из крови делают запеканки. В столовой возьмут кровь, наливают на сковороду и она жарится на масле* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК]) *и* ***кровя'н*** *(У нас кровь не выпускают, а пекут в пече; она, как коровай, испекется; кровяном звали* (Тетерино Сол.) [СПГ 1: 439]). Встречаются упоминания и об употреблении ее в сыром виде: *Кольщик был один, всегда уж кровь ему сырую наливали пить* (Ленск Кунг.) [СРГЮП 1: 403].

С мясом готовили также супы. В пермских говорах противопоставлялись лексемы ***похлёбка***, ***похлебе'нь***, ***похлебе'ц*** ‘суп без мяса’ (*Ежели мяса не накладено – похлёбка* (Купчик Черд.). *Похлёбка – картошка, вода и лук. Суп – ишо мяс* (Тиуново Гайн.). *Без мяса – похлебец, картошки положат, капусты, раньше шти варили* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК] и ***суп*** ‘жидкое блюдо на мясном бульоне’ (*Похлёбку налили. Щи заправлены, суп заправлен, а похлёбка – капуста, картошка* (Редикор Черд.). *Суп. Накрошила мяса. Похлёбка не суп, отличается* (Половодово Сол.) [там же]). Лексема ***щи*** (***шти***) могла обозначала различные виды жидких блюд: ***моло'сные шти*** ‘щи с мясом’ (*Шти молосные, суп нонешной* (Редикор Черд.) [там же]. *Молосные шти завсегда с мясом, хоть капустой, хоть крупой заправишь* (Толстик Сол.) [СПГ 2: 561]); ***то'лстые*** (***отрёпные***, ***по'стные***, ***толстопя'тые***) ***шти*** ‘похлебка с перловой крупой, обычно с добавлением простокваши или сыворотки’ (*В нескольких водах* [крупу] *вымоешь и кипятить. Потом в тарелку можно сметаны, ето толстые шшы, или постные* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК]. *Бабушка шти отрёпные сварила в русской печке, из толстой крупы, сейчас поедим со сметаной* (Юм Юрл.) [СРГКПО: 268]. *Ишо мы ячмень, овёс запаривали в пече да стряпали постные шти* (Акчим Краснов.) [АС 6: 240]. *А суп какой варили? – Ну когда чё положишь. Когда гроху, когда рису с мясом, молочные шти, а постные – толстопятые шти зовутся* (Черд.) [КСРГСПК]. Таким образом, в названиях жидких блюд также проявляется противопоставление по признаку постное / скоромное.

Если не было поста, то в пищу употребляли также молочные продукты и яйца. Часто молоко заквашивали, томили в печи, в говорах отмечены языковые единицы, называющие топленое молоко: ***варене'ц*** (*Варенец – парёное молоко* (Оралово Краснов.). Варёное молоко – варенец

будёт (Керчево Черд.) [СРГСПК 1: 188]); ***варёное молоко*** (*Кислое молоко, творог, сметана, холодное, варёное молоко с пенками красное, всё мешают и так едят* (Половодово Сол.) [КСРГСПК]); ***варени'к*** (*Вареник часто ставлю, молоко в печке напаришь, и всё* (Пож Юрл.) [СРГКПО: 58]) и квашеное молоко: ***кисло молоко*** (*Оденьё – отходы от молосного масла. Идёт в стряпню. Вроде, на кисло молоко находит. Сливошно масло ставят в печку, остаётся оденьё* (Ужиткарс Гайн.) [КСРГСПК]); ***кисля'к*** (*Молока-то не осталось, дак попей кисляк – вон в банке на окошке стоит* (Мишариха Лыс.) [СПГ 1: 390]); ***простоква'ша*** (*Молоко нацежу, вынесу на улицу. Заношу в комнату, дня три постоит, делается простокваша* (Вильгорт Черд.) [КСРГСПК]); ***простоки'ша*** (*Простокиша – молоко кислое* (Покча Черд.) [там же]).

Использовали в пищу коровье молозиво, которое запекали в печи: *Сырысно де молоко-то како, его ставят в печи оно станется караваем, как яйца набьются, жёлто* (Редикор Черд.). *Его* [молозиво] *надоишь, поставишь в печь, так оно как яичница делатся. Оно густое сперва, сжелта* (Касиб Сол.) [КСРГСПК]. Это блюдо иногда называли ***селя'нкой***: *Селянку пекут, когда корова телится. Садят молоко в печь. А молоко-то густое, его садят в печь, в чашку нальют, в печь посадят. Потом оно испекётся* (Еранина Черд.) [там же].

Из молока получали сметану, масло, творог, эти продукты часто использовали для приготовления различных вкусных праздничных блюд. Сливочное масло в пермских говорах называлось ***коро'вьим***, ***моло'сным***, ***скоро'мным***, ***ско'тским*** (*Картовну селянку ладили: картошку измешашь, ичко толкнёшь, молока нальёшь; селянку коровьим маслом сверху помажешь. Испекётся – ножом можно резать* (Жуланова Сол.) [СПГ 2: 329]. *Масло скоромно скипятят, спускают пострепеньки* (Половодово Сол.). *Розки варят в молосном, скоромном масле* (Камгорт Черд.). *Варит в масле скотском* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]. Для того чтобы сливочное масло лучше хранилось, его перетапливали: *Масло перетоплишь, будет топлёнка* (Покча Черд.). *Варёно-то варёно и есть* [молоко], *топлёно только масло бываёт, а молоко-то не бываёт топлёно* (Пянтег Черд.) [там же].

С творогом пекли пироги, делали вареники – ***большие пелья'ны*** (*Сёдни больших пельянов настряпала, творожку маленько было дак* (В. Мошево Сол.) [СПГ 2: 82]) и запеканки – ***творо'жницы*** (*Творожницы — масло, яйца, сметану, сахар – пекут на сковороде не толсто, чтобы пропеклося, потом режем* (Акчим Краснов.) [АС 6: 13]. Для сохранения творога из него удаляли лишнюю жидкость и высушивали, получался сыр, который затем добавляли в пироги: *Пироги из сыру. Солёный творог. Вот творог свежой выцедишь, высушишь, твёрдый станет, каравашки,*

потом размачивали и из этого пироги стряпали (Вильгорт Черд.) [КСРГСПК].

Кушанья из молочных продуктов часто готовили на церковные праздники. Так, в говорах отмечено несколько единиц – названий пасхальных блюд: ***гладене'ц*** (*Гладенец делали на Пасху. Гладенец-то это что-то! Это топленое молоко, ну вот цельное топленое молоко, оно заквашивалось сметаной. Туда клался изюм и разливалось сразу в тарелки. И сверху-то, когда уже есть, песочку посыплют. А эту, паску делали из творога-то. У нас вот был такой вот ящичек, и тут, значит, на одной ХВ на дне-то было, на боках тоже какие-то фигурки были вырезаны* (Калинино Кунг.) [СРГЮП 1: 177]); ***па'ска*** (*Паска. Тесто высокое с сахаром, масло, яйца. Только в праздник паску* (Покча Черд.) [КСРГСПК]; ***сырник*** (*На Пасху стряпали всё – яйца красили, шаньги пекли. Одно яичко на божницу. Потом де которы в пожар. Кто не бросит — в реку спускали. Сыр делали тоже – творог, яйца. Сырник это был* (Посад Киш.) [СРГЮП 3: 212]); ***сыро'к*** (*Готовили специальный пасхальный сырок, творог делали. На форму крест. Отожмёшь его, изюм добавляли, сахар. Сырок называли.* (Тапья Куед.) [Там же]); ***товороженик***, ***творожник*** (*Творожник делали к паске. Прессовали как-то его, а потом сметаной. Изюм туда* (Юговское Кунг.). *Твороженик – яиц туда много били и запекали, форма не деревянная, его в печку надо* (Ленск Кунг.) [там же 3: 220]).

Блюда из яиц так же, как из молока, появлялись на столе в дни, когда не было поста. Из яиц готовили яичницу, которую в пермских говорах называли ***скороду'мкой***, ***сковороду'нкой***, ***скороду'нкой*** (*Я на скору руку все больше скородумку делаю* (Пож Юрл.) [СРГКПО: 222]. *Сковородунка – это одне яичка, без молока, разболтанные яичка* (Тюлькино Сол.). *Яйца набьют, масла накладут и нажарят – сковородунка была* (Жуланова Сол.) [СПГ 2: 343]. *Утром сготовишь скородунку* (Курашим Пермск.) [там же: 346]). При добавлении молока получали омлет, который в говорах получил название ***молосная яичница*** (*Молосна яисница из молока, яис* (Половодово Сол.) [КСРГСПК]); ***ко'панка*** (*Копанку-то поставила на плиту, а сама-то и вышла на улицу-то. Зашла, а у меня сгорело всё* (Большой Букор Чайк.) [СРГЮП 1: 409]); ***смя'тка*** (*Яичницу тоже не носят на кладбище, дома готовим, мы смяткой зовём* (Васильевка Окт). *Смятку стряпали, в поля уйдём, там едим, берёзку тоже наряжали* (Каменный Ключ Чайк.) [там же 3: 140]). Яйца как компонент обязательно входили в различные запеканки – ***селя'нки***, готовили их с добавлением картофеля, различных круп, овощей, а также рыбы. В пермских говорах отмечены такие номинативные сочетания: ***карто'вная селя'нка*** (*Селянки наделашь – картовну, морковну – морковь сваришь, истолёешь, яичко, в печку поставишь запекать* (Пермь-Серьга Кунг.) [СРГЮП 3: 98]);

ма'нная селя'нка (*Ишо манну селянку стряпают, тоже на сковороде с простокишей* (Редикор Черд.) [КСРГСПК]); ***морко'вная селя'нка*** (*Картовну селянку делают, делают из яичек, делают морковную* (Еранина Черд.) [там же]); ***пи'стичная селя'нка*** (*Весной по пистики ходили, пистишну селянку варили* (Вильгорт Черд.) [там же]); ***ри'совая селя'нка*** (*Селянку испекут, бывает рисовая, картонная* (Сакиново Черд.) [там же]); ***ры'бная селя'нка*** (*Рыбну селянку лажу – масла налью, рыбу накладу, поджарю, заливаю яичками* (Тюлькино Сол.) [СПГ 2: 329]).

В Пермском крае в питании существенную роль в питании играли грибы и ягоды, которые заготавливались отдельно, а также входили в состав разных блюд. Так, грибами начиняли пироги и пельмени, варили из них суп. В пермских говорах для обозначения супа с грибами используются слова ***грибёнка***, ***грибни'ца***, ***грибо'вница***, ***груздя'нка***, ***гу'бенка***, ***гу'бница*** (*В лесу грибов всяких много, придём – грибёнку сварим* (Андреево Киш.) [СПГ 1: 187]. *Из грибов варят грибницей зовут* (Камгорт Черд.) *Грибовница, из лесу грибы принесут и картошку нарежут* (Покча Черд.). *Груздянку варили из белых груздей, как суп; лук покрошишь, сметану кладёшь* (Редикор Черд.). *Из сырых – то грибов губенки варили* (Пянтег Черд.). *Свари губы, дак и губница будет* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]). Блюдо из жареных грибов в говорах (и в разговорной речи горожан) имеет название ***жарёха***: *Маслята лутше жарить. Вымоёшь грибы, на сковорду масла наллёшь, изжаришь. Сметаны положим. Ох, бравая жарёха!* (Половодово Сол.) [КСРГСПК]. Делали из грибов также икру, которая называлась ***чёрной икрой*** (*Черны грибы заваривам, попарим, жир отольем, это вода-то от грибов, а потом рубим сечкой, разводим жиром, чеснок кладем, горькое, и готово черная икра* (Осокино Сол.) [СПГ 1: 357]) и ***соля'нкой*** (*Например, грибная икра называется солянка. А из грибов с капустой делают. Каки там грибы-то? Красноголовики* (Редикор Черд.) [КСРГСПК]). Наименование ***черная икра*** связано с тем, что грибную икру обычно готовили из сушеных подосиновиков, которые имеют темный цвет.

Для обозначения пельменей из грибов в пермских говорах использовались слова: ***ушки'*** (*А ушки – это из грибов, из черных. Черные грибы. Лук, их вымочи и значит вымьешь, сваришь их, и потом изрубишь их на мясорубке, можно молоть с луком, можно икрой кушать, можно и ушки варить* (Рябинино Черд.) [КСРГСПК]) и ***ни'ки*** (*Ники стряпали, как пельмени из грибов. Ники из черных грибов делаются* (Пянтег Черд.) [СПГ 1: 489]. В СПГ слова ***ушки*** и ***ники*** определяются как ‘пельмени с грибами’, однако материалы картотеки «Словаря русских говоров северного Пермского края» уточняют представление о реалии. Диалектоносители подчеркивают разницу между пельменями и ушками: *Пельмяни, они круглые делашь, а ушки нет, не заворачиваешь их. Их*

варят в грибной воде (Бондюг Черд.). *Вот они высохли, сушёные грибы, пожалуйста, ушки* [делают]. *Ну как подвид пельменей, только их варят в бульоне, подвид пельменей, только их загибают* (Бондюг Черд.). *Ушки или пельмени грибные, только ушки загибаются совсем как кольцо* (Покча Черд.). *Ушки тако загибаем концики, пельмяны пологоньки, а ушочки токо загнём концики* (Усть-Уролка Черд.) [КСРГСПК]. Из примеров видно, что ***пельмени*** и ***ушки*** для носителей диалекта – это разные виды кулинарных изделий, которые отличаются не только начинкой (грибами), но и формой – загнутыми концами, в отличие от пельменей, которые стряпали, как пироги: *Пельмени-то как пирог* (Пянтег Черд.). *Пельмян-от не загибают* (Пянтег Черд.). *Сушёные* [грибы] *рубят да мочат, пельмяшки да уголочки делают. Пельмяшки только согнёшь, а уголочки ишо кончики пригнёшь* (Камгорт Черд.) [там же]. Именно этот признак (форма) лег в основу номинации этого вида пельменей. Существенной особенностью приготовления этого блюда является также то, что ушки варят в то воде, в которой замачивали. Таким образом, можно дать следующее определение к слову *ушки* – ‘грибные пельмени, концы которых скрепляют вместе и варят в воде, которая использовалась для замачивания грибов’. Лексема ***ники***, которая фиксируется только в СПГ является синонимом к слову ***ушки***. Возможно, оно появилось в результате метафорического переноса от ***ника*** ‘вогнутая сторона бабки’, ‘выпуклая сторона бабки’ [СРНГ 21: 230].

В пермских говорах представлено большое количество наименований различных напитков. Чаще всего лексемы, называющие напитки, имеют прозрачную внутреннюю форму, в основе номинации могут лежать различные признаки. Такие, как вкус: ***кислу'ха***, ***кислу'шка, пресну'шка***; способ изготовления: ***забро'дина***, ***завару'ха***, ***квашни'на, томлёнка, томлю'ха, морёнка, перева'ра***; основной ингридиент: ***дрожжеву'ха***, ***овся'нка***, ***овсяну'шка***, ***медову'ха***, ***сахару'ха***, ***сморо'динник***, ***тра'вник***, ***яблону'ха;*** действие, которое вызывает напиток: ***косома'риха, косоры'лка***, ***спотыка'ч***; время употребления: ***утря'нка.***

В пермских говорах встречается значительное число названий алкогольных напитков, большинство из них имеют значение ‘слабоалкогольный напиток, брага’: ***барда', барде'ль, барделя'га***, ***бра'га***, ***брагу'лька***, ***бра'женька***, ***бра'жка***, ***бражо'нка***, ***забро'дина***, ***кислу'ха, кислу'шка***, ***косоры'лка***, ***косома'риха***, ***пресну'шка, утря'нка, теплу'ха, томлёнка, томлю'ха***. Само наименование *брага* исследователи либо относят к кельтским заимствованиям (ирл. braich «сусло», «солод»), либо связывают с индоевропейским корнем *b(e)u «раздуваться, набухать» [Черных 1: 106-107].

Названия ***барда*** имеет в пермских говорах два значения: 1) ‘осадок в браге, пиве, квасе’ (*Барда – это ужо негодное остаётся после хорошой-*

то самогонки. Его корове выливают. Покча, Черд.); 2) ‘брага’ (*Барду сделают из муки с хмелём. Сутки, трои, четвёрты она мориця. Заглушат её совсем, чтоб воздух-от не шёл.* (Турчанка Черд.) [КСРГСПК]). Исследователи считают, что лексема ***барда*** связана со словом *бурда* из татарского *burda* ‘мутное питье, смесь разных жидкостей’ [Фасмер 1: 244]. Производные от ***барда*** лексемы ***бардель*** и ***барделяга*** также имеют значение ‘брага’ (*Я принесла свою бардель. Некрепкая брага – бардель, барделяга* (Редикор Черд.) [КСРГСПК]).

Отдельные слова существуют в пермских говорах для именования крепкой и слабоалкогольной браги. Крепкий (в говорах «пьяный») напиток получался путем долгого брожения, поэтому лексемы з***аморёнка*** (*Заморенка – шибко крепкая, в голову ударят… Она как брага же, в её кладут дрожжи и сахар и долго морят* (В. Мошево Сол.) [СПГ 1: 297]); ***заморо'чка*** (*Я ему два стакана заморочки подала* (Палево Краснов.) [там же: 297]); ***морёнка*** (*Сахар, солод тоже надо. Морёнку еще делали, еще лучше было. Заморят целую неделю, дак о, не хуже пива, не хуже вина* (Черд.) [КСРГСПК]) связаны с глаголом *морить* ‘выдерживать в соответствующих условиях для придания крепости’. Похожее значение есть у глагола *томить* ‘долго парить на медленном огне в закрытой посуде’ от него образуются лексемы ***томлёнка*** (*Напился томлёнкой и сразу уснул* (Юм Юрл.) [СРГКПО: 238]) и ***томлюха*** (*Пили бы томлюху, а то все спирт пьют, травятся им* (Юм Юрл.) [там же: 238]), также обозначающие крепкую брагу.

Слово ***приголо'вок*** имеет значение ‘напиток домашнего приготовления, не дошедший до готовности’ (*Дрожжи подобьёшь, хмелю отваришь, сахару подобьёшь, сутки покиснёт и пить можно этот приголовок* (Лызиб Сол.) [СПГ 2: 204]). Скорее всего, лексема связана со словом *голова*, одно из значений которого в русских говорах ‘то, что предшествует чему-либо, является началом чего-либо’ [СРНГ 6: 301] и с глаголом *приголовить* ‘прибавить к старому пиву свежую закваску’, зафиксированным в псковских и тверских говорах [там же 31: 167].

В значении ‘крепкий алкогольный напиток’ в пермских говорах зафиксировано более 10 диалектных названий. Наибольшее число этих лексем обозначает самогон: ***гу'льда*** (*Уехал из дома, гульду в деревне стал пить* (Мостовая Окт.) [СПГ 1: 193]); ***зелене'ц*** (*Раньше самогон варили, горько, так и зеленеч* (Мартино Краснов.) [КСРГСПК]); ***кумы'шка*** (*Кумышка – это самогонка; через трубу как-то гонят дак* (Толстик Сол.) [СПГ 1: 451]); ***перега'рчик*** (*Перегарчику приготовят, он всё сожгёт* (Острожка Ох.) [СПГ 2: 85]); ***перва'к***, ***первачо'к*** (*Я ещё совсем мал был, а хозяин гнал самогон и мне кружку первака налил; первак, он же крепкий, дак я сразу опьянел и давай робят пугать на улице. Первачок пьёт каждый мужичок* (Брехово Сукс.) [там же: 83]); ***пе'рвые концы'*** (*Самогон*

в начале гонки называется первые концы. Он даже горит (Акчим Краснов.) [АС 2: 58]); ***после'дние концы'*** (*Самогон… последнее побежит – это последни концы* (Акчим. Краснов.) [там же: 58]); ***перего'н*** (*Перегон меньше пьют, спирт дешевый дак* (Тиуново Гайн.) [СРГКПО: 180]. *Чем перегон отличается от самогона? Самогон гонят из бражки, а перегон – из зерна или картошки* (Трушники Чернуш.) [СРГЮП 2: 302]); ***сиву'ха*** (*Сивуха – ето самогон, квашонка из ржаной муки. Три дня проквасят, в чугун наливают, садят на печку. Чугунка имает трубку, через трубку идёт, капает в большое корыто или в ведро* (Покча Черд.) [КСРГСПК]); ***спотыка'ч*** (*Всёгда говорил: ну спотыкач, губки слипаются, ноги подгибаются* (Вильгорт Черд.) [там же]).

Слово ***гу'льда*** имеет неясное происхождение. Возможно, оно связано с глаголом *гульдить* ‘мешать кому-либо, отвлекать от дела’, зафиксированным в архангельских говорах [СРНГ 7: 218]. Лексема ***кумышка*** встречается во многих русских говорах, где также обозначает самогон [СРНГ 16: 88]. Скорее всего, слово происходит от ***кубы'шка***, имеющего в диалектах значения ‘глиняный с узким горлом кувшин для хранения чего-либо’, ‘бутылка’ [там же 15: 387].

Слова ***пи'во*** и ***кула'га*** имеют значение ‘солодовый хмельной напиток типа пива’ (*Не пивное пиво, дак кислоё, сахару коли мало* (Мысагорт Черд.) [КСРГСПК]; *Не буду я пить осиновую-то жижу, лучше свое пиво сделаю, густое да сладкое* (Кольчуг Черд.) [там же]. *Кулага – она вроде пива, бражка, раньше из солода варили* (Березовка Ус.) [СПГ 1: 448]. *Кулага – брага ето, из бражного делают* (Илаб Сол.) [КСРГСПК]). В пермских говорах лексема ***кулага*** может обозначать также ‘тестообразное кушанье из ржаной муки и солода иногда с ягодами’ (*Ишо кулагой-ту звали у нас сладко кушанье, на джем чичас похожа* (Илаб Сол.). *Кулага из солоду; замешашь, поставишь в печь, попаришь; кипятком разваришь, клюкву положишь* (Осокино Сол.) [СПГ 1: 448]). Происхождение слова неясно, этимологи считают его заимствованием восточного происхождения и связывают с лексемой *кулеш* [Фасмер 2: 408].

Слово ***квас*** в пермских говорах отмечено не только с литературным значением, лексема может обозначать пиво (*Сами-то квас делали, дак маленький такой, маломальский, ну градусов на петнадцеть, на двадцеть квасок* (Вильгорт Черд.). *Квас ядрёный сделаешь* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]). Наличие у слова ***квас*** последнего значения подтверждает устойчивое сочетание) ***источной*** (***исто'шный***) ***квас*** ‘сделанный из некрепкого, разбавленного водой сусла (о квасе)’: *После сусла бежит источной-от квас, когда густо сусло-то гонят, а остатки воды налевают, тёпленькой, ну и бежит жиденькой квасок, источной* (Свалова Сол.) [СПГ 1: 367]. *Перво бежит густо, а потом второй раз на гущу воду наливают – истошный квас получатся* (Ефремы Сол.) [там же: 385].

Значение ‘некрепкий, разбавленный квас’ имеет также лексема ***шо'рва*** (*Пейте, пейте, у меня шорвы-то много* (Бондюг Черд.). *Пиво сольёшь, а в гушшу-то воды нальёшь, дак шорва получатся* (Очго-Жикина Черд.) [СПГ 2: 558]). Скорее всего лексема носит заимствованный характер, в коми пермяцком языке существуют слова *шӧр ‘середина, средний’* [КПРС: 567] *и ва* ‘вода’ [КПРС: 52], таким образом, лексема *шӧрва* обозначает ‘средняя вода’, в переносном значении ‘разбавленная жидкость’.

Значение ‘неудавшийся квас’ имеют слова ***чи'квас*** (*Чиквас жиже квасу, не больно же он пьётся* (Тюлькино Сол.). А теперь чё: кинешь туды сахар да дрожжи – конечно, чиквасы. (Заугор Сол.) [СПГ 2: 531]); ***булы'ч*** (*Не стал пить квас – он как вода, булыч*. (Юм Юрл.). *Видно, овёс плохой был, квас как булыч стоит* (Пож Юрл.) [СРГКПО: 55]). Лексема ***чи'квас*** отмечена не только в русских говорах Пермского края, но и в коми-пермяцком языке со значением ‘самый жидкий квас’ как заимствование из русского [Рогов: 182]. Но в других русских говорах это слово не встречается, это дает основание для предположения, что лексема представляет собой контаминацию коми-пермяцкого *чизыр* ‘очень кислый, перекисший’ [КПРС: 535] и русского *квас*, в дальнейшем упростившегося до ***чи'квас***. Слово ***булы'ч*** в значении ‘жидкий квас’ фиксируется также во владимирских и вятских говорах, но происхождение лексемы неясно. В том случае если квас делали из оставшейся квасной гущи, то он назывался ***жена'тый квас*** (*Гушшой заквашивают. На гушшу нальют воды, полуцяця женатой квас* (Покча Черд.) [КСРГСПК]).

Основные продукты питания, а также напитки производились в крестьянском хозяйстве, поэтому лексемы, имеющие значения ‘водка’ и ‘вино’ редко отмечаются в пермских говорах. Так, со значением ‘водка’ зафиксированы только литературное слово (*Он бражку-то не пьёт, а пьёт водку* (Акчим Краснов.) [АС 1: 140]) и устойчивое сочетание ***кабацкое вино*** (*Ето кабак был. Кабацкое вино продавали… Сейчас водкой называют* (Акчим Краснов.) [там же 2: 29]). Значение ‘вино’ имеют лексемы ***винко*** (*Раньше винко пили рюмочкой махонькой.* (Грудная Караг.) [СПГ 1: 103]) ***кра'сиво*** (*Я только хлеб купила да два красива, водки-то нет* (Б. Долды Черд.) [там же: 434]).

Слова ***ба'лта***, ***выпиво'н***, ***пья'ное***, ***по'йло***, ***нярگу'ша*** обозначают любой спиртной напиток (*Делали три бутылки балты, дрова пилить, все мужики выпили* (Юм, Юрл.) [СРГКПО: 45]; *Вот они утром и ищут. Под тулупами молодые спали. Вот их дружки найдут, и крестный выкуп им даёт, выпивон, чё-то скрасна. Вот найдут и давай баню топить* (Посад Киш.) [СРГЮП 1: 161]. *Робяты, робяты, не пейте это пьяно-то, не берите, не садитесь вы за машины-те* (Шаврята Ильинск.) [СПГ 2: 252]. *Нынче без пойла и работать никто не будет* (Юго-Камский Пермск.)

Пойдём ко мне, у меня пойла немного (Обвинск Караг.) [СПГ 2: 142]. *Вот топерь нергушу-ту пьют, напьются, дак нярга́ют* (Илаб Сол.) [КСРГСПК]). Слово ***балта*** скорее всего образовано от глагола *болтать* ‘приводить в движение жидкость, мутить’. Лексемы *выпивон*, *пьяное* и *пойло* семантически связаны с глаголом *пить*, слово ***нярга́уша*** является производным от *нярга́ть* ‘издавать жалобные звуки’ и связано с коми-пермяцким глаголом *нярга́ны* ‘хныкать, ныть’ [КПРС: 285].

В говорах Пермского края также отмечены лексемы, обозначающие безалкогольные напитки: ***бесхме'лица***, ***деревенский чай***, ***завару'ха***, ***сморо'динник***, ***су'сло***, ***тра'вник***, ***травяни'к***, ***травяно'е,*** устойчивое сочетание ***кержа'цкое питьё***. Часть этих названий обозначают отвары различных растений: ***деревенский чай*** ‘травяной чай’ (*У нас большинство деревенский чай, квас мало стали делать* (Сёйва Гайн.) [СРГКПО: 256]); ***смородинник?*** (*Сорвут пруточек смородины и вместе с листьями заварят горячей водой, да и пьют смородинник при простуде* (Шульгино Бер.) [СПГ 2: 359]).

Значение ‘изготовленный из сусла сладковатый безалкогольный напиток’ имеют лексемы: ***бесхме'лица*** *‘безалкогольный напиток, приготовленный из солода; сусло’* (*Бесхмелица – сусло без хмелю, делали на солоду. Солод изо ржи делают, замешашь, в печку поставишь, утром выльешь на русло – и пить* (Покча Черд.) [СРГСПК 1: 95]); ***перева'ра*** (*Сусло второй раз в печь на ночь поставишь – перевара будет; пьют ее, сладкая очень* (Вильва Сол.) [СПГ 2: 84]); ***су'сло*** (*Толды не пили спирту. (Пили) сусло, густое, не хмельное, за брылами тенётся* (Акчим Краснов.) [АС 5: 163]); ***тра'вник*** (*Хто не пьёт хмельного, дак про того травник ладят. Из того же сусла, мелу положишь, смородинника – да и травник* (Толстик Сол.) [СПГ 2: 445]); ***травяни'к*** (*Травяник делали из смородины, из сусла, густенькой; сахару положат, горести чтоб не было* (Вильва Сол.) [там же: 446]); ***травяно'е*** (*Травяноё тоже ладили из сусла: по руслу гонишь сусло-то, его сгонишь, процедишь, а травяноё – пожиже сусло-то ладили; накладёшь мелу* (Осокино Сол.) [там же: 446]). Как видно из примеров, приведенные наименования обозначают напитки на основе сусла. Г.В. Судаков отмечает, что во времена Московской Руси этот напиток был распространенным и любимым, сусло варили для домашних нужд и на продажу [Судаков: 42]. Таким образом, напиток был популярным в традиционном питании в течение долгого времени.

Устойчивое сочетание ***кержа'цкое питьё*** также имеет значение ‘безалкогольный напиток из сусла’ (*Раньше не пили хмельно-то. Положат в сусло хлеб, закиснет, вот это и пили, это кержацкое питье* (Тимина Юрл.) [СРГКПО: 184]). Фразеологизм обозначает безалкогольный напиток, так как *кержаки,* то есть старообрядцы, не употребляли спиртных напитков. Безалкогольные напитки из солода

использовали в качестве ритуальных, что нашло отражение в лексеме ***кано'н***, ***кану'н*** ‘сусло, напиток для угощения на поминках’ (*Канон делают на поминки из сусла, подают пить* (Ананьино Чернуш.) [СРГЮП 1: 369]. *Канун у нас делали на поминки, сусло пресное* (Печмень Бард.) [ам же: 370]). Слово возникает в результате метонимического переноса от *канон* ‘молитва, которую читают на поминках’ (*Читают три канона обязательно на поминках* (Мазуевка Киш.) [там же]).

Тесное соседство двух народов привело к заимствованию русскими некоторых кушаний и их названий у коми-пермяков. Чаще всего подобные наименования сохраняют то же значение, что и в языке-источнике (*пельян* ‘пельмень’ ← коми-перм. *пельнянь* [КПРС: 330], *челпан* ‘круглый хлеб из ржаной муки, каравай’ ← *човпан* ‘каравай’ [там же: 540]. Но может происходить и изменение семантики (в сторону конкретизации), например, ***тупо'ська, тупо'шка,*** имеет в пермских говорах значение ‘творожная запеканка, оладья (без крупы)’ (*Надо тупоску испечь* (Юм Юрл.). *Тупоська – она из творога* (Юм Юрл.) *Я таки шаньги на Петров день пеку, тупошки, с творогом* (Сергеева Юрл.) [СРГКПО: 242]. Слово является производным от коми-пермяцкого *тупӧсь*, *тупӧська* ‘булочка, плюшка’ [КПРС: 494] и родственно коми-зырянскому *тупӧсь* ‘круглый ржаной хлеб, коврига, каравай’ [КЭСКЯ: 286].

В русских говорах бывшего Коми-Пермяцкого автономного округа бытует слово ***шо'миша*** ‘блюдо из вареных пиканов с квасом’ (*Шомшу я и сейчас ем, и робята у меня тоже любят, пиканы с квасом сделашь и вот* (Пож Юрл.) [СРГКПО: 267]. Слово происходит от коми-пермяцкого *шӧма* ‘кислый’ [КПРС: 567] (из общепермского *šom ‘кислый’) и *шыд* ‘суп, щи’ [там же: 575] (из допермского *šuttз ‘суп, щи’). В русском языке слово претерпело фонетические изменения, а также изменило значение, что, несомненно, связано с тем, что в русском языке слово *щи* имеет ту же семантику. В русских говорах Чердынского района лексема ***шомша*** имеет другое значение ‘каша из пшеницы или ржи, заправленная суслом’. Скорее всего, в русских говорах Чердынского района слова *шомша* закрепилось с этим значением, потому что имеет более конкретную, узкую семантику, чем русское слово *каша*.

В некоторых случаях коми-пермяцкому слову – названию блюда соответствует русское, однако саму реалию можно считать заимствованием. Например, в «Коми-пермяцко-русском словаре» фиксируется слово ***лукасо'в*** ‘кушанье, приготовленное из зеленого лука с солью’, в русских говорах бывшего Коми-Пермяцкого округа эта лексема отмечается в фонетическом оформлении ***лукасо'л, рукосо'л*** (*Это пермяцкое кушанье лукасол, мы тоже едим. Это вот как делается: зеленый лук помнут, посолят, водой разведут. А щас туда яички да что да ложат. Летом ели* (Крохалево Юсьв.). *Лук надо мелко нарезать, соль*

положить – вот и рукосол (Миронова Юрл.) [СРГКПО: 141]). Примеры свидетельствуют, что блюдо воспринимается как заимствование из кухни коми-пермяков, хотя в основе коми-пермяцкого слова лежат русские корни *лук-* и *сол-*. В Соликамском районе это кушанье называется ***лук солёной, луковая соль*** (*В пост ели лук солёной: нарежешь перо луково, истолкёшь, посолишь,воды плеснёшь – вот и всё кушанье* (Володино Сол.); *Шибко я люблю лукову соль. Она-то нисколь не горька* (Соколово Вер.) [СПГ 1: 492]).

Для обозначения жидкого блюда из черемуховой муки в говорах используется слово ***ля'зга*** ‘каша из черемуховой муки’ (*Айдате лязгу хлебать!* (Верх-Глубокая Ос.) [там же: 499]. Слово происходит от коми-пермяцкого *лязгай?* ‘кисель (приготовленный на солоде из толченых или молотых ягод)’ [КПРС: 238]. Лексема связана с коми-пермяцким глаголом *?лязны* ‘давить, раздавить, расплющить’ *лязгодны* с тем же значением [КЭСКЯ: 165]. В картотеке СРГСПК коми-пермяцкому слову соответствует сочетание ***заварна'я черёмуха*** (*Сушёная черёмуха размалывается в муку, после чего приготовляют заварную черёмуху. Солод кладут сюда, мачут мягким хлебом. Горячим, вместо киселя* (Половодово Сол.) [КСРГСПК]). Блюдо можно считать заимствованным из кухни коми, так слова, называющие его, отмечаются на севере Пермского края, где влияние пермских народов на уклад и жизнь русских ощутимо более всего. Кроме того, об употреблении черемуховой муки упоминают авторы монографии «Народы Поволжья и Приуралья»: «Орловские коми-пермяки из сушеных ягод черемухи делали «муку», добавляя ее в ржаное тесто» [Народы Поволжья и Приуралья: 110].

В картотеке «Словаря русских говоров севера Пермского края» есть лексема ***ко'рыш*** ‘сочень’ (*Оденьё – отходы от молосного масла. Идёт в стряпню. Корыши делают. Корыши на оденье, замешанные сочни* (Ужиткарс Гайн.) [КСРГСПК]). Слово *кӧрыш* фиксируется в словарях коми-пермяцкого и коми языков со значениями: 1) ‘сочень, сочни’ [КПРС: 194]; 2) коврига, каравай, буханка; 2) ‘ком круглого теста (для лепёшки или сочня)’ [там же: 322]. Со словом *корыш* соотносится *колы'шка* ‘каравай хлеба’ (*Хлеб принесёт нам, такую как колышку, в котомку завяжет в платке* (Вильва Сол.) [КСРГСПК]). Возможно, *колышка* является производной от *колыш* – фонетического варианта слова *корыш*.

Довольно часто заимствованное слово в пермских говорах получает русский суффикс. Так, в «Словаре пермских говоров» и в КСРГСПК зафиксирована единица ***ня'нька*** ‘хлеб’ (*Ешь няньку с молоком* (Ст. Пашня Караг.) [СПГ 1: 605]). *Мама, дай мне няньку белую – хлеб* (Кривцы Гайн.) [КСРГСПК]). Слово происходит от коми *нянь* с тем же значением из общепермского **n’an’* ‘хлеб’, лексема считается заимствованием из иранских языков [КЭСКЯ: 202].

Влияние пермских языков может проявляться и в том, что часть сложного слова может содержать коми-пермяцкий корень, например, в пермских говорах фиксируется лексема ***педьму'шник*** ‘вид пирога’ (*На другой-от день встала рано педьмушник печь. У него, как у шаньги, края закручены* (Ст. Пашня Караг.) [СПГ 2: 81]). В этом слове легко выделяется часть *мушник*, которая обозначает вид хлеба и фиксируется в говорах на всей территории Пермского края, и плохо объяснимая данными русского языка часть *педь*. Обращение к коми словарям позволяет выявить слова с похожим звучанием: *педжгыр* ‘вздернутый, загнутый кверху’ и *педжгырччыны* ‘загнуться кверху’ [ССКЗД: 278]. Можно предположить, что в коми-пермяцком языке существовало слово *педжмушник*, которое было заимствовано в русские говоры, в них произошло фонетическое упрощение (утрата нехарактерной для русского языка аффрикаты *дж*).

В южных говорах Прикамья фиксируются несколько названия блюд – заимствований из тюркских языков: ***солма'*** ‘лапша из кислого теста’ (*Хочешь попробовать солму? У меня она сегодня особенно вкусно получилась* (Фоки Чайк.) [СПГ 2: 371]. *У нас вся семья похлёбку с салмой любит. Так-то это соседей башкир кушанье* (Трушники Чернуш.) [СРГЮП 3: 66]); ***шарба'*** ‘уха’ (*Рыбы много наловил, будем шарбу варить* (Калиновка Чернуш.). *Вот улов-то был! Наварили мы шарбы* (Емаш-Павлово Чернуш.). *У речки жили, так всё шарбу ели* (Сарс Окт.) [СПГ 2: 543]). Небольшое количество слов из тюркских языков объясняется относительной обособленностью жизни русского и тюркских народов, тогда как взаимодействие между русскими и коми-пермяками было постоянным.

Таким образом, в названиях кушаний отражаются культурно-бытовые особенности русских, проживающих на территории Пермского края, а также контакты носителей диалекта с представителями других национальностей. Анализ лексики питания пермских говоров свидетельствует о сходстве кухни русского и коми-пермяцкого народов, такая близость объясняется не только постоянными контактами, но и проживанием в одинаковых природно-климатических условиях, единым хозяйственным укладом. Множественность наименований одних и тех же реалий (например, пирогов) отражает стремление человека дать возможно более детальное обозначение предметам действительности. Лексика питания тесно связана с христианским календарем: многие кушанья делятся на скоромные и постные. Преобладание лексем, называющих постные блюда, говорит о том, что в рационе жителей Пермского края в прошлом преобладала растительная пища.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ 11-34-00330 а2 «Материальная и духовная культура в лексике и фразеологии Пермского

края»; РГНФ 12-34-01043а1 «Традиционная культура Пермского края по данным лексики говоров и памятников письменности Пермского края».

[2] «Затем после ржаной муки шла мука овсяная и различные блюда из толченого и переработанного овса. В Поморье, Приуралье и Сибири ни одна трапеза не обходилась без него. В северном регионе изобрели особый способ приготовления овсяной муки – толокно. Это требовало значительной предварительной обработки. Овес вымачивали 2-3 дня в кадке, пока не разбухнет зерно. Затем его упаривали целые сутки в жарко натопленной печи, а на следующие сутки его хорошо просушивали там же. Сухое зерно провеивали и перемалывали в очень тонкую муку, которую и называли толокном. Достаточно было разболтать ее в воде, квасе или молоке и получалась готовая к употреблению, довольно вкусная и сытная еда. Из толокна приготовляли много блюд. Самое простое из них – сухомес – густая смесь с водой. Благодаря компактности, питательности и легкости приготовления толокно стало обязательной провизией для русского войска. Были введены специальные сборы с населения северных волостей, которые поступали в Пермь и оттуда распределялись по сибирским городам» [Русские 2005: 366].

Список литературы и источников с условными сокращениями

Аникин – *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1. М., 2007. 366 с.

АС – *Словарь* говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984-2011. Вып.1–6.

Бакланова И. И. Названия мучных изделий в пермских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 208, С. 274–279.

Грачев, Мокиенко – *Грачев В. А. Мокиенко В. М.* Русский жаргон. Историко-этимологический словарь. М., 2009. 336 с.

ДАКТиПЯ – диалектологический архив, хранящийся на кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.

Даль – *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Прогресс, 1994.

Зверева Ю. В. Лексико-семантическая группа «питание» в пермских говорах как источник этнокультурной информации // XX Оломоуцкие дни русистов: Материалы Междунар. конф. (02.09.–04.09.2009 г., г. Оломоуц). Оломоуц, 2009. С. 101-104.

Зверева Ю. В. Названия алкогольных напитков в пермских говорах // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. трудов. Ч. 2. Вологда, 2008, С. 50–54.

Зверева Ю. В. Тематическая группа «Названия пищи» в Словаре русских говоров севера Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011 Вып. 3 (15) с. 25–31

КПРС – *Коми-пермяцко-русский* словарь / Сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривощекова-Гантман. М., 1985. 624 с.

КСРГСПК – Картотека Словаря русских говоров севера Пермского края.

КЭСКЯ – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.*: Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Лутовинова И. С. Слово о пище русской. СПб.: «Авалон», «Азбука-Классика», 2005. 288 с.

Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука, 2000. 579 с.

Опыт – *Опыт* областного великорусского словаря. СПб., 1852. 275 с.

Полякова Е. Н. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья первая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2009а. Вып. 1. С. 3–17.

Полякова Е. Н. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья вторая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2009б. Вып. 5. С. 5–15.

Полякова Е. Н. Региональная лексикология и ономастика: материалы для самостоятельной работы. Пермь, 2006. 256 с.

Полякова Е. Н. Что пили и курили в Прикамье в XVI – первой трети XVIII века (по данным лексики пермских памятников письменности) / Е.Н. Полякова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2010. Вып. 1(7). С. 5–11.

Похлебкин В. В. Национальные кухни наших народов. Москва: Центрполиграф, 2004. 329 с.

Ожегов – *Ожегов* С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е издание, дополненное. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. 944 с.

Рогов – Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь, составленный Н. Роговым. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2006.

Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 2005. 828 с.

Русские: История и этнография / под ред. И.В. Власовой и В.А. Тишкова. М.: АСТ: Олимп, 2008. 751 с.

Русский Север. Этническая история и народная культура. XII – XX века. М.: Наука, 2004. 848 с.

СВГ – *Словарь* вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983-2007.

СПГ – *Словарь* пермских говоров. Вып.1–2. Пермь, 2000-2002.

СРГСПК – *Словарь* русских говоров севера Пермского края. Пермь, 2011. Вып. 1. А–В. 364 с.

СРГКПО – *Словарь* русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГЮП – *Словарь* русских говоров Южного Прикамья. Вып.1–3. Пермь, 2010–2012.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров. / под ред. Ф. П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – СПб., 1966-2014. Вып. 1–45.

ССКЗД – *Сравнительный* словарь коми-зырянских диалектов / сост. Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. Сыктывкар, 1961. 491 с.

Судаков Г. В. Застолье по-русски: из истории слов. Монография. Вологда: Легия, 2012. 228 с.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.

Чагин Г. Н. Природная среда и особенности культурно-бытовых традиций народов Среднего Урала в середине XIX – начале XX века // Материальная культура народов России. Новосибирск, 1995. С. 122–139.

Черных А. В. Народы Пермского края. История и этнография. Пермь: Пушка. 2007. 296 с.

Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Часть III. Словарь хрононимов. Пермь: Пушка, 2009. 280 с.

Черных – *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994.

Шапошников – *Этимологический* словарь современного русского языка/ Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. М.: Флинта: Наука, 2010.

ЭССТСП – *Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А.* Этнолингвистический словарь свадебной терминологии северного Прикамья. Пермь, 2004.

Сокращенные названия районов Пермского края

Александр. – Александровский; Бард. – Бардымский; Бер. – Березовский; Больш. – Большесосновский; Вер. – Верещагинский; Гайн. – Гайнский; Ел. – Еловский; Ильинск. – Ильинский; Караг. – Карагайский; Киш. – Кишертский; Кос. – Косинский; Краснов. – Красновишерский; Кудымк. – Кудымкарский; Куед. – Куединский; Кунг. – Кунгурский; Лысьв. – Лысьвенский; Нытв. – Нытвенский; Окт. – Октябрьский; Орд. – Ординский; Ос. – Осинский; Ох. – Оханский; Пермск. – Пермский; Сив. – Сивинский; Сол. – Соликамский; Сукс. – Суксунский; Уинск. – Уинский; Ус. – Усольский; Чайк. – Чайковский; Част. – Частинский; Черд. – Чердынский; Чернуш. – Чернушинский; Юсьв. – Юсьвинский.

Y.V. Zvereva
Associate Professor of Primary Humanitarian Education
In Primary School Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University

TRADITIONAL FOOD OF THE RESIDENTS OF PERM KRAI (ACCORDING TO THE PERM DIALECTS)

The paper is about the names of the lexical-semantic group “Food” in the Russian dialects of Perm Krai. This group includes the general names of food, the names of tasteless food, the names of bakery products, the names of beverages and also the names of the various dishes. These words and word-combinations reflect the national eating habits of Russian on the territory of Perm Krai, the living conditions and also interethnic contacts in Perm Krai.

Key words: Perm Krai; Russian dialects; lexical-semantic group; food.

УДК 81’37:81’28

Лидия Сергеевна Нечаева
начальник редакционно-издательского отдела
Издательского центра
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

ОСНОВНЫЕ МОТИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ СП «БОЛЕЗНЬ» (на материале русских говоров Пермского края)[1]

В данной работе в мотивационном аспекте рассматривается лексика семантического поля «Болезнь» в русских говорах Пермского края. В ходе анализа выделяются характерные для данной группы лексики формирующиеся на базе отдельных мотивационных признаков мотивационные модели, которые отражают традиционные представления о болезни носителей пермских говоров. В результате исследования делается вывод о том, что принципы номинации могут основываться как на реальной симптоматике заболевания, так и на культурной маркированности тех или иных объектов и процессов, наименования которых послужили мотиваторами для лексики СП «Болезнь».

Ключевые слова: традиционная культура; русские говоры Пермского края; диалектная лексика; семантическое поле «Болезнь»; мотивационная модель.

В настоящем исследовании мы рассмотрим некоторые базовые мотивационные модели, характерные для лексики семантического поля «Болезнь» (далее – СП), функционирующей в русских говорах Пермского края. Каждое СП (или лексико-семантическая группа) характеризуется присущими ему и воплощенными в его лексике мотивационными моделями, которые формируются на базе определенных мотивировочных признаков. Мы попытаемся определить, что легло в основу принципа номинации исследуемых единиц: реальная симптоматика болезни или культурные смыслы, связанные с тем или иным объектом или явлением[2]. В своем анализе языкового материала мы опираемся на методику этнолингвистической интерпретации семантических полей, предложенную Е.Л. Березович [Березович 2007].

Материалом для нашего исследования послужила только диалектная лексика русских говоров Пермского края, зафиксированная в пермских диалектных словарях и их картотеках (см. источники). Так, на материале пермских говоров мы постараемся представить небольшой фрагмент русской диалектной языковой картины мира, образующийся на пересечении двух семантических полей. Сразу оговорим, что для удобства ссылки на источники мы даем в круглых скобках без указания номеров

© Нечаева Л.С., 2014

страниц, так как зачастую позволяем себе немного корректировать словарные токования и включать не все приводимые авторами словарные контексты.

Разумеется, значительную часть СП «Болезнь» представляют единицы, образованные от лексем русского литературного языка (далее – РЛЯ), в первую очередь это названия болезней, образованные от медицинских терминов, которые в говоре чаще всего подвергаются упрощению (***беркулёз*** ‘туберкулез’, ***рематиз*** ‘ревматизм’, ***лепсепсия*** ‘эпилепсия’, ***миньгит*** ‘мененгит’). Также в наших материалах присутствует большое количество единиц, имеющих прозрачную внутреннюю форму и очевидную мотивацию: как правило, это указание на реальный симптом того или иного заболевания или болезненного проявления (***багреть*** ‘краснеть’, ***белый*** ‘болезненно бледный’, ***вскружать*** ‘возникнуть болезненному состоянию, сопровождающемуся головокружением’, ***пятнованый*** ‘покрытый пятнами от оспы’ и др.). На подобных единицах мы подробно останавливаться не будем, мы обратим свое внимание не на весь объем мотивированных лексем СП «болезнь», а только на те номинации, мотивационные модели которых могут рассматриваться как культурно-обусловленные.

I. Наиболее общей и базовой мотивационной моделью для лексики СП «Болезнь» является модель **болезнь как зло**. Добро является символом здоровья, зло, напротив, символом болезни и слабости, так как одержимость злом разрушает человека, порождая болезни и даже смерть. Здоровье является одной из важнейших бытийных ценностей в народном мировидении, это естественное и искомое состояние человека, основа благополучия, условие вступления в брак и продолжения рода. Болезнь и смерть, напротив, считаются проявлениями зла, которое в традиционной культуре никогда не воспринимается как норма, оно прямо соотносится с нечистой силой, дьяволом, чертом. При контакте с человеком болезнь завладевает им, нарушая границу, разделяющую мир людей и мир злых сил [Усачева 2008: 249–252, 265].

Связь болезни в традиционной культуре с витальными категориями добра и зла в наших материалах можно лишь проследить этимологически, анализируя единицы с корнями *-лих-* и *-худ-*.

1. В пермских говорах активным является корень *-лих-*, встречающийся как в общерусских, так и в диалектных лексемах:

Залихоститься ‘о наступлении плохого самочувствия’. *Цё-то мне сёдне залихостилося... пуп сдёрнула...* (АС)

Лихо (безл. в знач. сказ.) ‘о болезненном состоянии, плохом, самочувстии’. *Не могу совсем есть свинину: мне почто-то лихо с иё делается* (Толстик, Солик.). *А я как поглядела на его, мне и сделалось лихо. Дак сколь время блевала* (Меча, Киш.). *Ой, болит голова, лихо!*

Давит вот это место (Акчим, Краснов.) // О состоянии тошноты. *Лихо будет, дак соду ложат* (Акчим, Краснов.).

Лихома́ния ‘лихорадка’. *От веснухи, лихомании, а по науке – малярии – полынь пьют.* Майдан Ос (СРГЮП).

Лихома́нка ‘лихорадка’. *Внучка у меня заболела. Ночью жар, лихоманка. Пришлось врача вызывать* (Орда). *Лихоманка поймает. Заболеешь* (Брюхово, Ел.). *А сын-от у её больной лихоманкой, бьёт его* (Нердва, Караг.).

Лихора́дка 1. ‘малярия’. *Лихорадкой болесть зовут* [малярию] Камгорт, Черд. (КСРГСПК). 2. ‘болезнь кожных тканей; дерматит’. *Лихорадку чистотелом лечили.* Мазуевка Киш (СРГЮП)

Лихоти́ть (безл.) ‘нездоровиться’. *Ой, чё-то лихость, лихотит меня.* Мартино, Краснов. (КСРГСПК) // О состоянии тошноты. *Лихотит меня, слина бежит*; *Лихотит… Давай блевай! Какой жар везде! На головку тебе намочу платок* (АС).

Ли́хость, ***лихота́*** ‘ощущение тошноты, болезненное состояние’. *Ой, чё-то лихость, лихотит меня* (Мартино, Краснов.). *Почему-то мне жиры не идут, лихота меня берёт. Хотел я добиться, отчего это, не ответили* (Акчим, Краснов.)*; Само затошнит – вот лихость* (Акчим, Краснов.) (АС).

Лихости́ть (безл. в знач. сказ.) ‘тошнить’. *Поела я рыбу-то, и меня опять лихостит* (Крюково, Ел.).

Лихости́ться, ***лехости́ться*** ‘беспокойно себя вести вследствие болезненного состояния (обычно о ребенке)’. *Всё лехостится, нежится, плачет* (Акчим, Краснов.); *Лихостится, болеет* (Акчим, Краснов.).

Лиша́й ‘поражение кожных покровов’. *Лишай царапацца, красной да круглой* (Адамово, Черд.).

По данным этимологии, в основе представленных номинаций лежит лексема ***лихой***, восходящая к общеславянскому корню *liхъ, значение которого распадается на две ветви: ‘злой, дурной, несчастный’ и ‘оставшийся, лишний’.

Рассмотрим первое значение. В этимологическом словаре М. Фасмера исходным значением слова ***лихой*** является значение ‘злой, дурной, несчастный’ [Фасмер III: 505], историко-этимологический словарь П.Я. Черных дает определение ‘несущий несчастье; полный бед, тягот; вредоносный; тяжелый’ [Черных I: 486]. Подтверждения этому находим в разных славянских языках и русских говорах, например: тверск. ***лиша́й*** – ‘черт’; псковск. ***лишай*** – ‘злой человек’, ***лихо*** – ‘злая судьба’; польск. ***licho*** – ‘зло, несчастье, беда, дьявол, черт’; ст.-укр. ***ли́хо*** – ‘беда, горе, несчастье’; укр. диал. ***ли́хо*** – ‘гадко, противно’; вологодск., архангельск., воронежск., курск., ***ли́хо*** – ‘горе, печаль’; смоленск. ***ли́хо*** – ‘в суеверных представлениях – нечистая сила’; болгарск. ***лихо*** – ‘зло,

несчастье, боль, злая сила, чертовщина'; ***ліха*** – 'эпилепсия, падучая болезнь' [ЭССЯ XIV: 90-91, 152].

Из приведенных этимологических данных мы видим, что, с одной стороны, болезнь в народном сознании связывается со злом, несчастьем, горем, печалью, с другой стороны, в названиях болезни прослеживается мотивационная связь с народной номинацией демонологических персонажей, ср. ***лихора́д*** в вятских говорах 'таинственное злое существо, поселяющееся в ком-либо и вызывающее болезнь-ногтоеду' [ЭССЯ XIV: 94].

Таким образом, можно предположить, что болезнь в традиционной культуре – это не просто абстрактное проявление зла, а результат действия персонифицированной потусторонней силы, которая воздействует на человека или даже проникает в его организм (ср. представления о животных, наделяемых мифологическим сознанием демоническими свойствами (например, таких, как мышь, жаба, змея, червь), которые проникают в тело человека и служат причинами разных болезней).

Схожие представления о болезни как персонифицированном демоническом существе находят отражение в пермских говорах во фразеологическом сочетании ***лихора́дка во́дит*** (бран.) 'о нежелательном или слишком долгом отсутствии кого-л. или пребывании там, где не следует, нежелательно для говорящего' (*И чё их на рицьку в еку погоду лихорадка водит?!*) (Акчим, Краснов.)) или негативном пожелании ***лихора́дка их*** (***его́*** и т.п.) ***возьми́*** (бран.) (*Лихорадка их [тучи] возьми! Дожжыть будет. Гремит* (Акчим, Краснов.)). Лихорадка здесь не просто болезнь, наносящая ущерб здоровью, а вредоносная сила, влияющая на человеческую жизнь.

Актуальность и живость семантики зла у корня *-лих-* в современных русских говорах Пермского края подтверждают лексические единицы, обозначающие негативные эмоции или отрицательные черты характера человека:

Лихостли́вый, ***лихочли́вый*** 'зловредный'. *У меня бабка-то была лихостливая, учиться-то мне не дала дальше.* Калинино, Кунг. *Хозяйка-то ваша хорошая, не лихочливая баба, не ругатся никогда, смирна.* Дуброва, Солик. (СПГ).

Ли́хость 'злое чувство, досада'. *У меня такая на него лихость вышла*. Палево Краснов. *Когда же лихость-то её берёт, не помогаю ей дак.* Ракина, Черд. *Лихота-то вас берёт.* Ключи, Сукс. (СПГ).

Второе значение слова-мотиватора ***лихо́й***, по М. Фасмеру, – 'остающийся, превышающий меру' [Фасмер III: 505], по П.Я. Черных, – 'чрезмерный; чрезвычайный; лишний; излишний' [Черных I: 486]. О.Н. Трубачев, говоря о лексеме ***лиша́й***, отмечает, что, хотя участие

прилагательного *lixъ в обозначении болезней как дурных, злых, плохих представляется естественным, можно отметить, что как раз семантического признака ‘дурная, плохая болезнь’ у слова ***лишай*** практически не наблюдается. Более регулярно проступает первоначальная семантика корня *lix-, *liš- – ‘оставшееся’ (ср. в других славянских языках ‘оголенная от растительности поверхность, пропуск полосы в севе’), и употребление именно этого значения для называния пятна, отличного по окраске, на коже человека, следовательно, родство с и.-е. *leik-s в изначальных значениях последнего ‘оставлять, остаток’ не вызывает сомнения. О.Н. Трубачев предполагает, что первоначальным значением корня *lixъ было ‘остаточный, лишний’, которое эволюционировало далее в сторону разных конкретных значений, в частности негативных [ЭССЯ XIV: 153].

Таким образом, лексемы семантического поля «Болезнь» с корнем -*лих*- демонстрируют нам восприятие болезни как чего-то отклоняющегося от нормы, лишнего.

В.А. Меркулова в работе, посвященной названиям болезней, говорит о том, что основным значением слов ***лихо***, ***лихой*** в восточнославянских языках является ‘зло’, ‘злой’ (болг. ***лихо*** ‘зло’, укр. ***лихе*** ‘зло’, ***лихий*** ‘злой’) ← ‘остаток / избыток (по сравнению с нормой)’. Семантика общей негативной оценки ‘злой, плохой’, в свою очередь, становится основой развития значений ‘беда, несчастье’ (как результат причиненного зла) и ‘болезнь’ (как один из видов возможного несчастья) [Меркулова 1972: 197-199].

2. Рассмотрим лексику СП «Болезнь» с корнем -*худ*-, присутствующую в пермских говорах:

Худáя, ***худобá***[1], ***худóбка***, ***худóе***, ***худобúца***, ***худобúща***, ***худобúще***, ***худобúнка***, ***худобúшка*** ‘эпилепсия’. *Затопили баню, принесли его, парить стали, а его худая уж задергала* (Толстик, Солик.). *Адамова голова идёт от худобы: на человека находит худобище, трясёт его; человек сидит-сидит, и вдруг его бросит* (Толстик, Солик.). *Когда давит худобишшо ребёнка, и он руками и ногами брыкат, ноги вытянет, посинеет* (Черд.). *У его худобка была, дак его чаще стало бить; справляться с ей не мог* (Володино, Солик.). *На его худобка стала находить, я бояться стала за его* (Пыскор, Усол.). ◊ ***Худобá*** (***худóбка***, ***худобúще***, ***худобúща***, ***худобúшка***) ***бьёт*** ‘о приступе эпилепсии’. *Мама только год со здоровым-то прожила, потом он испужался, его и начала бить худоба-то. Худобка бьёт, дак он башкой колотится, пена у роту, всё искусат.* Берёзовка, Усол. *Человека трясёт всего, дак значит худобка бьёт, а потом он засыпает.* Ефремы, Солик. *Отца-то моёго часто худобище било, от этого и умер.* Посад, Караг. *Худобище било поросёнка, а бават, найдёт худобище на кошку.* Тетерино, Солик. *Поросят как-то поехали продавать. Ящики-то*

поставили, так мужика худобища бить начала, язык-от кусал. Его за угол отвели – он без памяти. Касиб, Солик. *В Диганах была девочка, Худобища ее била. Она с кровати пала.* Касиб, Солик. *Худобишка ково бьёт, чернобыль пить надо* Акчим, Краснов. *Худым он с малолетства болел. Еще полгода не было, а лежит, и ни с того ни с сего или засмеется, или испужается чего-то*. Пож Юрл. *Худое – это когда бьет. Худое бьет ребеночка, от людей в основном от этого личат. Человека позовут, он наговариват, поит ребенка*. Юм Юрл. (СРГКПО). *Маленький у ее в бане задыхался, худобица была. Как в баню поведут, так прямо умирал в бане.* Пожва Юсьв. *Черной травой от худобища лечат, в бане парят, ее на каменку бросают. Это маленьких, кого трясёт*. Пожва Юсь. (СРГКПО); *Богородицкая трава тоже от худобинки. От всех болезней она берёт* (АС); *Худобишка кого бьёт, чернобыль пить надо* (АС). *Ревёт, его дёргат худобишшэ. Едва отводились! Когда робёнка дёргат, он почернеет… Чернобыль трава от худобишша; Худобишшэ – это припадок* (АС).

Худоба́[2], 1. ‘озноб, лихорадка’. *Разговариват – худоба его давит, полохатся он, турусит* (АС)

Худо́бный, ***худобно́й*** ‘больной эпилепсией’. *Раньше худо́бным называли, если его перетресёт. А сейчас параличным зовут; А раньше, если (е)во трясёт, дак худобным называли* (АС). *Он испужался чего-то, его и начала бить худоба-то. Как на его найдёт, как он замявкат, всё в роту-то искусат, рыло-то заворотит, потом уж всё пройдёт.* Берёзовка, Усол. *У меня первой мужик-от был худобной, скоро помер.* Таман, Усол. *У Петра Марковича дочь хорошая, а всё худобная.* Касиб, Солик. (СПГ).

Худо́й ‘больной, болезненный от старости’. *Худая у меня сестра, така жё, как я, больная да старая, одна себе живёт.* Вильва, Солик. *Всё я нынче худой лажу быть, даже не прибираюсь по дому-ту.* Вильгорт, Черд. *Худая стала, и голосу не стало.* Пянтег, Черд. *Не худая старуха ишо, сама по дому-то управлятся.* Патраки, Добр. (СПГ). *Старуха-та совсем худая уж, руки-те вот едак тресуца; Старось не радось. Худой человек стал, негоден* // в соч. с тв. п. существительного: ***худой глазами***, ***сердцем*** и т.п. ‘имеющий слабое, больное сердце, плохо видящий и т.п.’. *Мы со стариком худыё серцами, дак над каждой книжкой наревёмся; Там бабушка есь, глазами худа.* Акчим, Краснов. // ‘нездоровый, плохо действующий (об органах, частях тела)’. *У меня вот серцо худоё; Плачу сижу. Без того глаза худые. Тоскую; Ходить не могу, совсем ноги худыё, больныё* (АС).

Худо́мый *Паренёк-от у их с рождения маленько не совсем был, а тепере и вовсё худомой стал.* Меча, Киш. *Старик у меня худомой стал* Брёхово, Сукс. 2. ‘слабый, больной’. *Худомая кошка-то, вот и теребят*

её робята, а то другая бы цапнула, а у этой и сил нету. Осокино, Солик. (СПГ).

Худобно́й ‘страдающий падучей болезнью’. *Отец худобной был, нездоровой. Он испужался чего-то, его и начала бить худоба-то. Как на его найдёт, как он замявкат, всё в роту-то искусат, рыло-то заворотит, потом уж всё пройдёт.* Берёзовка, Усол. *У меня первой мужик-от был худобной, скоро помер.* Таман, Усол. *У Петра Марковича дочь хорошая, а всё худобная.* Касиб, Солик. (СПГ).

Продуктивность корня *-худ-* в пермских говорах также иллюстрируют характеризующие больного человека сложные прилагательные, в которых данный корень выступает в качестве одной из основ. Второй корень таких сложных слов, как правило, указывает на больной, неполноценный орган (***худогла́зый***, ***худоно́гий***) или то физическое качество, которым человек обладает не в полной мере (***худоу́мный***, ***худоси́льный***).

По данным этимологических словарей, лексема ***худо́й*** имеет 2 значения 1. ‘плохой, дурной, имеющий большие изъяны’; 2. ‘тощий, тщедушный’ [Черных II: 359]. О.Н. Трубачев считает, что первоначальным значением др.-р. корня *худъ было не только значение ‘слабый, некрепкий’, но и ‘плохой, злой’. В других славянских языках эта семантика тоже получила свое развитие, например, словен. ***hud*** ‘злой, плохой’, ***hudoba*** ‘злоба’, болг. ***худо́ба*** ‘гадость, скверна’, с.-хорв. ***хȳд*** ‘дурной, плохой’ [ЭССЯ VIII: 111-113]. Поскольку потеря веса, излишняя худоба не являются обязательными признаками больного человека, то мы можем предположить, что в данном случае мы видим понимание болезни как одного из проявлений зла, характеризующегося в народном сознании резко отрицательно.

Вероятно, болезнь воспринималась человеком с мифологическим сознанием как персонифицированная сила, наделяемая человеческими отрицательными качествами. Это подтверждает возможность употребления в северных пермских говорах лексемы ***злая*** в сочетании с лексемой ***болезнь***, это подтверждает контекст из картотеки СРГСПК: *Он больной, кряхтун, у него злая болезнь* Черд. (КСРГСПК).

По мнению В.В. Усачевой, мифологическая природа персонифицированных болезней четко отразилась в народной культуре славян. Персонификация духов болезни объясняется стремлением человека найти себя в мире, обозначить в нем свое место и место всего, что его окружает, что так или иначе на него воздействует, вступает с ним в контакт даже против его воли, а следовательно, влияет на его жизнь [Усачева 2008: 273-274].

Из выше сказанного мы можем сделать следующий вывод: в рассмотренных лексемах присутствует культурно-мотивированная связь

с категорией зла, т. е. болезнь в народной культуре осмысляется как отрицательное явление, проявление зла, которое никогда не воспринимается как норма, оно прямо соотносится с нечистой силой, дьяволом, чертом [Усачева 2008: 249-252].

Исследовав лексику СП «Болезнь» с корнями *-лих-*, *-худ-*, представленную в пермских говорах, мы можем сделать вывод, что в рассмотренных лексемах присутствует культурно-мотивированная связь с категорией зла, которая подтверждается этимологическими данными и является актуальной по сей день.

II. Мотивационная модель «Животное → болезнь»

В настоящем разделе мы рассмотрим лексику семантического поля «Болезнь», мотивированную единицами семантического поля (далее – СП) «Животные». Проведенный анализ позволил выделить несколько мотивационных групп, иллюстрирующих принципы номинации для единиц СП «Болезнь» Рассмотрим их.

1. В основе номинации – название животного

Наши материалы показывают, что в основе номинации названий болезней и болезненных проявлений могут лежать названия животных.

1.1. Очень продуктивной в этом отношении является группа так называемых «гадов», к которым народное сознание причисляет земноводных, пресмыкающихся, насекомых, некоторые виды млекопитающих (мышей, крыс) и змееподобных рыб (вьюны, угри) [СД 2: 217–218; Гура: эл. ресурс].

1.1.1. В пермских говорах отмечается ряд единиц, мотивированных словом *мышь*: ***мыша́*** ‘спазм в горле’, ***мыша́к*** ‘опухоль на теле домашнего животного’, ***мыша́***, ***мы́шки***, ***мы́ши*** ‘воспалительное увеличение подкожных шейных лимфоузлов у коров, лошадей’, ***мышья́к*** ‘нарыв, фурункул’: *Мышки лечат – за ушами колют шилом.* В.Мошево Сол. (СПГ); *Она (лекарка) прибежала: мыши, – говорит, – одолили. Щипцами стали давить, всё жо мы их раздавили. Она (корова) и ожила; Говорили, что её мыша хватили, под вид золези, их щипцами давят* (АС); *Её лошадь лягнула прямо в бедро, и у неё от копыт-то появились два нарыва. Маме сказали – это у неё мышьяки.* Берёзовка; *Купила поросёнка да согрешила с ним, хворает. Говорят, мышак, надо его закусывать*. Ненастье Окт. (СРГЮП).

Сходные по семантике номинации фиксируются и в СРНГ: ***мы́шцы***, ***мы́шчики*** мн. ‘затвердевшая опухоль на шее лошади’. Амур., ***мышь*** ‘опухоль на шее лошади’ Свердл., ***мышья́к*** 1. ‘опухоль’ Свердл., 2. ‘набухание, вздутие желез на горле лошади’ Омск., ***мышьяки́***, мн. 1. ‘болезнь у лошадей за ушами в виде небольших сухих нарывов’. Том., 2. ‘вздутие в паху у коровы’ Иркут. [СРНГ 19: 72].

Данная мотивационная модель обусловлена, во-первых, внешним сходством болезненных новообразований с округлым телом грызуна. Показательно, что в русских говорах аналогичную мотивированность имеют и другие однокоренные лексемы: ***мышля́к*** ‘сгусток, ком грязи’ Брян. [СРНГ 19: 71]. Во-вторых, подобная мотивация может отражать мифологизированность образа мыши в традиционной культуре, которая находит подтверждение в использовании этого животного для ритуальных медицинских практик – лечения подобного подобным: *Вот бывают такие нарывы. Кто-то тебя или испугал, или ты стукнул, и говорят в народе, что это у тебя мышьяк. Такой синий мышьяк. Вот тогда рвут мышь и прикладывают к этому месту.* Асово Бер. (СРГЮП). *Мышьяк, или собачьи соски, если их много, – нарыв бурой-бурой; рассекают и кровью мышьей мажут, мышь поймают.* Осокино Сол. (СПГ).

По данным «Русского демонологического словаря», мыши часто могут выступать в качестве духов–помощников колдуна вселяющихся в тело человека и вызывающих болезненные состояния [РДС 1995: 241]. Восприятие болезни как субъекта активного действия и магический характер ее передачи находят отражение в словарных контекстах: *Кикимора на него порчу навлекла, дак у него мыша к горлу подходит, дышать не может.* Коновалово Караг.; *Мышки давят коней, на обоих боках, под ушами, другой раз лошадь падёт от этех мышёк-то.* (СПГ).

1.1.2. Название животного *змея*, в свою очередь, лежит в основе номинации следующих лексем изучаемого СП: ***змеевéц***, ***змеёвик***, ***змеéвич***, ***змеёвич*** ‘гнойное воспаление, поражающее большой участок тела, кости или отдельные органы’: *Она могла всё – там рожи, змеевцы на пальцах. Она вот чертит, приговаривала.* Ключи Сукс. *Змеёвик когда под ногтем, его ничем не выведешь, только словами.* Бедряж Чернуш. (СРГЮП); *Свекровка у меня переболела, у неё на руке змеёвич какой-то был на ладони.* Абог, Черд. (КСРГСПК).

В других русских говорах также отмечаются сходные названия болезней, ср.: ***змеёвец***, ***змеевúк***, ***змеёвик***, ***змеёвник***, ‘болезнь Panaritum, заболевание ногтей и конечных суставов ног и рук’ Том., Кемер., Ср. Урал., Иркут., Краснояр. [СРНГ 11: 297–298].

Объяснить такую мотивировку симптоматикой заболевания кажется нам проблематичным. Возможно, в принципе номинации в данном случае отражается народное представление болезни в виде змеи или червя, проникающего в тело человека, подтверждающееся материалами СРНГ: *Змеевец на пальце лечат луком, подмыльем и вообще вонючими веществами, чтоб уморить червяка.* Том. [СРНГ 11: 297]. Отрицательную трактовку образа змеи в народной культуре подтверждают и устойчивые формулы негативных пожеланий, встречающиеся в пермских говорах: ***змей в ру́ки*** (***ла́пы***, ***шары́***); ***змéище в ру́ки***: *Змей в шары-те, всю тропку*

изломали, по воду пошла, идти не можно. Губдор. Краснов.; *Окаянная свинья, змеище тебе в ноги! Весь огород разрыла!* Харенки Сол. [СПГ 1: 328-29].

Мифологическое восприятие образа змеи иллюстрируется и словарными контекстами, где описываются способы излечения от ***змеёвича***: заговор и лечение подобного подобным: *Змеёвич – нарыв на пальцах, лечат жиром змеи, гадюки* (КСРГСПК); *Это если змеёвич – пальцы болят, так опять заговаривают. Ак ведь у людей-то раньше шибко болели пальцы-те. У нас ведь у старушки большой палец вовсе змеевич отъел.* Асово Бер. (СРГЮП).

1.1.3. Названием животного также мотивированы единицы ***жа́ба се́рдца*** ‘болезнь сердца’ и ***горлова́я жаба́*** ‘болезнь, вызываемая наговором’, соотносящиеся с общерусскими ***жа́ба*** ‘воспалительное заболевание слизистой оболочки зева, ангина; ***грудна́я жа́ба*** ‘сердечное заболевание, связанное с сильными болями в груди’ [ССРЛЯ 4: 6].

Как отмечает Е.Л. Березович, лексема ***жаба*** в говорах часто номинирует болезненные выпуклости, локализующихся во рту, в горле, в области шеи. В качестве мотивирующих подобные названия факторов выделяются, во-первых, мотив раздувания (и связанный с ним мотив тяжелого дыхания), во-вторых, мотив бугристости кожного покрова [Березович 2007: 42]. Так, в СРНГ отмечаются названия болезней ***жа́бица*** 1. ‘болезнь свинка’ Курск. 2. ‘болезнь горла’ Тул., ***жа́бка*** 1. ‘воспаление языка и слизистой оболочки рта’. 2. ‘воспаление желез; опухоль на шее’ Новг., 3. ‘опухоль на щеке’ Новг. ***жаборо́дка*** ‘бородавка’ Пенз. [СРНГ 9: 50–51].

В пермских говорах указанные мотивировочные признаки не реализуются, единицы ***жа́ба се́рдца*** и ***горлова́я жа́ба*** имеют значение ‘болезнь, вызываемая посредством порчи’, это подтверждается и примерами из живой речи: *Пьянчужка поглянул ей, погубил, получила жабу сердца* (КСРГСПК); *После порчи горловую жабу в меня посадили.* Палева Краснов. (СПГ) (ср. также с арх. ***жа́ба*** ‘болезнь, которую напускают, наводят; порча’ *Жаба бывает продольная, поперечная, горловая и другие* [СРНГ 9: 49]).

Жаба, так же как мышь и змея, относится к разряду «гадов», поэтому неслучайным нам кажется то, что единица ***жаба*** фиксируется в пермских говорах в значении ‘змея’: *жаба – змея ведь, она жалит дак. Слыхала, она будто бы боится корня Марьина.* Андроново Чернуш. (СРГЮП). Кроме того, проникновение жабы или лягушки в тело человека является одним из частотных мотивов мифологических рассказов, бытующих на территории Пермского края. В них лягушка или жаба выступают в качестве вселенного колдуном злого духа, который вызывает болезнь (подробнее о зооморфном облике вселенных в тело человека духов см.:

[Русинова 2013]). Скорее всего, этим и объясняется суеверный страх диалектоносителей перед лягушками: *Етто бы меня легуша не исполохала бы. Я легуш боюсь крепко* (АС). Отрицательное восприятие жабы подтверждается и негативными пожеланиями из материалов СРНГ: *Ой,* ***жаба тебе в рот****, свинья-то у нас в огороде-то все изрыла; Вот, жаба те в руки, изломала стакан-от; Вот,* ***жаба его возьми****, никак не могу вспомнить*. Свердл. [СРНГ 9: 49].

Тем не менее, не только наименования «гадов» могут выступать в качестве зоонимических мотиваторов для названий болезней.

1.2. В наших материалах отмечаются две единицы, мотивированные наименованиями птиц, а именно цыплят: ***цыпу́шка*** ‘растрескивание и воспаление кожи на руках и ногах’: *Вы чё босые ходите-то, цыпушки будут на ногах-то, заревёте тогда, рассекутся ноги-те.* Костьящер Караг. (СПГ) и ***недопа́рыш*** 1.‘о постоянно мерзнущем, кутающемся человеке’ *Я вот сегодня тоже недопарыш, в фуфайке хожу; Летом оденешь что-нибудь толстое, скажут: ты что, недопарыш, что ле?!* (АС); 2. ‘ребенок, родившийся раньше срока’ Перм. [СРНГ 21: 27]. Очевидно, что первая лексема мотивирована сходством потрескавшейся и сухой кожи руки и ног человека с грубоватой кожей конечностей куриц и цыплят. Вторая же лексема мотивирована сходством болезненно мерзнущего человека, скорее всего страдающего нарушениями кровообращения, с *недопарышем* – ‘цыпленком, вылупившемся из яйца недоразвитым, слабым’ (АС).

1.3. В следующую мотивационную подгруппу нами включены лексемы ***песя́к***, ***песся́к***, ***песья́к*** ‘ячмень, острое гнойное воспаление волосяной луковицы ресницы и сальной железы века’: *Песьяк, дак надо хлебушком теплым прижигать*. Пож Юрл. *Ячмень у нас называют пессяк. Пессяк, пессячок, сходи на базар, купи топорок*. Юм Юрл. (СРГКПО), мотивированные словом *пес*. Как отмечает Е.Л. Березович, наименования ячменя, образованные от основы *-пес-*, широко распространены в русских говорах: так, в СРНГ рассматриваемые единицы в значении ‘ячмень’ даются с пометами Влад., Твер. Калин., Пек., Новг., Яросл., Волог., Петерб., Олон. Волог., Костром. Их принцип номинации строится, во-первых, на сопоставлении собачьих глаз, которые нередко слезятся и выглядят воспаленными, с глазами больного человека, во-вторых, на том, что образ собаки часто используется для номинации различных болезней, а также является источником негативных коннотаций, сопровождающих представления о болезни [Березович 2007: 505, 514–515].

2. В основе номинации – действие животного

В основе принципа номинации единиц второй группы лежат действия, свойственные животным, а мотивирующие и мотивированные

лексемы представлены в основном глаголами и отглагольными образованиями.

2.1. Рассмотрим лексику, представленную глаголами. Чаще всего в качестве мотиваторов выступают глаголы с семантикой нападения, кусания и поедания. В наиболее явной форме мотив нападения на человека реализуется в устойчивом словосочетании ***соба́ки рвут*** ‘ощущается сильная боль’ (СПГ).

Мотив кусания и клевания актуализирован в следующих лексемах, представленных в пермских говорах: ***грызть*** 1. ‘о наличии грыжи у кого-л.’ *У девчонок-то больше пупик грызёт.* Никулино Добр.; 2. ‘о тупой, ноющей боли’ *Ноги у меня, девки, грызёт. Видите, вены как видны синие.* Ильинское (СПГ); ***нагры́зть*** ‘появиться на теле (о наросте, опухоли)’ *А у Зои-то вот такие баки на ногах нагрызло, как кукиши* (КСРГСПК) (ср. в орловских и карельских говорах: ***гры́зень*** ‘ревматическая боль, ломота в костях’, ***на́грыз*** ‘грыжа’ [СРНГ 7: 178–179, 19, 217]); ***исклева́ть***, ***оклева́ть***, ***поклева́ть*** ‘о появлении сыпи во время болезни оспой’ *У нас в селе всех восьпа оклевала*. Юго-Камск Пермск. (СПГ); *Инолды воспица исклюёт лицо; Если его поклевала оспа, то зовут корявый* (КСРГСПК); ***иско́леванный*** ‘человек, переболевший оспой, со следами, оставленными болезнью на коже’. К данной подгруппе, по нашему мнению, относится и глагол ***изъе́сть*** ‘вызвать режущую боль, заставить слезиться (о глазах)’, который также фиксируется в пермских говорах в значениях: 1. ‘сильно искусать (о животных)’; 2. ‘покрыть укусами (о насекомых)’; 3. ‘по суеверным представлениям, довести кого-л. волшебством до тяжелого, болезненного состояния’ (АС).

Подобная мотивационная модель строится на основе метафорического переноса *действие животного → характер болевых ощущений* или *действие животного → характер повреждений*.

2.2. Косвенно в эту мотивационную группу входят также существительные ***костоглоо́д***, ***костое́д***, выступающие в пермских говорах в значении ‘воспаление костной ткани, сопровождаемое ее разрушением’. Сходные названия заболеваний костей или болезненных ощущений в них широко распространены не только в пермских говорах: ***костогры́з*** ‘ломота в костях’ Кубан., ***костое́д*** 1. ‘воспаление костной ткани или зубов, сопровождаемое их разрушением’. Калуж., Моск., Краснояр.; 3. ‘туберкулез костей’ Новг. ***костое́дина***, ***костое́дица*** ‘воспаление костной ткани или зубов, сопровождаемое их разрушением’ Яросл. [СРНГ 15: 76–77].

На наш взгляд, в основу номинации данных единиц положена семантика поедания организма человека. Нельзя утверждать, что своей внутренней формой данные единицы напрямую указывают на зоонимическую мотивацию, но наши материалы показывают, что

причиной и возбудителем данного заболевания, с точки зрения диалектоносителей, является живой организм: *У меня вот у самой костоед был, а по-больничному костяной панариций. А это по бабушкам – костоед. Мыла в кипятилке-то и попала заноза, с сестрой-то не могли достать, а к утру у меня палец раздуло. Я с месяц ходила с этим червяком. И вот мы разбинтовали, только подняли этот гриб, и червяк сидел сантиметра может два или как ли был. Голова чёрная-чёрная, а сам белый.* Асово Бер. *Костоед вот – червячок ест суставчики. Если самка, то только заговаривать на мёд или сливочно масло. Надо воду заговорить с девяти речек, после того через эти речки нельзя переезжать. Костоед ветром посылают, говорят.* Уральское Чайк. (СРГЮП). Кроме того, в СРНГ сама лексема ***костое́д*** фиксируется в значении ‘червь, по народному поверью, появляющийся при нагноении кости’. Краснояр. [СРНГ 15: 77].

Как мы упоминали выше, мотив проникновения червя в тело человека является типичным для традиционной культуры. Так, например, в пермских говорах присутствуют единицы ***во́лос*** и ***ко́нский во́лос*** ‘водяной червь, который, по суеверным представлениям, пробирается под кожу во время купания в запрещенное время и является причиной болезни’: *Болезнь есть такая, внутре нарывает, палец или ещё чё. Человек купатся – волос весь, как игла зайдёт. Волос-от просекёт – он начнёт точить кость, можешь без ноги остаться.* В. Мошево. Сол. (СПГ); *После Ильина дня нельзя купаться, в воде плывут конские волосы, которые впиваются в тело и бродят там в человеке.* Асово Бер. (СРГЮП). Единица ***во́лос*** отмечается в СРНГ в этом значении (с пометами Арх., Новг., Вят., Перм., Свердл., Тул., Калуж., Курск., Смол., Иссык-Кульск., Новг.), а также в значениях ‘гнойное воспаление, язва, опухоль, нарыв’ (Твер., Иркут., Краснояр.) и ‘гнойное воспаление тканей пальца около ногтя; ногтоед’ (Курск., Брян., Костром., Пск., Новг., Волог., Арх.) известна русским говорам и лексема ***волоса́тик*** ‘нарыв’: *Нарыв, в котором, когда он созреет, оказывается пучечек черных червячков, похожих на рубленый конский волос.* Калуж., Яросл. [СРНГ 5: 57–58].

Мотив проникновения червя в тело человека поддерживается, например, и словарным контекстом к лексеме ***крапи́вник*** ‘нарыв в челюсти’ *Прилетела ко мне порча – по этому месту как кто кулаком мне-ка звезданул. А никого около меня не было. По левой щеке – и у меня сразу заболели зубы, и за четыре месяца у меня вырос крапивник, червяк лохматой в десне-то.* Берёзовка (СРГЮП). Таким образом, мы видим, что в принципе номинации наименований ***костогло́д*** и ***костое́д*** находят отражение не только физиологические проявления болезни, разрушающей костные ткани, но и культурный контекст.

3. В основе номинации – орган животного

В данную группу вошли обнаруженные нами в пермских говорах единицы с «собачьей» тематикой: ***соба́чья ти́тька***, ***су́чья ти́тька***, ***соба́чьи (сучьи́) ти́тьки***, ***су́чье вы́мя***, ***соба́чьи соски́*** ‘воспаление лимфоузлов на подмышках; несколько фурункулов, расположенных рядом’. Эти наименования широко распространены во всех русских говорах, в СРНГ они даются с пометами: Ленингр., Новосиб., Волог., Переслав., Енис., Амур., Том., Урал., Киров., Калуж., Свердл., Смол., Вят., Влад., Тобол., Иркут.

В основе принципа номинации, очевидно, лежит в первую очередь физиологическое сходство нарыва с молочной железой собаки. То, что именно образ собаки избирается языковым сознанием в качестве мотиватора, можно рассматривать как проявление культурной мотивированности. По замечанию Е.Л. Березович, собака в культуре выступает как реципиент и источник различных способов лечения [Березович 2007: 515], что находит подтверждение и в пермских материалах: *У меня вот, я помню, у девчонки были у молоденькой собачьи титьки, под пазухой. И вот как нарывчики были. Небольшая я была, ак два раза у меня были. Старичок шёл и говорит моей маме: «Ты, завтра квашёнку сделай ржаную; И это, под пазухой-то ей намажь сметаной, и хлебом-то потычь. Хлебом-то». Я, говорит, пойду с собакой, чтобы была сучкой, парню-то кобеля надо, женщине – сучка. И вот он её держит, она мне всё полизала. И получше стало*. Ключи Сукс. *Сучьи титьки можно сметаной помазать да дать собаке полизать*. Ленск Кунг. (СРГЮП). В доказательство культурной маркированности образа собаки можно привести встречающиеся в русских говорах названия ***су́чья ла́па*** ‘нарыв, фурункул’ (р. Урал) и ***су́чий су́чок*** ‘ячмень’, которые в своей внутренней форме содержат очевидное указание на схожесть формы болезненного образования и органа собаки (Арх.) [СРНГ 43: 32].

4. В основе номинации – принадлежность животному

В основе номинации может лежать перенос особенностей физиологии животных на человека. В пермских говорах активно функционируют общерусские разговорные единицы ***медве́жья болезнь*** ‘диарея, начавшая от сильного страха или нервного напряжения’ и ***ку́ричья (ку́рья) слепота́*** ‘расстройство зрения, выражающееся в ослаблении или неспособности видеть предметы при сумеречном и ночном освещении’, а также пермское диалектное устойчивое сочетание ***лошади́ный жор*** ‘неуемный аппетит’. Отметим, что контекст указывает именно на то, что ***лошади́ный жор*** не является просто показателем отменного аппетита и здоровья, а воспринимается носителями говора как болезненное состояние: *Колдун перевёл тут на одну женщину лошадиный жор, всё ест и ест, наистися не может*. Васильевка Окт. (СРГЮП).

Отдельно хотелось бы сказать про название детского рахитизма – ***соба́чья ста́рость***, которая также может именоваться ***у́тичьей***, ***лягу́шьей***, ***пету́шьей***, ***коро́вьей*** и пр. Сама лексема ***старость***, употребляемая по отношению к ребенку, отражает нетипичность и ненормальность ситуации болезни и указывает на физические отклонения в развитии. Притяжательные прилагательные, в частности ***собачья***, называют причину и возможного реципиента болезни, что неоднократно подтверждается этнографическими и лингвистическими данными многих регионов, в том числе и пермскими, тем самым указывая на культурные коннотации образа животного: *«Собачьи старости» парили. Продергивают через калач, потом этот калачик собаке отдаешь. Собаки «собачью старость съедят». И приговаривают. Двенацать старостей всего: собачья, петушья, коровья, лягушачинная, хомячья, крысья, свиная, овечья, козья, мышья, лошадиная, гусиная, утичья. Говорить начинаю с собачьей.* Берёзовка. *Лягушья старость есть. Тоже животик большой: проталкивали через калач и тоже собакам отдавали. На хлебной лопате в печь садили. Надо делать рано утром. Сырой калач проталкивают, потом этот калач испекут и дают собакам. Животик большой, ножки и ручки тоненькие. Бабушка со словами проталкивает*. Покровка Бер. (СРГЮП). Стоить отметить, что в говорах единица ***соба́чья ста́рость*** может выступать и в другом значении – ‘болезнь ребенка, проявляющаяся в бессоннице, отсутствии аппетита, расстройстве желудка, истощении’ *По поверью болезнь эта приключается от собачей слюны, если ребенок съест кусок хлеба, обнюханный собакой.* Олон. [СРНГ 39: 143]. Это в очередной раз доказывает устойчивость номинаций болезней, «использующих» образ собаки.

5. В основе номинации – сравнение с животным

В основе номинации может лежать сравнение человека с животным на уровне внешних черт или поведенческих особенностей. Лексические единицы данной группы – это устойчивые словосочетания, связанные по типу согласования, или сравнительные обороты с союзом *как*. Устойчивое словосочетание ***как щу́ка худю́щий*** мотивируется внешним сходством болезненно худого человека с рыбой щукой, тело которой имеет удлиненную вытянутую форму. Поведенческие особенности животных актуализируются в устойчивых сравнениях: ***(как) ди́кая ба́ля*** ‘о психически ненормальном; о глупом человеке’, ***как пару́нья*** ‘о том, кто не может стоять в силу физического состояния’, где мотиваторами служат общерусские диалектные названия животных *(дикая) баля* ‘овца’, *парунья* ‘курица, высиживающая цыплят’, ведущих себя особым образом: неадекватно или малоподвижно: *Я уже старая. Ниче не понимаю, как дикая баля.* Лидино Окт.; *Я сижу да сижу. Чё это – как парунья стала, стоять вовсе не могу*. Дубовое Бер. (СРГЮП). В рамках этой подгруппы

также можно рассмотреть словосочетание ***лежа́ть как волчи́ха*** ‘болеть; быть старым’: *Люди которы работают всё, а я лежу как волчиха, не могу ничё*. Воскресенское Уинск. (СРГЮП). По-видимому, данная номинация обусловлена тем, что образ волка, как и образ собаки, в культуре часто является источником номинаций для явлений с отрицательной коннотацией, в том числе и болезней.

Наряду с рассмотренными, нам кажется целесообразным включить в данную подгруппу устойчивое выражение ***как лягу́шу съе́дено***, означающее болезненное состояние, при котором сильно урчит в животе: *Как легушу съедено – буркат* (АС). Данная ассоциация, очевидно, строится на схожести звуков лягушачьего кваканья и урчания в животе.

III. Мотивационная модель «Физическое воздействие → болезнь»

Наряду с зоонимическими моделями в народном сознании существуют представления о болезни как результате вредоносного воздействия, чаще всего исходящего из внешней среды. Мы попытаемся их показать на примере глагольной лексики СП «Болезнь». В пермских говорах нами были обнаружены глаголы двух групп: первые из них имеют семантику насильственного овладения организмом человека, вторые обозначают процесс физического воздействия на организм человека.

Перечислим основные мотивы, отражающие разные виды физического воздействия, которые положены в основу номинации рассматриваемых глаголов.

1. В основе номинации – мотив овладения организмом человека

Рассмотрим первую группу глаголов, которые имеют интегральное культурно-мотивированное значение ‘насильно овладевать организмом человека’:

Взять (лич. и безл.) ‘вызвать болезненное состояние’ *Его взяла язва; Верно, простыла, и меня взяло* (КСРГСПК). *Такая погода держится – у меня опять ногу взяло. Всякими уж мазями мазала*. Воскресенское Уинск. (СРГЮП). (Ср. с лит. ***взять*** ‘кого-, что-либо захватывать рукой (или каким-нибудь орудием, зубами’ [ССРЛЯ II: 332]). Также в пермских говорах функционирует устойчивое сочетание ***гры́жи взя́ли*** ‘образовалась грыжа’ (*Меня в ту пору беда грыжи взяли; хотели под нож класть*).

Загара́бать (безл.) ‘внезапно и остро проявиться у кого-л. (о приступе болезни, боли); схватить’ (*Свекровку да золовушку загарабало, и так оне заболели, так заболели тифом, но не умерли же, жили потом долго ещё*). Этот же глагол употребляется в пермских говорах и в значении ‘захватить силой, присвоить’ (*Почто ты загарабала мои мешки-те? Я их под пшеницу наладила* (СПГ)).

Захва́тывать (безл.) ‘подвергать болезненному состоянию’ (*Одышка давит, сердцо захватыват*). (Ср. с лит. ***захватывать*** ‘4. забирать силой, овладевать’ [ССРЛЯ IV: 1048]). По данным этимологических словарей, старшее общеславянское значение глагола *chvatati могло быть ‘присваивать, делать своим чужое’, формальная реконструкция которого приводит к и.-е. корню *sue- местоименного происхождения (родств. мест. *svojь) со значением ‘присвоить’ [Черных II: 335; ЭССЯ VIII: 123]. С одной стороны, через корень ***-хват-*** реализуется семантика внезапности, быстроты воздействия на организм (Ср. с лит. ***хватать*** ‘резким порывистым движением брать, схватывать кого-, что-нибудь’ [ССРЛЯ XVII: 73]), то есть значение этого корня указывает на реальную симптоматику болезни. С другой стороны, значение данной глагольной единицы отражает представление о процессе болезни как состоянии, сообщенном больному насильственным внешним воздействием.

Захвати́ть, ***захва́тывать*** ‘подвергнуть / подвергать болезненному состоянию, остановить на мгновение (дыхание, сердце)’. *Даве опеть сердце захватило. Лекарства дают от сердца; Не могла рассказать, чё – здых-от захватило; Ой, всё болит, сердце захватыват, день ото дню хуже; В груде чё-то спират, дух захватыват, спина болит.* (АС) *Одна пчела меня ткнула, дак оба глаза захватило.* (СРГЮП)

Изнять, ***изыма́ть***, ***изнима́ть*** (безл.) ‘внезапно и остро проявиться у кого-л. (о приступе болезни, боли)’. *На той неделе так меня изняло, дак думала, уж умру*; *Я дошла до мостика и меня изымать стало* (КСРГСПК); *Грызет мудышки у робенка; когда изнимат, к погоде, к падере, дак как он ревет*. Осокино Сол. *Теперь изнимает, сердце приступает*. Ракина Черд. *Изнимат, тожно мало брожу*. Сидорово Караг. *Стало меня вечером изнимать, спину пересекать, снохе-то и рассказала... А потом восемь суток мучилась*. Попово-Останино Сол. *Шибко она стала меня ломить, изнимать, никакой жизни не стало*. Ушаково Сол. *На поле ее изнимать начало, бабы пособили, хорошо хоть сразу увидали, как схватки начались*. Андреево Сол. (СПГ). (Ср. с лит. ***изыма?ть*** ‘удалять, устранять; прекращать существование чего-л., уничтожать’ [ССРЛЯ V: 270]).

Найти́ ‘вызвать болезненное состояние’. *На меня корь нашла* (КСРГСПК). (Ср. с лит. ***найти*** 1. ‘подойдя вплотную, натолкнуться, наскочить на кого-, что-нибудь’; 2. ‘надвинувшись, закрыть собой что-либо’) [ССРЛЯ VII: 234-235]).

Напа́сть ‘вызвать болезненное состояние’ (*Егожник на неё напал, чесотка чё ли*). (Ср. с лит. ***напа́сть*** ‘наброситься на кого-, что-либо с враждебной целью [ССРЛЯ VII: 385]).

Одоли́ть ‘замучить частыми приступами, проявлениями болезни’. *Чё уж! Старая. Кашель да чё уже одолил; Ой, насмока одолила! На улице ходим безо всего дак* (АС).

Поймáть ‘вызвать болезненное состояние’. *Вот насмока поймала, чишот, кашлят* (КСРГСПК) (Ср. с лит. ***поймать*** ‘3. схватить кого-, что-л.’ [ССРЛЯ X: 812]). Эту же семантику имеют устойчивые выражения ***грибы́ поймáли*** и ***гри́шка поймаìл*** в значении ‘кто-л. заболел гриппом’ (*Чишет углан-от, видно, грибы поймали*; *Ведь как вица на воде дрожу, видно, гришка поймал, простудилася*). Исходя из их структуры, мы видим, что болезнь предстает уже не как абстрактное внешнее воздействие, а как персонифицированная сила.

На основании сопоставления значений обнаруженных нами единиц со значениями единиц русского литературного языка мы видим, что в говоре семантика присвоения, столкновения и захвата сохраняется, дополняясь культурным смыслом и передавая образные представления носителей говора о процессе болезни. Таким образом, болезнь в традиционной культуре воспринимается как некая сила, способная к движению, причиняющая боль, которая направлена против человека и может победить его.

Теперь рассмотрим глаголы, отражающие представление о процессе болезни как физическом воздействии, чаще извне (что отражается безличностью глаголов). В их семантике содержится указание на конкретные симптоматические проявления процесса болезни и на характер проявления болевых ощущений. Среди рассмотренных единиц многие являются общерусскими и широко употребляются в разговорной речи, но есть и диалектные единицы, отражающие процесс физического воздействия болезни на человека.

2. В основе номинации – мотив удара / выстрела

Бить ‘трясти, вызывать дрожь’. *Когда вот худобишшо бьёт человека, чернобыль парют, пьют вместо чаю* (КСРГСПК). Также этот глагол встречается в безличной форме в устойчивом сочетании ***худобóй бьёт*** в значении ‘мучают эпилептические припадки’. *У тя парня-та все ишо худобой бьет али нет?* (КСРГСПК).

Колоти́ть (безл.) ‘о начале схваток при родах у женщины’. *Я с Ваней ходила, косить пошли, туто меня и заколотило.* Гаревая Чайк. (СРГЮП)

Ткнуть, ***ты́кать*** (безл.) ‘резко заболеть’. *Печень у меня болит, вот сегодня опеть ткнуло в бок* (КСРГСПК). *Колотьё бывает… Бока да чё колет. Колда и в руки, и в ноги тычет – всяко!* (АС).

Стреля́ть (безл.) ‘резко болеть’. *Голова болела, даже в крыльце, в лопатку стреляло* (КСРГСПК).

3. В основе номинации – мотив деформации

Вскомо́чить, ***скомо́чить*** (безл.) ‘скрутить (о болезни), обессилить, сделать слабым’. *А сам-то всё, как редька был, и чё-то как его вскомочило* (АС).

Гнуть (безл.) ‘о болезненном ощущении ломоты’. *Давно уж поясницу гнёт у меня*. Большой Букор Чайк. (СРГЮП).

Гнуться ‘болеть’. *Правилась, правилась, ходила к бабушке. С той поры надсадила. Я все гнулась, болела значит*. Тюлькино Сол. (СПГ).

Дави́ть (лич. и безл.) 1. ‘воздействовать на организм человека’ (о болезни)’; 2. ‘о давящей боли (в области сердца)’. *Когда давит худобишшо ребёнка, он руками и ногами брыкат, ноги вытянет, посинеет*; *У меня в груди спираёт, давит* (КСРГСПК).

Загиба́ть (безл.) ‘о сильной боли, ломоте’. *Меня сегодня загибат* (КСРГСПК).

Задави́ть ‘умертвить, оказывая угнетающее воздействие на организм (о недугах, болезнях и т. п.)’. *Водянкой хвораю. Она, водянка-то, живо-де раздуйет и задавит; Сын выпадывал (из зыбки), дак я с ём день ходила, чтобы сон его не задавил; Смерть-то, она сразу его задавила* (АС).

Закомо́читься ‘умереть’. *Скоро закомочимся, хватит, пожили; Строил-строил, ничё не вышло, сам закомочился, все оставил, мой сын* (АС).

Зако́рчить (безл.) ‘начать сводить судорогами’ (*Ногу закорчило, заболела*). По одной из научных версий, это слово восходит к праиндоевропейскому корню *ker со значением ‘сгибать, крутить’ [ЭССЯ XII: 56].

Закоче́рить (безл.) ‘поразить болезнью, сопровождающейся судорогами’. *Чтоб тебя закочерило, будь ты троепроклята!* (АС).

Коробе́нить (безл.) ‘трясти дрожью во время родов’. *Встала на колени, дак ишшо пуше стало коробенить, вот тогда и я родила*. Юм Юрл (СРГКПО).

Кособе́нить (безл.) ‘сводить судорогами’ *Судорогой кособенит пальчи* (КСРГСПК).

Косо́тать (безл.) ‘о болезненном состоянии, сопровождаемом зевотой, неестественными телодвижениями’. *Ломало, косотало его – он в воду и прыгнул, кончил сам себя* (КСРГСПК).

Котоса́ть (безл.) ‘о приступе болезни, боли; внезапно и остро проявляться у кого-л., схватывать’. *На, мол, робенка скорее, меня мучит, котосат, перенимат*. Свалово Сол. *Черти-то её мучат, котосают стараются*. Верещагино (СПГ).

4. В основе номинации – мотив кручения, верчения

Ви́ться ‘испытывать мучения, страдания; мучиться’. *Я восемь суток вился – терпенья нету, повезли в больницу*. Попово-Останино Сол. *Уж из-за болезни я вьюсь...* Б. Долды Черд. *Кошка-то вилась да и сдохла.* Пянтег Черд. ***У сме́рти ви́ться*** ‘Быть крайне больным, слабым’. *Черти-те, говорят, тогда одолевают, как у смерти человек вьется.* Б. Долды Черд. (СПГ).

Виха́ть. 1. Лихорадить, трясти дрожью. *Малейшо вот она заревёт, и её завихат всю, и умирала.* Кукольная Юрл. *Трясти её, вихать начнёшь, она оживёт. Вот она у меня до пяти годов не говорила*. Кукольная Юрл. (СРГКПО).

Вороти́ть (безл.) ‘ощущаться сильному возбуждению, приводящему как бы к смещению какого-л. органа с его обычного места’. *Ой, какая кислая капуста, прямо глаза воротит; Сердце с кровью воротит. Я уж так плакала, когда отпевали; С хлебом-то тогда плохо было, от голода меня тут воротит* (АС).

Вы́вертеть (безл.) ‘постепенно сделать неполноценным, разрушить болезнью’. *На место лекарства глазного како-то втирание пустила, у меня его и вывертело, глаз-от* (АС).

Заверну́ть 1. (безл.) ‘привести к смерти’. *Студёно чё-то дали маленькому, завернуло, готово дело, врачей-то не было*. Шульгино Бер. (СРГЮП). 2. (безл.) ‘внезапно и остро проявиться у кого-л. (о приступе болезни), схватить’. *Накормили студеным, готово дело, завернуло. 12 штук детей было, да только 4 осталось... остальных похороняли*. Шульгино Бер. *Так его и завернуло от этого селитера*. Сорвино Сол. *А вот уж че ее завернуло, я этого не знаю*. Пыскор Ус. (СРГЮП)

Заверну́ться ‘умереть’. *Не врачи бы, я годов 50-то завернулась бы*. Орел Ус. (СПГ).

Крути́ть, ***кружи́ть*** (безл.) ‘о сверлящей боли в желудке’. *Поешь – крутит, кружит, болит брюхо* (КСРГСПК).

Перевернуть (безл.) ‘в короткий срок лишить жизненных сил’. *Он умер, шибко здоровый был, крови много в нём было, всё красный ходил, да пил; скоро его перевернуло, скоропостижно он умер.* Бородулята Ильинск. *У меня зимой всех кур перевернуло, только три и остались.* Воскресенск Караг. (СПГ).

Перевернуться ‘умереть’. *У Катерины муж поехал в село, упал с воза, сломал позвоночник и скоро перевернулся. Теперь одна осталась.* Шульгино Бер. (СПГ).

Разворачивать (безл.) ‘о сильной, распирающей изнутри боли’. *Не знаю, чё такое с горлом после грибу-то. Видно, воспаление. Грудь всю разворачивает; А всечиной натираю, втираю. Всё равно разворачиваёт лопатки* (АС).

5. В основе номинации – мотив нарушения целостности

Ломи́ть, ***лома́ть***, ***залома́ть***, ***изломать*** (безл.) ‘о болезненном состоянии, ощущении ломоты’. *Скоро пошла, дак сразу ноги и заломило*; *Ломат, косотат с пьянки* (КСРГСПК). *Картовь вот надо тереть на кисель, а то опеть заломат, захвораю и не натру.* (АС) *Всё хвораю, ноги болят, изломало обе ноги; Надо в больничу ехать ему, на комиссию ли чё ли: его изломало всего, раз рематизма уж* (АС).

Рвать ‘испытывать острую боль’. *Ой, девки, нога болит. Рвёт нога, терпенья нет.* Лидино Окт. (СРГЮП).

Сломи́ться ‘умереть’. *Муж мой в пятьдесят втором сломился.* Фоки Чайк. (СРГЮП)

6. В основе номинации – мотив падения

Броса́ть (безл. в соч. с «в жар», «в холод», «в озноб») ‘внезапно вызывать какое-либо болезненное состояние’ (*То в жар бросат, то в озноб. И согреться не можешь, печку топишь, а холодно всё кажется*).

Вали́ть ‘вызывать какое-либо болезненное состояние’. *Ну, этим врагом, гриппом-то болела. Этот и больших, и маленьких всех переутариват, всех наповал валит.* (АС)

На примере рассмотренных глагольных единиц мы видим, что процесс болезни может восприниматься как причинение разных видов болевых ощущений (удар, укол, выстрел), воздействие тяжести, деформация (загибание, кручение, верчение) или нарушение целостности больного органа (ломание). В результате выявляется оппозиция, существующая, на наш взгляд, в сознании диалектоносителей: деформированное, изогнутое, нецелостное – *больное* ~ прямое, ровное, целостное – *здоровое*.

Существование этой оппозиции подтверждает наличие в пермских говорах устойчивого сочетания ***весь со всем*** в значении ‘красивый, без каких-л. недостатков’ (*Дочь-то у меня совсем замуж не идёт, а девка – вся со всем*) и ***не совсем*** в значении ‘умственно неполноценный’ (*Дочь-то у её не совсем*).

Хотелось бы отметить, что представления о болезни как физическом воздействии находят отражение не только в семантике рассмотренных глаголов, но и в их грамматической форме. Важно отметить тот факт, что большинство глагольных лексем с подобным значением являются безличными. Безличность передает процесс, протекание которого не зависит от человека: *Ногу закорчило*; *давит в груди*; *крутит брюхо*; *всего меня опалило*; *сердцо захватыват*; *под лопатку стреляло*; *ткнуло в бок* (ср. с лит. *болит живот*; *болит сердце*; *болит нога*). Мы видим, что в говорах подобные словосочетания связаны объектными отношениями, то есть больной орган или весь человеческий организм выступают как объект воздействия, а сам процесс болезни выступает как физическое

воздействие некой силы извне, в русском литературном языке же подобные сочетания выступают как подлежащее и сказуемое. Т.И. Вендина считает, что присутствие человека в языке ощущается на всех языковых уровнях. Так, формирование безличных предложений в русском языке первоначально было связано с древними воззрениями славян на природу, с верой в сверхъестественные силы, которые ими табуировались. Сама система грамматических форм безличных предложений сформировала значение производителя действия как высшую стихийную, неопознанную силу, которая приобретает в структуре предложения характер неопределенности, неконкретности (ср. ***знобит***, ***лихорадит***, ***морозит***) [Вендина 2002: 7].

Также показательным является следующее: в исследуемых говорах название болезни, выраженное существительным, и процесс болезни, выраженный глаголом, часто являются подлежащим и сказуемым по отношению друг к другу, например: *Корь нашла; Егожник напал; Худобишшо бьёт; Язва взяла* (в русском литературном языке же в качестве подлежащего и сказуемого выступают обычно название больного органа и название процесса болезни). Это говорит о том, что в традиционной культуре болезнь олицетворяется и воспринимается как живое, активно действующее существо. Сверхъестественную же природу болезни доказывает существование устойчивых выражений типа ***че́рти чтоб тебя́ лома́ли***. По мнению С. М. Поздеевой, непосредственная связь мотивировочных признаков битья, ломания, захвата, давления с идеей применения силы позволяет вывести на их основе культурную ассоциацию, выражающую народное понимание болезни в виде персонифицированной демонической (чаще всего невидимой) силы, имеющей губительный для человека характер» [Поздеева 2005: 102].

IV. Мотивационная модель – «Природная стихия → болезнь»

1. В основе номинации – связь болезни со стихией воды

Образ воды в народной культуре имеет два противоположных значения. С одной стороны, вода воспринимается как живительная сила (подтверждают эту мысль многочисленные упоминания о «живой» воде в фольклорных текстах), утрата жидкости в данном случае равносильна потере здоровья, нарушению нормального функционирования органов. Данное представление реализуется в способе номинации следующих лексем:

Иссохнуть ‘сильно похудеть (из-за болезни или старости)’. А я иссохла, кашель мучит. Живая вся иссохла – легче лежать в земле (АС). ***Иссо́хнуть на корню́*** ‘долго, тяжело болеть’. *У меня, я пришла, этта-ко золовка была, вся испорчена, шибко искалечена, на корню иссохла, я с ей 12 лет жила*. Яранино Черд. (СПГ).

Мыт ‘понос’ (*Нашего-то внука мыт взял*); слово является производным от глагола ***мыть***, его значение отражает идею «вымывания» здоровья из организма человека вместе с исчезновением жидкости.

Мыть ‘о расстройстве желудка’. *Ребята болели – дак их брызгали крещенской-то водой, моет если ребенка*. Бияваш Окт. ***Кишки́ мо́ет*** (безл.) ‘nошнит, рвёт’. *Такое место пьёт, и смотри – как-то не моет ему кишки*. Калиновка Ел. (СРГЮП)/

Со́хнуть ‘худеть (от болезни, переживаний и т. п.)’. *Он лежит, ничё не видит, не слышит, а матерь сохнет.* // ‘худеть и терять способность действовать (о частях тела)’. *Бывает, не токо болит, но и сохнет нога* (АС).

Ссыха́ться ‘вследствие болезни утрачивать способность нормального функционирования определенного органа’ (*А у меня у старой всё ссохлось*).

С другой стороны, избыток воды в организме тоже может быть губительным. Вода в мифологических представлениях часто осмыслялась как место обитания болезней (например, дух болезни может жить в болоте, пруде, колодце), явления «водного» характера, такие как туман, роса, могут послужить причиной болезни. Таким образом, вода могла выступать не только как спасительная стихия, но и как источник зла, гибели, смерти [Агапкина, Усачева: эл. ресурс].

Подобные представления реализуются в следующих лексемах:

Вода́ ‘скопление жидкостей в полостях и тканях тела, опухоль’ (*Болела я водой. Воду откачивали от сердца и от легких* (АС))

Мокря́дь, ***мокря́ть*** ‘экзема, лишай на копытах животных’. *Мокреть в ноги пускатся (лошадям); Мокрой мокреть и сухой мокреть бываёт. От мокретя черёмнышно коренне напаришь* (АС).

Всплы́ть, ***сплы́ть*** ‘появиться на коже чему-л. в виде вздутия’. *Смотри, какой волдырь сплыл на голове-то.* // ‘покрыться такими вздутиями’. *Помню, отец покойный привезал к икрам белоцветку и продержал целые сутки, потом ноги-те всплыли* (АС).

Идея переизбытка влаги также косвенно отражена в лексеме ***насмо́ка*** ‘насморк’ (*Насмока – сопли бежат у человека; Вот насмоку поймала, чишот, кашлет*). В РЛЯ ***на́сморк*** ‘воспаление слизистой оболочки носа, сопровождающееся слизистыми выделениями и чиханием’ происходит от глагола ***сморка́ться*** ‘сильными, короткими выдыхами освобождать носовую полость от скопившейся слизи’. Общеславянский глагол *smъrkati далее сопоставляют с лит. диал. smurgas, smurglis ‘сопли’, но в дальнейшем следы в и.-е. языках теряются. П.Я. Черных предполагает, что это звукоподражательное балто-славянское слово с неустойчивым заднеязычным формантом k:g. В северных пермских говорах народная этимология сближает данную лексему с глаголом

***мокнуть*,** таким образом, лексема вписывается в культурно-мотивированную группу «Болезнь как проявление природных стихий (а именно стихии воды).

Таким образом, избыток влаги воспринимается как вредоносное явление, происходит актуализация идеи намокания как нездорового состояния, переизбытка влаги в организме.

2. В основе номинации – связь болезни со стихией огня

В основе номинации лексических единиц СП «Болезнь» могут лежать сравнение болезни или болезненных проявлений с огнем или высокими температурами. Осмысление огня как опасной для человека стихии проявляется, в основном, в номинациях, характеризующих болезнь через повышение температуры тела. В наших материалах фиксируются следующие единицы:

Горя́чка ‘тиф’. *Горецька была, ныньце зовут тиф* (КСРГСПК).

Горе́ть ‘быть в жару, в болезненном состоянии’. *Руки трясутся, ноги горят; Тело накусают, оно горит, зудится* (АС).

Жар, ***жара́*** ‘высокая температура тела или состояние, сопровождающееся такой температурой’ *Жар был, горечий человек будёт, жар, больше сорока будёт*; *Жара есь, так от жары таблеточку даст* (КСРГСПК). Я сама шесть нидель хворала жаром; Жаром схватило, страдовать не могу (АС).

Жа́рить (безл.) ‘о состоянии, сопровождающемся сильным повышением температуры тела’. *Захворал. Жарит его вон чё! Голова болит, красной вон какой* (АС).

Огнёвка 1.‘гангрена’. *Огневка редко бывает; сначала красная рожа называтся; не излечат, дак она потом на огневку переходит; тогда уж ту траву-ту, огневку, листы-те вяжут, а то уж в больницу везут.* Толстик Сол. (СПГ). 2. ‘воспаление’. *Огнёвка – это когда краснота, может по всему телу пойти.* Каменные Ключи Чернуш (СРГЮП).

Огневи́ться ‘сильно раскраснеться при болезни’ *Корюха была у брата, дак он весь огневился, красным стал.* Куба Чернуш. (СРГЮП)

Огневи́ца ‘заболевание, сопровождаемое высокой температурой тела’ *Огневица на ё нашла* (КСРГСПК).

Ого́нь ‘высокая температура тела’ *Огонь жжёт, жар* (КСРГСПК). ***Лету́чий ого́нь*** ‘кожное заболевание; золотуха’. *Болела шибко, даже своих глаз не видела, коросты на голове были. Говорили, что это летучий огонь, золотуха ле. Летучий огонь бывает осенью.* Тюлькино Сол. (СПГ)

Опали́ть (безл.) ‘о состоянии высокой температуры тела’ *Никак, видно, порча не отпускает, всего меня опалило* (КСРГСПК). Наряду этим глаголом, в пермских говорах встречается устойчивое выражение ***как огнём опалило***, которое имеет то же самое значение.

Стоит отметить, что, конечно, в случае с рассмотренными единицами очевидна связь номинационного принципа с реальной симптоматикой заболевания. Тем не менее, нам показалось целесообразным выделить данные лексемы в отдельную группу, т.к. можно предположить, что здесь играет роль и то, что огонь в традиционной культуре мифологизируется и может осмысляться не только как стихия света и тепла, но и как губительная, разрушительная сила [СД 3: 513].

V. Мотивационные модели ЛСГ «Люди с психическими отклонениями и их характеристики».

Особый сегмент СП «Болезнь» представляют единицы, составляющие сферу «Люди с психическими отклонениями». Лексика и фразеология, номинирующая простофиль и невеж, обезумевших временно и сумасшедших постоянно, юродивых и шутов, тугодумов и просто дураков, составляет огромный массив в экспрессивном фонде любого языка [Березович 2007: 137].

Нам такие единицы интересны тем, что для них характерны специфические мотивационные модели, несвойственные для других единиц изучаемого СП, но, тем не менее, отражающие общие традиционные представления о болезни.

Данные лексемы, представленные в пермских говорах, условно можно разделить на следующие группы:

1. Названия и характеристики людей, страдающих тяжелыми психическими заболеваниями и нервными расстройствами;
2. Названия и характеристики умственно отсталых людей;
3. Названия и характеристики людей, склонных к агрессии и неадекватному поведению;
4. Названия и характеристики людей, которые отличаются замедленными реакциями и восприятием;
5. Названия и характеристики людей, недостаточно развитых в силу скудных умственных способностей, старости или отсутствия образования;
6. Названия и характеристики людей, страдающих ухудшением памяти;
7. Названия и характеристики людей, страдающих расстройствами речи.

Отметим, что к нервным расстройствам мы не относим хронические неврологические заболевания, такие как эпилепсия, несмотря на то, что люди, страдающие так называемой «падучей», зачастую воспринимаются диалектоносителями как психически неполноценные и душевнобольные.

В настоящей статье мы рассмотрим мотивированные наименования и характеристики психически нездоровых людей. Наш материал, главным

образом, представлен лексическими единицами с корнями *-ум-/-разум-, -кум(н)-, -поним-/-понят-, -памят-*.

1. В основе номинации мотив отсутствия / лишения ума

Мотив отсутствия ума как способности мыслить можно назвать самым очевидным и обобщенным в рассматриваемых нами группах лексики. Он передается посредством отрицания наличия ума/разума у индивида: ***безу́мный*** ‘медленно и плохо соображающий, воспринимающий что-л. в силу ограниченных умственных способностей, преклонного возраста, плохой памяти, неграмотности и др.’ *Он старой, безумной человек, она добра ишо.., как молодка; Ничё не знаю сечас, я дурная, безумная.* // ‘не приобретший ещё жизненного опыта’. *Этот покась ешшо, безумный. Того оставь – ничё не заденет* (АС); ***неразумливый*** ‘умственно отсталый’. *Парень-то маленько у нее (у соседки) того, неразумливый*. Лубянка Ус. (СПГ).

С мотивом отсутствия / лишения ума тесно соседствует мотив постепенной утраты умственных способностей, отраженный в сочетании ***ум на исхо́де*** у кого-л. ‘о слабо соображающем’. *Идите-ко, девки, отсюда, ничего не знаю. У меня уж ум на исходе.* Богатовка Чернуш. (СГРЮП). В данную группу также можно включить единицы, в которых актуализируется мотив выхода. Иллюстрацией служит как просторечные лексемы ***сума(с)ше́дский***, ***сума(с)ше́ский***. ‘сошедший с ума, психически больной’ . *Она кака-то сумашеска: за парнями везде бегала! Кака-то дура, а не девка!* (АС), ***не в уме́*** ‘в психически ненормальном состоянии’. *Голова у его заболит, совсем не в уме тогда бывает, ничё не понимат, чё творит.* В. Мошево Сол. *У баржовика отобрали баржу-то, дак он не в уме стал.* Толстик Сол. *На крышу-то побежал от их да упал, года полтора потом жил не в уме.* Ушакова Сол. (СПГ), так и диалектная ***изумлённый*** ‘сумасшедший’. *Изумленна ты, уж надоела мне*. (КСРГСПК), где идея выхода, т.е. пространственного перемещения передается посредством приставки *из-*.

Также в данной группе можно рассмотреть единицы, в основе номинации который лежит признак малого размера «ума», мозга, семантически трансформировавшийся в признак недостаточности мыслительной деятельности. В пермских говорах функционируют две единицы с такой мотивировкой:

Малоу́мный ‘глупый, слабоумный’. *У их, говорят, вся родова малоумные*. Воскресенское Уинск. (СГРЮП).

Ма́ленький ум ‘недостаточно развитый ум’. *Сестра уж не молода, а ум-от тожё маленькой.* Никулино Добр. (СПГ).

Как мы видим, ум психически неполноценного человека неизменно характеризуется как имеющий малый размер, что связано неизменно с

представлениями о зависимости умственных способностей от размера мозга.

В материалах СРНГ мы встречам лексемы ***малоум*** ‘дурак, глупец’, ***малоумненький*** ‘слабоумный’, ***малоумный*** ‘взбалмошный, шальной’, ***малоду́мный*** ‘легкомысленный; плохо, с трудом соображающий’ Пск., Смол. ***малоду́шный*** 1. ‘Тщедушный, слабый здоровьем’. Пск. 2. ‘Бестолковый’ Ср. Урал. [СРНГ 17: 332-333, 338]. Как мы видим, здесь уже «малость» становится не только характеристикой «ума», но и духовной сущности человека (души).

2. В основе номинации – мотив непонимания

Этот мотив, тесно пересекаясь с предыдущим, реализуется в прилагательных с корнем *-понят-*, отрицание передается посредством приставок *недо-* и *бес-*. Конкретное прямое значение ‘такой, который не может понять что-либо’, явствующее из внутренних формы рассматриваемых единиц, расширяется до ‘медленно и плохо воспринимающий что-л. в силу ограниченных умственных способностей, умственно отсталый’.

Беспоня́тливый ‘. *Беспонятливый-то он совсем уж стал. Старый.* (АС)

Беспоня́тный. ‘медленно и плохо соображающий, воспринимающий что-л. в силу ограниченных умственных способностей’ *Говоришь – ничё не понимат, всё своё делат. Беспонятной такой* (АС).

Недопонимающий ‘умственно отсталый’. *Там у нас недопонимающие живут. У них и школа своя там есть*. Орёл Ус. (СПГ)

Наши материалы поддерживаются и матрриалами дургих русских говоров: ***беспоня́тица*** ‘бестолковый человек (с оттенком неодобрения, насмешки). Свердл., ***беспоня́тный*** ‘непонятливый, тупой, с плохой памятью’. Ср.Урал. [СРНГ 2: 273]

3. В основе номинации мотив отсутствия какого-л. положительного качества

Данная мотивационная модель представляет из себя «расширенную версию» моделей рассмотренных выше: в этом случае умственная неполноценность человека передается (иногда эвфемистически) через характеристику его как не обладающего определенными положительными качествами как физическими, так и моральными. Приведем примеры:

Недоі̀шлица ‘умственно отсталая, недоразвитая женщина’. *Настя-недошлица увела старика не в ту сторону – заблудился. Недошлица она, кака-та неизоправская, простужёная ли чё ли; гуляла плохо, говорила плохо*. Толстик Сол. (СПГ) (Ср. ***доі̀шлый*** 1. ‘достигший лучшего качества (о промысловых зверях)’ Иркут., Енис., Том., Волог., Костром. 2. ‘спелый (о растениях)’ Перм., Арх. 3. ‘готовый (о печеном хлебе)’. 4. ‘бывалый, опытный; хитрый, ловкий; сообразительный, умный’ Камч., Якут., Иркут.,

Забайк., Южн.-Сиб., Нарым., Том., Алт., Тобол., Урал., Свердл., Перм., Вят., Сарат., Самар., Пенз., Костром., Яросл., Арх., Волог., Новг., Казан., Влад., Смол., Пск., Рязан., Калуж., Дон. 5 ‘любопытный’ Нижегор., 6. ‘смелый’ Новг. 7. ‘урожайный’ Арх. [СРНГ 8: 165-166].)

Нехоро́ший ‘не в себе, страдающий помутнением рассудка’. *Он с армии пришёл нехороший. Потом на дизеле работал, незамог.* Воскресенское Уинск. [СГРЮП]

Непра́ский ‘несобранный, ненормальный’. *Я такая непраская стала, ничё уже не понимаю.* Кочешовка Уинское. (СГРЮП). (Ср.: ***праі́вский, праі́ский*** ‘нормальный, хороший, настоящий’. *Бабы да старички сгружали. Правских-то не было: мужики-то на фронте были.* Суксун. *Та девка праская, ко всему приучённая.* Березовка Кунг. *У праских людей в яму слазили, всё вытащили.* Спешково Оч. (СПГ). В этом же значении также отмечается в СРНГ со следующими пометами: Влад., Моск., Яросл., Нижегор., Волог., Перм.)

Неразвитно́й ‘не обладающий достаточным развитием, не достигший нормального развития (обычно о детях)’ *Не растёт, неразвитная; Неразвитной. Долго не говорит.* (АС).

4. В основе номинации – мотив потери пути

В наших материалах присутствует группа наименований и характеристик психически нездоровых людей, в основе номинации которых лежит мотив потери пути. Больной человек воспринимается в традиционной культуре как дезориентированный в пространстве, сбившийся с пути, потерявший дорогу домой. Подобная связь известна и РЛЯ (Ср. с разг.: ***непутёвый*** ‘легкомысленный и беспутный, безалаберный’, ***путный***, ***путёвый*** ‘дельный, толковый’ [Ожегов 2008: 634, 411]). В наших материалах также представлены единицы с корнем *-пут-*.

Беспутёвый ‘медленно и плохо соображающий, воспринимающий что-л. в силу ограниченных умственных способностей, преклонного возраста, плохой памяти, неграмотности и др.’ *Старая уж, не помню. Пропадать надо бы. Беспутёвая стала, не помню всего-то* (АС).

Беспу́тенький ‘медленно и плохо соображающий, воспринимающий что-л. в силу ограниченных умственных способностей, преклонного возраста, плохой памяти, неграмотности и др.’ Какая-то я бедненькая, беспутенькая: слышу звон, а не знаю, где он (АС).

Беспу́тица, экспр. ‘о медленно и плохо соображающей женщине’. *Беспутая, беспутица. Бывает же человек – не сшить, не смыть; Я ведь беспутица, ничё не понимаю: вязать не могу, шить не могу* (АС).

Беспу́тый 1. ‘не вполне здоровый психически’. *Одна была старуха беспутая: глину настряпат, лепёшек наделат, высушит и ест; Девка кака-то тоже беспута: не говорит ничё, не понимат.* 2. ‘медленно и

плохо соображающий, воспринимающий что-л. в силу ограниченных умственных способностей, преклонного возраста, плохой памяти, неграмотности и др.' *Я не хвалюсь, что я толковая, я беспутая; Вот мы, беспутые люди, и то понимам кое-что; Я ведь буквы-то знала все, а слова не могу разобрать. Нет уж, я беспутая; Вот ведь беспутая я! Мне говорили вчера, как вас зовут – я забыла* (АС).

Беспутя́щий 'медленно и плохо соображающий, воспринимающий что-л. в силу ограниченных умственных способностей, преклонного возраста, плохой памяти, неграмотности и др.' Ах ты, седун такой! Беспутящий! (АС).

Кроме лексем с корнем -*пут*-, в данной группе можно рассмотреть и устойчивое сочетание ***па́мять заблуждённая*** у кого-л. 'о плохой памяти'. *У меня уж память-та заблужденная, стики-те все-те не помню*. Тимина Юрл. (СРГКПО), указывающее своей внутренней формой на мотив дезорентации, потери верной дороги, легший в основу номинации.

5. В основе номинации – мотив неполноты, неполноценности

В данной группе нами рассматриваются единицы, во внутренней форме которых содержится указание на неполноту, незавершенность. В качестве примера самой семантически показательной единицы мы можем привести сочетание ***не по́лный умо́м*** 'психически неполноценный'. *Не спрашивайте у его, он не полной умом.* Березники Част. (СПГ). Мотив «неполноты ума», как недостаточной развитости и неспособности к мыслительной деятельности, также может передаваться посредством приставки недо-, которая придает слову значение неполноты, недостаточности, отсутствия нужной меры, нормы, степени и т.п. [ССРЛЯ 7: 802].

<u>С корнем -*ум*-</u>

Недоу́мный 'неразвитой'. *Моя сеста недоумной долго была*. Волковский Вотк. (СПГ).

Недоу́мок 'умственно отсталый, недоразвитый человек'. *Брату со снохой отдала старинны рубахи: оне маленько недоумки, дак износят*. Тюлькино Сол. (СПГ).

Недоумлённый 'глупый, неразвитый'. *Какой-то парнишка недоумленный, в школу не берут*. Верхняя Седа Киш. (СГРЮП).

недоу́мный 'отстающий в умственном развитии'. *Два были ребенка, один недоумный, мало и пожил*. Пож Юрл. (СРГКПО).

Недоразуми́тельный 'умственно отсталый' *Один недоразумительный мужик в деревне был, дак воду возил*. Грудная Караг. (СПГ).

Ср. в СРНГ: ***недоу́м*** 'недостаток ума' Пск., Твер., ***недоу́мец***, ***недоу́мца***, ***недоумца́*** 'умственно отсталый человек'. Свердл., Перм.,

Урал., ***недоу́мный*** ‘слабоумный’ Том., ***недоумы́шленный*** ‘глупый, слабоумный’ Иркут., недоу́мье ‘недостаток ума’ Пск., Твер. [СРНГ 21: 35]

Не можем оставить без внимания разговорную лексему ***полоу́мный*** ‘ненормальный’. *Чё-то забыла, чё, она сказала, то ли дурную сватают, а умную оставляют, то ли ишо как-то, это вот я запомнила. Это она про меня сказала. Сказала вроде того, что сватают дак полоумную, или как она там выразилась-то. Полоумную-то сосватали, умную-то оставляют.* Ломь Уинск. (СГРЮП). По данным этимологии слово может иметь два пути происхождения: 1. от полый ум ‘пустой’; 2. от пол ‘половина’ [Фасмер 3: 317]. Если принять во внимание вторую версию, то данная единица служит еще одной иллюстрацией рассматриваемого мотива.

<u>С корнем *-кум(н)-*</u>

Мы полагаем, что корень *-кум-* является результатом переосмысления устаревшей приставки *ку-* и корня *-мек-* (ср. *кумекать, намекать, смекать*), образованного по предположению М. Фасмера из русск. *метить*. Семантика же за этим корнем закрепляется прежняя – ‘думать, соображать’. [Фасмер 2: 415, 594]. Это утверждение находит подтверждение в СРНГ: ***Куме́ка*** ‘о том, кто умеет делать что-либо, понимает толк в чем-либо’ Ср.Урал [СРНГ 16: 81].

Недоку́нча ‘умственно отсталый, недоразвитый человек’. *Манька-то у них така недокунча: болтат-болтат, а сама ничё не понимат. Дура она*. Половодово Сол. (СПГ).

Недокумённый ‘неразвитый; бестолковый’ *Недокуменный ребенок – год большой ему, а ничего не может*. Юм Юрл. *Вот недокуменная, мне надо было сообразить, я бы с има уехала*. Таволожанка Юрл. (СРГКПО).

Недокуме́нный ‘умственно неполноценный’. *А он маленько недокуменный был* (КСРГСПК).

Недокуме́нный, неодобр. ‘недостаточно развитый и плохо соображающий’. *Недокуменной – это маломальский человек. Плохо понимат да чё; Недокуменный ты. Чего лезешь, если не понимаешь; Ходишь, недокуменный, ничего не понимашь!* (АС).

Недоку́н, неодобр. ‘об умственно ограниченном, глуповатом человеке’. *Наверно, в песне недокун какой-то спел, беспутой* (АС).

Недокуне́ц, неодобр. ‘об умственно ограниченном, глуповатом человеке’. *Недокунеч. Какой-то недокунеч!* (АС).

Мотив неполноты в более общем виде реализуется в единицах с корнями *-совсем-*, *-сам-* и *-хват-*: ***не совсе́м***, ***несовсемощный***, ***несовсе́мина***, ***несовсе́мошный***, ***несовсе́мика*** ‘психически неполноценный’ *Дочь-то у её не совсем* (КСРГСПК); *Вот тут через дорогу живет парень, да только он несовсемощный, так что вы у него ничего не узнаете*. В.Рождество Част. (СПГ); *Он несовсемина – ничё не*

понимат. Верхняя Седа Киш. (СГРЮП); *Несовсемошной у нас называют, не все, грит, у него дома; Плохо понимат да чё, ну, значит, какой-то несовсемошной, или придурошной* (КСРГСПК); *Кака-то несовсемика. Уж час ей одно в голову вдалбливаю, ничё не понимат.* Опалихино Сукс. (СГРЮП), ***несамиік*** ‘умственно отсталый, недоразвитый человек’. *Сестра-та у его маленько несамик: говорит не чисто, делать ничё не может, не растет ничё.., а лет тридцать уж ей будёт*. В.Мошево Сол. (СПГ); *Несамик. У него не хватает, ничё сам не делат... Без ума он.* (АС); ***нехва́тки***, мн. ‘недостаток умственного развития, психическое расстройство’. *У Валентины тоже есть маленько нехватки, таскатся по улицам, как дурочка*. Тюинск Окт. *Говорили, что у Нюрки маленько нехватки, а кака у ей дочь умная.* Трушники Чернуш. (СГРЮП). Мы видим, что мотив неполноты «ума» перерастает в этом случае в мотив неполноты и незавершенности личности в целом.

В рассмотренных случаях умственно неполноценный человек характеризуется с точки зрения невозможности адекватного восприятия мира и адекватной оценки действительности. В картине мира носителя говора человек с психическими отклонениями предстает как субъект, неспособный к самостоятельной мыслительной деятельности, то есть ненормальный (ср. в РЛЯ: ‘душевнобольной, психически неуравновешенный (разг.)’ [Ожегов 2008: 336]). Существование оппозиции «полнота – неполнота» подтверждает наличие в пермских говорах устойчивого сочетания ***весь со всем*** в значении ‘красивый, без каких-л. недостатков’ (*Дочь-то у меня совсем замуж не идёт, а девка – вся со всем*).

6. В основе номинации – мотив легкости, малого веса.

Среди наименований психически неполноценных людей в пермских говорах есть те, которые мотивируются признаком легкости. Кроме физиологического компонента семантики, подразумевающего, скорее всего, небольшой вес мозга психически неполноценного человека, в данном случае явной является сема легкомысленности, неспособности нести ответственность за свои действия.

Лёгонький ‘о психически неполноценном человеке’ *Девка-то у Тимофеевны лёгонькая была*. Ножовка Част. (СПГ).

Лёгонький ум ‘о легкомысленном человеке’. *Прихожу домой, а он на пече лежит. Говорю: “Опять ли чё сбежал из трудармии, лёгонькой умок?”* Ощепково Ус. *Ой ты, лёгонькой ум – начал скрываться, дак его на восемь лет обсудили.* Пыскор Ус. *Ой, Надька, лёгонькой умок! Зачем взамуж выходить? Учиться начала – учись.* Берёзовка Ус. (СПГ).

В других русских говорах мы встречаем сходные единицы: ***легкоу́м*** ‘глуповатый, неумный человек’ Том., ***легкоу́мный, легкоу́мненький*** 1. ‘туповатый, слабоумный’, 2. ‘легкомысленный’ Свердл., Костром.

легкоу́мок 1. ‘дурачок, слабоумный’. Пск., Твер., 2. ‘легкомысленный, ветреный человек’. Пск., Твер., ***легкоу́мый*** 1. ‘слабоумный; недогадливый, совершающий по недомыслию опрометчивые поступки’ Арх., Волог., Свердл. 2. ‘легкомысленный, ветреный’ Новг., Арх.; ***лёгонький умо́м*** ‘дурачок’ Перм., ***лёгонький ум*** (умок) ‘о легкомысленном, ветреном, не слишком умном человеке’ Перм., Урал., Арх. [СРНГ 16: 313–314].

Уменьшительно-ласкательный суффикс в данном случае усиливает экспрессивную коннотацию и выражает пренебрежительно-снисходительное отношение уственно неполноценным людям.

Стоит отметить, что в наших материалах также фиксируется лексема ***тяжкоу́мый*** ‘несообразительный, медленно думающий’ (*Он такой тежкоумой! Вася-то быстрой.* (АС)), в основу номинации которой положен противоположный мотивировочный признак.

Мотив большого веса в данном случае эксплицирует такую сему как ‘неподвижность’, которая является в нашем случае противоположностью живости и подвижности ума.

7. В основе номинации – мотив дикости

Мотивационные признаки дикости, передающие семантику неадекватного поведения человека, реализуются посредством корня -*дик*- и находят отражение в следующих единицах:

Ди́кий ум ‘неумение здраво рассуждать’. *У одного дикой ум сделался, и все уехали из деревни.* Ефтята Добр. *На старости-то у меня дикой ум сделался.* Никулино Добр. (СПГ).

Дикоуі́мный ‘человек, имеющий отклонение от нормы; психически ненормальный’ *Она дикоумная, а долго живет, до ста немного не хватат*. Ушакова Сол. (СПГ).

Диі́кий ‘человек, имеющий отклонение от нормы; психически ненормальный’ *Пошто-то у их обе девки дикие уродилися, не совсем умом-то; говорят чё не надо, не с ума. У Микитихи мать была дикая, не в полном рассудке, а отца банники задавили - так сиротой и выросла*. Толстик Сол. *Надо робить было – соскочишь рано и бежишь, как дикой*. Володино Сол. *Я-то ведь уже дикая, и голова-то кака-то дикая, не работает уж*. Касиб Сол. *Не скажешь про его, что вовсе не дикой, он все понимат, но помешательство есть*. Свалова Сол. *Сижу в углу как дикая, будто и не родня им вовсе*. В. Кузнецы Ус. (СПГ); *Вот она (жена) как уедет, он как дикой: своих дитей не приголубит; Чё-то вот нашепчут, человек переменится – дикой делатся* (АС).

Дикаі́рь ‘человек, имеющий отклонение от нормы; психически ненормальный’. *Не совсем умной, кто ума лишился, дак дикарь говорим.* Володино Сол. *Дед-то у матери дикарь был, ненормальный*. Пыскор Ус. (СПГ).

Дикоё...аный ‘ненормальный’. *Он с роду такой дикоё..ный, дичает.* Калинино Кунг. (СГРЮП).

Ср. в СРНГ: ***ди́карь*** 2. ‘глупый, сумасшедший человек’; 3. ‘вспыльчивый, шальной человек’ Арх., Пск., дикенький ‘несколько помешанный, глуповатый’ Вят., Сиб., ***ди́кий, дико́й*** 1. ‘сумасшедший, безумный’ Влад., Волог., Арх., Вят., Сев.-Двин., Перм., Том., Иркут., Енис., Колым., Якут. Свердл.; 2. ‘глупый’ Вят., Арх., Сиб., Перм., Волог. 3. ‘простой, бесхитростный, недальновидный’ Волог. 4. ‘неосмотрительный, безрассудный, взбалмошный, шальной’ Перм., Свердл., Том., Алт. 5. ‘странный, неловкий, застенчивый’ Арх., Волог. 6. ‘резвый, шаловливый’ Якут. [СРНГ 8: 56]; ***дикова́нье*** ‘помешательство’ Сиб., ***дикова́ть*** 1. ‘сходить с ума, быть без памяти’ Камч., Енис., Том., Сиб. 2. ‘дурачиться, шалить, чудачить, блажить’ Сиб., Арх., Сев.-Двин., Волог., Костром., Том., Тобол., Якут., Камч. [СРНГ 8: 62-63].

Данный мотив актуализирует у рассматриваемых единиц дополнительные зоонимические признаки: ‘не поддающийся приручению’, ‘непредсказуемый’, ‘несущий опасность’, ‘лесной’. В связи с этим в данной группе логично рассматривать лексему ***лесно́й*** ‘дикий, взбалмошный’. *Раньше лесная была, ничё не знала, как дикая.* Берёзовка Чернуш. (СГРЮП). Лесная метафора актуализирует дополнительные признаки ‘темный, неизвестный, опасный, такой, где можно заблудиться’, ‘находящийся вдалеке от жилья’. Отсюда симптоматичное проявление в семантике описываемых единиц компонентов ‘неграмотный, невежественный’ [Березович 2007: 140]. В связи с этим, как отражение мотивирующего мотива темноты мы можем рассмотреть здесь о номинацию ***потёма*** ‘недоразвитый бестолковый человек’. *Потёма – потёма и есть, потеряла тряпку.* Губдор Краснов. *Она не очень-то разговорчива, в люди редко выйдёт, потёма и есть потёма.* Одина Киш. (СПГ).

Таким образом, мы рассмотрели самые общие принципы номинации ЛСГ «Люди, страдающие психическими заболеваниями» и пришли к выводу, что мотивационной доминантой поля «интеллектуальная неполноценность человека» следует считать идею антинормы, как справедливо отмечает Е.Л. Березович [Березович 2007: 146]

В качестве вывода отметим, что на основе проведенного анализа мы можем выделить следующие основные черты, которыми наделялась болезнь в традиционной культуре и которые нашли отражение в принципах номинации лексических единиц:

1. Болезнь – одно из проявлений зла, связанное с дьявольским началом.

2. Болезнь – а) является демоническим животным, проникающим в организм человека или внедряемым туда посредством вредоносной магии; б) болезнь действует как хищное животное; в) делает человека схожим с животным; г) является следствием контакта с животным и излечивается с его же помощью.

3. Болезнь – это независимая от человека, внешняя, часто персонифицированная, сила, наносящая вред здоровью.

4. Болезнь – это может проявляться как одна из природных стихий.

5. Болезнь делает человека неполноценной личностью и бесполезным членом социума.

6. Болезнь – это антинорма.

Таким образом, изучив на материале пермских говоров некоторые основные мотивационные модели СП «Болезнь», мы увидели, что принципы номинации могут основываться как на реальной симптоматике заболевания и объективных болезненных ощущениях, так и на культурной маркированности тех или иных объектов и процессов, наименования которых послужили мотиваторами для лексики СП «Болезнь».

В заключение следует сказать, что лексика СП «Болезнь» подтверждает высказывание Н.И. Толстого о том, что диалект является не только лингвистической территориальной единицей, но и культурологической и этнографической, поскольку человек запечатлевает в языке свой физический облик, свое внутреннее состояние, свое отношение к предметному и непредметному миру, природе, свои действия, свои отношения к другому человеку [Арутюнова 1999: 3; Толстой 1995: 21].

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов РГНФ (проекты №14-04-00437, №12-34-01043а1).

[2] Данное исследование является обобщением ранее проанализированного нами материала, см. например: [Нечаева 2010; 2013; 2014].

Список литературы

Агапкина Т. А., Усачева В. В. Болезнь. Словарь Дома Сварога. Славянская и Русская языческая мифология. URL: http: // www.pagan.ru/ slowar/b/bolezner10.php.

Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка. Образ человека. М., 1999.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007. 600 с.

Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.

Гура А. В. Гады // Словарь Дом Сварога. Славянская мифология. URL: http://pagan.ru/slowar/g/gady0.php.

Нечаева Л. С. Зоонимические мотивационные модели СП «Болезнь» (на материале пермских говоров) // Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира: сб. ст. Архангельск: Изд-во им. В. Н. Булатова Северного (Арктического) федерального ун-та, 2013. С. 81–89.

Нечаева Л. С. Названия и характеристики людей с психическими и умственными отклонениями: мотивационный аспект (на материале русских говоров Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 2(26). С. 32–43.

Нечаева Л. С. Образ болезни в традиционной культуре (на материале лексики пермских говоров) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1(7). С. 12–20.

Меркулова В. А. Народные названия болезней (на материале русского языка), II // Этимология 1970. М.: 1972. С. 143–206.

Поздеева С .М. Лингвосемиотические связи в диалектной системе (на материале экзистенциальной лексики пермских говоров): дис. … канд. фил. наук. Пермь, 2005.

Русинова И. И. Мотивационный анализ названий «вселяющихся» духов (по данным говоров и мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 1(21). С. 18–27.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Усачева В. В. Магия слова и действия в народной культуре славян. М., 2008.

Список использованных словарей с условными сокращениями

Ожегов – *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Словарь русского языка. М., 2008.

РДС – *Русский* демонологический словарь / авт.-сост. Т.А. Новичкова. СПб.: Петерб. писатель, 1995. 640 с.

СД – *Славянские* древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И.Толстого. М.: Междунар. отн., 1999. Т. 2. 702 с.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М.; Л., 1965–2010. Вып. 1–43.

ССРЛЯ – *Словарь* современного русского литературного языка: в 17 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986.

Черных – *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М., 1994.

ЭССЯ – *Этимологический* словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под. ред. О.Н. Трубачева. М., 1874-2000. Вып. 1–27.

Список источников с условными сокращениями

КСРГСПК – Картотека Словаря русских говоров севера Пермского края.

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984–2011. Вып. 1–6.

СПГ – Словарь пермских говоров: в 2 т. / Под. ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-пермяцкого автономного округа. Пермь, 2006.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И.И. Русинова. Пермь, 2011. Вып. 1 (А–В).

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья / И.А. Подюков (гл. ред.), С.М. Поздеева, Е.Н. Свалова, С.В. Хоробрых, А.В. Черных. Пермь, 2010–2012. Вып. 1–3.

Условные сокращения районов Пермского края

Гайн. – Гайнский, Ел. – Еловский, Ильин. – Ильинский, Караг. – Карагайский, Кос. – Косинский, Краснов. – Красновишерский, Кудымк. – Кудымкарский, Куед. – Куединский, Кунг. – Кунгурский, Нытв. – Нытвенский, Орд. – Ординский, Ос. – Осинский, Охан. – Оханский, Сив. – Сивинский, Сол. – Соликамский, Уинск. – Уинский, Юрл. – Юрлинский, Черд. – Чердынский

L. S. Nechaeva
Head of Editorial and Publishing Department
of Publishing Centre
Perm State University

THE MAIN MOTIVATIONAL MODELS OF THE SEMANTIC FIELD "DISEASE" (ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN DIALECTS OF PERM KRAI)

Vocabulary of the semantic field "Disease" in the Russian dialects of Perm Krai is considered in this study. During analysis the motivational models which are typical for this group of vocabulary, are formed on the basis of individual motivational characteristics and reflect the traditional notions of disease of local residents are determined. The study concluded that the principles of nomination can be based both on the real symptomatology of disease and on the cultural motivation of this or that objects and processes whose names served as motivators for vocabulary of the semantic field "Disease".

Key words: traditional culture; Russian dialects of Perm Krai; dialect vocabulary; semantic field "Disease"; motivational model.

УДК 81’37:81’27

Лилия Михайловна Пантелеева
ст. преподаватель кафедры русской
и зарубежной филологии
Соликамский государственный педагогический институт
(филиал) Пермского государственного национального
исследовательского университета
liliya_pant@mail.ru

ИСТОРИЯ НАЗВАНИЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ НА ПЕРМСКИХ СОЛЯНЫХ ЗАВОДАХ[1]

Статья посвящена выявлению закономерностей становления и развития пермской лексики солеварения, а также разграничению в ее составе нормативных и ненормативных специальных наименований. Объект исследования составляет солеваренная лексика, относящаяся к группе «Хозяйственные сооружения на соляных заводах» и зафиксированная в письменных источниках XI – XIX вв.

Ключевые слова: историческая лексикология; народная терминология; солеваренный промысел.

Введение

Усиление западноевропейского влияния в русском литературном языке начала XVIII в. приводит к движению канцелярского, приказно-юридического, специально-технического, военного и других языков. Это время обретения ими новой формы, скроенной по западным образцам («Драматический словарь» (1787), «Танцевальный словарь» (1790) и др.). И если «в начале XVIII в. влияние западноевропейских языков на русский литературный язык было еще внешним, неглубоким: оно выражалось более в усвоении слов-названий, в заимствовании терминов и в замене русских слов иноязычными эквивалентами, чем в самостоятельном развитии европейской системы отвлеченных понятий» [Виноградов 1982: 57], то к концу века многие из специальных языков уже прочно втянулись в обменные процессы и, более того, наращивали свои языковые ресурсы по лекалам запада, тем самым формируя ровные понятийные поля внутри терминологий.

В XIX в. продолжается процесс отбора языковых единиц в терминологии различных областей знания и деятельности, прежде всего зарождающихся. Активно развивающиеся области знания к этому времени обрели прочный терминологический каркас, отраженный в научных изданиях и словарях этого столетия (Е. И. Аркадьев «Словарь библиофила, т. е. слов, касающихся книжного и печатного дела» (1890),

© Пантелеева Л.М., 2014

П. Н. Вереха «Опыт лесоводственного терминологического словаря» (1898) и др.).

Переломный период наметился и в развитии терминолексики солеварения. К концу XIX – середине XX в. повсеместно умирают старые производства выварки соли из подземных рассолов, не способные составлять конкуренцию астраханским предприятиям по добыче озерной соли и донецким предприятиям по добыче каменной соли. Вместе с изменением технологии, а в некоторых районах смертью производства, забвению предается и древняя специальная лексика солеваренного промысла. Та часть народных терминов солеварения, которой не нашлось места в официальной горной терминологии, либо безвозвратно уходит в пассивный запас, либо, развивая новые специальные значения, переходит в разряд профессиональных жаргонизмов. Таким образом, развитие специального языка солеваров было приостановлено на этапе отбора лексических средств в научную терминологию. Вместе с тем, к XX в. не было создано ни лингвистических изданий с полным описанием солеваренной терминологии, ни словарей этой лексики.

Целью данной работы является выявление закономерностей становления и развития пермской лексики солеварения, а точнее той ее части, которая относится к группе «Хозяйственные сооружения на соляных заводах» и зафиксирована в письменных источниках XI–XIX вв.

Обращение к изучению единиц семантического поля «Хозяйственные сооружения на соляных заводах» продиктовано несколькими причинами. Во-первых, наименования данной группы имеют высокую частотность упоминания в памятниках письменности. Они фиксируются в документах разных организаций (частные канторы солепромышленников, городские думы, суды, магистраты, монастыри) и разных жанров (рапорты, описи, частная переписка). Во-вторых, будучи по форме мануфактурами, пермские соляные заводы XVIII–XIX вв. имели цеховую организацию. К каждому из таких цехов были прикреплены работники: к рассольным трубам – трубные мастера, к рассолоподъемной башне – коноводы, к варнице – соляные повара и подварки, к амбару – соленосы и соляные приемщики. Это значит, что наименования хозяйственных сооружений, как никакая другая группа наименований, соотносится с основными этапами технологии добычи рассола и выварки из него соли. В-третьих, многие единицы других семантических разрядов лексики солеварения мотивированы именно названиями хозяйственных сооружений (напр., ***варничные дрова***, ***варничное строение***, ***варничной повар***, ***варничный двор***, ***варничный работник***, ***трубный мастер***, ***трубник*** и многие другие).

Ограничившись изучением истории названий хозяйственных сооружений соляных заводов, сделаем немаловажное дополнение. В

работе исследуется история только тех названий, которые обозначают сооружения на основных этапах добычи рассола и выварки соли: *колодца, рассольной трубы, рассолоподъемной башни, ларя, варницы, соляного амбара*. Названия сооружений поддерживающих производство, таких как кузницы, снастные амбары, а также работничьи избы, дрововозные избы, не привлекаются к рассмотрению, поскольку эти постройки могли использоваться и в других сферах производства.

История названий колодца

Предметом настоящей части исследования является история слова **колодец** как члена солеваренной терминологической системы. В рамках отдельного параграфа выявляются и описываются основные направления семантических изменений в слове в связи с его солеваренной специализацией.

Экскурс в прошлое соляного промысла показывает, что исторически на пермских землях использовались два типа конструкций для извлечения соляного раствора из земли – колодцы и трубы[2]. По всей вероятности, первоначально для добычи рассола применялись именно колодцы. Их устройство ничем не отличалось от укрепленных срубом ям, применяемых людьми для получения воды [Григоров 1915].

Начальная история слова **колодец** кажется прозрачной. Авторы этимологических словарей сходятся в том, что рассматриваемая лексема была заимствована из германских языков в праславянскую эпоху и имела первоначальное значение «источник, ключ, родник»[3] («Преобразовано из др.-герм. (гот.) *kalding- от *kaldiōn (откуда фин. kaltio «источник»), др.-исл. kelda «источник» – к гот. kalds «холодный», с помощью суф. *-ец* (*-ьсь*) или под влиянием цслав. *студеньць*» [Фасмер II: 293]). Несмотря на то, что в словарях указывается возможность изготавления колодцев из цельного дерева с выдолбленной сердцевиной («*На водяной жилѣ рыли яму и вставляли дуплястую колоду*» [Преображенский I: 336]; «*В лесной местности родник, ключ, источник часто заделывается в выдолбленное дерево в колоду, в сруб*» [Черных I: 413]), этимологические версии, возводящие **колодец** к **колоде**, признаются этимологами неубедительными.

Опираясь на данные исторических словарей («Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского и СлРЯ XI–XVII вв.), можно заметить, что со временем слово **колодец** добавляет к уже имеющемуся значению новые, выраженные формой **колодьць** и ее фонетическими разновидностями (**колодязь** (**колодѧзь**), **кладезь** (**кладѧзь**))[4], которые, одной стороны, фиксируются в памятниках письменности на пять столетий раньше, чем

представленный инвариант, а с другой – судя по количеству приведенных в словарях контекстов, были более употребительны.

И. И. Срезневский не выделяет в словаре отдельных значений слова и оставляет его без толкований, но анализ примеров позволяет выделить следующие значения существительного **колодец** и его фонетических вариантов в древнерусском языке:

1) ‘источник, ключ, родник’: «*Ѡ тою* ***кладязя*** *напаяхꙋся стада. Быт. XXIX. 2. (В.)*» [Срезневский I: 1212];

2) ‘глубокая яма, служащая для добывания воды из водоносных слоев земли, стены которой защищены от обвала (выделаны срубом, цельным деревом с выдолбленной сердцевиной или выложены камнем)’: «*И повелѣ (старьць) женамъ створити цѣжъ, в немъ же варѧтъ кисель, и повелѣ ископати* ***колодѧзь****, и вставити тамо кадь Пов. вр. л. 6505 г.*» [там же: 1256], «*Сѣдааше на* ***кладези*** *… Іо. IV. 6. Юр. ев. п. 1119 г.*» [там же: 1212];

3) *перен.* ‘то, из чего берется, черпается что-либо; то, что дает начало чему-либо’ «***Кладѧзь*** *точа жизни моудро(сти) чьрьпаниѥмъ вѣрьнымъ был аплъ Филипъ. Мин. 1097 г.*» [там же];

4) *перен.* ‘мера объема соляного раствора’: «*Се азъ Семенъ ѳедорович дал есмь стои Троци и старцю Сергѣю и игумену Никону з братьею половину* ***колодязя****, что оу Соли оу Галицкие, что на Подолцѣ, что варилъ мои соловаръ на мене со всими с тѣми пошлинами. Дан. гр. 1391 г.*» [там же: 1256].

Последнее значение выделяется нами на основании имеющихся исторических данных. В России до введения в 1705 г. государственной соляной монополии активно развивалось частновладельческое и монастырское солеварение. Хозяевами одного колодца, трубы или варницы могли одновременно быть несколько человек, которые равными мерами распределяли прибыль друг с другом. Поэтому выражения типа «*продать полколодца*», «*продать полтрубы*» или «*продать полварницы*» и подобные употреблялись не в буквальном смысле «продать половину или часть хозяйственного сооружения», а в переносном – «продать половину или часть продукта, получаемого от действия называемого сооружения или добываемого с его помощью»[5].

В материалах СлРЯ XI–XVII вв., относящихся к периоду XI–XIV вв., зафиксированы следующие значения слова **колодец**:

1. «Источник, ключ, родник. (852): *Бяху же [поляне] погани, жряху идолом в* ***колодязех*** *и озмом к рощению. Арханг. лет.»* [СлРЯ XI–XVII 7: 245], *«Всего въсельша въ себе спса, вырста прехвалная, Козма и Дамиянъ бомудрая, яко потока точита от* ***кладязя*** *воды живоносьныя ицѣления. Мин. ноябрь, 269. 1097 г.*» [там же: 151].

2. «Колодец. (997): *И повелѣ искати меду… и повелѣ росытити велми и вльяти в кадь в друзѣмъ* ***колодязи****. Лавр. лет.*» [там же: 245], «*И приведоша я къ* ***кладязю*** *идеже цежь и почерпоша ведромъ и льяша в латки яко свариша кисель. Лавр. лет., 128*» [там же].

3. «Шахта бурового колодца на соляных промыслах. *Дал есмь с(вя)тои Тро(и)ци… половину своее варници и половину* ***колодязя****, что у Соли у Галицские. АСВР I, 27. 1392 г.*» [там же: 245].

Вызывает сомнение последнее из приведенных значений, сопровождаемое иллюстрацией, близкой к рассматриваемой выше (ср., «*Се азъ Семенъ ѳедорович дал есмь стои Троци и старцю Сергѣю и игумену Никону з братьею половину* ***колодязя****, что оу Соли оу Галицкие, что на Подолцѣ, что варилъ мои соловаръ на мене со всими с тѣми пошлинами. Дан гр. 1391 г.*» [Срезневский I: 1256]). Содержание примера не позволяет согласиться с точкой зрения составителей словаря: в приведенном контексте речь идет не о шахте колодца. Лексико-семантический вариант слова реализует значение ‘мера объема соляного раствора’ (выше уже изложены доказательства в пользу указанного значения в подобном примере).

Кроме того, вынуждены признать словарное толкование двусмысленным, т. к. остается не ясным, что понимают под шахтой бурового колодца лексикографы – скважину в земле, в которую опускается сруб, или вертикальную полость внутри самого колодезного сруба.

Таким образом, слово **колодец** в значении ‘мера объема соляного раствора’ функционирует как член солеваренной народной терминологии уже в древнерусском языке. Однако нельзя считать данное значение первичным терминологическим, поскольку это противоречит характеру становления и развития метрологической терминологии. Старая номенклатура мер в качестве прототипов эталонов опиралась на реальные предметы, используемые людьми в хозяйственно-бытовой и профессиональной деятельности: наличие меры объема соляного раствора, равной колодцу, обязательно предполагало наличие и самого предмета. Следовательно, в древнерусском языке у слова **колодец** уже было специальное значение ‘защищенная срубом яма для добывания соляного раствора’, и именно оно и было первичным терминологическим.

Представляется, что развитие смыслов слова шло по следующему пути. Исходное значение слова, не переставая быть фактом общенародного языка, дало основу для развития двух производных – *перен*. ‘то, из чего берется, черпается что-либо; то, что дает начало чему-либо’ и ‘глубокая яма, служащая для добывания воды из водоносных слоев земли, стены которой защищены от обвала’, оба из которых фиксируются в памятниках русской письменности достаточно рано.

Специальное значение слова **колодец** – ‘защищенная срубом яма для добывания соляного раствора’ – появилось до XIV в. Оно, в свою очередь, развилось на основе общенародного значения ‘глубокая яма, служащая для добывания воды из водоносных слоев земли, стены которой защищены от обвала’, т. к. именуемый предмет начинает использоваться не только в бытовой, но и профессиональной сфере. Подчеркнем, что специальное значение данного народного термина изначально обнаруживает принадлежность именно к терминологии солеварения.

Параллельно с процессом образования у слова **колодец** терминологического значения ‘защищенная срубом яма для добывания соляного раствора’ в древнерусском языке происходит и отграничение термина от слова общенародного языка в структурном отношении. Так, в одной из иллюстраций в «Материалах для словаря древнерусского языка» рассматриваемая лексема встречается в сочетании с прилагательным **соленый** (**солоной**): «*А цто есть на бору* ***колодязь солонои****, атъ а колодязь… истьцистити. Каб. заклад. XIV в.*» [Срезневский III: 461].

Первое упоминание в памятниках письменности русского языка слова **колодец** с терминологическим значением ‘защищенная срубом яма для добывания соляного раствора’ относится примерно к 1582 г.: «*Варница с* ***колодецом*** *и с трубами и с варничным местом. Кн. Солов. вотч. креп.*» [СлРЯ XI–XVII 7: 246]. Указанное значение отмечается нами самостоятельно. В СлРЯ XI–XVII вв. приведенная иллюстрация относится к значению «шахта бурового колодца на соляных промыслах», ошибочность которого уже доказана.

Для нас интересен тот факт, что в письменных отрывках слово **колодец** употребляется наряду со словом **труба**: «*И ему варницы ставить, и соль варити, и* ***трубы соляные*** *и* ***колодези*** *делати. Строг. гр., 152. 1688 г.*» [там же: 245], что свидетельствует о сосуществовании в определенное время на соляных промыслах этих двух типов рассолоподъемных конструкций.

В письменности XV–XVII вв. отмечается и другое значение слова **колодец** – ‘промысловое предприятие для добычи рассола и выварки соли’ «*Срен починивал на Василевском* ***колодцы****… Кн. расх. Корел. м. № 943, 5. 1587 г.*» [там же: 246] (оно также развивается на основе первичного терминологического ‘защищенная срубом яма для добывания соляного раствора’). Составители СлРЯ XI–XVII вв. также не выделяют этого значения и используют приведенный выше пример для иллюстрации значения ‘шахта бурового колодца на соляных промыслах’. Согласиться с таким толкованием нельзя, потому что собственные имена на древних производствах присваивались всему сооружению: «*Каждая из труб имела свое название, указывающее или на время, или на качество, или на устройство, или на местоположение, или, наконец, на устроителя*

трубы; напр.: Дедиха (должно быть, самая старая), Веселуха, Кривая, Наставка, Подломиха, Средняя, Задняя, Мостовая, Луговая, Дерябинская, Харламовская и друг. ...Варницы, как и трубы, имели свои названия: Сосновка, Задняя, Осиновка, Спасская, Никольская и друг.» [Григоров 1915]. Вероятно, до введения на солеваренном производстве труб собственные имена присваивались скорее колодцам, а не их шахтам. Следовательно, значение термина **колодец** ‘промысловое предприятие для добычи рассола и выварки соли’ появилось путем метонимического переноса с предмета на предприятие.[6]

Соликамские грамоты XVII в. тоже фиксируют термин **колодец** («*Продал варницу свою и с цыреном и з двема* ***колодцами*** *откуды росол был лит старой (КСГ, 32 об.), 1616 г.*» [СЛПП I: 256]), однако синонимов и вариантов термина в пермских памятниках XVI – начала XVIII в. не отмечено.

Памятники письменности северных территорий русского государства этого же времени, напротив, отмечают увеличение числа синонимичных связей термина. Материалы «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» регистрируют следующие значения рассматриваемой терминологической единицы:

1) «подземная часть соляной шахты, в которую опускалась рассолоподъемная труба. *На их земле пришли места солеварные и рыбные ловитвы, и ему б на тех местех* ***колодязи*** *копати, и трубы пущати, и варницы ставити. Жал. гр. Солов. м. 1543 – АСМ, 6*» [СЛПЛ I: 77];

2) «промысловое предприятие для добычи рассола и выварки соли. *Взял дань…з дву варниц Солокурского* ***колодезя*** *полтора рубли. Отп. Солов. м. 1578 – АСМ II, 120»* [nам же], *«Июня в 10 день въ Верховье на Васильевском* ***колотце*** *цren починивали. Кн. расх. Унск. пр. 1597 – ВКХ, 150*» [там же: 78];

3) «*метрол.* Единица измерения рассола. *Продал цren да варницу, да* ***полколодезя*** *росолу межъ тонею Тимофеевою и Вазеницкою. Кн. Золотиц. пр. 1618 – АХУ II, 270. Да росолъ в Коробкинскомъ колодезѣ половина получетверти* ***колодезя****. Вкладн. 1678 – Шум., 62*» [там же: 77][7].

Считаем ошибочным мнение лексикографов о том, что лексема **колодец (колодязь)** в иллюстрации, приведенной к первому из представленных здесь словарных толкований («*На их земле пришли места солеварные и рыбные ловитвы, и ему б на тех местех* ***колодязи*** *копати, и трубы пущати, и варницы ставити. Жал. гр. Солов. м. 1543 – АСМ, 6*» [там же]) реализует значение ‘подземная часть соляной шахты, в которую опускалась рассолоподъемная труба’. Кажется более вероятным, что речь в отрывке идет о повелении устанавливать разные виды рассолоподъемных конструкций и сооружения для выварки соли, а не о подготовке искусственных углублений, в которые будут загнаны трубы.

Другими словами, смысл примера должен прочитываться как «и ему б на тех местах ямы копать для установки колодцев, трубы пускать, и варницы ставить», а не как «и ему б на тех местах ямы копать, и трубы в них углублять, и варницы ставить». Двусмысленность в толковании данного примера возникает из-за последовательности однородных сказуемых и зависимых от них дополнений, в случае, если бы они имели другой порядок (как, например, в Строгановской грамоте «*И ему варницы ставить, и соль варити, и* ***трубы соляные*** *и* ***колодези*** *делати. Строг. гр., 152. 1688 г.*» [СлРЯ XI–XVII 7: 245]), вопрос о верном толковании примера был бы снят.

Более того, значение ‘подземная часть соляной шахты, в которую опускалась рассолоподъемная труба’ не реализуется у слова **колодец** (и его вариантов) и в других примерах, приведенных для иллюстрации этого же словарного толкования. Ср.: «*Да на новых местех* ***колодез*** *чистили. Кн. расх. Унск. пр. 1597 – ВХК, 15. Да в церене променил есми восмую долю и с крюками, и с варницею, и с росолом, а выменили церен вместе с Нечаем с Федоровым, да с спаскими старцами, да с Ларюковыми, да в клете варнишной половина у Большего* ***колодеся*** *у владельческого. Мен. Солов. м. 1555 – АСМ, 123. Да дала есми с росолом: в меншем* ***коладезе*** *две ночи росолу, четверть церена, а в большем* ***коладезе*** *ночь, осмая доля церена, и осмую долю в церене железа, и с варничными месты того росолу и две клети варничные на берегу у варниц Дан. Солов. м. 1546 – АСМ, 73*» [СЛПЛ I: 77], «*Варница с* ***колодецом*** *и с трубами и с варничным местом. Кн. Солов. вотч. креп., 119 об. XVII в. ~ 1582 г.*» [там же: 78]. Таким образом, ни сведения из истории солеварения, ни характер приводимого иллюстративного материала не объясняют нам происхождение заявленного в словаре значения.

Термин **колодец** в значении ‘защищенная срубом яма для добывания соляного раствора’ в письменности севера Руси XV–XVII вв. имел несколько синонимов, кроме уже известного **колодец** (**колодязь**) **соленый** «*Да к той варници* ***колодязь соляной****, да две клети да двор. Вып. Солов. м. 1562 – АСМ I, 169*» [СЛПЛ I: 77], в документах отмечены ***колодец варничный*** «*Да церен ветчан и с крюком и варницы в Лопалахте; да в анбарех в соляных и в избе в варничной по половинам, и в* ***колодеце*** *в* ***варничном*** *половина; да в волости в Золотице варница да пол клети соляной, да и в бадьи половина, из чего варят в реки, да и на реки на Золотици в избе половина, где дрова подвигают и во дворе. Дан. Солов. м. 1566 – АСМ, 198*» [там же: 78] и **колодец рассольный** (**колодязь росольный**) «*Продал и по тое четверти участки в* ***колодязи росолнем****. Купч. Солов. м. 1572 – АСМ II, 12*» [там же: 77].

Таким образом, термин **колодец** вошел в терминологическую систему солеварения до XIV в. в результате появления у слова

общенародного языка специального значения ‘защищенная срубом яма для добывания соляного раствора’ и до XVII в. существовал в терминологической системе солеварения как полисемант. На основе первичного терминологического значения – ‘защищенная срубом яма для добывания соляного раствора’ – у него развиваются два других лексико-семантических варианта способом метонимического переноса: ‘мера объема соляного раствора’ и ‘промысловое предприятие для добычи рассола и выварки соли’.

Несмотря на все преимущества (устойчивость при загонке в землю, достаточно большое отверстие, необходимое для легкого движения бадьи по вертикальной полости), конструкция колодца имела существенные недостатки – колодцы достигали в земле небольшой глубины и между венцами их срубов имелись щели, что являлось причинами получения слабого рассола. Поэтому их применение на производстве в XVII в. уже считалось пережитком, а в XVIII в. они вообще исчезли из употребления. Указание на то, что колодцы действительно не применялись для подъема соляных вод в XIX в., мы находим в одной из статей толкового словаря В. И. Даля: «*Разсолъ или матка, соляная матка, на варницахъ: весьма соленая вода, добываемая* ***разсолоподъемными трубами*** *и* ***насосами****, для выварки изъ нея соли*» [Даль IV: 46].

Вслед за уходом в прошлое такой разновидности рассолоподъемной конструкции, изготовленной в форме сруба как колодец, из семантической структуры этого слова исчезает и первичное терминологическое значение ‘защищенная срубом яма для добывания соляного раствора’ и производные переносные значения ‘мера объема соляного раствора’, ‘промысловое предприятие для добычи рассола и выварки соли’).

Однако жизнь термина на этом не закончилась. С одной стороны, в XVIII в. термин **колодец**, приобретая значение ‘шахтообразное углубление в земле для различных технических надобностей’, становится единицей горно-геологической терминологии (в состав которой входят терминологии солеваренной, железоделательной, медеплавильной и других отраслей промышленности): «*Бергман принужден весь шахт или* ***колодезь*** *вкруг выкласть бревнами. Прим. Вед. 1738, 341. Копают в земле* ***колодези*** *до тех пор, как дороются до солянаго камня. Пут Бел. 147*» [СлРЯ XVIII 10: 100]. С этим значением термин функционировал и в XIX в., ср.: «узкая и глубокая яма: рудная дудка, спуск в землю; ямное заводское устройство разного рода, напр. в красильнях» [Даль II: 139], и закрепился в современности: «*Обычно с определением. Спец.* Яма, служащая для разных технических надобностей. *Шахтный колодец. Кабельный колодец. Смотровой колодец*» [СлРЯ II: 95].

С другой стороны, жизнь термина продолжилась и в солеваренной среде, но в качестве профессионализма, а не промышленного термина, –

колодцем в XVIII в. именовалась рассолоподъемная труба, ср., изображение и описание первого герба города Соликамска, утвержденного 17 июля 1783 г.: «*В верхней части щита герб Пермский – серебряный медведь с Евангелием на спине в красном поле; в нижней – в золотом поле* ***соляной колодезь*** *с опущенным в него ведром для вынутия соли и с означенными на оном соляными потоками*» [цит. по Савенкова 2012: 40]. Традиция так называть рассольные трубы закрепилась и продолжилась в XIX в. («*Дерябинская машина, поддерживаемая починкой, действует по-ныне и качает разсол, посредством рычажно-блоковых устройств из 7* ***колодцев****, глубина коих в управление Г. В. Пиленка доведена до 88 саженей*» [Петухов 1864: 100]), в XX в. («*...в заречной части Соликамска, за пределами огородных участков, стояли промысловые сооружения –* ***соляные колодцы*** *и рассолоподъемные башни…*» [Косточкин 1988: 50]), и в XXI в. («*И когда* ***соляной колодец*** *строишь, главное, этот самый водоносный слой миновать*» [Опутин 2010: 160]).

История названий рассольной трубы

Сегодня невозможно точно установить, с какого именно времени на солеваренных промыслах появились первые рассолоподъемные конструкции из труб. Авторы краеведческих изданий бегло дают ответ на этот вопрос. Д. Петухов указывает, что технология добычи рассола начала меняться в XV в.: «*Из русских переселенцев первыми солепромышленниками являются выходцы новгородские – Калинниковы, заведшие около 1430 года солеварни сперва на речке Боровой, а потом на Усолке ...Для избрания места под солеваренный завод, первым солепромышленникам служили указателями солончаки, на месте коих устраивалась разсольная труба*» [Петухов 1864: 89–90]. Д. А. Григоров находит возможным, что внедрение труб в производство могло произойти раньше: «*В XV веке, а может быть и ранее, было изобретено уже устройство разсолоподъемных труб*» [Григоров 1915].

Также до сих пор остается неясным, где зародилось «искусство» устраивать рассолоподъемные трубы. С одной стороны, таким центром признается Тотемский солеваренный завод, с другой стороны, считается, что работники Чердынского и Соликамского заводов переняли искусство строить рассольные трубы еще у чуди, проживающей на этой территории с древнейших времен.

Конструкция первых рассолоподъемных труб была достаточно простой, но их создание требовало больших усилий – сложности сопровождали любой технологический этап, начиная от заготовки древесины и заканчивая устройством скважины и углублением труб в землю. Первые трубы состояли из двух-трех деревьев (звеньев), а рассол

из них поднимался бадьями, укрепляемыми к жаравешному столбу. Изготовление трубной заготовки и «сажение» трубы считалось тяжелой, но престижной профессией. Трубные мастера набирались либо из местных жителей («*Житель Соли Камской Мишка Моисеев сын трубник (КС, 158), 1623*» [СЛПП II: 337]), либо привлекались из северных промысловых районов («*На соликамские промыслы нередко приглашались трубные мастера из Тотьмы*» [Устюгов 1957: 36]).

Установка рассолоподъемной трубы была достаточно длительным предприятием, сроки растягивались от трех-четырех месяцев до нескольких лет. Несмотря на указанные сложности в работе, технологии заготовки леса на трубы, обработки их защитными материалами и укрепления в земле сохранились практически без изменений до времени, когда работа местных солеваренных заводов была полностью прекращена.

Этимология слова **труба** остается до конца не ясной. П. Я. Черных обращает внимание на то, что вопрос о происхождении слова нельзя считать окончательно решенным, и приводит две этимологические версии: 1) «раннее заимствование из др.-в.-нем. Ср. др.-в.-нем. звукоподражательное trumba: trumpa – «тимпан», «барабан» иногда и «труба»» и 2) «случайное совпадение, как напр. в др. и совр. исл. bumba – «барабан»» [Черных II: 266]. М. Фасмер, напротив, отвергает «образование формы *tromba как независимого звукоподражания в слав., герм. и ром.» и возводит слово либо к древневерхненемецкому или среднелатинскому trumba в значении ‘духовая труба’ [Фасмер IV: 108].

В древнерусском языке лексема **труба** (**трꙋба**, **трѫба**) является семантически многоплановой. И. И. Срезневский выделяет у слова четыре значения, одно из которых остается затемненным:

1) «рукавъ из твердаго вещества, трубка: – *Феѡфанъже сустрѣме ꙗ въ лѫдехъ со ѡгнемъ и пущати нача* ***трубами*** *ѡгнь на лодьѣ Рускиꙗ. Пов.вр. л. 6449 г.*» [Срезневский III: 1004],

2) «труба, духовой музыкальный инструментъ: – *Поити Боу нашемоу…въ гѫслехъ и въ гласѣ псалъмьсцѣ…въ* ***троубахъ*** *окованахъ и гласомь* ***троубы*** *рожаны …Псалт. толк. XI в. (Евг.). пс. XVII. 5-6*» [Там же],

3) «труба водопроводная, акведукъ, каналъ: – *Кладѫзи, ꙗже суть за тобою ѿ въстока, ис того вода идеть по* ***трубѣ****: копавъ переими. Пов. вр. л. 6496 г.*» [там же: 1005],

4) «? – *Отъ кривои ели в прямъ на* ***трубу*** *въ Шалу рику въ Унои порогъ. Обв. меж. зап. 1391 г.*»[8] [там же].

Таким образом, применительно к периоду XI–XIV вв. можно говорить как минимум о двух специальных значениях слова **труба**. В первом из них, характеризующемся широкой специализацией, – ‘рукав из

твердого вещества, трубка’ – слово **труба** являлось одновременно и общеупотребительной единицей, и единицей технической терминологической системы, т. к. называемый лексемой специальный предмет имел широкое распространение и в хозяйственно-бытовой, и профессиональной сфере жизни русского общества. Во втором специальном значении, отмечающемся у слова в древнерусском языке – ‘труба водопроводная, акведук, канал’ – лексема **труба** являлась членом инженерно-технической терминологии.

Несмотря на то, что терминологического солеваренного значения среди представленных специальных в словаре Срезневского нет, слово **труба**, вероятнее всего, уже входило в состав лексической системы солеварения как единица общетехнической терминологии, т. к. трубами, например, могли именоваться детали различных механизмов. Как общетехнический термин, обозначающий пустотелый предмет круглого сечения (Срезневский – 1 знач.), слово **труба** функционировало в солеваренной лексической системе на протяжении всего времени существования промыслов[9].

Судьбу слова **труба** как члена узкоспециальной солеваренной терминологии можно проследить только с середины XVI в., т. к. первые упоминания о таких конструкциях в местных рукописных источниках относятся именно к этому времени. Продолжающееся издание «Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» включает несколько примеров к различным словарным статьям, в которых слово **труба**, судя по контексту, имеет терминологическое значение ‘труба, по которой из земли добывают соляной раствор’: «*А где Костя Житкой соляной ключ найдет, и тут ему* ***трубы*** *пущати, и варницы ставити, и к варницам дрова класти, а лес ему сечь, чем ему варницы ставити, и* ***трубы*** *пущати, и соль варити. Льгот. Двин. у. 1551 – АСМ, 108*» [СЛПЛ I: 67]; «*Купили сукна на подвой на тое ж* ***трубу*** *на болван на четыре алтына. Кн. уч. Тот. пр. 1606 – ДПРС I, 50*» [там же: 49] и др. Самая ранняя иллюстрация в словаре датирована 1543 г.: «*Велел есми им тот колодязь починити, и* ***трубу*** *пустити, и варницы у того колодезя поставити, и соль варити. Жал. льгот. гр. Унск. 1543 – АСМ, 64*» [там же: 68].

Примечательно, что в вышедших томах словаря не встречается ни одного примера, в котором бы слово **труба** было зафиксировано в составе неоднословного названия. Среди определений к данному встречаются *новый*, указывающее на время создания рассолоподъемной конструкции («*Роспись* ***новые трубы*** *шестамъ воротовымъ мѣра до задевы 78 саженъ. Росп. труб. д., 225*» [там же: 225]), и *задний*, указывающее на расположение трубы относительно других построек («*Июля въ КГ день дѣлали* ***заднюю трубу*** *волочили трубки вон да и в трубу садили и пересаживали четырежды. Кн. уч. Сп. – прил. м. 1606 – ДПРС I, 40*» [Там

же: 99]). Хотя, возможно, последнее прилагательное следует рассматривать в качестве имени собственного, присваиваемого трубе, как это могло быть в отношении варницы: «*Июлю съ 1-го числа заварила* ***Задняя варница****, 1-ю недѣлю выварила соль июля по 14 число первые уимки 45. Кн. прих.-расх. Сольвыч. 1677 – КСЛПЛ*» [там же: 108].

Пермские документы XVI – начала XVIII в., наоборот, не фиксируют слово **труба** в качестве самостоятельной солеваренной терминологической единицы[10]. В словаре лексики пермских памятников зарегистрированы только те контексты, в которых лексема **труба** входит на правах терминоэлемента в различные неоднословные номинации с одинаковым значением – ‘труба, по которой соляной раствор поступает на земную поверхность’. Таким образом, отмечается ряд синонимов, в составе которых терминоэлементы, выраженные прилагательным, как правило, не имеют фиксированной позиции: **труба соляная** «*Будет ввопче а подѣлить не точно* ***труб соляных*** *и засолов и скотских выходов и рыбных ловель (Ш, 2, 305), 1629*» [СЛПП I: 206], **труба рассольная** (**росолная**) «*Вели гсдрь мне Ивашку для соляного промыслу* ***росолную трубу*** *посадить (КСГ, 25), 1649*» [там же: 268], «*Мнѣ Ондрею мнѣ Петру и мнѣ Ивану* ***трубы росолные*** *садити кто будет в каком мѣсте на своей земле…росол найдет (Ш, 2, 303), 1629*» [там же: 190], **соляная рассольная** (**росольная**) **труба** «*В Усолке реке* ***соляную росольную трубу*** *поставить и росолу доходить (КСГ, 23 об.), 1563*» [там же: 268], «*На том месте построено у мужа моего Василья* ***росольная соляная труба*** *(КСГ, 75), 1675*» [там же: 190]. Данные синонимичные термины отражают разные принципы номинации одной и той же производственной реалии. В термине **труба соляная** выражается отношение к месту (та, которая находится на соляных промыслах), в термине **труба рассольная** выражается отношение к добыче продукта (та, по которой *рассол поднимают на поверхность земли), в термине* ***соляная рассольная труба*** учитываются оба принципа номинации.

Значение ‘труба, по которой соляной раствор поступает на земную поверхность’ можно рассматривать как первичное терминологическое для словосочетания **труба рассольная**, не забывая о том, данное значение имеет коннотацию «труба, содержащая рассол». В пермских памятниках термин **труба рассольная** (**разсольная**) в значении ‘труба, содержащая рассол’ отмечается раньше, чем его лексико-семантические варианты: «*Варница Луки да Осипа Кондаковых а в ней* ***труба разсольная*** *да два анбара соляных да труба безра[з]сольная [Ш, 2, 158], 1623*» [СЛПП I: 28]. Синонимом к этому оттенку значения термина является лексикализованное словосочетание **труба жилая**, ср. «*По берегу Камы*

рѣки вниз 8 ***труб жилых*** *с росолы и к ним 14 варниц жилых с цирены (Ш, 5₂, 621), 1701*» [там же: 179].

Соответственно, в случае, когда труба установлена, но не дошла до соляного пласта или имеет поломки, и поэтому не способна проводить рассол, конструкция носит название **труба безрассольная** (**безразсольная**), т. е. «труба, не содержащая рассола» «*Варница Луки да Осипа Кондаковых а в ней труба разсольная да два анбара соляных да* ***труба безра[з]сольная*** *[Ш, 2, 158], 1623*» [СЛПП I: 28], или **пустая труба** «*Подпись…в соляных росольных жилах и* ***пустых трубах*** *(КСГ, 161), 1698*» [СЛПП II: 190].

Труба, помимо своего основного назначения, могла, как и колодец, служить мерой объема соляного раствора, следовательно, и термин **труба** или его синонимы помимо своего основного значения, по всей вероятности, могли иметь и переносное метрологическое значение, не отмеченное в региональных исторических словарях XVI–XVIII вв. Данное предположение можно подтвердить, ведя поиски не по заглавным лексемам и их дефинициям в словарях, а обратившись к иллюстрациям в словарных статьях, посвященных солеваренной лексике. Так, например, в отрывках из копий соликамских грамот в СЛПП был обнаружен лексико-семантический вариант термина **труба рассольная** (**росолная**) «*Продал… половину* ***росолной*** *Дубенской* ***трубы*** *а в той половине десять солей… а в другой половине 2 соли (КСГ, 49), 1693*» [СЛПП II: 268], обозначающий меру объема соляного раствора, которая, как видно из примера, включала несколько более мелких единиц измерения объема рассола, называемых *солями*.

Подтверждение тому, что слово **труба** имело метрологическое значение, находим и в отрывке из неизвестного делового акта, приведенном в работе Д. А. Григорова, где описаны правовые отношения собственников на тотемских соляных промыслах XVI в.: «*Труба Дедиха пуста тридцать лет: половина в той трубе Спасо-Каменного монастыря, а другая половина тое* ***трубы*** *без другонадцатой доли Петрунки Брагина да племянников ево Кирилки да Харки Артемьевых, детей Брагина, а другонадцатая доля тое* ***трубы*** *Осипка да Самелки Фоминых*» [Григоров 1915].

Солеваренная метрология рассматриваемого периода включала в свой состав также такие термины, как **полутруба** «*Тое де подписное варнишное место с* ***полутрубою*** *и выкупить ему ис тое закладной кабалы нечем (КСГ, 112), 1687*» [СЛПП II: 78] и **полурассольная** (**полуросолная**) **труба** «*По сей кабалѣ заимшик Давыдко винился и тое де свою подписку варницу и с цыреном и з дугами и с ножками и с* ***полуросолною трубою*** *и с варнишным мѣстом…подписал (КСГ, 115), 1632*» [там же: 77]. Первый из терминов регистрируется в СЛПП, а второй выделяется нами

самостоятельно на основании значения, которое данное словосочетание развивает в контексте. Терминами **полутруба** и **полурассольная труба** в соликамских деловых актах обозначалась половина или часть получаемого через соляную трубу рассола.

В целом, можно заметить, что с момента своего вхождения в лексическую систему русского языка термин **труба** использовался наряду с несколькими синонимами, имеющими общие терминоэлементы в своем составе, – **труба соляная**, **труба рассольная**, **соляная рассольная труба**. Определить более ранее терминологическое образование среди представленных невозможно, поскольку временной перерыв, с которым они попадают в рукописные источники, является небольшим по продолжительности. Заметим и то, что только термины **труба** и **труба рассольная** в терминологии солеварения XVI – начала XVIII в. ведут себя как полисеманты. Остальные терминологические единицы внутри терминологии лексико-семантических вариантов не развивают.

К XVIII в. конструкция рассольных труб несколько изменилась. Трубы стали собираться из трех частей: *матичной*, *обсадной* и *веслой*, каждая из которых в свою очередь состояла из нескольких деревьев (такое сооружение могло достигать более чем пятидесятисаженной глубины). Технология подъема соляного раствора на поверхность земли также поменялась – для этого использовали ручные воротки и конные вороты. Однако, несмотря на техническое усовершенствование рассолоподъемных сооружений, они именовались по-прежнему. В соликамских рукописях еще встречаются **труба** «*У часовни Рукавишникова* ***труба*** *с ветхой кледкой и при ней ларь а варница изломана*» [ДСГД: 43] и **соляная труба** «***Соляных труб*** *13*» [там же: 43 об.].

В XIX в. на солеваренных заводах были внедрены паровые машины и насосы для выкачивания рассола. Трубы, в свою очередь, тоже были усовершенствованы. Их конструкции были дополнены такими приспособлениями, как: *рогаль, рукав, машинныя трубы* и *сосунья* [Петухов 1864: 91].

Среди названий «трубы, по которой соляной раствор поступает на земную поверхность» в XIX в. встречаем: **рассольная** (**разсольная, россольная**) **труба** «*Для устройства* ***разсольной трубы****, на избранном месте, обыкновенно вблизи богатых соляных источников, начинают рыть квадратную яму величиною в две сажени*» [Петухов 1864: 93], «*Чертеж первоначального устройства* ***россольной трубы*** *и загонки матичнаго дерева*» [КСК 1839], **рассолоподъемная** *(***россолоподъемная***)* **труба** «*О россоле же нижняго промысла сказать можно только то, что сначала спуска* ***россолоподъемной трубы*** *в действие, он оказывался 24 градусов*» [там же], **рассолоизвлекательная** *(***россолоизвлекательная***)* **труба** «*В Усольских соляных промыслах в*

1827м году в ***россолоизвлекательной трубе****, принадлежащей Графине Софье Владимировне Строгановой, открыто месторождение каменной соли*» [Там же], **труба** «*По окончании* ***трубы****, представляющей из себя весьма длинное, конически-усеченное углубление, нарубают округу*» [Петухов 1864: 96], «*В верхних промыслах при проходке* ***трубы****, принадлежащей Графине Софье Владимировне Строгановой, …открыт пласт каменной соли*» [КСК 1839], **колодец** «*Дерябинская машина, поддерживаемая починкой, действует по-ныне и качает разсол, посредством рычажно-блоковых устройств из 7* ***колодцев****, глубина коих в управление Г. В. Пиленка доведена до 88 саженей*» [Петухов 1864: 100], **рассольник** «***Разсольник****, колодец, где разсол добывается на варницах*» [Даль IV: 46].

Данные номинации имеют разный нормативно-стилистический статус. Признать научно-техническими терминами среди представленных специальных лексических единиц можно только атрибутивные словосочетания. От других нетерминологических номинаций их отличает сложная словообразовательная структура и то, что в названия включается указание на функцию предмета.

Терминологические словосочетания неоднородны с точки зрения происхождения. Термин **рассольная труба** появился из народной речи и на протяжении долгого времени являлся единицей солеваренной лексической системы. Термины **рассолоподъемная труба и рассолоизвлекательная труба** являются искусственными новообразованиями. При этом термины **разсольная труба** и **рассолоподъемная труба** употребляются в привлеченных для исследования материалах (ДСГД, КСК, «Горный город Дедюхин и окольныя местности») с большой частотностью, а термин **рассолоизвлекательная труба** имеет однократное употребление.

В словаре Даля ни одна из представленных неоднословных терминологических единиц не зафиксирована. Термин **рассолоподъемная труба** привлекается только для толкования слова *разсолъ*: «*Разсол или матка, соляная матка, на варницах: весьма соленая вода, добываемая* ***разсолоподъемными трубами*** *и насосами, для выварки из нея соли*» [Даль IV: 46].

Учитывая частотность употребления и фиксацию в словарях, можно отметить тенденцию термина **рассолоподъемная труба** к замещению позиции доминанты ряда терминов-синонимов. Отметим и то, что термин **рассолоподъемная труба** позже действительно стал наиболее частотным названием трубы на соледобывающем производстве. Это трудно доказать малочисленными документальными свидетельствами начала XX в., однако в более поздних исторических, лингвистических изданиях и словарях «труба, по которой соляной раствор поступает на земную

поверхность» очень часто называется **рассолоподъемной** (напр., «*В 1624 году царский чиновник Кайсаров <…> нашел там лишь заброшенные варницы и полуразрушенные* ***рассолоподъемные трубы***» [Розен 1965: 9], «*Наиболее важным сооружением соляных промыслов были* ***рассолоподъемные трубы***» [Канторович 1980: 130], «*В них на больших чренах (сковородах) вываривался соляной рассол, подносимый водоливами, откачивавшими его из скважин с помощью* ***рассолоподъемных труб***» [Косточкин 1988: 107], «***Рассолоподъемная труба*** *становилась самым дорогостоящим элементом солеваренного производства*» [Логунов 1995: 17] и др.).

Слово **труба** к XIX в. теряет терминологический статус. Его роль в специальной лексике теперь сводится к терминоэлементу в составе неоднословных названий. Это подтверждается тем, что данная лексема больше не употребляется в документах и изданиях самостоятельно (без неоднословных синонимов), а встречается только после того, как обозначена полная терминологическая номинация. Кроме того, в словаре Даля у слова **труба** специального значения уже не отмечено.

Слово **колодец** вообще не имеет отношения к нормативной специальной лексике. Данная лексема входит в разряд профессионализмов. Новое специальное значение у лексемы отмечается в словарях только с XIX в.: «***Колодез****, на варницах, буреная разсольная дудка, с насосом*» [Даль II: 139]. Принадлежность слова к профессиональной лексике устанавливается нами на следующих основаниях. Во-первых, в форме слова **колодец** не отражается существенной характеристики обозначаемого предмета так, как это происходит, например, в форме термина **труба рассолоподъемная**. (Название **колодец** рассолоподъемная труба, вероятно, приобрела в результате метонимического переноса по функции – искусственное углубление, из которого добывают соляной раствор). Во-вторых, слово **колодец** в источниках менее употребительно, чем, например, термины **труба рассолоподъемная** или **труба рассольная** (в привлеченных для исследования рукописных документах и печатных изданиях конца XVIII – середины XIX в. слово **колодец** зафиксировано лишь один раз). В-третьих, данная номинация в системе солеваренной лексики появляется позднее, чем другие специальные единицы, имеющие терминологический статус.

По этим же причинам мы относим к профессионализмам название **рассольник**. В словаре В. И. Даля указывается, что так на промыслах именовали рассольные колодцы [Даль IV: 46]. Однако к XIX в. этих сооружений на промыслах уже не существовало, что и позволяет рассматривать это слово как название рассольной трубы.

Из системы названий трубы в XIX в. выпало словосочетание **соляная труба**, которое входило в состав солеваренной лексики с момента появления понятия ‘труба, по которой соляной раствор поступает на земную поверхность’. В книге Д. Петухова данное название встречается единожды при переложении содержания документа, относящегося к XVIII в.: «*В описи 1729 года, хранящейся въ архиве соляного правления, значится за ним 15* ***соляных труб***» [Петухов 1864: 90]. Как нам видится, словосочетание не прошло отбор в солеваренную лексическую систему в связи с тем, что его мотивация не отличалась точностью: *соляной трубой* можно было бы назвать любой предмет круглого сечения, имеющий отношение к солеваренному производству.

Таким образом, история формирования названий трубных рассолоподъемных конструкций берет свое начало с XVI в., когда эти сооружения были внедрены в солеваренное производство. На протяжении всего периода функционирования труб их номинации были представлены рядом синонимов, единственным постоянным членом которого всегда оставалось словосочетание **рассольная труба**. Остальные члены синонимического ряда либо выпали из системы названий к концу XVIII-XIX в. (**труба, соляная труба**, **соляная рассольная труба**), либо, наоборот, появились в это время (**рассолоподъемная труба**, **рассолоизвлекательная труба**, **колодец, рассольник**).

История названий рассолоподъемной башни

Рассолоподъемные башни возводились над рассольными трубами для размещения в своем внутреннем пространстве насосных механизмов, выкачивающих рассол. Они представляли собой высокие бревенчатые четырехстенные сооружения, поделенные на несколько ярусов, обеспечивающих доступ к конструкциям трубы и насоса, находившимся на разной высоте. Как справедливо отмечается рядом ученых, конструкция этих высоких построек напоминала сторожевую башню [Канторович 1980: 132; Логунов 1995: 17].

Для того, чтобы привести в действие насосное устройство, расположенное в башне, к ней делалась пристройка, в которой располагалась конная машина. Помещения с паровой машиной, судя по чертежам «Книги о соли каменной», возводились отдельно от башенного строения и могли быть выполнены из кирпича.

Появление рассолоподъемных башен на соляных промыслах связано с изменением технологии извлечения рассола. До тех пор, пока его добыча осуществлялась с помощью бадьи и жаровешного столба или ручного ворота, отсутствовала потребность в высоких сооружениях, закрывающих доступ к верхнему концу матичной трубы. Необходимость в строительстве башен возникла, когда на промыслах стали прибегать к

использованию гидравлических насосных машин, действовавших изначально за счет конного ворота: «С применением насосов для выкачивания рассола над скважинами появились высокие бревенчатые башни, необходимые для размещения вертикальных насосных штанг. В движение насосы приводились конной тягой, а затем и паровыми машинами» [Косточкин 1988: 107–108].

Вопрос о том, с какого времени рассоподъемные башни появились на производстве, решается сложно. В. В. Косточкин считает, что «на соляных промыслах Прикамья подобного рода башни появились в XVI веке» [там же: 108]. Этого же мнения придерживается Г. Д. Канторович: «Первоначально рассол черпали деревянными бадьями прямо из трубы. Позже, в конце XVI в., стали применять насосы. С появлением насоса трубу вместе с насосным механизмом стали обстраивать деревянным срубом. Так появился новый тип сооружения – рассолоподъемная башня» [Канторович 1980: 131]. Однако сведений об этих постройках в исследуемых нами источниках не обнаружено. Предполагаем, что в это время применение рассолоподъемных труб не было широко распространено, т. к. создание и установка насосных устройств требовали больших вложений. Пермские памятники письменности XVII в. фиксируют название только одной рассолоподъемной конструкции – **жаровешного столба** «*Продали трубы… и с мѣстами что около тех труб и под* ***жаравешными столбами*** *и под жаравцами (КСГ, 47 об.), 1693; Ивану… владѣти тое ж трубы в* ***столбу жаравешном*** *и в жаравце (КСГ, 39), 1643*» [СЛПП I: 173]. На это указывает и Н. В. Устюгов, описывая заводы соликамских солепромышленников в XVII веке: «*Для добывания из трубы рассола устраивали особый* ***журавль (жаравец, журавец)****, подобный колодезному, при помощи которого бадья поднималась и опускалась*» [Устюгов 1957: 36].

Активное применение конного ворота или, как его называли на пермских соляных заводах, **конной машины**, начинается со второй половины XVIII в. Следовательно, и сведения о рассолоподъемных башнях также следует искать в источниках конца XVIII в. И такие сведения обнаруживаются.

В «Разных делах» Соликамской градской думы 1799 года встречаем: «*Господина Рукавишникова две варницы и три трубы с* ***кледками*** *и с одной сконнодействуемой машиной*»; «*Да пониже тех анбаров у него ж Турчанинова на заполье три варницы а трубы хотя и есть а* ***клеток*** *нет*» [ДСГД 1799: 43–43 об.]. Слово **клетка (кледка)**, приведенное в иллюстрациях, как раз и обозначает ‘сооружение над рассолоподъемной трубой, в котором находился насос для выкачивания рассола’. Это заключение делается нами на том основании, что приведенные выше

контексты выписаны из описи «разных служб», т. е. хозяйственных построек. Следовательно, клетка, как и варница, и как амбар, включается в число этих отдельно стоящих сооружений.

Термин **клетка** имел и неоднословный синоним – **трубная клетка** (**кледка**), порядок терминоэлементов которого в приведенном документе был неизменным: «*На самом заде господина Турчанинова две варница с тремя* ***трубными кледками*** *и с одной машиной; да в том же промыслу вдовы Ростовшиковы две варницы и со двумя* ***трубными кледками***» [там же: 43 об.].

Примечательно, что значение терминов **клетка** и **трубная клетка**, устанавливаемое нами на основании контекстного анализа, не отражено в СлРЯ XVIII в., САР и Словаре В. И. Даля. Причина этого, вероятно, в том, что названные термины, как и постройки ими обозначаемые, имели региональную закрепленность – «подобные конструкции над рассолоподъемными скважинами не встречались более нигде в России. В этом смысле промыслы Прикамья уникальны» [Логунов 1995: 17–19].

В XIX в. термин **клетка** в значении ‘сооружение над рассолоподъемной трубой, в котором находился насос для выкачивания рассола’ отмечен в книге «Горный город Дедюхин и окольные местности»: «*По окончании трубы, представляющей из себя весьма длинное, круглое, конически-усеченное углубление нарубают округу на столько рядов, чтобы мог течь разсол, накачиваемый машинными насосами, по жолобьям, помещенным на двух и четырехсаженных сошках. Нарубленная окрута, покрытая шатром, называется* ***клеткою****, внутри коей устроен механизм, приводимый в движение конными и паровою машинами*» [Петухов 1864: 96]. Это едва ли не последнее упоминание термина в источниках. На протяжении двух веков он был единственной официальной номинацией хозяйственной постройки, внутри которой располагался насосный ствол. В XX в. эта номинация оказалась совершенно забытой жителями промысловых районов.

Архаизация термина была связана с появлением номинации, замещающей старое название. Сооружение над рассолоподъемной трубой, в котором находился насос для выкачивания рассола, повсеместно стали называть **рассолоподъемной башней**: «*На сользаводе сохранились две действующие* ***рассолоподъемные башни***» [Канторович 1980: 132], «*Между далеко стоящими одна от другой* ***рассолоподъемными башнями*** *<…> стоят девять солеварен*» [Косточкин 1988: 109], «*К варничному двору приближены и* ***рассолоподъемные башни***» [Чагин 1988: 23], «*Над скважинами устанавливались* ***рассолоподъемные башни*** *высотой 10–12 метров*» [Логунов 1995: 17]. Новое значение быстро освоилось в языковой практике и сегодня стало самым распространенным обозначением данных хозяйственных построек.

Наряду с **рассолоподъемной башней** учеными иногда используется и другая номинация – **соляная башня**, но ее употребление в текстах менее частотно: «*Многие детали* ***соляных башен*** *говорят об их родстве с крепостными*» [Канторович 1980: 132], «*Устойчивость* ***соляных башен*** *обеспечивалась выпусками концов бревен нижних венцов наружу в виде наклонных контрфорсов*» [Косточкин 1988: 108].

Считаем интересным проследить историю старого термина: определить путь его вхождения в солеваренную терминологию, узнать, имелись ли у него лексико-семантические варианты.

Слово **кледка** появилось как производное от **клеть** ‘кладовая, амбар’, имеющего индо-европейские корни: «укр. *кліть, клітка*, ст.-слав. **клѣть** ж. οἰχίᾳ, οἴχημα **клѣтъка** (Супр.), болг. *клет* «клетка, погреб», сербохорв. клӣјет, род. п. клӣјети ж. «чулан», словен. klêt ж. «погреб», чеш. kletka, слвц. klietka, польск. kleć «хижина, шалаш, клеть», klatka, в.-луж., н.-луж. klětka «клетка для птицы». || Родственно лит. klètis «кладовая», лтш. klets – то же (заимствование дало бы лит. *klietis, лтш. *klèts); см. Эндзелин (СБЭ 197, М.-Э. 2, 225), Траутман (BSW 136), вопреки Мерингеру (IF 16, 120 и сл.), Бернекеру (1, 158), Лескину (Bildg. 235), далее родственно лит. klaĩmas «крытая рига с овином». С другим задненебным: лит. šlìtė «лестница», at-šteĩmas, - šlaĩmas «передний двор», греч. χλιοῖα «хижина, палатка», лат. clītellae мн. «вьючное седло», ирл. clíath «crates», гот. hleipra «палатка», д.-в.-н. leitara «лестница»; см. Бернекер, там же» [Фасмер II: 249].

В древнерусском языке у слова **клетка** отмечается два значения:

1) «Холодная (без печи) бревенчатая или дощатая постройка. *И поставили же бяаху ту* ***клѣтъку*** *малу на томь мѣстѣ иде же бяше цркы сгорѣла; архиепспъ же пришедъ съ крьсты и сътвори въ тои* ***клѣтъцѣ*** *всеношьное пѣние. (Сказ. о ч. Бор. Глеб.) Усп. сб., 60. XII–XIII вв.*» [СлРЯ XI–XVII 7: 166];

2) «Место уединения и обитания монаха (отдельный домик в одну комнату или келья в монастыре). *Бѣ нѣкто старьцъ очиболь въ скутѣ въ лаврѣ авва Сисоя, отстояше же* ***клѣтъка*** *его от кладязя дъве чясти попьрищю. Патерик Син., 268. XI–XII вв.*» [ам же].

Среди них не было специального, указывающего на принадлежность слова к солеваренной терминологии. Кроме того, нет оснований считать, что на основе одного из двух приведенных значений путем специализации в XVIII в. возник одноименный термин, называющий башню над рассолоподъемной трубой. Путь вхождения слова ***клетка*** в солеваренную терминологию будет иным, о чем будет рассказано далее.

Обратим внимание на то, что значение ‘сооружение над рассолоподъемной трубой, в котором находился насос для выкачивания

рассола’ не является первичным для слова **клетка** как члена солеваренной терминологии. Впервые специальное значение отмечается у народного термина только в середине XVI в. в деловых актах Соловецкого монастыря. На беломорских соляных промыслах **клеткой** называли амбар для хранения соли: «*Продал есми свою четверть цpена и варници от* ***клетки****. Купчая Солов. м. (Солокурья) 1542 – АСМ, 60*» [СЛПЛ II: 50].

В документах Севера Руси у этого термина отмечается и ряд структурных синонимов: **клеть** «*Занял есми у Семена у Иванова сына у Дуракова девеносто пудов соли моря Белого угодьев… а дать ми ему та соль в лямецких варницах ис* ***клети****. Закладн. Солов. м. 1550 – АСМ, 97*» [там же: 51], **клетка солоная** «*А продали есмя ту варницу и цpен, что от Кузмины варницы, да и половину лугу кострищь своих… а продали есмя им половину лесу своего трети свои и* ***клетку*** *свою, что на горе стоит,* ***солоную****. Купч. Турчасов. 1550 – АСМ, 99*» [там же: 50–51], **клеть соляная** «*Да цpен ветчан и с крюки и варницы в Лопалахте; да в анбарех соляных и в избе в варничной по половинам, и в колодеце в варничном половина; да в волости в Золотице варница да пол* ***клети соляной****, да и в бадьи половина, из чего варят в реки, да и на реки на Золотици в избе половина, где дрова подвигают, и во дворе. Дан. Солов. м. 1566 – АСМ, 198*» [там же: 53], **клеть варничная** *(***варнишная***)* «*Да в цpене променил есми восмую долю и с крюками, и с варницею, и с росолом, а выменили цpен вместе с Нечаем с Федоровым, да с Ларюковыми, да в* ***клете варнишной*** *половина у Болшего колодеся у владыченского. Мен. Солов. м. 1555 – АСМ, 123*» [там же], **клетишко соляное** «*Да анбаръ соляной да* ***клетишко*** *без дверей* ***соляное****. Арх. Стр. I, 481, 1568*» [там же: 50].

Перечисленные номинации соляного амбара, также как и инвариант, имеют территориальную закрепленность – Соловецкие острова и район Беломорского побережья. Эти термины не были знакомы работникам пермских соляных промыслов. Склад, где накапливался годовой запас соли для ее последующей отправки, здесь называли **амбаром**.

Однако и в пределах пермских соляных промыслов термин **клетка** не был моносемантом. Клеткой на заводах называли не только хозяйственную постройку, но и особую конструкцию, применяемую при загонке рассольных труб. Она представляла собой небольшой сруб, которым обносили верхний конец матичной трубы, выходящий на земную поверхность. Основание этого сруба лежало на окруте, изготовленной в виде бревенчатого квадрата, прикрепленного вокруг ствола трубы.

Первые упоминания о таких конструкциях относятся к XVII в. и, судя по всему, содержатся в «Книгах Поместного приказа», на которые опирался Н. В. Устюгов при описании соляных промыслов Соликамска: «*Верхняя наземная часть матицы огораживалась деревянным рубленным срубом, называвшимся* ***клеткой*** *или окрутой*[11]*. Клетка имела деревянную*

крышку с железным крюком и петлей и запиралась на замок. Этим путем надеялись предохранить трубу от засорения. Той же цели служили и железные решетки, которыми закрывались самые трубы» [Устюгов 1957: 37]. Предполагаем, что применение клеток при загонке труб началось ранее XVII в., а точнее, собственно со времени ввода в производство рассольных труб, однако мы не располагаем свидетельствами письменных источников для подтверждения этой мысли. Вообще, единственное реальное упоминание о клетках как о висячих срубах на матице (не считая пересказа Н. В. Устюгова), содержится в «Книге о соли каменной» и относится к XIX в. На альбомном рисунке, изображающем процесс сажения трубы, имеется подпись: «***Клетка**, устроенная на окруте*» [КСК 1839]. Что касается синонимических связей этого лексико-семантического варианта термина, то ответ на этот вопрос требует привлечения большего числа источников. Данные памятников, которыми мы располагаем, не фиксируют иных названий бревенчатых срубов на матичной трубе, кроме рассмотренного.

Распространенные на производстве в XVIII в. рассолоподъемные башни перенимали часть функций висячих срубов на матице, в частности, они защищали трубы от засорения. В связи с этим, видимо, и произошел перенос номинации на другую разновидность конструкции, строящейся также вокруг выхода конца трубы на поверхность. Таким образом, термин **клетка** для наименования рассолоподъемных башен широко стал применятся с XVIII в. (времени распространения последних). Жизнь этой единицы продлилась всего два столетия. За это время у него появился только один структурный синоним – *клетка трубная*, указывающий на место расположения постройки.

Термин **клетка** был территориально ограничен, как и его лексико-семантические варианты, возникшие в разное время на разных территориях. В XX в. этот термин уходит в пассивный запас и больше не встречается в литературе. Его место занимает словосочетание **рассолоподъемная башня**, форма которого, с точки зрения принципов терминообразования, легче поддается семантизации, чем ушедшее в прошлое название.

История названий ларя

Ларь на соляных промыслах выполнял функцию рассолохранилища. Он представлял собой специальный резервуар-отстойник, построенный по типу избы с двухскатной крышей на ряжевом основании. В конструкции ларя были исключены любые отверстия, кроме тех, которые были предназначены для труб, впускающих и выпускающих рассол. Более того, сооружение стягивалось специальной обжимной рамой, обеспечивающей дополнительную прочность конструкции. Внутри ларя имелась

перегородка, разделявшая вместилище «на две половины, из которых в каждой скопляется разсол разного достоинства: слабый, крепкий или, по заводскому выражению, твердый и хлебный» [Петухов 1864: 101–102].

Как правило, этимологи считают, что слово **ларь** имеет германские корни [Преображенский I: 434; Фасмер II: 460], но существует и другая точка зрения: «Обычно (и с давнего времени) возводят рус. *ларь*, как и фин. (с.) leari – «ларь» (относительно финского слова см. SKES II, 267) к др.-швед. laar – тж. (совр. швед. lar – «ящик, ларь»). Но шведское слово, не имеющее соответствий в других сканд. яз., одинокое слово, которое, напротив, могло быть заимствовано из древнерусского языка. Оба слова, и шведское, и древнерусское, не имеют ясной этимологии» [Черных I: 467–468].

Вопрос о том, когда попало это слово в систему специальной солеваренной лексики, решается сложно. До XIV в. слово **ларь** имело одно значение – ‘ящик, сундук’, отмечаемое словарями с 1076 года: «*Отъкрыите* ***ларѣ****... и тоу аби****ѥ*** *отърышя* ***ѥ****динъ отъ златыхъ онѣхъ ларевъ. Сб. 1076 г. (В.)»* [Срезневский II: 8], *«Изидошя ис палатъ тѣхъ мужи крилати…носяште* ***ларѣ •д•****-ри. Из. Св. 1076 г., 691*» [СлРЯ XI-XVII 8: 172].

И только в XVI в. слово **ларь** начинает обогащаться новыми значениями за счет того, что проникает в различные специальные сферы. Среди них:

– охотничий промысел («Клетка для зверя. (1413): *Таже начя и ловчихъ княжь Андрѣевыхъ бити и грабити, и медвѣди и съ* ***ларми*** *взимаше къ себѣ. Ник. лет. XVI, 222*» [там же]),

– мельничный промысел («Деревянный резервуар для воды со спуском на водяное колесо. *Дѣлати на мельницы* ***лар<ь>*** *водяной. Кн. прих.-расх. Ант. м. № 1, 64 об. 1584 г.*» [там же]),

– солеваренный промысел («Резервуар для скопления рассола на солеварнях. *Мѣсто варнишное с варницею и с* ***ларем****. Кн. Солов. вотч. креп., 116. XVI–XVII вв. ~ 1579 г.*» [там же]).

Однако последнее значение, выделяемое у слова **ларь** составителями словаря. нельзя признать истинным. Приведенный контекст свидетельствует о том, что рассольный резервуар располагался не собственно в солеварне, а на варнишном месте, т. е. рядом с солеварней. Это дает основание полагать, что ларь – это не устройство, а постройка. Таким образом, одним из первых специальных значений слова **ларь** является ‘сооружение в виде большого прямоугольного чана, куда поступал и где отстаивался добытый рассол’.

Учитывая характер источника, отмечающего слова **ларь** в солеваренном значении, можно сделать вывод, что ларь как особый тип

хозяйственной постройки появился на севере России и был введен в производство примерно в XVI в. До этого времени, судя по отсутствию упоминаний в источниках, ларя как отдельного производственного сооружения, не существовало. Рассол из соляных труб поступал в варницы напрямую по специальным желобам.

В XVI в. ларь стал применяться на Соловецких островах и, возможно, в районе Беломорского побережья. На пермских промыслах лари появляются с опозданием на одно столетие. Ввод их в технологию связан с появлением новых жителей в Прикамье и эскалацией производства пермской соли.

В соликамских грамотах слово **ларь** в значении ‘сооружение в виде большого прямоугольного чана, куда поступал и где отстаивался добытый рассол’ фиксируется в 1699 г.: «*А по мѣре того варнишного пустого мѣста что было под варниею и под* ***ларем*** *длиннику 8 сажен поперег 6 сажен (КСГ, 56), 1699*» [СЛПП I: 284]. Описывая солеваренную промышленность Соли Камской в XVII в. по данным архивных материалов, Н. В. Устюгов дает следующее характеристику ларя: «*У рассольной трубы устраивали деревянный желоб, по которому рассол подавали к варнице, точнее в особый деревянный ларь около варницы, который делали из толстых сосновых досок или брусьев. Щели конопатили толстым холстом. В нижней части ларя был устроен деревянный кран, соединенный особым желобом с цреном, железным ящиком, находившемся в варнице. Нередко один ларь служил для двух смежных варниц. Он помещался между ними и сообщался с каждой из них особыми желобам*и» [Устюгов 1957: 37].

Таким образом, версия авторов буклета «Усть-Боровской солеваренный завод: вчера, сегодня, завтра» о том, что «соляные лари на промыслах Прикамья появляются в последней четверти XVIII в.» [Логунов 1995: 23] не находит подтверждения. Точнее было бы сказать, что употребление ларя на соляных промыслах Прикамья вплоть до конца XVIII в. не было повсеместным. Многие хозяйства обходились без этих сооружений, что, например, можно увидеть в «Описи, учиненной от Соликамской градской думы, состоящим на городской земле господ соляных промышленников разным службам», составленной в 1799 г. [ДСГД 1799: 43 об.]:

Госпожи Турчаниновои	*Число*
варниц	12
соляных труб	13
машин	2
соляных анбаров и сараев[12]	14
Дербень[13]	1
мелница мукомолная о дву поставах	1
лесопилная о дву рамах	1
Господина Рукавишникова	
варниц	4
соляных труб	7
один ларь	1
и одна машина	1
соляных анбаров	6
Купецкой вдовы Пелагии Ростовшиковои	
варниц	6
соляных труб	7
соляных анбаров	3
мелница мукомелная	1
при ней изба помелная	1

Как видно, из представленной таблицы, ввод ларя в производство был необходим, только если число труб превышало число варниц в два раза. В этом случае, чтобы не останавливать добычу рассола, приходилось его накапливать в отдельных резервуарах. Отсутствием активного использования в соляной промышленности ларей в XVIII в. объясняется тот факт, что термин **ларь** не попадает ни в СлРЯ XVIII, ни в САР.

В XIX в. описание пермских соляных заводов без упоминания о ларе уже не обходится. Указание о ларях влючается в «Книгу о соли каменной», содержащей сведения о соляных промыслах Строгановых в Усолье: «*Добытый россол посредством насосов, проводится по верх земли желобьями, или же подземными трубами в особенные резервуары (**лари**)*» [КСК 1839]. Лари применяются и на монастырских соляных промыслах в близлежащем городе Дедюхине: «***Ларь** рубится на ряжах из брусьев*» [Петухов 1864: 101]. В Соликамске в конце XIX в. появляются здания двух первых ларей на Усть-Боровском заводе – Александровского и Ивановского.

В силу широкого распространения этих построек на пермских территориях термин **ларь** в словаре В. И. Даля получает помету «пермское»: «*скоп, разсольный водоем на солеварнях*» [Даль II: 238].

Особо отметим, что в XIX в. рассольные резервуары перестают быть одноименными, синонимические связи термина **ларь** начинают

разрастаться. Например, в строгановском альбоме о добыче каменной соли и рассолов однократно фиксируется такое неоднословное название рассолосодержащего резервуара, как **рассольный ларь** «*План, фасад и профиль деревянных варниц и* ***россольных ларей****, существующих в Усольских и Ленвенских соляных промыслах*» [КСК 1839]. Кроме того, в систему солеваренной лексики входит лексема **бассейн** как новый лексический вариант старого названия сооружений в виде большого прямоугольного чана, куда поступал и где отстаивался добытый рассол. Эта лексема тоже не очень популярна и встречается в альбоме дважды: «***Бассейны*** *(лари) для содержания россолов*»; «*Из сих* ***бассейнов*** *проводится россол подземными трубками в варницы*» [там же].

Таким образом, слово **ларь** вошло в систему солеваренной лексики в XVI в., когда в солеваренное производство была введена называемая им постройка. Жизнь слова в пределах терминологии была относительно спокойной. У него не развилось лексико-семантических вариантов, например, ларь как мера объема рассола. У термина не выстроились и гипонимические отношения с другими словами. Только в XIX в. у термина отмечается появление структурного синонима с широко распространенным в солеваренной лексике прилагательным *рассольный* и лексического синонима – заимствования из французского **бассейн**. Однако в силу малой распространенность оба новоообразования не фиксируются в словаре В. И. Даля.

В условиях сосуществования трех названий рассолосодержащих конструкций трудно вести речь об официальных и неофициальных номинациях. Все из них отмечены в «Книге о соли каменной» с разной частотностью и имеют различные показания к тому, чтобы быть зачисленными в терминологический фонд.

Так, слово **ларь** имело и долгую историю и широкое распространение, словосочетание **рассольный ларь** подчеркивало специализацию номинации и делало более доступным пониманию ее значение, слово **бассейн**, как единица заимствованной терминологии позволяло обозначаемому им понятию включиться в интернациональную систему знания. Таким образом, все названные лексические единицы так или иначе претендовали на статус члена солеваренной терминологии, которая, как позывают материалы источников разного времени, характеризовалась широкой синонимией.

В XX в. распространенным названием рассолосодержащих отстойников становится словосочетание **соляной ларь** «*Следующий элемент технологической цепочки производства соли –* ***соляной ларь****, куда поступал и где отстаивался добытый рассол*» [Логунов 1995: 23]. Оно многократно фиксируется в исторической литературе, несмотря на то что его форма легко поддается «ложной» мотивации: ведь ларь на

сользаводах во все времена был хранилищем не соли, а рассола. Использование данной номинации в условиях новой книжной реальности связываем с потребностью авторов указать на сферу бытования понятия и тем самым отграничить термин от слова общенародного языка.

Остановимся на объяснении интересной подробности. Как уже было отмечено, использование ларя на солеваренных заводах не было повсеместным. Все зависело от того, в каких объемах добывался соляной раствор и как было организовано пространство промысла – сколько труб приходилось на одну варницу. По видимому, работники некоторых территорий не прибегали к использованию ларя вообще. Так, например, промыслы Вологодской губернии обходились без этих рассолосодержащих резервуаров, что достаточно ясно показано в описании тотемских заводов в начале XX в.: «*Трубы с разсолом подъемным приспособлением покрывались бревенчатым сараем с крышей, в котором для зимнего времени иногда устрояли печь. Разсол, поднятый на известную высоту, отсюда по желобам или бревенчатым трубам стекал в варницу*» [Григоров 1915].

Ларем на тотемских заводах называли рассолохранилище, расположенное внутри варницы: «*У стены внутри варницы на известной высоте делали "**ларь**" – ящик большого размера, в который из разсолоподъемной трубы по желобам и стекал разсол. Из **ларя** шла труба в чрен для наполнения его разсолом; труба по мере надобности запиралась и отпиралась. Над **ларем**, вверху варницы, строили "полати" из тонких плотно сложенных жердей. Сюда по мере выварки соли складывали для просушки сырую соль. Густой разсол из нее, "маточный", или "сущ", просачивался сквозь щели между жердями, капал в **ларь** и, таким образом, не пропадал даром. С полатей высохшую соль ссыпали в амбары*» [там же]. Таким образом, словом **ларь** в вологодской солеваренной терминологии называли не отдельную постройку, а приспособление, посредством которого рассол поступал на варничную сковородку.

Описываемая технология солеварения с применением внутриварничного ларя, судя по указаниям вологодских рукописей, складывается не позднее XVII в.: «*В варничѣ и **ларь** конопати<ли>. Кн. прих-расх. Сп.-Прил. м. 1615 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 17, л. 3 об.*» [СЛПЛ II: 152]. При этом термин **ларь** в значении ‘ящик большого размера для скопления рассола в варнице’ имел синоним – ***ларь* рассольная**, также отмечающийся в документах в XVII в.: «*Починива<ли> **ларь росо<л>ную**. Там же, л. 53*» [СЛПЛ II: 152].

Таким образом, внутриотраслевая омонимия термина **ларь** характерна только для солеваренной лексики севера России. В пределах

пермской солеваренной лексической системы слово ***ларь*** всегда функционировало как моносемант.

История названий варницы[14]

Соляная варница представляла собой прямоугольное здание, в котором осуществлялся процесс выпаривания соли из соляного раствора. Для выполнения операций, составляющих основу этой деятельности, варничная постройка была не только снабжена специальным оборудованием, но и имела рациональное конструктивное устройство. Вход в варницу предварял пристен (или сени), который помимо того, что служил местом, обеспечивающим сохранение тепла собственно в варнице, использовался и для хранения дров, и для укрытия солеваров от печного жара и соляных паров. В качестве дымоотвода варницы служили специальные отверстия в крыше, которые позже были заменены печной трубой. Укладка соснового сруба в основание и стены варницы, а также тесовое покрытие крыши осуществлялись особым образом – так, чтобы обеспечить прочность конструкции на долгое время. Такой тип варничного сооружения, судя по всему, изначально был перенесен в пермские земли выходцами из Новгорода[15] и в основных чертах сохранился здесь вплоть до начала XX в.

История формирования названий соляной варницы отмечена следующими вехами.

В этимологических словарях слово **варница** не зафиксировано, что связано, вероятно, с узкой специализацией лексемы. Однако А. Г. Преображенский указывает деривационные связи этого существительного со словом **вар** («варъ *кипящая вода; черная смола; жар, жара:* взварь, варить, варенье, вареникъ, варенец, варенуха; …варница, варка, повар, кашевар, поварской, поварня, поваренный, соле-варня»), которое, в свою очередь, имеет индоевропейские корни: «Основа uerē-: основа редуцир. (ослабл.): вьр-ѣ-ти; въ степени растяженія: вар- (Вондр. SIGr. 1, 165). – лит. virti, vérdu *варить,* прош. viriaũ; virtuvẽ *кухня,* versmẽ *источникъ,* varus варкій, izvora *каша, суп.* лтш. virt *варить,* vira *вареное,* vārs *супъ;* varit; pavars *поваръ.* арм. varem *поджигаю*» [Преображенский I: 66]. Эти сведения, безусловно, являются для нас ценными, но не вскрывают исходного значения слова **варница**, к которому, как нам кажется, можно приблизиться, используя данные исторических словарей.

Слово **варница** отмечается в рукописях с XIV в. Первое упоминание обнаруживаем в псковских летописях в 1364 г.: «*Того же лѣта поставиша двѣ* ***варницы*** *на Рухе, и начаша соль варити. Лет. II, 1364 г., л. 176*» [ПОС III: 35]. Заметим, что в наиболее раннем источнике слово **варница** реализует именно специальное значение. Однако сопоставление

с материалами других словарей показывает, что появление данного слова как солеваренного термина наиболее вероятно, но не вполне доказуемо.

Так, Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. отмечает два значения у слова **варница**, оба из которых относятся к XIV в.: «1. Заведение для получения соли выпариванием: *Се азъ… дал есмь…половину своее* ***варници*** *и половину коладѧза, что оу Соли оу Галицкие, что на подолцѣ. Гр. 1392 (1).*

2. Вареная пища: *Створь мало* ***варьници****. и постави трѧпезу и положи ·Г·оу крухы. Пр. Юр. XIV, 179*»[16] [СДРЯ XI–XIV 1: 374–375]. Заметим, что реализация второго из приведенных значений не только начинается с XIV в., но и заканчивается этим временем. Исторические словари более позднего времени **варницу** в значении □вареная пища□ уже не отмечают. Тем не менее именно факт существования данного значения в XIV в. не позволяет делать точных выводов относительно исходного значения слова **варница**.

Следовательно, мы не имеем достаточно оснований считать ‘сооружение, оборудованное для получения соли путем кипячения соляного раствора’ исходным значением слова **варница**, тем не менее, признать его первичным терминологическим мы можем с полной уверенностью.

Прокомментируем интересное наблюдение. В части исторических словарей сообщается, что помещение, оборудованное для производства какого-либо продукта способом варки, именовалось **варей** [СДРЯ XI–XIV вв., СлРЯ XI–XVII вв.]. Следовательно, это название распространялось и на солеварни. В СлРЯ XI–XVII вв. находим: «Место, где варят что-л., варница. *А что н(а)ши данщик(и) сберуть въ городѣ, и въ станѣхъ и в* ***варяхъ****, тому [дани] ити в мою казну, а мнѣ давати въ выход. Дух. и дог. гр., 31. 1389 г.*» [СлРЯ XI–XVII 2: 23]. Кроме того, составители СДРЯ XI–XIV вв. отмечают, что чаще всего **варями** называли именно солеварни и пивоварни, и дополняют данную иллюстрацию еще двумя: «*И что ме(д) оброчныи василцева стану и что оца моего бортници куплеными по(д) вѣчныѣ* ***варѧхъ*** *[вм. въ варѧхъ] и кони ставити по станомъ и по* ***варѧмъ*** *и конюшни тутъ то имъ все на трое. Гр. ок. 1358 (1, моск.); А коли ны будеть слати своихъ данщиковъ в городъ и на* ***вари****. И то<бе слати> с нашими данщики. Гр. 1390 (1, моск.)*» [СДРЯ XI–XIV 1: 375]. Как видно, ни один из приведенных примеров двух словарей не доказывает точно возможности применения **вари** для номинации солеварни, и уж тем более не предоставляет никаких оснований считать, что данная номинация использовалась чаще, чем остальные. Мы считаем, что слово **варя** действительно могло являться родовым название любого варочного сооружения, в котором готовили пиво, вино, квас, воск, мыло, селитру и

т. п., в том числе и соль. Но, если для некоторых из них, оно могло применяться и как видовое название (что видно хотя бы из вышеприведенных примеров), то по отношению к солеварне такая номинация не употреблялась. Усилим собственное утверждение тем аргументом, что данные исторических и региональных словарей более позднего времени не отмечают у слова **варя** значения ‘солеварня’.

Таким образом, слово **варница** в своем первичном специальном значении являлось исключительно термином солеварения и сохраняло узкую специализацию на протяжении всего древнерусского периода. В это время термин не развивает синонимичных связей, не образует фонетических или грамматических вариантов. И хотя применение варничных сооружений на промыслах имеет давнюю историю, слово **варница** попадает в письменные источники только в XIV в.

Сведения об употреблении слова **варница** в XV–XVII в. в словарной статье СлРЯ XI–XVII вв. отсутствуют. Однако, обратившись к материалам других словарных статей, например, слов *соль* и *соляной*, можно увидеть, что никаких изменений функционирования слова в текстах деловых актов, по сравнению с предшествующим периодом, не наблюдается: «*Того же лѣта поставишя двѣ* ***варници*** *на Рухе, и начаша соль варити. Псков. лет. II, 27. XV в. А самим имъ в тѣхъ тяглыхъ дворехъ не жити, и в лавкахъ, и в анбарахъ, и в погребахъ не торговати, а в* ***варницахъ*** *соли не варити никоторыми дѣлы. Ул. Алю., 256 об. 1649 г.*» [СлРЯ XI–XVII 26: 137]; «*И на томъ берегу въ Шидрове 4* ***варници*** *съ колодеземъ и съ трубами да 2 анбара соляныхъ. Арх. Стр. I, 482. 1568 г.*» [там же: 141].

Соликамские грамоты фиксируют термин с 1628 г.: «*А платят они с тое* ***варницы****… денежного оброку с городом с данными денгами вмѣстѣ рубль да пошлин 10 денег*» [СЛПП II: 268]. Однако более раннюю дату фиксации в соликамских актах обнаруживает синоним термина – **варница соляная**: «*В слободе же на речке…****варница соляная*** *монастырская (РГАДА, 1278), 1579*» [там же I: 58]. Как показывают отрывки из соликамских рукописей, собранные в Словаре лексики пермских памятников XVI – начала XVIII в., терминологическое словосочетание имело не меньшую частотность, чем однословная номинация. Отметим, что порядок следования элементов в составе двусловной терминологической номинации не фиксирован, наряду с **варницей соляной** появляется **соляная варница** (ср. «*В слободе же на речке…****варница соляная*** *монастырская (РГАДА, 1278), 1579*» [там же: 58] и «***Соляные варницы*** *и с росолными трубами и с соляными анбары и з дровяными плодбищи и со всѣми варнишными заводы (КМ, 2₂), 1700*» [там же: 58]).

Пермские документы отмечают развитие не только синонимичных связей, но и развитие гипонимов на базе общего элемента. В писцовой книге Кайсарова приводятся номинации варницы по наличию или отсутствию в ней чрена: **цренная варница** и **бесцренная** *(***безцренная***)* **варница**: «*Оброку ему съ тѣхъ варницъ платить по 13 рубл. на годъ, съ* ***цренныхъ*** *по 5 руб. с* ***варницы****, а съ* ***безцренные*** *по 2 руб. Строг. п. кн. 1624, 125*» [СЛПЛ I: 69] (единичность контекста, а также характер его синтаксической структуры затрудняют определение последовательности терминоэлементов в составе данных двусловных названий). В «Пермской летописи» В. Шишонко встречается номинация варницы по способности производительно работать – **варница жилая**: «*По берегу Камы рѣки вниз 8 труб жилых с росолы и к ним 14* ***варниц жилых*** *с цирены (Ш, 5₂, 621), 1701*» [СЛПП I: 179]. Данное лексикализованное словосочетание имело именно такой порядок следования компонентов, что подтверждается примером из монастырских документов Вологодской губернии: **варница жилая**, т. е. «действующая, рабочая варница. *Да против двора… варница жилая на Васильевских местахъ, а в ней цырен старой да и варница ветха. Отв. Сп.-Прил. м. 1631 – САСК (К), 5*» [СЛПЛ I: 68]. Термин **варница жилая**, безусловно, появляется по аналогии с бытовым *изба жилая*, но переосмысляется в профессиональной коммуникации и приобретает специальное значение[17].

Укажем, что термин **варница** в этот период, подобно названиям рассолоподъемных сооружений, развивает метрологическое значение – единица измерения готового продукта – соли. Отсюда половина или часть соли, полученной от деятельности варницы именовалось **полуварницей**. Обе номинации, в частности, встречаются в копиях соликамских грамот: «*И ему Ивану и впредь по тому ж владеть* ***полуварницею*** *а выкупати половина* ***варницы*** *о сроке (КСГ, 34 об.), 1606*» [СЛПП II: 76]. Приведенное нами значение расходится со значением, отмеченным в СЛПП («Полуварница, ж. *Половина варницы*» [там же]). Выше мы уже поясняли, каким образом складывается метрологическое значение у словосочетаний типа «выкупати половина варницы»[18].

Деловые документы северных территорий русского государства отмечают иные особенности функционирования термина **варница**. С одной стороны, синонимия, обнаруживающая себя в пермских источниках, для памятников письменности северных территорий этого же времени не характерна. Единственным названием сооружения, оборудованного для получения соли путем кипячения соляного раствора на севере России, в деловых актах является **варница**: «*Велел есми им тот колодязь починити и трубу пустити, и* ***варницы*** *у того колодезя поставити, и соль варити. Жал. льгот. гр. Унск. 1543 – АСМ, 64. Починивал церен…в новой* ***варницы****…да дуги ковали далъ от починки от*

дуг ·П· алтынъ. Кн. прих.-расх. Ник.-Кор. м. 1606 – ГААО, ф. 191, оп. 1, т. 1, № 25, л. 8. Соли в Задней ***варнице*** *меньше против прежнихъ лѣтъ. Гр. Сп.-Прил. м. 1656 – ОСВ VIII, 40*» [СЛПЛ I: 68].

С другой стороны, у названия варничного сооружения отмечается развитие ряда гипонимов. Так, помимо вышеупомянутой **варницы жилой** в деловых актах Архангельской губернии встречается номинация варницы по типу строения – **балахонская варница**, т. е. «варница, устроенная по образцу существующих в Балахне. *Да в том же Усольи цpен что преж сего был Крестного монастыря в* ***балахонской варнице*** *(Кн. пер. мон.) Арх. Он. 1675 г.*» [там же: 69]. Подтверждение того, что «балахонская» является не именем собственным, а видовым названием варничной постройки, находим в другом отрывке этого же типа источника: «*Да в том усолье варница строения была по балахонски (Кн. пер. мон.) Арх. Он. 1671 г.*» [там же]. Однако мы затрудняемся ответить на вопрос, каковы отличительные признаки такого строения, поскольку не обладаем изображениями балахонских варниц и не встречали описания их строений в письменных источниках.

К числу видовых названий варницы составители Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. относят и словосочетание **варница зимняя**, которое имеет однократное употребление в актах Соловецкого монастыря: «*Да продали есмя им* ***варницу*** *свою в Вороньей губе* ***зимнюю****, и с местом варничным, и з клетми варничными, и з двором варничным, и со всем промыслом, чем сами владели, да цpен свой. Купч. на варницу в Керети 1567 – АСМ, 199*» [там же: 68]. При этом данное специальное название остается в словаре без толкования. Мы считаем, что в основе номинации **варница зимняя** лежит указание на продолжительность времени, в течение которого варница функционирует. Известно, что варничный сезон длился «со времени, когда реки после разлива войдут в свои берега, и просохнет почва, до нового разлива. Это время называлось варничным годом, который делился на 22 варничных недели, содержащих по 12 суток каждая. Варничный год, таким образом, равнялся 264 дням» [Устюгов 1957: 39]. Отсюда следует, что большинство варниц, стоящих на берегу рек или вблизи других водотоков, работали, главным образом, в зимнее время. Стало быть, в приведенном отрывке из Купчей **варница зимняя** реализует значение ‘варница, функционирующая преимущественно в зимнее время’.

Таким образом, XV–XVII вв. стали в истории термина тем временем, когда он начинает развивать и укреплять свои синонимические и родовидовые связи, проявление которых отличалось на различных территориях Русского государства, несмотря на то что промысел в

основных своих чертах практически не имел изменений, обусловленных спецификой региона.

Сведения о функционировании солеваренного термина в документах XVIII в. скудны. Упоминание о названии варочного строения находим в собрании законов Российской империи, источнике включенном в СлРЯ XVIII в.: «*И соляные промыслы на всех ли* ***варницах*** *соль варится… осмотреть. ПСЗ IX 105*» [СлРЯ XVIII 2: 218]. Словарь Академии Российской также включает данный термин, но в более общем значении – «здание устроенное для варения» [САР I: 496]. Синонимом же солеваренного термина можно назвать словосочетание **соляная варница**, которое приводится в САР, но остается без дефиниции. Оба термина (**варница** и **соляная варница**), безусловно, имели официальный статус и, судя как по более ранним историческим данным, так и по данным, относящимся к XIX в., легко заменяли друг друга в письменных текстах.

В XVIII в., помимо уже известных названий варницы, отмечаются два новых: **соловарня** «*О пермских* ***соловарнях***» [Рычков 1770: 88] и **варничная изба** «*Самой вид* ***варничных изб*** *есть совершенное подобіе большаго анбара*» [Рычков 1770: 88]. Оба названия зафиксированы в «Дневных записках путешествия капитана Рычкова» в части, посвященной описанию пермских соляных промыслов. Однако функциональный статус данных названий различен. Характер формы и мотивационная основа позволяют отнести первое из указанных названий к терминологической лексике[19], а второе к профессиональной.

В XIX в. система названий варницы становится более широкой, чем в предшествующие периоды. На основе материалов, собранных в словаре В. И. Даля, а также в текстах печатных и рукописных документов, представим группу названий варницы в виде эндоцентрической системы (в которой каждая последующая группа синонимов представляет собой гипонимы по отношению к предыдущей группе и гиперонимы по отношению к следующей) и определим нормативный статус вошедших в нее единиц специальной лексики:

1. Названия сооружения, оборудованного для производства какого-либо продукта способом варки: **варня** «*строение или заведение, где варят, изготовляют пития и другия заводския произведения: пивоварня, медоварня, солеварня*» [Даль I: 166], ***варница*** «*то же* [что варня], *почти исключит. в знач. солеварни, заведения, где из природнаго разсола вываривается соль*» [там же].

Лексические единицы этой группы принадлежат к межпроизводственной лексике, поэтому вопрос об их нормативно-стилистическом статусе требует дополнительной информации из других сфер специальной деятельности и подробно не рассматривается в данном исследовании.

1.1. Названия сооружения, оборудованного для производства соли способом варки. Среди них имеющие широкое бытование в книжных изданиях, памятниках письменности и фиксацию в словаре В. И. Даля: **варница** «*то же* [что варня], *почти исключит. в знач. солеварни, заведения, где из природнаго разсола вываривается соль*» [там же], «*И та де их вотчина, села и деревни и починки и* ***варницы*** *на Холую и на Лудее и на Балахне и у Соли у Галицкие запустели*» [Архимандрит Амвросий 1810: 153], «*Да три* ***варницы*** *без ценов*» [Устрялов 1842: 70] «*Из сих бассейнов проводится россол подземными трубками в* ***варницы***» [КСК 1839], «*Когда* ***варница*** *совсем устроена или налажена, то приступают к завару*» [Петухов 1864: 103–104], **соляная варница** (или **варница соляная**) «*солеварница или просто варница, соляная варница, где соль вываривается*» [Даль IV: 269], «*Да на Луде* ***соляная варница*** *монастырская и двор монастырской»* [Архимандрит Амвросий 1810: 153], «*Да за посадом на реке Каме на берегу* ***соляная варница***», «*Да в слободке ж пять* ***варниц соляных*** *с цены*» [Устрялов 1842: 70], **солеварня** (**соловарня**) «*или просто варница, соляная варница, где соль вываривается*» [Даль IV: 269], «***Солеварня*** *пускается на привод*» [Петухов 1864: 104], «*В Новоусольских и Ленвенских промыслах* ***соловарни*** *существуют каменныя и деревянныя*» [КСК 1839]. И имеющий однократное упоминание в словаре В. И. Даля термин **солеварница** – «*солеварница или просто варница, соляная варница, где соль вываривается*» [Даль IV: 269].

У нас нет оснований считать эти номинации неофициальными, хотя вывод о более или менее распространенных терминах среди представленных сделать достаточно легко.

1.1.1. Названия соляных варниц в зависимости от того, были ли предусмотрены в их конструкции печь и дымоотвод, представлены двумя разрядами лексики.

1.1.1.1. Названия варницы с вырытой в земле ямой для топки и отверстиями в стене или крыше в качестве дымоотвода: **черная варница** «Без печи и трубы, чрен над ямой, где горят дрова» [Даль IV: 594], **черная солеварня** (**черная соловарня**) «***Черныя солеварни*** *выводятся из употребления*» [Петухов 1864: 102], «***Соловарни*** *существуют каменныя и деревянныя, так называемыя* ***черныя***» [КСК 1839].

Эти термины можно считать принадлежностью официальной разновидности специальной лексики. Обратим внимание на то, что как термин **солеварня**, так и возникший на его основе термин **черная солеварня** (а также, как увидим дальше, и **белая солеварня**), являются менее частотными названиями по отношению к названиям варниц в той группе синонимов, членами которой они являются.

Зададимся вопросом, почему термины **черная варница** и **черная солеварня** возникают только в XIX в., несмотря на указание в источниках, что так называемые постройки *«применяются на севере России русскими едва ли не с самого начала солеварения»* [Григоров 1915]? Ответ окажется простым. До середины XIX в. на солеваренном производстве другого типа варницы вообще не существовало, поэтому классификации сооружений по отличительным признакам внутренней конструкции не требовалось. Позже когда на производстве стали использоваться варницы, оборудованные трубами и печью с системой жаровых ходов, словесное обозначение разновидностей сооружения стало необходимым.

1.1.1.2. Названия варницы с печью и трубой: **белая варница** «*Солеварня, где топка под чреном устроена печью с трубой, а не простой ямой*» [Даль I: 153], «*Хотя и были покушения строить **белыя варницы**, но оныя оказались совершенно неспособными к выварке соли*» [КСК 1839], «***Белая варница** от **полубелой** отличается тем, что в ней соль сушится двое суток в особой сушильне, устроенной подле варницы*» [Петухов 1864: 103], **белая солеварня** «*Из ларей разсолы по подземной трубе проводятся в **солеварни** черныя, **белыя** и полубелыя*» [там же: 102].

Оба названия относятся к официальной терминологии, однако следует отметить, что наиболее распространенным в этот период является первое название, что хорошо заметно по числу контекстов.

1.1.1.2.1. Названия белой варницы, не имеющей специального помещения для просушки соли[20]: **полубелая варница** «*Белая варница от **полубелой** отличается тем, что в ней соль сушится двое суток в особой сушильне, устроенной подле варницы*» [там же: 103], **полубелая солеварня** «*Для устройства **полубелой солеварни** рубится на каменном фундаменте шатер*» [там же: 102].

По принципу аналогии (как в случае с черной варницей и черной солеварней, белой варницей и белой солеварней) мы относим данные лексикализованные словосочетания к официальной терминологии.

Как видим, функционирование термина **варница** в рамках терминологии XIX в. характеризуется наличием стройных родовидовых связей, а также обилием синонимических отношений. Это продиктовано, на наш взгляд, техническими изменениями самой варничной конструкции в середине XIX в., которые и повлекли за собой целый ряд новых названий этого усовершенствованного сооружения.

Уделим несколько слов вопросу о завершенности данной системы названий.

Современные ученые к числу названий белой варницы относят термин **баварская варница**: «*В 1895 г. ко всем варницам Усть-Боровского завода были пристроены кирпичные трубы, что говорит об*

их преобразовании в белые, так называемые ***«баварские» варницы***» [Логунов 1995: 25], «***Баварская варница.*** *Одно из названий белых варниц. – Подобно заграничным варницам, в баварской варнице использовалась для варки соли система жаровых ходов, сделанных по принципу лабиринтов*» [Подюков 2010: 44]. В привлеченных нами к исследованию материалах данное название не встретилось, однако мы допускаем, что оно могло появиться в конце XIX в. и стать достаточно популярным в профессиональной среде.

В XX в. на Тотемских соляных промыслах белую варницу также называли **пермской варницей** «*Существует два рода варниц: «черные» и «белые» ...Вторые же заимствованы у иностранцев, из Баварии, появились сравнительно в недавнее время и, кажется, впервые были применены на Пермских заводах, отчего и слывут в настоящее время под именем «****Пермских****»*» [Григоров 1915]. Учитывая, что данное словосочетание имело территориально ограниченное бытование, а также узкую специализацию, его можно отнести к профессионально-диалектной лексике.

Проблематично обстоит дело с названием черной варницы. В научно-популярном сборнике об Усть-Боровском солеваренном заводе приводится указание, что ранее эти постройки назывались **соляными избами** «*Важнейшим элементом технологического цикла была выварка соли. В начальный период существования Усть-Боровского завода она производилась в черных варницах, называвшихся также «****соляными избами****» – прямоугольных срубах, крытых четырехскатной кровлей*» [Логунов 1995: 25]. Однако в привлеченных к исследованию источниках такой номинации не встречено, а значит делать какие-либо умозаключения о характере ее бытования нет никаких оснований. Что касается функционального статуса, то мотивационная структура и отсутствие в словарях данного словосочетания указывают на его принадлежность к ненормированной специальной лексике. Скорее всего, если такая номинация действительно и существовала, то была единицей профессиональной или профессионально-диалектной лексических систем.

Кратко подведем итоги. Слово **варница** появилось в русском языке как термин солеварения. На протяжении своей истории оно сохраняло солеваренную специализацию и вместе с тем проникало в иные специальные сферы за счет появления межотраслевых омонимов.

История названий соляного амбара

Здания амбаров являлись самыми большими сооружениями соляных заводов, поскольку в них должен был сохраняться годовой запас соли. Их конструкция отличалась от привычной конструкции хозяйственных амбаров, представляющих обычные четырехстенные постройки без окон и

одним выходом. Технология постройки соляных амбаров была отработана веками и учитывала все нюансы их эксплуатации: от месторасположения зданий до функционального назначения постройки.

Амбары всегда возводились вдоль берега реки, облегчая тем самым погрузку соли на баржи. Постройка строилась на ряжевом основании, уберегающем ее от затопления в период половодья. Со стороны реки был выстроен настил мостового типа, который выполнял функции пристани. С противоположной стороны строений также выстраивали настил, уводящий к крыше. «Рабочие-соленосы с мешками на спине по специально устроенным эстакадам доставляли соль на разгрузочные площадки на крыше амбаров. В 1907–1908 гг. были построены солекатные рельсовые дорожки, соединившие варницы и амбары. Вагонетки с солью закатывались по эстакаде вручную. С 1915 г. они стали подниматься наверх при помощи специальных солеподъемников, пристроенных с торцов амбаров и оснащенных конным воротом и механизмом для их опрокидывания. В 1930-х гг. конные солеподъемники были заменены электрическими» [Логунов 1995: 31].

Конечно, постройка амбаров для хранения соли в таком виде – это результат многовекового опыта. Логично было бы предположить, что первоначальные амбарные постройки не отличались таким размахом технической мысли, едва ли они имели резкие отличия от хозяйственных складских помещений, разве что в размере.

В истории названий амбарных построек отмечаются следующие этапы.

Слово ***амбар*** представляет собой древнее заимствование из тюрского: «**амбар**, диал. также *онбар*, *имбар* и с метатезой *арбан*; укр. *амбар*, *вінбар*, др.-русск. *анбаръ*, *онбаръ*, Домостр. К. (часто); ср. также Срезн. II, 672 и III, Доп. 4. Заимств. из тур., кыпч., крым.-тат., тат. ambar – то же, азерб, алт., казах. anbar; см. Радлов 1, 243, 652; Mi. TEI. 1, 247, Доп. 2,75. Слово известно также в араб., где оно происходит из перс. anbār = др.-инд. sambhāra-; см. Г. Майер, Turk. St. 1, 63; Крелиц 6; Корш, AfsiPh 8, 648» [Фасмер I: 75].

Оно отмечается в памятниках русской письменности только с XVI в. Наиболее распространенным фонетическим вариантом слова являлась форма **онбар**. Вариант **амбар** появляется в памятниках гораздо позже.

Среди первых значений слова словарями отмечаются следующие:

1) «Строение для торговли и хранения товаров. *Да на томъ жо погостѣ на церковной землѣ стоятъ 22* ***онбара****, а торгуютъ въ нихъ, приѣзжая изъ города, рядовичи. Кн. пер. Шелон. пят. I, 368. 1539 г.*» [СлРЯ XI–XVII 1: 34];

2) «Строение для склада зернового хлеба: – *Да что у меня на Короткомъ два* ***онбара****,* ***онбар*** *три стѣны, да друой двоестѣннои, да*

онбаръ *на Педмѣ двоестѣннои, и тѣ есми* ***онбары*** *благословилъ своимъ дочеремъ. Дух. Леонт. Дм. XVI в.*» [Срезневский II: 672].

При этом, если первое значение слова явно прослеживается из приведенного контекста, то второе контекстом не подтверждается и заставляет задуматься о его действительной реализации. Содержащиеся в иллюстрации поморские топонимы, делают вероятным предположение, что речь во втором отрывке может идти не только о зерновых амбарах, а об амбарах, используемых для хранения других продуктов и инструментов. Не исключено и то, что это как раз соляные амбары. Убедиться в этом позволяют, например, другие источники этого времени, включающие замечания о данной территории: «*Да на Пидьме* ***анбар*** *двоестенной* ***соляной*** *подрублен и покрыт тесом. Отв. пам. Белооз. 1581 – Белозерье I, 34*» [СлПЛ I: 25].

Принимая во внимание эти обстоятельства, отметим, что со времени своего появления в русском языке слово ***амбар*** функционирует как единица общеспециальной лексики.

Приведенные выше примеры, включающие единицы общеспециальной лексики, информативны для нас с технической и лингвистической точек зрения. Во-первых, в источниках содержатся сведения о типах построек первых соляных амбаров. Уже с XVI в. на солеваренных промыслах используются амбары с двумя выходами: 1) на территорию заводов для складирования соли, 2) на реку для погрузки соли на баржу. Такой тип постройки, как видно из иллюстраций, носил название **двоестенный амбар**. Хотя параллельно могли применяться и амбары в три стены, т. е. с одним выходом.

Во-вторых, для названий склада, где накапливался годичный запас соли для ее последующей отправки, первоначально использовались два синонима – **амбар** (**онбар**) и **амбар** (**анбар**) **соляной**.

Функционирование обеих номинаций не ограничивалось сферой солеварения. Данные номинации имели омонимы в системе торговой лексики, где **амбаром** обозначали ‘строение для торговли и хранения товаров’ (о чем уже нами было упомянуто выше), а **амбаром соляным** – ‘строение для хранения соли’.

Учитывая такое положение дел, закономерно приходим к вопросу: как разграничивать омонимичные номинации в словарных иллюстрациях? Не видим иного решения, как ввод определенных ограничений. В соответствии с предметом нашего рассмотрения, целесообразно было бы принимать во внимание примеры только из тех источников, которые написаны на территории древних соляных промыслов или включают описание этих промыслов.

Оговоримся, что не всякое упоминание амбаров на соляных промыслах должно рассматриваться нами как название склада, где

накапливался годичный запас соли для ее последующей отправки. **Амбарами** на соляных заводах могли называть и хозяйственные постройки для хранения орудий производства. Поэтому разграничение двух лексико-семантических вариантов должно опираться на контекстные «подсказки». Например, «*По другую сторону* ***анбар*** *двоедверной,* ***а кладут в него всякие трубные снасти****. Оп. им. Сп.-Прил.м. 1675 – АВОКМ, ф. 3, оп. 1, № 1, л. 229*» [там же: 24–25].

Лексико-семантические варианты термина отличались характером функционирования. Начиная с XVII в. и позже постройка для хранения инструментов в текстах рукописных и печатных источников редко называлась просто **амбаром**. Однословной номинации, как правило, сопутствовали контекстные пояснения (см. пример выше). Даже когда для этого типа постройки появилась отдельная номинация – **амбар сн*астной*** – составители документов старались пояснять в своих описях точное назначение постройки: «*2 анбара соляныхъ изба работничья возлѣ Камы рѣки* ***анбар снастной*** *новой* ***гдѣ кладут снасти*** *(Ш, 5₂, 621), 1701*» [СЛПП I: 18].

Возвращаясь к истории названий интересующей нас постройки, отметим, что соляные склады на промыслах получали различные названия на разных территориях. Если на территории пермских промыслов до XVIII в. существовали только две номинации – **амбар** «*Продал есми… варницу свою и с цыреном и з дугами и с трубою и з жаравцем и с* ***онбаром*** *против варницы (КСГ, 6 об.), 1595*» [там же] и **амбар соляной** «*2* ***анбара соляныхъ*** *изба работничья возлѣ Камы рѣки анбар снастной новой гдѣ кладут снасти (Ш, 5₂, 621), 1701*» [там же], то в Поморье сеть номинаций была куда шире. Кроме уже упомянутых **амбара** и **амбара соляного**, в документах встречаются **клеть**, **клетка солоная**, **клеть соляная**, **клеть варничная**, **клетишко соляное**[21].

Синонимичные номинации, построенные на основе терминоэлементов **амбар** и **клеть**, отмечаются в источниках с XVI в. Это, однако, не говорит о том, что появление складских помещений на промыслах тоже относится к этому времени. Конечно, амбарные постройки имеют более древнюю историю, начало которой нам трудно установить, опираясь только на письменные источники. Кроме того, на настоящем этапе исследования невозможно установить и то, какое название носили эти сооружения, например, в древнерусский период.

Еще одно замечание по поводу данных синонимичных номинаций. Как видно из предыдущих размышлений, названия, созданные на основе разнокоренных терминоэлементов, имели различные сферы бытования. Если **амбар** и **амбар соляной** имели широкое распространение на промыслах различных территорий, то номинации, в основе которых лежал терминоэлемент **клеть**, характеризовались региональной

ограниченностью. Этот факт не мог не повлиять в дальнейшем на результаты отбора единиц в солеваренную терминологию.

Уже в XVIII в. у терминов на основе корня **-клет-** не отмечается специального солеваренного значения. Словари русского языка этого времени не фиксируют специального солеваренного значения и у терминов **амбар** и **амбар соляной**. (Приведенное в СлРЯ XVIII в. омонимичное название относится к торговой сфере: «***Соляной амбар, гдѣ соль продают***. *ФРЛ I 557*» [СлРЯ XVIII 1: 57]). Зато в этом же словаре отражаются две новые номинации солехранилищ: **амбарчик** (**анбарчик**) «*Недалеко подлѣ варниц имѣются* ***анбарчики****, гдѣ соль по просушкѣ сохраняется. Држ. VII 105*» [там же] и **амбар соловаренный** (Пут. Члщ. 9) [там же]. Первая номинация, скорее всего, относится к разговорной речи, что подтверждается и характером источника, в котором она зафиксирована, и характером формы, и тем, что в памятниках письменности позднего времени упоминаний о ней не обнаруживается. Вторая номинация, напротив, является единицей складывающейся терминологии.

Подтверждают существование номинаций **амбар** и **амбар соляной** в значении ‘склад, где накапливался годичный запас соли для ее последующей отправки’ материалы местных памятников. Так, обе номинации зафиксированы в описи строений соликамских солепромышленников: «*Да пониже тех варниц* ***анбар*** *ростовщиковской*» [ДСГД: 43], «***Соляных анбаров*** *6*» [там же].

В следующем столетии широко распространенные ранее названия соляных складов вытесняются заимствованием из французского: **амбар** уступает место **магазейну**. Новый термин проник не только в солеваренную, но и другие терминологии из военной сферы, где им обозначали «запас оружия, провианта, амуниции и других вещей для военных нужд; помещение, место хранения припасов» [СлРЯ XVIII 12: 28]. В солеваренной лексической системе термин **магазейн** использовался самостоятельно («*Вываренную в минувших сутках и просохлую [соль] выносят в* ***магазейны***» [КСК 1839], «*По выветриванию разсола на воздухе и по утечке соли в* ***магазинах***» [Петухов 1864: 108]) и в составе словосочетания **магазейн соляной** («***Магазейнов соляных*** *49*» [КСК 1839]).

Исходя из того, что номинации на основе слова **магазейн** блокировали появление старых названий в письменных источниках XIX в., можно сделать вывод о том, что они занимают место терминов в нормированной системе специальной лексики этого времени.

Так сложилась судьба названий солехранилищ на промыслах. Можно предположить, что в XX в. история названий данных построек двигалась бы, как и прежде, в русле тенденций развития общеспециальной

технической лексики. Слово **магазейн** (**магазин**) и другие номинации, созданные на его основе, выпадают из системы общеспециальной и частных терминологий по причине архаизации: «*Устар*. Склад, помещение для хранения каких-л. припасов» [СлРЯ II: 288]. Их место занимают термины на основе терминоэлемента **склад**.

В заключение добавим, что функционирование терминов **амбар** и **амбар соляной** не оканчивается в XVIII в. Сегодня эти номинации в качестве историзмов часто встречаются в литературе, посвященной проблемам истории края или развития соляного промысла: «*С полатей высохшую соль ссыпали в* ***амбары***», «*Здесь же, в Старом Усолье, был двор «для приезду монастырских старцев и служек»,* ***соляные амбары*** *и исадное место для дров близь речки Солонухи*» [Григоров 1915]. Таким образом, древние термины сумели пережить пришедшие им на смену заимствования.

Выводы

Мы проследили историю названий хозяйственных объектов в текстах памятников письменности и увидели, что время первой фиксации названий отдельных построек начинается с конца XIV в. Однако вряд ли можно рассматривать данный факт как свидетельство о времени ввода в эксплуатацию рассматриваемых сооружений. Причиной обозначенного явления видится нам начинающийся с этого времени рост документов местной деловой письменности и, связанное с этим, проникновение в тексты региональной промысловой лексики.

В различных источниках XI–XIX вв. (исторических словарях, пермских рукописях и печатных изданиях) нами было выявлено 38 номинаций 6 хозяйственных сооружений на соляных промыслах:

1) названия колодца (2 ед.): *колодец, колодец соляной*;

2) названия рассольной трубы (11 ед.): *труба, соляная труба, рассольная труба, соляная рассольная труба, труба жилая, труба безрассольная, пустая труба, рассолоподъемная труба, рассолоизвлекательная труба, колодец, рассольник*;

3) названия рассолоподъемной башни (2 ед.): *клетка, трубная клетка*;

4) названия ларя (3 ед.): *ларь, рассольный ларь, бассейн*;

5) названия варницы (14 ед.): *варница, варница соляная, варница цренная, варница бесцренная, варница жилая, солеварня, варничная изба, солеварница, черная варница, черная солеварня, белая варница, белая солеварня, полубелая варница, полубелая солеварня*;

6) названия соляного амбара (6 ед.): *амбар, амбар соляной, амбарчик, амбар соловаренный, магазейн, магазейн соляной*.

Как видно, распределение лексики по семантическим группам неравномерно. Высокая концентрация слов в пределах групп «Названия варницы», «Названия рассольной трубы» и «Названия соляного амбара» связана и с длительным функционированием данных сооружений на пермских промыслах, и с их особой значимостью в технологическом цикле, и (в случае с варницей) наличием нескольких разновидностей специальной конструкции.

Лексическая «проработанность» указанных семантических групп, по нашему мнению, объясняется не только спецификой материальной культуры региона, но и связанными с ней духовными ценностями людей, живущих на территории промысловых районов. Свидетельства особого отношения людей к хозяйственным сооружениям и проводимой в них трудовой деятельности мы можем встретить в разнообразных источниках. Например, сольвычегодские деловые акты рассказывают о богослужении, проводимом в честь начала процесса выварки соли: «*Да в той же варнице (Новой) пели молебен на заваре, дал священнику и на свечи 6 ден. Кн. расх. Сольвыч. пр. 1592 – ВХК, 111. <…> Июля въ де к завару Задней варницы пѣл молебен дано попом с прихожаны гривна. Кн. расх. Сольвыч. пр. 1678 – САСК (С), 15*» [СЛПЛ I: 209]. В этнографическом обозрении города Дедюхина и его окрестностей представлен другой фрагмент из жизни работников промысла, в котором описывается близкое к сакральному отношение к вываренной соли, так и к людям, занятым ее транспортировкой: «К особенности здешних ночей следует отнести то, что во время солеварения ходят в 12 часу ночи повестчики, извещающие солоносов на работу таким приветствием: *Боже наш, помилуй нас! Соль поспела носить.* Солонос отвечает: *аминь.* Пока повестчик не услышит от солоноса такого ответа до тех пор повторяет привет у дома» [Петухов 1864: 111]. Добавим к этому, что хозяйственные сооружения соляных заводов нередко сами служили средой формирования эстетических и духовно-нравственных ценностей населения. Сегодня, например, широко известно, что труппы крепостных артистов Очерского и Ильинского заводов графов Строгановых давали свои представления в помещениях соляных амбаров[22]. Эти примеры подтверждают высокую степень социокультурной значимости хозяйственных объектов для жителей промысловых районов.

Анализ истории названий хозяйственных построек на соляных промыслах позволяет также сделать выводы относительно истоков лексики солеварения. Рассмотренная солеваренная лексика представлена словами, получившими специализацию в русском языке, а не заимствованными из других языков со специальным значением. Источником рассматриваемой узкоспециальной солеваренной лексики во всех случаях явился общенародный лексический фонд, и только название

варница возникает изначально как единица солеваренной лексики, т. е., пользуясь определением О. Н. Трубачева, является *генуинным* [Трубачев 1966: 64].

Переход слов общего языка в терминологические единицы происходил в разные периоды. Лексема **колодец** получила солеваренную специализацию в древнерусский период. В XVI в. появляются солеваренные термины **труба**, **ларь** и **амбар**. При этом если возникновение терминов **труба** и **ларь** продиктовано экстралингвистическими причинами (с этого времени в производство вводятся называемые ими постройки), то появление термина **амбар** обусловлено лингвистическим фактором (с этого времени слово **амбар** появляется в русском языке). Позже всех названий хозяйственных построек появляется термин народной речи **клетка**, который входит в солеваренную лексическую систему только в XVIII в.

Общенародные слова осуществляли переход в термины солеварения по пути семантической специализации:

1) **колодец** «глубокая яма, служащая для добывания воды из водоносных слоев земли, стены которой защищены от обвала» → **колодец** «защищенная срубом яма для добывания соляного раствора»;

2) **труба** «духовой музыкальный инструмент» → ***труба*** «длинный пустотелый предмет круглого сечения» → ***труба*** «труба, по которой из земли добывают соляной раствор»;

3) **клетка** «холодная (без печи) бревенчатая или дощатая постройка» → ***клетка*** «устройство в виде висячего сруба на верхнем конце матицы, применяемое для загонки трубы в землю» → **клетка** «сооружение над рассолоподъемной трубой, в котором находился насос для выкачивания рассола»;

4) **ларь** «ящик, сундук» → ***ларь*** «сооружение в виде большого прямоугольного чана, куда поступал и где отстаивался добытый рассол»;

5) **амбар** «строение для торговли и хранения товаров» → ***амбар*** «склад, где накапливался годичный запас соли для ее последующей отправки».

Фактов фонетической, морфологической или словообразовательной специализации среди представленных названий не встретилось. Номинации типа **клет*ишк*о соляное** или **амбар*чик* соляной** не могут рассматриваться как явления словообразовательной специализации в силу однократной фиксации данных названий. Появление этих номинаций связано, вероятно, с нормами делового языка и процессами индивидуального терминотворчества.

Параллельно с процессом терминации наблюдался процесс отграничения терминированных существительных от слов общенародного языка путем присоединения прилагательных. Наиболее типичными

элементами такого терминообразования являлись прилагательные **соляной** и **рассольный** (*колодец соленый; труба соляная, труба рассольная; клеть соляная, клетка соляная; ларь рассольный; амбар соляной, магазейн соляной*), которые часто не имели фиксированной позиции в составе названий, а также могли параллельно входить в состав термина (*соляная рассольная труба*). Менее частотным элементом терминов-словосочетаний выступало прилагательное **варничный** (*колодец варничный, клетка варничная*). Высокая продуктивность образования неоднословных названий по атрибутивно-субстантивным формулам подчеркивает связь терминологии солеварения с другими терминологиями, становление которых происходило естественным путем.

Заимствования в терминологии солеварения немногочисленны: это название ларя – **бассейн**, и название амбара – **магазейн**. Оба слова проникли в русский язык из французского через немецкое посредство и имели широкое распространение в европейских языках в XVIII в. Указанные заимствования не привносят в терминологию солеварения новых понятий. Они выступают как иноязычные аналоги древних терминов, тем самым развивая характерную для XIX в. терминологическую избыточность названий одних и тех же реалий производства.

Появление заимствований в терминологии солеварения связано с формированием общетехнического языка, который, в свою очередь, в определенной степени опирался на образцы международного языка науки. Поэтому иноязычные аналоги были подобраны только для тех терминов, которые обозначали сооружения, используемые в различных производственных областях. Для уникальных сооружений, применяемых только в сфере солеварения, к XIX в. не появляется ни общетехнического названия, ни международного термина-заместителя.

Примечания

[1] Исследование выполнено при поддержке грантов РГНФ: 12-34-01043 «Традиционная культура Пермского края по данным лексики говоров и памятников письменности Пермского края», 14-04-00437 ««Свое» и «чужое» в условиях межкультурного взаимодействия (на материале памятников письменности, живой речи и ономастики Пермского края)», 14-14-59003 «Светское и духовное в пространстве регионального текста XVIII – XIX веков: лингвокультурологический аспект».

[2] Под конструкцией в данном случае понимается разновидность оборудованного углубления. В настоящем исследовании не рассматриваются древние способы добычи соляного раствора, отмечающиеся с каменного века и заключающиеся в примитивном собирании выходящих на земную поверхность вод соляных источников с последующим выпариванием из них соли.

[3] Сегодня исходное значение слова сохранилось только в говорах. Ср., Сар., Тул., Вят., Южно-Урал. «Из под кустика колодец бьет», Краснояр. «В овраге колодец» [СРНГ 14: 155–156].

[4] В словаре Срезневского и СлРЯ XI-XVII вв. приведенные слова подаются в разных статьях. Считаем целесообразным и этимологически оправданным рассматривать их как разновидности одной лексемы, поэтому при иллюстрации значений здесь и далее пользуемся материалами нескольких словарных статей.

[5] В древнерусском языке (и долгое время в русском языке) под половиной понималась «одна из двух частей целого, равных между собою или иногда неравных» [Срезневский II: 1129], поэтому при семантизации высказываний типа «продать полколодца» или «продать полварницы» учитывается именно устаревшее значение слова половина.

[6] Подчеркнем, что термин труба подобного значения не развивает, несмотря на то, что именуемый им предмет выполнял на производстве не менее важную функцию.

[7] Приведенное значение термина не является исключительным в том смысле, что метонимический перенос с предмета на меру объема наблюдается при образовании многих терминов различных терминологий рассматриваемого исторического периода (ср.: бадейка «небольшая деревянная кадка» и «мера меда, помещающегося в данном сосуде. Меду бадеика весом и з деревом два пуды и полчетвертатцать гривенок» [СЛПЛ I: 28] или берестень «бонд. Сосуд из бересты» и «мера чего-л., помещающегося в данном сосуде. Купили меду берестень, дали 24 алт. 2 ден.» [СЛПЛ I: 40] и др.).

[8] По предположению Е. Н. Поляковой, слово труба в данном контексте имеет значение ‘приток’.

[9] Далее не предполагается обращение к изучению истории термина труба с общим значением ‘пустотелый предмет круглого сечения’, поскольку настоящая работа посвящена исследованию только узкоспециальной солеваренной терминологии.

[10] В СЛПП указанное значение слова труба подтверждается примером: «В Усолке реке соляную росольную трубу поставить и росолу доходить (КСГ, 23 об.), 1563» [СЛПП II: 268].

[11] Слово окрута, приводимое автором, в действительности, называет лишь основание конструкции, о чем мы уже упомянули ранее.

[12] Слово *сарай* не рассматривается далее в качестве номинации соляного амбара, т. к. речь в этом отрывке может идти о разного рода складских помещениях, предназначенных, например, для соли, муки, инструмента и проч.

[13] Дербень – «вят. изба без двора при мельнице» [Даль I: 429].

[14] История слова варница в разных значениях уже описана С. В. Чирковой [Чиркова 2000: 168–179]. В настоящем параграфе работы описывается история слова варница и возникших на его основе словосочетаний только как единиц лексики солеварения.

[15] Еще в «Повести временных лет» упоминается о том, что в Новгороде существовали древние традиции плотницкого искусства: «И стал воевода Святополка, разъезжая по берегу, укорять новгородцев, говоря: "Что пришли с хромцом этим? Вы ведь плотники. Поставим вас хоромы наши рубить!"» [ПВЛ 1991: 39].

[16] Первое из указанных значений слова имеет более раннюю, чем отмеченная в словаре, дату фиксации – 1391 год. С этой датой приведенный отрывок из «Данной грамоты Семена Федоровича Троицкому монастырю» помещен в качестве

иллюстрации к слову варница в Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам И. И. Срезневского и СРЯ XI–XVII веков. [Срезневский I: 230; СРЯ XI–XVII 2: 21].

[17] Терминоэлемент «жилая», как выяснилось, встречается не только среди наименований предметов строительства, солеваренных сооружений, но и, например, в бортничестве при обозначении борти, в которой живут пчелы.

[18] См. параграф, посвященный формированию названий колодца.

[19] Ранее мы высказывали мнение о том, что лексема соловарня относится к числу диалектных наименований, поскольку в ее форме могли отразиться особенности пермской произносительной традиции [Пантелеева 2012: 185–186]. Однако проведенный анализ иллюстраций из текстов академических изданий и законов Российской Империи конца XVIII в. заставляет отказаться от прежней версии: написание соловарня (как и соловар, соловарение), судя по всему, было закреплено орфографической нормой той эпохи (ср. «Каждая соловарня управляется четырью работниками; из них один настоящей соловар а прочие тяглые работники, которые подкладывают дрова и выскребают соль. Пут. Леп. III 130» [СлРЯ XVIII 5: 29], «Соловарение производится не безпременными, а вольно-наемными работными людьми, которые в работе на соляных заводах обращаются столько времени, сколько сами пожелают, имея свободу с оных отходить по их воле. ПСЗ XXII 342» [СлРЯ XVIII 4: 51].

[20] Этот тип строительства белых варниц был широко распространен на территории Пермского края в XIX в.: «Черные солеварни выводятся из употребления и вновь строятся одне только полубелые» [Петухов 1864:102].

[21] Примеры употребления терминов см. в параграфе, посвященном истории наименований рассолоподъемной башни.

[22] Подобные театры существовали и в других районах, например, в Елабуге: «Около 30 лет у нас существует нечто вроде любительского драматического кружка. Спектакли даются в бывшем соляном амбаре, который служит иногда и благотворительным целям. Так, например, в зиму 1892–1893 годов здание было занято бесплатной столовой купца Стахеева» [См. заметку в журнале «Артист» 1893 (28): 186].

Список источников с условными сокращениями

Архимандрит Амвросий. История российской иерархии: ч. II. М.: Синодальная типография, 1810. 663 с.

Григоров Д. А. Тотемские соляные промыслы / Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: ВПГУ, изд-во «Русь», 1997. Режим доступа: www.booksite.ru/fulltext/two/tot/ma/5.htm.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: «Русский язык – Медиа», 2006.

ДСГД – Разные дела градской думы 1799 года. Рукопись. Архив Соликамского краеведческого музея. Ф. 28. Д. 6. Л. 43–43 об.

Устрялов Н. Именитые люди Строгановы / Н. Устрялов. СПб.: Типография штаба военно-учеб. заведений, 1842. 130 с.

КСК – Книга о соли каменной (1839 г.). Рукопись. Архив Соликамского краеведческого музея. СКМ 3000/11.

Логунов Е. В. и др. Усть-Боровской солеваренный завод: вчера, сегодня, завтра / Е. В. Логунов, Л. Б. Перминова, В. А. Шкерин. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. 40 с.

ПВЛ – Повесть временных лет / перевод Д. С. Лихачева // Древнерусские повести. Пермь: Кн. изд-во, 1991. С. 5–47.

Петухов Д. Горный город Дедюхин и окольныя местности. СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1864. 217 с.

Подюков И. А. и др. Как в Соли Камской соль варили. Исторический экскурс / Подюков И. А., *Кульбиков* С. И., Хоробрых С. В., Антипов Д. А., Семенюк Р. В., Овчаров В. Л. Соликамск: РПК «Графикс», 2010. 55 с.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными: вып. 3 (В–Взяться). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 180 с.

Преображенский А. Этимологический словарь русского языка: т. I. М.: Типография Г. Писснера и Д. Савко, 1910–1914. 716 с.

САР – Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб.: Императорская Академия наук, 1789–1794 гг.

СДРЯ XI–XIV – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Русский язык, 1988.

СЛПП – Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 2 т. / Е. Н. Полякова. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010.

СлРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1985.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова (ИРЯ). М.: «Наука», 1975–1997.

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. / РАН, Ин-т лингв. исслед.; гл. ред. Ю. С. Сорокин. СПб.: Наука. С.-Петерб. фирма РАН, 1984–1998.

СлПЛ – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.: в 4 т. Т. 1, 2. / Ред. Ю. И. Чайкина. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 4 т. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1893.

Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М.: Издательство АН СССР, 1957. 336 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. СПб.: «Терра-Азбука», 1996.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1999.

Список литературы с условными сокращениями

Артист: журнал. 1893. № 28. С. 186. URL: http://www.nabludatel.ru/new/2012/06/05/vyatskie-teatry-v-zhurnalnoj-i-arxivnoj-mozaike/. (Дата обращения: 03.02.2013).

Канторович Г. Д. Архитектурные ансамбли Соликамска // Соликамск: Путеводитель. Пермь: Кн. изд-во, 1980. С. 75–135.

Косточкин В. В. Чердынь, Соликамск, Усолье. М.: Стройиздат, 1988. 181 с.

Опутин О. Ю. и др. Поморский город Соликамск / О. Ю. Опутин, И. В. Павлова, С. В. Хоробрых. Соликамск: ООО ИПК «Соликамск», 2010. 208 с.

Розен Б. Я. Пермянка. История соляного производства в Прикамье. Пермь: Пермск. книж. изд-во, 1965. 126 с.

Савенкова Н. М. Соликамская историческая азбука. Соликамск: «Соликамск.ru», 2012. 201 с.

Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М.: Наука, 1966. 416 с.

Чиркова С. В. Слово *варница* в истории русского языка (к изучению солеваренной терминологии Прикамья в диахронии). Вестник Пермского университета. Вып. I. Лингвистика. 2000. С. 168–179.

Шишонко В. Н. Пермская летопись: 1-5 период. Пермь: Типография Губернской Земской управы, 1881–1889.

L.M. Panteleeva
Senior Lecturer of the Department
of Russian and Foreign Philology
Solikamsk State Pedagogical Institute
(branch) of Perm State University

HISTORY OF THE NAMES OF FARM BUILDINGS AT THE PERM SOLT FACTORIES

The paper is about mechanisms of the formation and developing of perm vocabulary of salt production and also about differentiation of the standard and non-standard such special names. Object of study is vocabulary of salt production which belongs to the group “Farm buildings at the salt factories” and is recorded in the written sources of the XI–XIX centuries.

Key words: historical lexicology; folk terminology; salt production.

УДК 81’37:81’28

Иван Алексеевич Подюков
профессор кафедры общего языкознания
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
614090, Пермь, ул. Сибирская, 24.
podjukov@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОМЫСЛОВОЙ РЕЧИ ПРИКАМЬЯ
(по данным лексики охоты и рыболовства)

В статье рассматриваются семантические и стилистические особенности лексики рыболовной и охотничьей речи Прикамья. Исследуются тематические группы промысловых номинаций, пути и способы пополнения народного промыслового словаря, особенности образности промысловой речи. Характеризуется культурно-мифологическая коннотированность рыболовной и охотничьей лексики и обрядовой терминологии промыслов, символическое использование промысловой лексики в языке фольклора. Делаются выводы об изменении традиционного регионального промыслового словаря на современном этапе развития промысловой речи, о его обновлении за счет заимствований из общерусского охотничьего словаря и других языков.

Ключевые слова: традиционные и современные субкультуры; региональное своеобразие промысловой речи; промысловая лексика; фольклор и обрядовая традиция охоты и рыболовства.

Народные промыслы – неотъемлемая часть любой национальной культуры; в них ярко проявляются следы глубокой старины и многовековой народный опыт освоения человеком природных богатств, творчество и фантазия народа. Богатые традиции имеют так называемые домашние народные промыслы – изготовление изделий декоративно-прикладного искусства, кузнечный, гончарный, сапожный, столярный, санный, тележный, бондарный промыслы, такие занятия, как выжигание угля, смолокурение. Многие из этих занятий и ремёсел к нашим дням уже утрачены или угасают, вытесняемые современными промышленными технологиями. Стремительно меняются в настоящее время охота и рыбалка, которые до последних десятилетий имели важнейшее значение как источник пропитания, а теперь все больше превращаются в спортивное увлечение, в один из увлекательнейших и популярных видов отдыха. В старые времена рыбный и охотничий промыслы были прежде всего трудом, важнейшими способами жизнеобеспечения, особенно на территориях, где слабо было развито земледелие. Еще недавно, в трудные годы XX в. рыба и лесная добыча были не просто подспорьем, а средством

© Подюков И.А., 2014

спасения во время массового голода. Старожилы Прикамья нередко вспоминают об этом, отмечая: *В войну мы только благодаря Каме выжили. Кама-кормилица спасала, рыба* (пос. Светлица Косинского р-на); *Лесная корова не доилась бы, дак как бы и выживали. Отец набьёт белку, сдаст, дак хоть кака-то копейка* (с. Карагай).

Промыслы как специальную сферу деятельности обслуживает особая речь, которая в системе языка формируется еще в древности и имеет свою историю развития. Специфическая её черта – обилие специальной лексики, семантически узко специализированных профессиональных терминов. Во многом лексика народных промыслов отличается своей архаичностью: она относится к древнейшим лексическим пластам русского национального языка, что в свою очередь объясняется консервативностью промысловых традиций. До настоящего времени эта речь служит средством обособления промысловиков от не-промысловиков, отражает особое понимание действительности, своеобразно объединяя элементы научной и наивной картины мира. Приведенная выше фраза о «*лесной корове*» иллюстрирует такое качество промыслового слова, как эвфемичность*: лесной коровой* назван здесь в собирательном смысле сам лес, оцениваемый как источник пропитания и определенного достатка.

Охотничий подъязык и речь рыбаков (людей, не только профессионально зарабатывающих себе на жизнь добычей пушнины, мяса диких зверей и рыбы, но находящихся в постоянном общении с природой) отличает обособленность от общенационального языка. Важное качество промысловой речи – местный колорит, яркая национальная и региональная специфика. Любой промысел имеет свои особенности в конкретных природно-географических и исторически сложившихся условиях, и информация о локальных его особенностях надёжно фиксируется в языке.

Исследователи русских народных говоров активно обращаются к различным пластам промысловой речи – на материале говоров Тюмени, Урала, Об-Енисейского водного бассейна, Нижнего Дона, Беломорья, Псковской, Орловской, Красноярской, Воронежской областей исследуют место охотничьих наименований в диалектной картине мира, народную ихтионимику, диалектные названия орудий лова, другие промысловые понятия [Острецова 1981, Михеева 1976, Сенкевич, Махалкина 1958, Орестова 1972, Куйдина 2012, Халюков 2009, Попов 1968, Воронова 1968, Храмцова 1969, Мамаева 2010]. При этом лингвистические исследования охотничьей речи нередко ориентируются на выявление мансийских, эвенкийских заимствований в промысловой лексике русских говоров, на описание традиции северных и сибирских народов, у которых занятия охотой и рыбалкой до сих пор во многом определяют бытовой уклад и

общественную жизнь [Боргояков 2001, Сувандии 2013, Щитова 2009]. Поскольку традиция охоты и рыбалки относится к достаточно закрытым субкультурам, изучение промысловой речи существенно затруднено; во многом этим объясняется тот факт, что к настоящему времени разработаны лишь отдельные словари, отражающие региональные особенности народной промысловой речи. Это «Словарь рыбаков и охотников северного Приангарья» В.И. Петроченко [Петроченко 1994], описание охотничьей лексики северных р-нов Тюменской области [Кошкарева 1995], словарное описание промысловой прикамской традиции ([Рыболовный словарь Прикамья 2013, Охотничий словарь Прикамья 2014]).

Прикамье отличает обилие лесов – в Пермском крае они занимают около 70% всей территории. Соответственно много в них диких животных, имеющих промысловое значение, лесной дичи (всего в Прикамье зарегистрировано около 80 видов охотничьего зверя и птицы). На территории Пермского края имеется свыше 29 000 больших и малых рек, расположено около 800 озёр, 3 водохранилища, почти 500 крупных прудов; по количеству естественных и искусственных водоемов край занимает первое место на Урале. Реки Прикамья богаты различными породами рыб – в бассейне Верхней и Средней Камы насчитывается 42 их вида. Как показывает этнографическое исследование Г. Чагина, И. Кирьянова, С. Коренюка «Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена» [Чагин, Кирьянов, Коренюк 2007], с древнейших времен рыболовство было важнейшим и специфическим явлением хозяйства, культуры и быта населения Пермского края. Охота и рыбалка были развитыми промысловыми занятиями уже в ананьинскую эпоху раннего железа (VIII – III вв. до н. э.). По данным археологии, в эпоху неолита (6–4 тыс. лет назад) появляются такие технические достижения, как лодка, прядение нитей, вязание (к этому времени относят находки костяных рыболовных крючков, острог, поплавков и грузил от рыболовных сетей на многих стоянках). Археологи даже высказывают предположение, что, возможно, именно активное рыболовство с использованием сетей, заколов, вершей способствовало созданию определенных запасов, что вместе с охотой на зверя давало человеку возможность перейти к оседлому образу жизни.

Охотничьи ресурсы Прикамья всегда были достаточно богатыми и разнообразными. Охота у населения Прикамья в древности имела не только потребительское, но и товарное значение: в обмен на пушнину от племен Юга и Востока в край поступали металлы, оружие, украшения. Первыми охотниками Прикамья были люди неандертальского типа, пришедшие в наш край в доледниковый период и оставившие, например, следы своего пребывания в виде стоянок на берегах нижнего течения

р. Чусовой. Здесь раскопками выявлены остатки наземных жилищ, основу конструкции которых составили крупные кости мамонтов; в жилищах собрано более 3 тысяч костей северного оленя, дикой лошади, мамонта, носорога. Добычей охотников эпохи среднего палеолита были звери, боровые и речные птицы, а орудиями охоты были пращи, копья с каменными или костяными наконечниками, различные каменные орудия и, вероятно, ловушки различного типа. Исследователи полагают, что после ледникового периода люди пришли на берега Камы и Чусовой вслед за стадами лошадей и группами мамонтов. С окончанием ледникового периода мамонтовая фауна исчезает, на смену ей приходят мелкие животные. Роль охоты в какой-то мере начинает снижаться в неолитическое время, когда население Предуралья активно осваивает земледелие и скотоводство.

Особое развитие получили охота и рыбалка в Северном Прикамье – самым охотничьим р-ном Прикамья в начале XX в. был Чердынский уезд. Охотой крестьяне занимались в осенне-зимнее время, с середины сентября. Старожилы в вишерских и колвинских деревнях и в настоящее время вспоминают многие особенности традиционного промысла: *Вот у меня дедушко, материн отец, был охотник, он завсегда ходил два раз в год на охоту туда, за Урал. Речка Улс, у них там избушки были. Вот осенью, значит, все дома он, хлеб уберет, сложит. Ну, картошку копать не мужицкая работа. Вот насушит баба сухарей, соберет ужину. Где-то в конце сентября поедет на Усть-Улс по Вишере, их на лодках везут, там по Улсу до устья Кутима поднимутся, а там они уж потом сами уходят. Возвращался зимой, до деревни Усть-Улса выйдут, деревушка небольшая, она тогда была десять дворов, сообщают, нарты у их, все на нартах. Сообщат, за ними на лошадях приедут. А второй раз уходит под вёсну для лосей, вот лосей набьют, на нартах нагрузят. А весной за ними не едут, ведь вода большая, плоты началят, это все погрузят на плоты - мясо и всё, плывут до деревни*. (Зап. от Т.Е. Филиппович, 1920 г.р., в д. Акчим Красновишерского р-на).

Для зимней охоты охотники, нередко объединяясь в артели по 2–6 человек, уходили в тайгу на длительное время для добычи птицы, мелких пушных зверей, лисиц, волков, медведей, лосей. Обустраивая свой промысловый быт, охотники создавали для хранения провианта, охотничьего припаса и добычи, для проживания в тайге разнообразные охотничьи постройки (*лабазы* для хранения припасов и добычи, охотничьи *станы*, избушки). Нередко промысловики останавливались для ночлега прямо в тайге, пользуясь при этом временными шалашами из жердей и особым костром *нодьей*, в котором без пламени горят (тлеют) бревна, распространяя тепло. На берегах рек также обустраивались рыболовные станы.

Древние промысловые изобретения популярны до сих пор. Вот как, в частности, рассказывают современные охотники о таежном костре *нодья*: *Нодья костёр называтся. Выберешь ёлку сушину – если на бору, то боровую, а с ельника, то ёлку. Не вылёживала чтобы, эти плохо горят. Потом что – свалишь. С человека в длину, такой длины сделаешь. Толщина – это смотря какие ночи. К весне уже ночи-то короткие, дак тоньше сушина, а если с осени, надо толстые сушины. Свалишь, потом поднимаешь чурка на чурку. Сначала рядом положишь, потом топором прорубаешь как пазы, чтобы огонь брался быстро. Она сухая, дак быстро берется. Поднимешь вторую, кладешь друг на друга. Под один конец положишь палку, тоже сухую надо и прирубленную тоже – это регулировать зазор между бревнами. Топором тяпнешь, туда делаешь жердь. Крюк называтся – дерево, с сучком хорошим. За этот сучок зацепишь, и крюк держит всю ночь верхнее бревно. Жердь в землю уткнёшь, согнёшь. Забьёшь в нодью эту, в верхнюю чурку, прямо туда зацепишь, за крюк зацепишь, и всю ночь держит, чтобы не свалилась сушина. Потом с щепок зажжешь, огонь возьмётся. Снег под себя стопчешь, а то дак лыжиной выбросаешь, до земли. Настелешь сучьев пихтовых – они мягкие. И стенку сделаешь из лапок, чтобы не дуло ветром. Если хорошая сушина – на всю ночь хватит, тепло как от печки. Николай Семёнов у нас был главный механик на Камсплаве, водил он меня раз на охоту, осень уже. Дак он беспросыпно спал всю ночь, говорит: надо лауреата присвоить тому, кто придумал этот костер* (Зап. от С.Н. Лунегова, 1927 г.р., в д. Шордын Гайнского р-на). В таких рассказах нередко говорится о разных способах усовершенствования таёжной стоянки охотника: *Не сумел ты домой вернуться, мороз, а надо спать. Ну что – до земли надо докопаться лыжей, сделать нодью. Сушину берешь, чтоб сушина была прямая, метра два, больше. И наложишь веток. Сушины одна на другую, и всё. Делаешь паз в бревне, колышки забьешь. А нет, дак и так не упадет, только глубже надо паз делать. Туда наложил смолистых щепок, настрогал, наложил. Спичкой раз – и как порох. Тихонечко смола идет, идет, загорается. Как загорится, как будет гореть, тлеть, так и будет тлеть. Обычно костёр тихой делаешь, знаешь – он уже не потухнет. Ложишь крупные брёвна, баланы, плотнее. Сверху. Снизу сухие, сверху ложишь сырые, чтоб дольше горело, и всё в кучу. Не костром ставишь, а лёжа ложишь. Баланы так накатываешь, чтобы сырые сверху, чтобы дольше горело. На какое расстояние ты ляжешь, так и будет греть. Ну, с одной стороны греет, а с другой стороны тут мороз. Отражатель делают. Экран называется. Чтобы ветра не было, ничего, чтобы чуть-чуть придерживалось. Ломаешь, рубишь ветки, кидаешь. Колья втыкаешь, ломаешь ветки берёзы, делаешь как бы плетень. Ветки добавляешь пихтовые там, еловые, всё, и*

ложишься. Какие морозы, я удивляюсь по сей день, как я не получил никакого туберкулёза, никакой болезни, никаких чертей. Прогорит – передвинешь клин, опять горит. И тот костёр как бы греет, у костра лежишь, и экран за спиной. Уже тепло не уходит, уже тепло спать, не замёрзнешь. От земли-то тепло, а сверху, сбоку всё равно холодно. Тайга есть тайга. (Зап. от И.Р. Бабикова, 1960 г. р., в пос. Рябинино Чердынского р-на).

От таежника требуется большое умение соорудить хорошо «работающую» нодью, знание особых тонкостей. Так, чтобы поддерживающие сооружение колья не горели и конструкция не развалилась, верхнее бревно должно быть длиннее нижнего, и колья должны держать лишь самые концы верхнего бревна. Нередко под углом к нодье опытные таёжники кладут еще одно бревно, которое регулирует приток воздуха. «Технология» создания нодьи, костра из достаточно сложно сконфигурированных для медленного горения бревен, непосредственно отражена в специальной терминологии. Колья, которые вколачивают, чтобы сушины лежали устойчиво, чердынские охотники называют *обу́зва*, нижнее (чаще сырое – чтобы дольше горело) бревно – это *подпо́дник* или *подноде́йник*, жердь, придавливающая верхнее бревно и удерживающая конструкцию, – *очеп*, ветки и щепки, закладываемые между бревен в паз для разжигания, – *про́ставки*.

Современный этап бытования охотничьего и рыболовного промыслов характеризуется резким техническим обновлением, изменением средств и способов обнаружения, выслеживания, преследования и добычи лесного зверя и дичи. Появление своих и заимствованных технических новшеств приводит не только к модернизации традиционных промыслов, но и к изменению их сути. В русской народной среде охота в основном носила практический характер, не оценивалась как развлечение и была органично включена в традиционную культуру; отчасти такой она остается в Прикамье и в ряде других периферийных территорий России и в наши дни. В европейских странах промысловые занятия уже давно не рассматриваются в контексте традиционных культур. Постепенно меняются (отчасти еще сохраняясь в говорах) сами народные названия, связанные с добычей дикого зверя и лесной дичи: вместо слова *лесовать* начинает использоваться слово *охотиться*, вместо *лов, лешня* (гайнск.)*, ловитва, лесня, полешня* (чердынское) – *охота*; меняются на *охотник* слова *ловник, лесник, полесовщик* (соликамское; ср. также: «*Отец говаривал: «Поехал на полешню, нынче была полешня хорошая». Полешня – та же охота. В стары времена «охота» не говорили*» (с. Пянтег Чердынского р-на)). Считается, что слово *охота* как название промысла выражает отношение к нему больше как к развлечению, утехе (первоначальное значение слова *охота* ‘желание, радость, веселье’, ср. польск. *ochota* ‘воля, веселое рас-

положение духа’; в древнерусском языке *охотником* называли не того, кто охотится, а человека, добровольно берущегося за что-либо или занимающегося чем-либо по своему желанию, по своей воле).

В промыслах Прикамья до сих пор сохраняются дедовские рыболовные орудия, охотничьи ловушки и одновременно (прежде всего, в связи с техническим прогрессом и усилением международных связей) приходят новые, что приводит к кардинальному изменению терминологии, к исчезновению названий традиционных орудий лова и появлению новых терминов. К настоящему времени из промысловой речи уходят в пассивное бытование номинации, связанные с вышедшими из применения, запрещенными ловушками и способами лова. Одновременно словарь активно пополняется заимствованиями из европейских языков, новообразованиями, связанными с техническими новшествами. В речи рыбаков появляются обозначения специализированной одежды (*вейдерса* ‘полукомбинезон типа сапоги-брюки из специального материала для ловли взаброд’), названия современных орудий лова и их частей (*одноручник* ‘разновидность спиннинга, предназначенная для заброса одной рукой’, *экран* ‘приспособление для подледного лова рыбы в виде небольшой складной сетки’, *финка* ‘сеть, изготовленная по финской технологии с плавающими и грузовыми шнурами вместо поплавков и грузил’, *плетня* ‘плетёная леска, рыболовный шнур-плетенка’, *мульт* ‘мультипликаторная катушка для удочки или спиннинга’). Наиболее обширный пласт новой рыбацкой лексики – названия современных приманок, особенно для ловли на спиннинг и для зимней рыбалки (*банан* ‘безнасадочная продолговатая мормышка с небольшим изгибом’, *буратинка* ‘искусственная приманка из дерева, имитирующая в воде движение живой рыбки’, *виброхвост* ‘искусственная приманка в виде рыбки, изготовленной из мягкого пластика или силикона’, *девон* ‘искусственная вращающаяся приманка для ловли на спиннинг’, *колебалка* ‘искуственная приманка, которая во время проводки совершает колебательные движения’, *нимфа* ‘безмотыльная мормышка, имитирующая личинку насекомого’, *поролонка* ‘приманка из поролона в форме рыбки’, *черепашка* ‘вид блесны с пятью крючками’, *твистер* мягкая искусственная приманка из силикона, хвост которой во время проводки совершает вращательные движения’ (из анг. twister «извивающийся»). Создание новых орудий лова привело к появлению массы названий, характеризующих особенности их применения: *твичинг*, или *твич* ‘одна из техник проводки воблера при ловле на спиннинг, рывковая подача приманки’ (из англ. twitching «дергающийся»), *джеркинг* ‘ловля крупным воблером с использованием рывковой проводки’ (от англ. jerk «резкое движение, толчок»), *джиг*, *джига* ‘особый способ спиннинговой ловли в придонной области или по дну, при котором

приманкой управляют скачками’ (от англ. jigger «танцор, исполняющий танец джигу»).

Стремительное обновление словаря отличает современный этап развития охотничьей речи: появление большого числа новых номинаций современных видов ружей, экипировки промысловиков, лексики, обозначающей специальный промысловый транспорт, охотничью оптику. Одновременно с вытеснением старой охотничьей снасти из активного употребления выходят слова типа *дробени́ца* (*дробни́ца*) ‘кожаный мешочек для хранения дроби’, *пороховýшка* (*порохови́ще*) ‘приспособление из рога для хранения пороха’, *шóмполка* ‘одноствольное ружье без затвора’. Изменение и усовершенствование способов охоты приводят к появлению большого количества современных «девайсов» – таких как электронные подсадные и даже летающие чучела, инфракрасные камеры-тепловизоры для выслеживания птиц и зверей, лазерные прицелы, охотничьи уничтожители запаха и пр. Соответственно появляется масса номинаций, используемых, а часто и понятных лишь среди охотников. Разнообразны современные наименования охотничьего транспорта: *каракат* или *пневмоход* ‘легкий колесный транспорт на шинах сверхнизкого давления’, *прадик* ‘внедорожник Toyota Land Cruiser Prado’, *тушкан* ‘дизельный внедорожник Tucson от южнокорейской компании «Hyundai»’; названия разновидностей ружей (часто - по месту их изготовления, производящей фирмы типа *бельгиец*, *немец*, *итальянец* бельгийское, немецкое, итальянское ружье, *Беня*, *Бенелька* самозарядное ружье итальянской фирмы Бенелли, *мурка* полуавтоматическое самозарядное ружье Ижевского производства – из аббревиатуры МР «mechanical plant»). Разнообразны современные названия, отмечающие технические особенности оружия: *дульнозарядка* ‘дульнозарядное ружье, копирующее старинное шомпольное оружие’, *помповик* (или *помпа, помпушка, качок*) ‘помповое скорострельное ружье с подвижной верхней частью ружейного ложа’, *двудулка* ‘двуствольное ружье’, *гладкоствол* ‘гладкоствольное ружье для стрельбы дробью’, *нарезняк* ‘ружье с нарезным стволом’, *трехствол* ‘комбинированное универсальное ружье с тремя стволами для стрельбы и дробью, и пулями’. Для облегчения ориентирования в природной среде создаётся масса технических новшеств – электронно-оптическое приспособление на мушке для прицеливания *коллиматор* (или *коллиматорник*), электронно-оптические ночные прицелы и дальномеры (*беларус* ночной прицел белорусского производства, *сарацинка* прицел новосибирского производства и пр.). Технические усовершенствования, новые средства охоты и рыбалки облегчают процессы выслеживания добычи, но, по признанию многих современных промысловиков, убивают сам дух промысла, поскольку делают зверя, рыбу полностью беззащитными перед человеком.

Традиционно охота, как и рыбалка, особенно на крупную рыбу, предполагает сравнительно честное соревнование: соперник должен иметь шанс перехитрить другого соперника. Для истинного носителя охотничьей традиции охота выступает как стиль, образ жизни; как способ что-то себе доказать, она требует от охотника предельного напряжения и максимальной выкладки. Применение, например, электронных манков на современных картах памяти или приманочных спреев и гелей на феромонах обессмысливает один из самых увлекательных этапов охоты – *наманивание* птицы или зверя, которое, производясь подручными средствами, нередко напоминает творческий акт.

Изменения в промысловой речи связаны также с тем, что в современных условиях, когда резко возрастает влияние человека на природу, меняются экосистемы региона, что приводит к сокращению численности большинства видов рыб, исчезновению отдельных видов диких животных. На традиции рыболовства, в частности, повлияло строительство на Волге и Каме каскада водохранилищ, в результате чего до Камы перестали подниматься проходные рыбы из Каспийского моря (белуга, русский осетр, севрюга, проходная форма стерляди, каспийский лосось, белорыбица, проходные сельди – *черноспинка, волжская сельдь*), появились новые виды-вселенцы (прежде всего, *тюлька* ‘мелкая рыба из семейства сельдевых’). Тем не менее пока еще можно говорить о развитости прикамского промыслового лексикона, которая объясняется и разнообразием ресурсной базы, и сохранением архаичных традиций.

Словарь промысловой речи отличает большое количество безэквивалентной лексики, выступающей в качестве терминологически специализировавшихся слов. Для охотничьей традиции это названия трофеев, видов охот, методов и средств добычи животных, разветвленная сеть номинаций, связанных с традицией охотничьего собаководства. Прикамские материалы по народной охотничьей лексике тематически разнообразны и включают названия зверей, лексику, характеризующую их повадки, места обитания, названия видов оружия и типов ловушек, способов охоты, терминологию традиционного охотничьего инвентаря, названия охотничьих сооружений, деталей охотничьего костюма, охотничьей пищи. В корпус народного рыболовного словаря входят такие тематические группы, как названия рыб, способов лова рыбы, орудий лова и их составных частей, приспособлений для запугивания рыбы, названия живых и искусственных приманок, рыболовного транспорта, экипировки рыбаков, значимые для лова рыбы названия гидрорельефа, видов ветров и течений и пр.

Рыболовный лексикон Прикамья.

Исследователи отмечают, что только народных однословных названий рыб в русских говорах выявляется около тысячи [Герд, Корнев, Рускова 1963: 29–36]. В пермских говорах и в речи рыбаков-любителей Прикамья нами выявлено большое количество (около 250) слов-ихтионимов. Разнообразие этой тематической группы слов связано с тем, что в конкретных локальных традициях ярко выражены системные связи специальных номинаций (родовидовые отношения, отношения синонимии и вариантности).

Примечательным в дифференциации ихтионимов является большое количество народных названий крупных рыб. Так, значительный ряд составляют названия щуки. Необходимость в создании большого количества наименований одного вида рыбы связана с потребностью детализировать указания на возраст, циклы биологического развития рыбы, на среду бытования и территорию распространения вида. Важным обстоятельством выступает и потребность в выражении эмоционального восприятия этой рыбы, считающейся самой крупной в реках Прикамья и издавна воспринимаемой достаточно мистически. Так, в бытующих в Прикамье поверьях о щуке подчеркивается ее определенная демоничность: *Щука перед войной шла. Это вообще так, когда много щуки, не к добру. Это же царская рыба, у неё крест на голове, она церковная рыба-то. Опасная она. Которы её и щукой-то не называют, а только сукой* (Усольский р-н). Указанное информантом определение щуки как *сука* неслучайно, его следует рассматривать не только как проявление звуковой близости слов: оскорбительные, бранные названия в народной речи нередко выполняют функцию оберега. Название щуки *са́моедь* наглядно иллюстрирует её ритуальную нечистоту: *Щукой не поминаем, она самоедь, щук же ест* (Косинский р-н).

Щука может быть названа по месту обитания: *глубинка* ‘глубинная щука’, *зелёнка* ‘щука, живущая в поросшем травой водоеме’, *травянка* ‘щука, которая водится на мелководье, в речных зарослях’. Рыба нередко получает описательное название – *зубастая*. Название *жаба* указывает и на такой признак щуки, как большой рот, и на обитание этой рыбы в заросших водоемах. Название *хозяйка* не только указывает на главенствующую роль этой рыбы в водоеме (она выступает в роли биологического мелиоратора, поскольку поедает мелкие малоценные виды рыб). Именно щука воспринималась в прошлом как демонический хозяин воды. Экспрессивно окрашено название крупной щуки *кобыла*; примечательно, что слово *кобыла* в пермских говорах используется еще и как характеристика рослой здоровой молодой женщины, девушки. Исключительное внимание к этой рыбе проявляется в наделении ее женскими именами. Так, отмечено называние крупной щуки *катя* и

мелкой *нюра, нюрка* (от формы имени *Анна*). Как представляется, основание для уподобления рыбы женщине может быть связано и с символикой имени, и с переосмыслением затемненной исходной номинации. Возможно, название мелкой щуки *нюрка* (известно также свердловское *анна*) исходно связано с коми nmur ‘болото, топь’ (ср. архангельское *нюра́* ‘водная мель’). Сближение названий природных объектов и имен людей достаточно частотно в русских говорах и отражено в диалектных названиях мелких рыб типа *ага́шка* (от *Агафья*), *пара́нка* (от *Параня*). Номинация щуки *Катя*, вероятно, связано с развитием противоречивых исходных культурных ассоциаций этого женского имени в русском языке (этимологически означает «чистая», но символически нередко применяется для оценки грешной женщины).

Помимо развернутой системы номинаций для крупных и хозяйственно ценных рыб, в говорах фиксируется большое количество названий для мелких рыб. Мелкая речная рыба, видовая принадлежность которой либо не определена, либо несущественна, называется в Прикамье *арга́н* (юсьвинское), *арга́шик* (юрлинское), *арънка, аръшка, еръшка, оръшка* (ильинское, карагайское, чернушинское), *маряшка* (кишертское), *мул, мулéц* (суксунское), *муль* (кунгурское), *му́ля* (соликамское), *мулява* (кишертское). Как правило, это достаточно нейтральные названия, обычно с неясной внутренней формой. Наличие нескольких параллельных наименований для малоценных, не промысловых рыб характерно в целом для русских говоров. Объяснение этому факту, как указывает В.Т. Коломиец [Коломиец 1983: 60], в том, что при назывании мало значимых природных объектов часто нарушалась (забывалась) хронологическая преемственность, в результате чего на одной и той же территории возникали все новые и новые названия одного и того же вида рыбы. Часты в говорах и речи рыбаков метафорические, часто шутливые оценки мелкой рыбы типа *овёс* (ср. в пермских говорах *как овёс, с овсяное зернышко* ‘о чем-либо мелком’), *гвоздьё*, *пиписка*, *перхоть*. Таковы и пренебрежительные названия мелкого леща *щепка, фанера,* любой невзрослой рыбы *школьник*, *пионер*. Естественно, ихтионимика активно пополняется и названиями, метафорически оценивающими размер, цвет рыбы (*утюг* о крупном карасе, *шахтер* о крупном черном хариусе).

Из других развернутых семантических групп рыболовной лексики Прикамья следует отметить общие диалектные названия рыбака, любителя рыбной ловли – *рыба́ка* (соликамское, добрянское, частинское), *рыболовщик* (Пермский р-н), названия, указывающие на «специализацию» рыбака по его излюбленной снасти: *острого́жник* или *лучни́к, колольщик* ‘кто добывает рыбу острогой’, *мормышатник* ‘любитель рыбачить на искусственную приманку мормышку’ (красновишерское), *чертятник* ‘кто ловит на безнасадочную снасть’ (добрянское), *жерли́чник* ‘рыбак,

специализирующийся на жерличной ловле’ (усольское), *недо́тошник* ‘кто ловит сеткой-недоткой’ (верещагинское), *вити́льщик* ‘рыбак, ловящий рыбу витилем’ (кочевское). Из новообразований отмечается слово *спи́нер* ‘рыбак на спиннинг, спиннингист’ (Октябрьский р-н). Реже названия указывают на специализацию рыбака по видам рыб: *налимятник* ‘умелец ловить налимов’ (косинское), *карасятник* ‘кто разбирается в ловле карасей’ (гайнское). Среди этих названий также нередки экспрессивные характеристики рыбака вообще: шутливые *короед* (*Вон короеды-те, день-деньской на реке сидят* – Тис, Суксунский р-н), *макар* (карагайское). Название *короед* не только связано с обозначением жуков-короедов, одной из лучших насадок, но и проводит аналогию рыбалки с ребячеством (ср. *короед* грубовато-шутливо о маленьком ребенке). Оценка рыбака *макар* скорее всего мотивирована исходным, этимологическим значением имени (греческое имя Макар означает «блаженный, счастливый»). Название *пингвин* (Пермь) метафорически характеризует любителя зимней рыбалки, внешним нарядом и неподвижным пребыванием на льду напоминающего антарктическую короткокрылую плавающую птицу. Неодобрительным является название *поджопник* для рыбака, который сверлит лунки рядом с удачливым рыбаком (ильинское), презрительным – название браконьера *ворон* (красновишерское). В последнем случае характеристика мотивируется фонетической аналогией – соотнесением с *вор,* а также актуализацией идеи хищности, кровожадности ворона.

Само понятие «рыбачить» передается диалектными вариантными, стилистически нейтральными формами *рыбалить*, *рыбать*, *рыбить*, *рыбачиться*, *рыболовить*; изредка используется в этом значении также глагол *лови́дить*. Кроме того, это понятие экспрессивно оценивается и комментируется в шутливом выражении *чёртика дразнить* (карагайское) ‘пытать счастья в рыбалке’. Этот фразеологизм, соотнося рыболовство с «заигрыванием» человека со сверхъестественными силами, оценивает его как иррациональное, непредсказуемое. Понятие «рыбачить» экспрессивно оценивается глаголом *чеба́лить* (*Ух, начебалил рыбы*! (Сажино Суксунскогоо р-на). Глагол *чебалить*, вероятно, имеет тюркскую основу и связан с тюркскими словами типа *чибык* – волжское название крепкого удилища на блесну, *чебак* ‘мелкая рыба, плотва’ (ср. также известное в пермских говорах *че́бнуть* ‘ударить’).

Занятие рыбалкой обозначается также массой диалектных видовых обозначений. В говорах отмечается значительный по объему ряд глаголов, называющих тот или иной вид рыбалки сетями: *тунить* ‘ловить рыбу сетями’, *се́тить* ‘ловить сетью’, *сака́ть* ‘ловить рыбу саком’, *мерёжить* ‘ловить рыбу при помощи сети мережи’, *неводи́ть* ‘ловить рыбу сетью-неводом’, *бродить* ‘ловить рыбу бреднем’, *сырпа́ть* л’овить рыбу небольшой сетью – сырпом’. Глаголы обозначают также рыбную ловлю

тем или иным способом: *мушкари́ть* ‘ловить рыбу на искусственную мушку’, *строжи́ть* ‘добывать острогой’, *корабли́ть* ‘ловить рыбу на кораблик, особую снасть, пускаемую в плавание по воде’, *лучи́ть* ‘ловить рыбу с помощью остроги и света от костра на лодке’. О применяемых в Прикамье способах рыбной ловли свидетельствуют также глаголы *подлёдничать* ‘ловить рыбу удочками через лунки’, *бережни́чать* ‘ловить рыбу с помощью ловушек, устанавливаемых у запора, загораживания реки’, *но́рить* ‘ловить рыбу с помощью невода в зимнее время с помощью проруби’, *доро́жить* ‘ловить рыбу с движущейся лодки дорогой, дорожкой (снастью в виде длинного шнура с крючком или блесной на конце)’. В ряде случаев глаголы называют также ловлю рыбы определенного вида – *налимить* ‘заниматься ловлей налимов’ (их ловля существенно отличается от добычи других рыб, поскольку очень специфичны и трудны для обнаружения места обитания налима как крайне скрытной рыбы; непросто определить и время активности налима, который, как считается, лучше клюет не при хорошей, а при плохой погоде). Некоторые из приведенных обозначений имеют широкое распространение и в других русских говорах (слово *неводи́ть* известно также как иркутское, красноярское, вятское, тамбовское, владимирское, печорское, свердловское, *доро́жить* – как владимирское, вологодское, средне-уральское, енисейское).

Свидетельством закрепления в рыбацкой речи опыта соперничества человека с рыбой можно считать номинации, в которых дается детальная характеристика тех или иных особо значимых для рыбалки понятий. Так, для обозначения самого волнующего момента рыбалки на удочку – поклевки в пермских говорах и речи рыбаков используются слова *дёрг, подёрг, потычка, потяжка, тычок, тюк, шевелёнка, хапок*. Данная в них «классификация» видов поклевки крайне значима для рыбака: характер поклевки выдает повадки тех или иных видов рыб, настраивает рыбака на способ выважива́ния рыбы. Рядом с общими названиями (*дерг, подёрг*) в рыбацкой речи отмечаются названия слабой поклевки (*потычка, тюк, шевелёнка*) и поклевки сильной (*хапок*). Еще один пример подмеченных языком тонкостей рыбалки – характеристики удилища. *Посылистым* называют удилище с хорошим, дальним забросом, *медленный строй* ‘удилище, которое изгибается прямо от рукоятки’. Слово *чуялка* (от *чуять* ‘слышать, воспринимать’) характеризует качество передачи поклевки в руку рыбака, способность удилища реагировать на поклевку.

Спецификой пермских говоров являются финноугорские и реже тюркские заимствования в рыболовной лексике. Название плотвы *кельт, кельч* (Гайны) является, скорее всего, угорским заимствованием, ср. хант. *кельчи* сибирская плотва; отсюда же белозерское *келиш*. Слова *а́ргыш, ар, а́рик* для обозначения мелкой рыбы возникли из коми *ар, арга* ‘маленькая

рыбка, малек’ (возможно, что изначально название было тюркским, ср. уйгурское *arys* ‘караван’, шорское *arys* ‘спутник’; следовательно, в названии может быть отмечена стайность мелких рыб). Заимствованная лексика представлена и в названиях рыболовных снастей. Название особой плетёной ловушки-морды для ловли крупной рыбы на реке с быстрым течением *сырп* соотносится с мансийским sirp ‘вид рыболовной сети’. Заимствованием является название запора на реке для установки ловушек *тшуп* (из *тшуп* ‘плотина, пруд’ в финно-угорских языках, ср. хантыйское ‘tšip’ ‘порог в верховьях реки’). Название ставной сети *кулóм* соотносится с финским kalin, kalime ‘часть невода’, ср. также хантыйское kaiew ‘сеть’, венгерское halo ‘сеть’. Современную рыбацкую речь отличает появление большого количества европейских заимствований (прежде всего, из английского языка). Показательны в этом плане многочисленные обозначения приманки у спиннингистов. Наряду с собственно русскими обозначениями разновидностей воблера *пловец*, *составник, вертушка* фиксируются номинации типа *риппер, стример*, *крэнк* (последнее обозначает вид приманок-воблеров, переваливающихся при проводке с боку на бок – из немецкого *krank* ‘больной’, вероятно, через английское посредство).

Стоит отметить, что заимствованная лексика часто подвергается разнообразным фонетическим, словообразовательным, грамматическим трансформациям. Так, название *таймень* в Прикамье фиксируется в формах *тальмень, тюмень*; название хариуса (из финского Harjus) в формах *хайрус, халюс, харис, харец, гайрус*. В других случаях варьирование названия имеет характер языковой игры, направленной на создание стилистического эффекта (*тарас* вместо *карась*, *подлец* вместо *подлещик*, *сундук* вместо *судак*).

Как показывает языковой материал, рыбацкая лексика Прикамья до нашего времени остается достаточно самобытной. По ней можно судить о специфике рыболовного промысла и его развитии, об особенностях рыбалки как глубоко эмоционального увлечения, требующего от человека полного погружения и знания очень тонких деталей жизни природного мира. Термины-заимствования свидетельствуют о древних культурно-языковых связях русских с другими народами. Образность промысловой лексики отражает специфически рыбацкий взгляд на мир, особое отношение как к объектам природы, так и к ней самой.

Особенности охотничьей лексики.

Как и в любой другой специальной сфере деятельности, лексику охоты отличает детальная проработанность многих понятий. Так, значительный ряд составляют например номинации белок: *летяга, векша, красновка* ‘осенняя белка с характерной ярко-красной окраской’ (Пожва

Юсьвинский р-н), *пóдпаль* ‘неспелая белка’ (Антипино, Юсьвинский р-н), *полубéль* ‘молодая белка/ (д. Бычина Красновишерского р-на), *синюха* ‘невыкунявшая белка’ (Пожва Юсьвинского р-на). Эти номинации могут дифференцироваться по различным территориям Прикамья. Если в ряде населенных пунктов Чердынского р-на *векша* – чаще общее название белки (*Векшей белку зовут в любое время* (с. Пянтег Чердынского р-на)), то в других местах это название летней белки (*Векша – белка в летнее время с рыжеватым мехом. Векша, она рыжая, черемная ле, а белка она белая, серинькая, к зиме-то.* (с. Говорливое Красновишерского р-на); *Векшей называем, когда она рыжая, а с двадцатого октября они уже белка.* (с. Ныроб Чердынского р-на)). В названия этого промыслового зверька входит и большое количество составных терминов: *чистая белка* о спелой белке (Пожва Юсьвинского р-на), *зеленая белка* о недозревшей, молодой белке с некачественной шкуркой (п. Майкор Юсьвинского р-на), *сосновая белка* ‘белка более светлого окраса меха, которая обитает в сосновом лесу’ (Чердынь).

Значительный ряд глаголов и глагольных сочетаний передает понятие «охотиться»: *лесовать*, *ходить/ идти/ бегать – ходить* (*идти, бегать*) *за охотой* (*за промыслом*), в том числе видовые к нему значения: *гайначить* ‘охотиться на белку’ (Юсьва); ср. более распространенное обозначение *белковать* ‘промышлять белок’; кроме пермского, также свердловское и томское), *гэсничать* ‘охотиться на гусей’, *лосятничать* ‘охотиться на лося’ (Карагай), *ходить на перо* (*по перу*) ‘охотиться на пернатую дичь’ (Чердынь), *чучелить* ‘охотиться с чучелами’. В глагольных терминологических сочетаниях обозначены способы того или иного промысла: *сидеть на солонцах* (*на соли*) ‘сидеть в засаде, карауля приученного к соли зверя’, *сидеть на чучелах* ‘охотиться с чучелами’, *сидеть на гусях* ‘заниматься охотой на гусей’, *сидеть на белке* ‘охотиться на белку’. Глагол *сидеть* здесь получает семантическое расширение ‘существовать в том или ином социальном качестве’ – при том, что в большинстве случаев действительно в отмеченном промысле необходимо пребывание в неподвижности (ср. в выражение «статусных» характеристик в диалектных выражениях *сидеть на группе* ‘быть инвалидом’, *сидеть на веретёшке* ‘прясть, быть пряхой’). Обозначение вида промысла с помощью глаголов движения *ходить/ идти/ бегать – ходить* (*идти, бегать*) *за охотой* (*за промыслом*) основано на распространенном в русском языке использовании глаголов пространственного перемещения для метафорического обозначения постоянной и также социально значимой деятельности.

Особые номинации выработаны для обозначения специальных понятий, без знания которых промысел вряд ли будет успешным. Глагол *вéршить* имеет значение ‘передвигаться по верхушкам деревьев’ (о звере,

преимущественно белке): *Белка вершит – ее глазом не углядишь, она бойко скачет по верху* (Вая Красновишерского р-на). Словом *высыпка* называется кратковременное скопление дичи в определенном месте: *Тут высыпка бывает, налетает дичь, шалаш тут где-то я нарошно года два назад ладил* (Усть-Уролка Чердынского р-на). Субстантивированное (из прилагательного) название *перьевó* обозначает важный для охотника звук полета птицы: «*Где-то птицы поднялись, перьевó слышно*» (Романово Усольского р-на).

Абстрактное существительное *ронкость* (реже *рон* – от глагола *ронять*, используемого в эвфемическом значении ‘убивать’) обозначает такое значимое для промысловика качество оружия, как его убойная сила: «*Вот ружьё не рóнкое, тогда проточной водой промывали. Если ствол плохо бьет, его летом, когда охоты нет, идёшь, находишь ключ, бросаешь в ключ, оставляешь в ключе. Слышали, может, летом бывает коса-литовка тоже берет сено плохо, и тоже оставляешь в ключе, и она становится бредкой, проходит то же самое закаливание. Одностволка у меня была, она кучно била, а ронкости не было. Ронкость это что – это убойная сила. Допустим, в птицу стреляешь, перья летят, а птица дальше летит. Не убивает ружье, не бьет полностью, только чуть-чуть ранит. А если ронкое, то дробинки насквозь идут, ломают кость. Вот я оставлял ствол в ключе – эффект очень большой. Ствол совсем другой делатся*». (Зап. от *И.А. Нестерова, 1963 г.р., в с. Большая Коча Кочевского р-на*).

Развернутость словаря объясняется необходимостью детализации в характеристике тех или иных охотничьих реалий. Кроме того, в охотничьей речи отмечается большое количество вариантных форм: грамматические варианты типа форм мужского рода *берлог* вместо *берлога*, *рысь* (*Рыся я не убивывал* (Искор Чердынсого р-на)), фонетические варианты, напр. *горносталь* вместо *горностай* (форма известна также в архангельских, новгородских, вологодских, сибирских говорах). Большое количество фонетических вариантов отличает заимствованную лексику. Название охотничьего костра *нодья* фиксируется в формах *нудья*, *надьё, нотьё* (Чердынь), которые фонетически более близки к исходной субстратной форме (ср. финское *nuotio,* карельское *nuodivo* ‘костер на стоянке’).

Пласт заимствованных названий в охотничьей речи Прикамья, как и в речи рыбаков, значителен. Чаще всего источники заимствований – финноугорские языки. Редкий пример тюркского охотничьего заимствования – название следа зверя *сакма, сохма* (Пожва Юсьвинского р-на); в татарском языке используется как обозначение наезженной дороги; слово известно и сибирским охотникам, но обозначает у сибиряков след волка. С коми языками связано название охотничьей

накидки с карманами *лузан* (иногда в вариантной форме *лазан* – из коми luz ‘накидка на плечи у охотника’), косого охотничьего ножа односторонней заточки *пурт* (реже *пэрта*; слово, возможно, имеющее индоиранское происхождение, в коми языках используется в общем значении «нож», а в специальном охотничьем значении распространено у русских не только Прикамья, но и Вологды, Костромы, Иркутской области). Заимствовано русскими вместе с достаточно сложной по технологии изготовления и действия ловушкой-самоловом слово *чос* (соотносится с коми-пермяцким *чӧс*, ср. хантыйское в этом же значении *sesa*). В рассказах охотников немало живописных подробностей, раскрывающих детали того или иного способа добычи и одновременно особенностей поведения лесных обитателей: *На глухарей на тропе ставлю ловушки. Глухариную тропу нахожу. Они ходят где там корова прошла, лось прошел, человек несколько раз за ягодами прошел, в этих же местах в основном. Потому что где легче ходить, глухарь же здоровый. Я добывал до 12 килограмм глухаря. Ягоды собирает, много ходит очень. Я здесь колышек забиваю, а тут елочки рядом - как забор. Чтоб именно сюда направился, тут ставлю петлю.* (Зап. от И.А. Нестерова, 1963 г.р., в с. Большая Коча Кочевского р-на).

Способы охоты и использовавшиеся орудия охоты были разнообразными. В д. Акчим Красновишерского р-на отмечали, например, такие приемы: *На птицу петли ставили, кольцо из ветки согнут, в него петлю привяжут. Между двух деревьев растянут, а рябиной приманивают. Рябчик станет от одной рябиновой ветки к другой перебегать, в петлю и попадет. Куницу сетью ловили – тенетó называли. Сеть частая, ее между елками натянут на колышках на куньей тропе. Куница побежит и запутается. Плашки ставили на белок, куниц, горностаев. Чурку расколют не до конца, в раскол приманку положат. Зверь прибежит, приманку потянет, его и прихлопнет. Ружья были кремневые, и со ствола заряжали, и «крымки», «берданки». Дроби не было, пульками стреляли – свинец откусывали, катали во рту, чтобы покруглее был – вот и пулька. Ружье дома весили к матице за ремень или на стену поближе к потолку, чтобы не сырело, чтобы дети не достали*. (Зап. от Т.А. Горшковой, 1931 г.р., в д. Акчим Красновишерского р-на).

Многие рассказы об охоте не столько информативны, сколько эмоционально насыщены: *Лось он лось, в любом случае собака его не догонит. Если он не захочет под собакой стоять. Есть некоторые бычки молодые, не сильно старые, среднего возраста, у которых энергия кипит, им охота пободаться с ними. Вот он копытами бьёт, чё делат! Позапрошлый год у меня ружьё заклинило. Лось вот так вот рядом со мной в восьми метрах отмахивался от собак, думаю, щас меня увидит, всё, мне хана. Земля, снег летит, всё. Как они успевают, бедные,*

уворачиваться из-под копыт. А на глухаря я с собаками больше. У меня собака хорошая раньше была, по дичи по боровой хорошо работала. Глухаря собака где-то поднимет или просто на дереве где-то учует, не на току. И начинает лаять – отвлекает. Она просто его облаивает. Но она тоже правильно должна облаивать, чтоб птица не испугалась. Не прыгать, не ки́даться, просто тяф-тяф, тяф-тяф. Он еще дразниться начинает. Глухарь так керкает – кхр-кр, а глухарка – кот-кот, кот-кот, как курица кудахчет сидит. И вот потом ориентируешься, где собака, и тихонько за деревьями, за деревьями, где-то подкрадываешься, высматриваешь, где сидит. Собака отвлекает. Интересно, душа-то трепещет, когда идёшь. (Зап. от В.Ф. Вайланда, 1951 г.р., в с. Рябинино Чердынского р-на). Наблюдения за жизнью природы, которую настоящий промысловик должен чувствовать особенно тонко, отличают многие рассказы: «*Тоже на глухариные тока ходил. Приходишь, сядешь. Заранее приходишь на глухариный ток. Ничего не делаешь. Шалаши делают на токариных токах. Они токуют на открытых местах. А глухарь, он же среди леса токует. У него тока такие, что если ты летом не знаешь, что тут ток, так ты не поймёшь ничего. Обычно уже так узнают - ходят люди на подслух. Просто приходят, приблизительно думают, тут может быть, тут. Угадывать надо, подсчитывать, где держатся. Десятками лет не меняют место. Ток может исчезнуть почему, если лес вырубят, и люди глухарей тут выбьют всех. Это бывает. Тут они дерутся. Они не только на деревьях токуют, и на землю спускаются. Когда хороший ток, на землю спускаются. До десятка на земле бегают, и глухарка тоже. Она там стоит где-то, они как бы из-за нее. Они голос подают. Клохчет. Как курицы клохчут, когда садятся на яйца, только конечно другой голос. Растопыривают крылья. Они же начинают с тех времен, когда наст есть. Выражаются охотники так, что глухарь чертил. Это значит он распускает крылья, примерно так растопыривает, садится на наст где-то еще до места токовища, в стороне. К этому месту, где токовище, идёт пешком по насту. Начинает токовать и чертит крыльями по снегу. Вот говорят - глухарь чертил. Часто находят тока по чертам. Если на токовище их собирается с округи, десяток и больше бывает, когда и два, три только. Если штук десять их собралось, в этом месте они все жить не будут, значит, они откуда-то прилетели. Дальние могут прилететь. Это зависит от состояния тока, от силы тока. Вот и сидят, а потом начинают. Идешь именно слушать песню, увидеть птицу, добраться до него. У него идёт такой звук: тык, тык, тык – три раза. И снова тык-тык-тык. Потом всё быстрее: тык-тык-тык. И: увиш, увиш. Пока идёт тык, тык, ты готовишься. Когда быстро начинает тык-тык, и увишиш, за это время успеваешь сделать шаг, два. Увиш сделал.*

Остановился, посмотрел. Он опять начинает: тык, тык, тык, тык, тык, тык-тык-тык… Уже ты движения начинаешь, опять несколько шагов идёшь». (Зап. от И.А. Нестерова, 1963 г.р., в с. Большая Коча Кочевского р-на). Использованный в этом тексте фразеологизм *ходить на подслух* (встречается в других территориях Прикамья и в форме *ходить на послух*) обозначает важное для охотника, специфическое понятие: перед открытием охоты идти в лес без ружья и без собаки, чтобы «активизировать» свой слух и зрение, адаптироваться к жизни леса после длительного летнего перерыва.

Таким образом, охотничий лексикон, помимо собственно промысловых терминов, содержит большое количество экспрессивных, изобразительных форм, образных характеристик специфической промысловой деятельности. Заядлые охотники часто делятся друг с другом опытом, любят и умеют рассказывать свои охотничьи истории, наслаждаясь не только самими эмоциями, которые им дает любимое дело, но и беседой о пережитом.

Культурно-мифологические традиции промыслов Прикамья [1].

Промысловые субкультуры, в том числе рыболовство и охота, являются специфической культурной подсистемой, которая своими нормами и традициями, жизненными установками существенно воздействует на стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет ее носителей. Исторически носители профессиональной субкультуры – это не только представители определенной социальной группы, но и лица, отличающиеся определенным типом сознания, характеризующиеся особыми этическими нормами поведения, что непосредственно выражено в обрядности и фольклоре. Народные промыслы, такие, как рыбалка и охота, во все времена были не только ремеслом, которое кормит, но и питательной средой для народного творчества. Сами промыслы в чем-то родственны искусству и одновременно науке, близки и к техническому, и к художественному творчеству. Кроме того, в рыбалке и охоте очевидно и особое мистическое начало, связанное еще с древним обожествлением природы, осмыслением её как дарителя блага. Истинный рыбак, как и охотник, получает удовольствие не только от результата, но и от процесса медитативного погружения в жизнь дикой природы, и сам этот процесс нередко воспринимает магически. И в наши дни рыбалка и охота осмысляются как занятия, где далеко не всё зависит от умения и способностей человека.

В народной речи немало указаний на то, что природа уступает часть своих богатств только тому, кто научился понимать ее язык, чувствовать ее глубокую и сложную жизнь, кто сам ощущает себя частью природы, унаследовав эту способность от предков. В Прикамье об удачливом

рыбаке, к которому «рыба сама идет», говорят: «*У него рыбные глаза*». В обычной речи такое определение может осознаваться скорее как негативное указание на человека с большими выпуклыми глазами. В приведенном высказывании указывается на сходство человека с рыбой не физическое, а внутреннее (в традиционной культуре глаза символически представляют жизненные силы человека; эта же связь отмечена в прикамской шутливой прибаутке *с рыбки глаза прытки*). Способность к рыбалке, по народным воззрениям, задана изначально: *на истельного* (т.е. настоящего) *рыбака рыба сама идёт, а на охотника зверь*. Другая оценка человека с исключительным рыбацким даром – *магнитный к рыбе человек* («*Кто рыбак хороший, говорят: магнитной человек к рыбе. Я не любила рыбачить, магнит у меня нету*» (Зап. от Н. М. Колеговой., 1925 г.р., в п. Светлица Косинского р-на). Определение во многом связано с народным восприятием этого предмета, обладающего собственным магнитным полем: магнит часто используется знахарями при «лечении» болезней, воспринимается как инструмент, усиливающий действенность ритуалов. Любопытно, что народная молва нередко приписывает колдунам владение некоей волшебной книгой *Магнией* (Чернушка), название которой представляет собой контаминацию слов *магнит* и *магия*. Удачливых рыбаков называют *знатки́ми*, сближая их с носителями тайного знания. Заговорная традиция, как и исполнение особых ритуалов, по нашим наблюдениям, до сих пор отмечается даже у молодых охотников. Показателен следующий рыбацкий заговор на приваживание рыбы: *Палочки есть такие, считается мосточки, к ульям прилаживаются. Пчёлки залетают вот на эти мосточки, чтобы садиться. Им ведь тяжело с медом-то лететь. Прилетят, сядут на мосточки. А которы опять рыбаки их берут, когда идут морды ставить. Ставят и говорят: «Как в мой улей пчелы залетают, так чтоб в мои морды рыба залетала». Люди ставят морды, ставят – нет рыбы, а сосед идет и из морды по полведры вытаскивает*. (Зап. от М. Н. Ивановой., 1932 г.р. в д. Усть-Зула Юрлинского р-на). Использованная в этом сюжете заговорная формула *Как в мой улей пчелы залетают, так чтоб в мои морды рыба залетала* строится на «привлечении» носителем традиции на свою сторону силы природного, неподвластного человеку пчелиного инстинкта. Применение рыбаками заговоров до сих пор распространено (ср. записанный в 2010 г. в г. Верещагино от рыбака 1951 г.р. заговор на рыболовные снасти: *Буди моя рыбица неприкослива, неурослива, иди ко мне, рабу Божию, скоро, беспонятно и бесповоротно против быстрыя воды, осенния реки, назад не оглядывайся и в сторону не отворачивайся, иди ко мне, рабу божию* (имя)*, ежечасно, на утренней заре, в мои железныя уды, рыбица налим большеголовый и востроносица-щука, иди ко мне, рабу Божию* (имя)*, по всяк день и по всяк на утренней заре, и на*

вечерней заре, в день под солнцем, в ночь под месяцем и под частыми звездами, и под всею окружностью Божиею. Тем моим словам ключ и замок, именем Господним, Духом Святым, во веки веков. Аминь).

Современные охотники «почитают» таежного хозяина, исполняя доставшиеся им от старых охотников ритуалы: *Бабушка говорила, штобы не это ... не злить лесных духов, или там не везёт на охоте, или там считаешь, что у тебя ружьё порченое, – пойди в лес, разожги костёр. Надо костерок или берёсточку зажечь. Огонёк сделать маленький. И прыгать надо через него. И оставить обязательно надо в лесу что-то для лесного хозяина на пенёчке – либо печенье, либо кусочек хлеба, либо конфетку. Или под ёлочку положи*. (Зап. от А. Волкова, 1969 г.р., в д. В.-Язьва Красновишерского р-на). Почитание хозяина воды выражается в своеобразной жертве: *По приезду на рыбалку первую стопку обязательно не себе, а водяному наливаешь, прямо в лунку – на удачу* (п. Ильинский). О мифическом хозяине водоёмов, «рыбном пастухе», который на зиму собирает или перегоняет обитателей глубин в теплые воды, рассказывается во многих быличках: *Вот живет праздник Успеньев день. Стоит тут на берегу дом, где покойная Татьяна жила. Станция тут у нас ещё была, мололи. Это всё у нас водой унесло. В пятьдесят первом году вода подходила, вместе со станцией всё унесла. С той поры больше ничего не делали, ни мололи уже. Одна яма осталась, кони топиться стали. Вот иду мимо, гляжу, рыба идёт косяком. Вот такие косяки рыбы! До моста дошёл, сел, гляжу, сил-то нет: «О, рыбы сколько идёт!» Отдохнул, домой уже хотел идти, вижу, мальчик с горы спускается, маленький такой, шапочка надета, в котах, ноги-те поясочками переплётены, рубашка, как раньше ткали, по-белому, бела да желта. Рубаха ещё в ремень подпоясана, раньше подпоясывали так, носили и маленькие, и большие – всё мужики. Подошёл вот: «Дедушка, чего сидишь?» – «Гляжу на рыбу, надо рыбачить». – «Так пойдём, порыбачим, сперва поиграем, а потом порыбачим?» – «Чё с тобой играть-то? Чего, нечего делать?» – «Пойдём, дедушка, пойдём», – тащит меня за рукав-то. Ну, на дороге-то мы с им поиграли. Он со мной нормально играл перво-то. «Вот, давай, дедушка, в воду пойдём хоть». – «Неужто купаться? Так покупайся, тут видишь, какой обрыв». Я же знал реку-то. Он тащит меня, схватился так, ничего понять не могу. Этот давай всё ближе к воде, а в воде-то совсем заигрался – душить начал. Из меня пьянку-то всю рукой выбило. Как с леухи дал ему по башке, шапку сбил. «Ах, ты, сука», – напрямки так и сказал. И всё. Ничего не стало. Вылез из речки, ноги нашёл, и домой: «Какой там, ещё поди опять потащит, пьяного-то?». Назавтра пошёл назад, река уже не та стала. И рыбы не стало*. (Зап. от А.С. Корпенко, в д. Лызиб Соликамского р-на).

Любопытно, что представление о духах, покровителях и хозяевах того или иного водоема сохраняется и в субкультуре современных городских рыбаков. Чаще всего хозяин воды выступает в разнообразных рыбацких быличках в антропоморфном виде, под именем *Облом Петрович*: «*Приехал на место – первым делом с Петровичем поздоровался*» (Пермь). *Облом Петрович* «подсказывает», как ловить, но чаще мешает: кусает поводки, отламывает кончики от спиннингов, забирает у чем-то не угодивших ему рыбаков самые уловистые блесны, даже лодки, рации и телефоны. Именно на него списываются неудачи, и сам он символизирует невезение: *На другой берег сплавал, закидывал – и там тоже Облом Петрович* (Пермь). Отчество этого персонажа, безусловно, мотивировано традиционным осмыслением св. Петра как покровителя рыбаков (то же в немецкой культуре, о чем говорит известное пожелание удачи рыбаку *Petri heil,* букв. «Петр освящай»). Рыбалку нередко предваряют просьбой «*Петр-Павел пророк, дай рыбы на пирог*» (Мысы Гайнского р-на). Неслучайно официальный день рыбака приходится на Петров день: «*Петры и Павлы рыбу ловили – вот Петр-то и стал рыбий Бог*» (с. Р.Сарс Октябрьского р-на). До сих пор сохраняется традиция приготовления в этот день ухи: *На Петров-то день уху варят обязательно. Собирались мужики рыбачить на Очерском пруду, а вечером там и уху варили* (д. Пахомово Очерского р-на).

Живым воплощением духа воды часто считали крупных старых щук. Характерно в этом плане зафиксированное и у коми-пермяков, и у русских поверье о том, что в озере Адты (Адово озеро Гайнского р-на) обитает огромная щука, хозяйка всех рыб. Она позволяет рыбачить на озере всем желающим, но время от времени взамен забирает то лодку, то сеть, то собаку. *Адово озеро – большое озеро, опасное. Бывает, искры выскакивают из озера, свет из его идёт. На лодке кто поедет – обязательно перевернётся. Никто и не ездит. А плавают в нём большие рыбы, щуки. Там живет нещадно большая щука, хвостом махнет – и лодка набок*. (Зап. от С.А. Лихачёвой в д. Монастырь Гайнского р-на). Показателен и запрет ловить старых щук: *не к добру; стару щуку убьёшь, дак с ней и уйдёшь* (Красновишерск). Негативное восприятие щуки очевидно также в бытующем в ряде мест запрете поминать умершего пирогом из щуки: *Щуку у нас в пирог никогда не клали, положишь – новый покойник будет* (Карагай). Впрочем, в ряде мест действуют другие рекомендации: *Родителей поминают рыбным пирогом. Со щукой стряпать можно, а с налимом нет. У щуки и чешуя, и крест в голове есть* (Елога Юрлинского р-на). В ряде мест Прикамья связь щуки с потусторонним миром объясняют тем, что в голове у нее есть *два креста и копьё* (Юсьва). Последнее толкование объясняет тот факт, что щуку нередко называют *церковной,* «божественной» рыбой: *У рыбы в голове*

крест есть. Бог дал, чтобы ели люди. Щуку бы совсем не ели, если бы креста не было у нее. И за крест-от её и едят. Видимо, она была несъедёбная (Зап. от П. И. Мининой, 1922 г.р., в с. Пелым Кочевского р-на). Рефлексы древнего культа щуки, волшебство которой отмечают многие русские сказки, устойчиво сохраняются в народной магии: *Щуку показывают человеку, который болеет желтухой. Вот поймают шуку, в ведро положат с водой, и чтобы он смотрел. И щука-то, говорят, такая же будет жёлтая. Чтобы лечить, есть щука* (Зап. от Е. М. Минина, 1936 г.р в д. Хазово Кочевского р-на); *У щуки кость есть, как крест. Даже старухи держат нижнюю челюсть, ее нужно постоянно с собой носить. В этом месте крест, между глаз. Челюсти у щуки помогают от судов. На суд идешь – с собой возьмешь, скажешь про себя на судью: «Если эти зубы сможешь проглотить, то и меня сможешь засудить»* (Зап. от В. Н. Ядренникова, 1958 г.р., в с. Коча Кочевского р-на). *Чтобы не засудили*, также вшивали за лацкан пиджака щучью кость (Усолье). Особо значимой считается длинная косточка в виде иглы из черепа щуки, которая в пермских говорах называется *сыпучая косточка* (карагайское – от диалектного *сыпить* ‘усыплять’), в вятских *рыбий сон* (ее держали в детской колыбели от бессонницы). Впрочем, от детской бессонницы подкладывали также в подушку всю высушенную голову щуки (Усолье). Известно в Прикамье применение черепа щуки пчеловодами (возле отверстия улья клали череп щуки, пойманной на Благовещенье, чтоб пчела пролазила между зубами; считалось, что такая пчела будет зубастая и злая). Щука фигурирует в строительной магии (*чтобы не было в доме порчи, зубы щуки клали под матицу, когда ее закладывали* (Чердынь)), в животноводческих оберегах (*Прежде чем подоить только что отелившуюся корову, ее вымя подкуривали щучьими зубами, которые клали на угли.* (Усолье)).

С особыми предосторожностями нередко изготавливались рыболовные снасти. В частности, нежелательно было срезать на удилища прутья тех растений, который росли рядом с муравейником: *чтобы не ловить одну мелочь* (чердынское; ср. близкий по сути гайнский обычай срубать на шест-*очеп* для зыбки березку, растущую около муравейника – *чтобы в доме чаще рождались дети*). Не вырезалось удилище из наклонившегося дерева (особенно на южную сторону) – чтобы рыба не срывалась с крючка (усольское). При обращении со снастями также действуют разнообразные запреты, призванные сохранить их «чистоту»: нельзя плевать или наступать на сети и удочки, перешагивать через них женщинам.

Отголоски древнего почитания рыбы хорошо ощущаются в особых ритуальных действиях, с которыми связано само занятие рыбной ловли. Русские и коми-пермяки края приурочивали к началу рыболовства обряд

жертвоприношения воде, «дарили воду»: бросали в нее яйца, блины, хлебом, мелкие денежки и даже куски ситца, задабривая хозяина воды. Дарение воды исполняется нередко и просто при выходе на рыбалку: *Обычно берешь с собой хлеб, курево, монеты, монеты кидают иногда в воду. Хлебушек оставляешь на берегу, или сигареты – как дань платишь. Ты же не будешь рыбу за бесплатно постоянно ловить. Монеты бросаешь в речку, говоришь, чтоб рыба ловилась. Часто его не вспоминаешь, хозяина-то, или вообще его имя стараешься не говорить, а намёк делаешь. Потому что будешь часто вспоминать – к Богу подальше, говорят* (Большая Коча Кочевского р-на). Перед уходом на промысел гадали: подкидывая вверх рукавицу, произносили: «*Ну-ка, рыба попадет или нет мне*»? (Если рукавица падала большим пальцем вверх, считалось, что попадет. – Юсьва). В этой гадательной, обрядовой версии задействован известный в разных культурах знак одобрения поднятый вверх большой палец.

В деревнях до сих пор верят, что нельзя идти на рыбалку, если человека наполняют злые мысли. Информанты рассказывают, что утром перед рыболовством не рекомендовалось топить печь (труба должна была оставаться закрытой, чтобы рыбаку повезло: *Когда рыбачить идешь утром, печку не надо топить, пусть уходит до топки, чтобы труба не была открыта* (Пуксиб Косинского р-на). Смысл последнего обрядового предписания связан с традиционным восприятием печной трубы как одного из каналов связи со сверхъестественным миром (знахарки в доме лечат при закрытой трубе; для облегчения страданий умирающего принято открывать печную трубу). Необходимость уходить рыбаку из дома при закрытой трубе, таким образом, связана с его желанием «изолировать» себя от всего домашнего и достигнуть большего контакта с природным.

Считалось, что нельзя брать на рыбалку еду из рыбы; в доме не мели полы и не выносили мусор из дома, если кто-то уходил на рыбную ловлю. Повсеместен запрет иметь перед рыбалкой интимную связь с женщиной. Верили, что даже прикосновение женщин к орудиям промысла могло повлечь за собой неудачу (этот остаток бытового полового табуирования связан с тем, что промысловая деятельность считалась мужским занятием).

Особое поведение требовалось от рыбака на месте промысла. Показателен, в частности, запрет на свист: *На речке, говорят, не свистят. И в лесу не свистят. Даже вон, на корабле, говорят, не свистят тоже. По уху сразу мужики дают, как только начинаешь свистеть. Без рыбы останешься и без денег*. (с. Коча Кочевского р-на). В народе верят, что свистом, который связан с нечистой силой, можно привлечь беду, испортить погоду, и призвать нечистую силу, и отпугнуть ее [Плотникова

1999: 300]. Из представлений, что свист приводит к опустошению близкого человеку пространства возникли известные запреты свистеть в доме, на поле, в стойбищах для скота.

Особое внимание уделяется первой, пойманной за сезон рыбе и первому улову: первую рыбу принято отпускать (иногда предварительно укусив ее за хвост, произнеся слова «*Давай своих товарищей зови*»). После поимки ее обмывают: *Перву рыбу поймать, дак надо обмыть её, стопочку принять. Потом лучше клевать будет* (пос. Ильинский).

Сакральными качествами наделяются не только многие виды рыб, но и пища из рыбы, даже рыбацкие снасти. Рыба, как известно, занимает большое место в мировых мифологиях. В древнейшие эпохи до появления земледелия и скотоводства был распространен ее культ, о чем свидетельствуют, например, каменные рыбы из неолитических погребений, многочисленные наскальные изображения рыб. По древним представлениям некоторых народов (напр., хантов), люди произошли от рыб. Образ рыбы соотносится в древних представлениях с Нижним миром: предки верили, что на огромной плывущей рыбе держится земля. Известно, что особенно много изображений рыб в культовых местах, в местах захоронений и на стенах гробниц. И в наши дни рыбные блюда обязательны в похоронно-поминальной обрядности (в Прикамье это уха, рыбные пироги). В ряде традиций рыба – воплощение души умершего человека; одновременно это символ чистоты, плодородия, плодовитости, изобилия. Это объясняет появление рыбы (рыбных пирогов, ухи) в Прикамье и в свадебном обряде, и на родинах, и на похоронно-поминальном столе (память об этом хранит шутливое пермское побуждение гостя угощаться *ешь уху, поминай баушку глуху*). Готовят на поминки рыбные пироги, рыбу. Рыбный пирог использовался в обрядах строительства: перед тем как поднять матицу, строители поясами привязывали к ней рыбный пирог, завернутый в белый холст как символ будущего довольства хозяев дома; пирог также ставили в печь при ее битье: *Когда с боков глину забьют, внутрь печи кладут рыбный пирог* (Зап. от А. А. Семушева, 1939 г. р., в д. Доег Юсьвинского р-на); он был существенной частью родильного обряда: навещая роженицу, гости обязательно приносили рыбный пирог. Рыбник обязателен и в ряде хозяйственных обрядов. Так, если в лесу потерялась корова, пишут записки лесному: *Лесному записку положат, так скотина выйдет. Ручкой пишут, этому мужику лесному запишут: «Отпусти нашу скотинку, не держи нашу скотинку». Рыбный пирог пекут обязательно и и кладут на пень. Кладут кто на пень, кто куды. Или на елку в красном платке вешают*. (Зап. от Е.И. Трушниковой, 1912 г.р., в с. Усть-Зула Юрлинского р-на).

Особое значение имел рыбный пирог на свадьбе. Известен в Прикамье обычай варить уху в момент сватовства, чтобы «обеспечить» его успех. В Карагайском р-не первым кушаньем в доме невесты считались пироги из щуки с хреном. В Кунгуре перед венчанием на стол выставляли рыбный пирог: *Все рыбы-щуки в пироге лежали головой к иконам, все в одну сторону. Верхнюю корку пирога жених по кругу срезал, всё по солнышку шёл, пирог не двигал, не поворачивал, нельзя было. Верхнюю корку пластал крест-накрест. Кусочек откинет, рыбку из пирога вытащит, положит на тесто и невесту кормит. Это перво было, потом все остальные ели*. Примечательна здесь ориентация щуки головой к иконам, что говорит о ее почитании (ср. также: *Рыбу-то, пирог ставят головой-то к богу, в красный угол* (с. Воскресенское Уинского р-на)). Рыбным пирогом невеста кормит жениха перед брачной ночью (остатки пирога утром в подоле она выносит овцам, корове, домашней птице *для приплода* (Усольский р-н)). Как испытание невесты, встречается задание ей на второй день свадьбы чистить рыбу, печь пирог: *Для второго дня целую ванну живого леща чистили, невеста руки все исколола* (Березники). На второй день свадьбы, после брачной ночи, невесту заставляли стряпать рыбный пирог: *Давай, невеста, жарь-парь* (Зап. от А. Ф. Оньковой, 1923 г.р., в д. Они Юсьвинского р-на). Примечательно толкование смысла изготовления этого свадебного пирога из рыбы: *Собираются все родственники, за стол сядут. Раньше ведь вино было, пиво, рыбный пирог делаешь, стряпаешь, в общем, полный стол. Рыбу с головами запекали. Рыба, говорят, главная, как голова человека. Голову нужно съесть хозяину. Хозяин должен голову съесть обязательно*. (Зап. от М.И. Баяндиной, 1954 г.р., в д. Гавино Юсьвинскиого р-на). В Кишертском р-не в пирог второго дня свадьбы запекали щучьи головы *для потехи; мол, много детей должно быть, и чтоб все головастые*. Рыбью голову в свадебном пироге при запекании обязательно выставляли наружу, *чтобы голова родилась*, а когда шли «*проведать пирожком*» на кашу к новорожденному, рыбник приносили уже из трёх рыб, две из которых были без головы, и одна главная с головой (Усолье).

В Усольском р-не после брачной ночи тысяцкий «рыбу лучил, ставил на телегу лодку, запрягал лошадь и ездил по деревне с острогой – тыкал ею в палки, бревна, щепки, что удавалось подцепить, кричал: «*Лёши попал*!» В этом же р-не в деревне Турлавы лошадь запрягали в лодку: *Такие маленькие лодки были, бортнички, свекровку в этой лодке катали, чтобы веселяя было*. Известно также свадебное ряженье второго дня свадьбы в рыболовов: *Наутро в рыбака наряжались, крючок да удочку сделают, шляпу на кого-нибудь наденут, сачок дадут, он ходит, свадебжан цепляет, маленьких ребятишек в сачок ловит* (Кишерть). Подобное комедийное разыгрывание рыбалки, ее шуточная имитация, как

и многие игры, завершающие свадебный ритуал, имел в прошлом обереговый, очистительный и одновременно продуцирующий смысл.

Мотив рыбалки и уловления невесты сетью част и в свадебной поэзии. В причитаниях невесты на ее слова *Я пойду, пойду на быстрые реки, Обернусь я рыбой щучиной*, удалый молодец говорит: «*Я пойду, пойду во торг да во торг, Я куплю, куплю двенадцать неводов, Я найму, найму двенадцать рыбаков, Сам пойду я во тринадцатыих. Изловлю я рыбу щучину, Доступлю я красну девицу-душу*!» (Красновишерск). Вероятно, сюжет игры вносит идею своеобразной реинкарнации девушки-невесты в рыбу. Вообще сюжет ловли рыбы, развивающий древнюю аналогию рыбалки и брака, достаточно универсален для народной культуры. На севере Прикамья невеста во время свадьбы от сглаза опоясывалась обрывком сети или *тетвой* (верхней веревкой сети). Дело не только в магических свойствах обереговых узлов-наузов на сети; невеста в обряде предстаёт как «заловленная» сетью, т.е. как полученная в ходе поединка добыча.

В народной речи образ ловли рыбы устойчиво соотносится с представлением эросного контакта и беременностью (отсюда шутливое орловское выражение *поймать линя*, пермское *рыбку поймать* ‘забеременеть’). На этом же соотнесении ребенок – рыба созданы выражения типа сибирского *ме́ня* (т.е. налима) *поймать*, пермского *съесть рыбку (окуня)* ‘забеременеть’. Аналогичный сюжет част и в шуточном фольклоре – в частушках типа *Что мне делать, что мне делать, что мне делать, сироте, съела окуня живого, шевелится в животе*. Образ реализован во многих частушечных текстах: *Ох, и скушала я жареную рыбку. Как хоти, дорогой, к зи́ме надо зыбку*; *Под Усольским под мостом рыба плавится хвостом. Девки ловят да едят, карапузиков родят*. В прикамской частушке даже совместная рыбалка юноши и девушки предстаёт как образ любовной связи (*Про меня наговорили, про меня набачили, дескать, мы с миленочком на озере рыбачили*), а образ изобилия рыб в реке становится знаком счастливой любви (*Интересный ручеёчек, рыбочка за рыбочкой. Интересный мой миленок, завсегда с улыбочкой*).

Наглядно особое, мистическое отношение к рыбалке проявляется в календарной традиции. Отдельные даты народного календаря отмечены весьма колоритными деталями, связанными с темой народных промыслов. В весенний период наиболее заметными следует считать прогностические ритуалы. Например, на Масленицу в масленичном поезде, наряду с другими хозяйственными занятиями, демонстрировались элементы рыбной ловли, ее атрибуты: *Во время Масленицы катались на лодках, ездили в корыте по дороге, как рыболов в лодке. Отталкивались от земли палками, палками били по земле, будто рыболов рыбу глушат. Лодку*

запрягали в лошадь… (с. Редикор Чердынского р-на). В Добрянском р-не в запряженной лодкой масленичной процессии также имитировали рыбную ловлю: *Дак два мужика все, у них лодка была сильно большая, а к лодке прицеплены были оглобли. Запрягут в лошадь, в лодку поставят печку маленькую, стол поставят, замесят в избе теста, нарубят мясо, фарш заготовят. Два мужика едут, один лошадью правит, а другой стоит, рыбачит рыбу, у него в мереже сухая рыба, насована в мерёжу-то. Он ботает там, хоркает, одна бабка сочни делает, а другая пельмени щиплет. А этот мужик, который лошадью правит, он печку топит и эти пельмени варит, и бутылка стоит, и дружочек пива стоит в лодке-то. А кони-то идут, лодка шибко долго едет. Трясет, прямо как плывет* (д. Заболото Добрянского р-на).

Рыбаки совершали ряд магических ритуалов на Великий четверг. Чтобы был успех, изображали рыбную ловлю: *Берут тряпку вместо сетей, и ходят, будто рыбу ловят* (д. Бадья Юрлинского р-на); рыбаки залезают на крышу и *саком сачат, чтобы пуще рыба ловилась, и репей жгли, сети, снасти окуривали, чтобы рыбка ловилась. Всяки работы делали: вот рыбаки утром залезут на сеновал и оттуда сетями рыбу ловят. Рыбу чтобы ловить летом больше. Они сами и говорят, чтобы, мол, рыба большая попалась, много рыбы* (Зап от А.А. Баталовой в д. Антипино Юсьвинского р-на). Для того чтобы рыболовный процесс в году был успешным, в этот же праздник Великий четверг было принято бросать мерёжу посреди двора. В этот день замечали также по разным приметам, удачным ли будет год на рыбу: шли к скоту и смотрели, в какую сторону головой лежит корова: *Примечают, где корова, куда лежит. На юг если – рыбный год будет* (с. Касиб Соликамского р-на). Нередко на Великий четверг окуривали рыболовные снасти (дымом можжевельника, от сожженной паутины и пр.): *Прокуривают мережи, там тенета насобирают в голбце, в баночку, потом зажгут. Морды, всякие сети – это всё подкурят* (д. Дубровка Юрлинского р-на). Приемы очищения промыслового снаряжения, кроме календарных праздников, применялись и непосредственно перед началом рыболовства, в первый выезд на реку. Окуривание, при котором дыму приписывалась очистительная сила, применялось и на рыбалке в случае невезения: на Иньве, например, в этом случае вытаскивали невод на берег, разводили костер и забрасывали его травой, направляя дым на невод; очищались и сами рыбаки, проходя через этот дым.

Рыбаки по р. Сылва особо выделяли Алексеев день (30.03), с которого рыба трогается с зимовья: *На Алексия с гор вода – рыба со стану* (с. Молебка Кишертского р-на). Чермозские рыбаки знали и другие приметы, связанные с Алексеевым днем: *На Алексея теплого щука хвостом лед пробивает*, *Рыба идет с зимовья и стоит под берегом*

[Кирьянов, Коренюк, Чагин 2007: 137]. В поздневесенний период были актуализированы многие погодные приметы и явления, по которым также определяли рыбацкую удачу в предстоящем сезоне и году. Так, считали, если первый гром прогремел в постный день (среда, пятница), в этом году *будет хороший лов рыбы* (Соликамский р-н); *Если река вскроется в постный день – рыбы будет много* (Частинский р-н). Важным календарным периодом было время нереста рыбы. Во многих деревнях Прикамья отмечали, что в это время не запускали мельницы и не звонили в колокола, чтобы не пугать рыбу.

Из летних праздников особое значение для рыболовной темы имел Петров день. Как уже отмечалось выше, в Прикамье широко бытует представление о Петрове дне как празднике рыбаков, с чем связано коллективное приготовление ухи, приуроченное к этому дню: *На Петров рыбачат, уху варят* (д. Черепаново Чердынского р-на). Другим «рыбным» праздником в некоторых традициях считался Иванов день (7.07), предшествующий Петрову дню. В Прикамье это единственный праздник, известный как «Рыбный»: *Иванов день – Иван Рыбный. Все старались рыбное, молосное не ели. Рыб обязательно выжарят* (с. Вильгорт Чердынского р-на). Скорее всего, название праздника связано с обычаем употребления рыбных блюд в праздник, приходящийся на время летнего петровского поста. Благоприятным днем для ловли рыбы считался и Ильин день (2.08). С этого дня начинали применять один из самых распространенных способов рыболовства – лучение рыбы. Любопытно, что эта рубежная дата значима и для начала других крестьянских занятий – например, для выгонки меда, для сбора, выкапывания и пробования первых овощей.

Тема рыболовства, впрочем, как и охоты, последовательно реализуется в рождественских обрядах. В святки в Соликамском р-не молодежь играла в игру «Ловить (гонять) рыбу». Рыболовы «рыбу гоняли». Для этого зажигали ночник. «Рыболова» садили в санки и волокли по избе, по деревне, где придется. Он сковородником или ухватом тыкал в ноги маленьким ребятишкам, сопровождающим рыболовную потеху. В Чердынском р-не вместе с рыболовом «рыбу гонять» отправлялись три «чертенка». Они волочили «рыболова» на салазках. Нагайкой «рыболов» хлестал маленьких ребятишек и одновременно правил возницами: *«Рыба-то не клюёт, дак вы бы, черти, хоть пуще волочили»*. В селе Нижний Шакшер Чердынского р-на «рыбаки» ловили девушек в сети. В деревне Ратегово этого же р-на пойманных в сети девушек участники игры дергали в разные стороны за нос: *определяли*, *хороша, нехороша попала*. Игра «Ловить рыбу» была известна и как троицкая (во многом напоминает игры типа «Ручеек», которые учеными относятся к предбрачным): *Все становятся парами,*

берутся за руки и поднимают их вверх. Из начала в конец колонны между игроками проходит парень. Во время движения он хватает за руку понравившуюся ему девушку и за собой «волочет её в гнёздышко (Березовка Усольского р-на).

Охота еще в большей степени, чем рыбалка, осмыслялась традиционно как колдовское занятие, об охотниках (особенно удачливых) всегда говорили как о знающихся с нечистой силой людях: *Дедушко у нас был, дак мы без мяса не жили. Он в лес пойдет, штук десять зайчéй принесет за плечами. И уток, и кого только не носил. Придёт домой, в какой-то день скажет баушке: «Надо стол накрыть». Старая всё сделает, как он велит. Дедушко за столом сидит, с кем-то разговариват, угощат кого-то, а кого, мы не видим. Только в окошко костки обглоданные летят. Потом говорили, что когда умирать дедко стал, дак мучался шибко, печку всю руками расклал, все ногти в кровé были, вот как он его мучал, бес-от* (д. Келич Юрлинского р-на). В данном тексте воспроизводится такая устойчивая характеристика колдуна, перенесенная на охотника, как «трудная смерть»: он не может умереть, не передав своего знания и подвластной ему нечистой силы другому, а темные силы удерживают знающего на этом свете, так как нуждаются в нем. Часто в быличках отмечается особая связь охотника с лешим: *Деревня Балда, там жили дедушка с бабушкой мои, в самом лесу. Я приеду к им, а они знались с этим лесным-то. Дедушка говорит баушке – завтра к нам гость придёт, надо барашка заколоть. Старуха брагу наделает, всё приготовит. Наутро приходит парень – такой здоровой, чуть не до потолка, грузной. Садится за стол к окошку. Он этого барана всего съест, а косточки в окошко выбросит. Кринку браги выпьет. Баушка говорила – зато мы с дедом никуда далеко не ходили ни по грибы, ни по ягоды. Только пойдём – как насыпано. Иной раз собирам, фур-р-р – падёт прямо в руки полюшка, ну, рябчик. Баушка говорит: «Ну, дедушка лесной опять нам добычу оставил»* (с. Юрла).

Владение несложными приемами охотничьей магии, заговорами, использование обереговых и продуцирующих ритуалов достаточно типично и для современного промысловика: *Для удачи на охоте – идешь через три порога и приговаривают: «Иду через три я порога, пошли Господь мне батюшка». Иду через три я порога, и Бог мне пошли с воды и с неб и с земли. Это обязательно, на рыбалку, в лес или на охоту идешь. С правой ноги надо выходить. Крыло можешь взять, чтобы тебе дичь попалася. Можно взять на охоту глухариное крыло, весят на ружье, на дуло* (д. Акчим Красновишерского р-на). Во многих рассказах специально подчеркивается, что те или иные приемы охотничьей магии и обрядности достались в наследство от родителей: *Мне раньше отец говорил: охотник в лес идёт, печку погладит: «Печка, жди, я приду, чтобы готова ты*

была, чтобы мясо жарить». И идешь из дому, если кто-то встретится, шапку наоборот одеваешь, чтобы к дому именно смотрела. Это чтобы ты не плутал по лесу. Я иногда так делаю, если далеко ухожу, на лося или что. (Зап. от И.А. Нестерова, 1963 г.р., в с. Большая Коча Кочевского р-на); *Отец меня учил всегда хозяина благодарить: «Взял что небось – спасибо, хозяин». Шапку снял, поклонился, иначе не будет везения. То, что, на ружьё взято, дома кошке не давать – чтоб пёрышка даже в зубах не держала. Кошка чтобы возле ружья не ходила, иначе удачи не будет. Ро́ну не будет с той стороны* (с. Чашкино Соликамского р-на).

Наглядно сохранение древних представлений в современной охотничьей среде выражают многочисленные эвфемические, восходящие к табуированию названия лесного зверя. Отголоски представлений об общей природе человека и зверя, о звере как первопредке, древняя вера в то, что животные понимают человеческий язык, породили массу словесных запретов. Так, у охотников медведь называется *черным зверем*; охота на него опасна, что и подчеркивает указание на символически черный цвет (реальный цвет зверя – бурый). Слово *зверь* также используется как эвфемическое обозначение крупного, опасного животного – лося (Средний Урал, Прикамье), медведя: *Нонче не слышно, а раньше зверь-то похаживал, коров частенько убивал, шатался зверь-от раньше; берлоги у его были, а сейчас лес вырубили, машины ходят – зверь-то и забоялся* (с. Вильва Соликамского р-на). Редкое название медведя *лесной свёкор* (Гайны) построено в духе традиционных эвфемических задабриваний приписыванием родственных отношений (как широко известные в говорах названия болезней типа *тетушка, кума* лихорадка, пермское *своё* о падучей). Соотношение медведя с отцом мужа, который воспринимался как глава рода, скорее всего, учитывает «статус» зверя, который воспринимается обычно как хозяин тайги. Примечательны в этом плане обратные аналогии с медведем (зверем) свекра (и свекрови с медведицей) в невестиных свадебных причетах [Успенский 1982: 164], ср. близкое в пермских свадебных причитаниях: *Как чужой да свекор да батюшко – ой, да он взглянет-ту да по-звериному; как чужая свекровка да матушка, ой, да она взглянет-ту да по-змеиному…* (Записано от А.М. Пикулевой, 1937 г. р., в с. Пож Юрлинского р-на).

В прикамской промысловой традиции и в народных говорах до настоящего времени бытует значительный по объему пласт лексики и фразеологии, выражающий самые разные стороны охотничьего и рыболовного промыслов. Как показывают наблюдения за функционированием промысловой терминологии, в последнее время отмечается изменение традиционного промыслового словаря, его обновление за счет заимствований из общерусского охотничьего словаря,

из других языков. В обрядности и фольклоре в разнообразных формах наглядно выражено мифопоэтическое восприятие промысловиками природного мира и ключевых для народных промыслов понятий. Образы охоты и рыбной ловли используются как базовые для кодирования многих ритуалов, как семейных, так и календарных, для оформления приемов народной защитительной и продуцирующей магии, активно используются в символическом переосмыслении не только в обрядовых, но и в лирических фольклорных текстах. Промысловый словарь фиксирует информацию о традиционных промыслах, сведения о жизни рыб, зверей и птиц, о культуре взаимодействия человека с природным миром, может быть использован для реконструирования многовекового опыта народных воззрений на природу.

Примечание

[1] Раздел, посвященный описанию культурно-мифологических традиций промыслов Прикамья, разработан в рамках выполнения гранта РГНФ № 14-14-59005 «Коммуникативные коды в коми-пермяцкой культуре (речь, фольклор, обрядность, символосфера)».

Список литературы

Боргояков В. А. Лексика охоты и рыболовства в диалектах хакасского языка. Автореф. дисс. … к. филол. н. М., 2001. 22 стр.

Воронова Л. А. Русская промысловая лексика рыбаков Беломорья. Автореф. дисс. … к. филол. н. Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1968. 16 с.

Герд А. С., Корнев А. И., Рускова М. П. Русские названия рыб // Из истории слов и словарей. Л., 1963. С. 29–36.

Коломиец В. Т. Происхождение общеславянских названий рыб. К IX Международному съезду славистов. Киев: Наукова думка, 1983. 160 с.

Кошкарева А. М. Специальная лексика северных р-нов Тюменской области. Мат. для областного словаря. Ч.2. Нижневартовск. 1995. 153 с.

Куйдина Е. П. Ихтиологическая лексика воронежских говоров. Автореф. дисс. … к. филол. н. Воронеж, 2012. 24 с.

Мамаева Т. В. Метафорические наименования как отражение языковой картины мира охотников и рыбаков Приенисейской Сибири. // Приенисейская Сибирь как лингворегион: материалы I межвуз. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. памяти В.Н. Роговой (Красноярск, 2–10 нояб. 2009 г.). Красноярск, 2010. С. 218–221.

Михеева Н. В. Из рыболовецкой лексики уральских казаков (названия орудий лова и их частей) // Вопросы русской диалектологии: сб. науч. тр. Л., 1976. С. 99–105.

Орестова Е. И. К истории формирования рыболовецкой терминологии Западной Сибири // Говоры Урала и Западной Сибири. Нижний Тагил, 1972. С. 86–97.

Острецова Л. М. Тематическая группа «Орудия лова» в говорах Среднего Приишимья // Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск, 1981. С. 130–138.

Охотничий словарь Прикамья / Белавин А. М., Подюков И. А. [и др.]; [науч. ред.: И.А. Подюков]. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2014. 215 с.

Петроченко В. И. Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья. Красноярск, 1994. 128 стр.

Попов И. А. Из наблюдений над псковской рыболовецкой лексикой. // Псковские говоры. Труды II псковской диалектологической конференции. Псков, 1968. С. 35–38.

Рыболовный словарь Прикамья / Бакланов М. А. [и др.]; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т; [науч. ред.: И.А. Подюков]. Санкт-Петербург: Маматов, 2013. 200 с.

Сенкевич В. А., Махалкина М. П. Рыболовные орудия Обь-Енисейского водного бассейна и их терминология (словарь терминов с указанием р-на хождения термина). // Ученые записки Магнитогорского гос. пединститута, вып. 7, 1958. С. 78–95.

Сердобинцева Е. Н. Профессиональная лексика русского языка: структурно-семантический, функционально-стилистический и когнитивный аспекты. Автореф. дисс. … к. филол. н.. М., 2011. 40 с.

Сувандии Н. Д. Охотничья лексика в тоджинском диалекте тувинского языка. // Новые исследования Тувы. Электронный информационный журнал. 2013, №1. URL: http: tuva.asia›journal /issue_17/5981-suvandii.html (дата обращения: 08.06.2014).

Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М.: Изд-во МГУ, 1982. 245 с.

Халюков Ю. В. Названия промысловых рыб в лексике рыбаков Орловской области // Живая старина, № 2. М., 2009. С. 35–38.

Храмцова В. П. Лексика псковских рыбаков. Автореф. дисс. … к. филол. н. Л., 1969. 18 с.

Чагин Г., Кирьянов И., Коренюк С. Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена. Пермь: Книжный мир, 2007. 163 с.

Щитова О. Г. Промысловая лексика в русских говорах Среднего Приобья XVII века как зона межъязыкового взаимодействия. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009, № 04. С. 96–100.

I. A. Podyukov
Professor of General Linguistics Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

PECULIARITIES OF PRIKAMYE FISHING SPEECH
(on the materials of hunting and fishing vocabulary)

Semantic and stylistic vocabulary peculiarities of fishing and hunting Prikamye speech are described in the article. Thematic groups of fishery nominations, ways of hunting and fishing dictionary replenishing, peculiarities of fishery speech figurativeness are studied. Cultural and mythological connotation of hunting and fishing vocabulary and ritual terminology, symbolic use of fishery vocabulary in folklore language are characterized. Conclusions concerning changing of traditional regional hunting and fishing dictionary at the contemporary stage of development of fishery speech, its update by borrowing from all-Russian hunting and fishing and other languages dictionary are made.

Keywords: traditional and contemporary subcultures; regional peculiarities of hunting and fishing speech; hunting and fishing vocabulary; folklore and ritual tradition of hunting and fishing.

УДК 81’373; 001.4

Елена Николаевна Полякова
профессор кафедры теоретического
и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
32polyakova@mail.ru

КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ В ПРИКАМЬЕ XVI-XVIII ВЕКОВ (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности)[1]

По данным памятников Пермского края XVI – начала XVIII в. рассмотрены названия продуктов растительного происхождения, рыбных, мясных и молочных продуктов, а также основы прозвищ и фамилий из таких названий. Лексика и ономастика свидетельствуют о преемственности культуры питания Русского Севера, о сохранении основных традиций этой культуры в Прикамье с XVI до XX в., о языковых и культурных связях русских с коми-пермяками. Наблюдения этнографов над пермскими данными XIX-XX вв. дополняются результатами исследования деловых текстов XVI – начала XVIII в., актуальными как для этнографии, так и для истории русского языка и ономастики.

Ключевые слова: лексика; ономастика; культура питания; зерновые; овощи; грибы; мясо; молоко; рыба.

Духовная и материальная культура Пермского края описана этнографами, историками, путешественниками, составителями словарей преимущественно по материалам XIX-XX вв. [Белицер 1958; Гайдамашко 2007; Кирьянов 2007; Кривощеков 1914; На путях из земли Пермской 1989; Чагин 1991; Чагин 1993; Чагин 2002а; Чагин 2002б и др.]. Вместе с тем лексика (апеллятивы) и ономастика пермских рукописных и опубликованных деловых памятников второй половины XVI – начала XVIII в. дают возможность представить многие предметы быта и черты культуры жителей Пермского края в этот период истории Верхнего и Среднего Прикамья. Вместе с тем изучение особенностей материальной культуры позволяет полнее охарактеризовать определенные тематические группы лексики, семантику составляющих их слов, ономастику региона, черты формирующихся здесь говоров и складывающегося просторечия XVII-XVIII вв.

В начале главы представлены результаты анализа части материалов (тематическая группа «Питание: продукты растительного происхождения»), которые характеризуют хозяйственную жизнь Прикамья в далеком прошлом. Мы рассматриваем эту работу как цикл

© Полякова Е.Н., 2014

статей о культуре жителей Пермского края в XVI – начале XVIII в., реконструируемой по данным языка.

Основным источником исследования явилась лексика пермских административных, судебных, имущественных и других документов, составленных в соответствии с узуальной нормой делового языка допетровской эпохи, которая продолжала действовать в Прикамье и в начале XVIII в. (до 1710 г.), а иногда и далее. В деловых актах отражена живая речь в показаниях истцов, ответчиков, свидетелей, а также при назывании предметов быта в различных описях имущества и при характеристике хозяйственных и других действий. Это привело к передаче на письме не только общерусской нейтральной лексики, но и сниженной, просторечной и диалектной.

К изучению привлечены также материалы переписных актов XVI – конца XVIII в. (писцовые, переписные, дозорные книги, ревизские сказки), фиксирующие большое количество некалендарных имен, прозвищ и образованных на их базе фамилий жителей Пермского края. Основой этих именований являлись апеллятивы – слова нарицательные. Ономастика переписей послужила источником восстановления лексики, употреблявшейся в живой речи, но не попадавшей в тексты документов. Реконструированная лексика нередко характеризует такие детали быта, которые не описаны в памятниках апеллятивами.

Основным источником пермской ономастики послужили те же документы, какие дали свод исследуемой лексики. Пермская лексика и ономастика представлена в составленных автором данной статьи «Словаре пермских памятников XVI – начала XVIII века» (далее СПП) и «Словаре пермских фамилий», (СПФ), а также в картотеках этих словарей.

Семантика исследуемой лексики устанавливается обычно на основе контекста, в котором употреблено анализируемое слово. Для уточнения значения слов проводится также сопоставление с материалами этнографических исследований и современных пермских (АС; СГТ; СПГ; СРГКПО) и других диалектных словарей, в частности обобщающего «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), в котором использована помета *Перм.* – ‘пермское’ для характеристики лексики Верхнего и Среднего Прикамья. Особое внимание уделяется данным диалектных словарей говоров Русского Севера (АОС, СГРС), явившихся источником живой речи Прикамья, а также среднеуральских говоров (СРГСУ, СРГСУ-Д), генетически связанных с пермскими.

Большую часть населения Пермского края в XVI – начале XVIII в. составляли крестьяне, государственные в Перми Великой, Соли Камской, Кунгурском и Осинском уездах и относящиеся к владениям именитых людей Строгановых. Крестьяне проживали в деревнях, погостах (селах), городках и острожках, в формирующихся в XVI–XVII вв. городах

Чердыни, Усолье Камском (Соли Камской), Кунгуре. Быт других жителей городов (ремесленников, служителей церкви, подьячих, писчих дьячков, купцов, стрельцов (позднее солдат) и иных групп населения почти не отличался от быта крестьян. И бытовая лексика практически для всего населения была общей.

Русская речь могла звучать в Пермском крае с XII–XIV вв. В XV в. Пермь Великая входит в состав Московского государства, к концу XVII в. на территории Прикамья, судя по переписям и исследованиям историков, преобладало русское население. Вместе с тем русские проживали здесь в контакте с коми и шло активное взаимодействие русской речи с коми-пермяцкой, о чем свидетельствуют слова финно-угорского происхождения в русских текстах XVI–XVII вв. [Полякова 2008а] и говорах XIX–XX вв. [Полякова 2008 б]. Взаимодействие привело к обогащению лексики каждого из языков, особенно в области бытовой лексики.

В питании жителей Пермского края XVI–XVIII вв. существенную роль играли продукты из выращиваемых здесь же зерновых культур. Еще до появления русских в Прикамье существовало подсечное земледелие, которое у коми-пермяков имело относительно высокий уровень, о чем свидетельствуют исследования историков и этнографов [На путях, 1989: 92], а также топонимия Перми Великой. Так, в чердынских памятниках XVII–XVIII вв. отмечаются коми-пермяцкие географические названия, содержащие в своем составе формант *-ыб* (*-иб*, *-еб*) из слова *ыб* ‘поле; засеваемое поле’: *Касиб* ‘Поле Кошки’, *Катасыб* ‘Поле на склоне’, *Лызиб* ‘Хвойное поле’, *Нияиб* ‘Поле у лиственницы’, *Ураеб* ‘Беличье поле’. Ср.: *Земля на* ***Курсибе*** *на мысу* [*Уд*: 237][2], *Досталось на* ***Ния(и)бе*** *треть полосы… Пожня под* ***Ния(и)бом*** [*ЧМ* 2561: 3], *Шутем*[3] *званием на* ***Ураебе*** [*ЧМ* 2558: 5], *Шутем званием на* ***Бастрыбе*** [*ЧМ* 2558: 13], *Пожня*[4] *на* ***Катасыбе*** [*Уд*: 237]. Некоторые из названий полей перешли в ойконимы расположенных рядом поселений: деревни *Нырыб* ‘Поле Носа’, *Ручиб* ‘Поле Лисы’ [*Я*: 24, 29], *Вилиб* ‘Новое поле’, *Ижиб* ‘Поле Овцы’ [*КЧ*: 77, 80] и другие.

Вместе с тем с приходом русских шло дальнейшее развитие земледелия: переход к трехполью, к регулированию удобрения и т.д. Появлялись и русские названия угодий со словами *поле* (*Большое поле*, *Дубовое поле*, *Кляпово поле*, *Мягкое поле*, *Култаево поле*), многие из которых также дали ойконимы, ср.: деревни *Большое Поле, Мягкое Поле, Дубовое, Кляпово, Култаево* [Пермская область 1963: 447-475].

Земледелие в Прикамье было сопряжено с постоянным отвоевыванием пахотной земли у леса. Приходилось разрабатывать *чертежи* – участки, на которых был сведен лес. Чтобы освободить от деревьев участок под пашню, на нем *чертили* лес, т. е. *подчерчивали* каждое дерево, нанося черты ударом топора и разрушая кору вокруг всего

ствола, ср: ***Чертеж*** *против Березова острова над Камою а* ***подчерчиван*** *вязник и осинник и всякий лес*[5] [*Ш* 3: 201], ***Чертил*** *отец мой… лес для пахоты в Кунгурском уезде на Большом поле* [*КЗСИ*: 475]; ***Чертил*** *мое займище Григориево на Бубыльской дороге со встоку Онания* ***чертил*** *и прицыщал*[6] [*Уд*: 238].

На таком *подчерченном* участке деревья высыхали, вымерзали, их сжигали и засевали землю, иногда бросая зерна в еще теплую золу, что сокращало период созревания растений. В первый год урожай на таком участке был очень высоким, но затем он снижался, через 5-7 лет поле оставляли незасеянным, т.е. оно уходило в перелог[7], становилось шутемом.

Чертежи были распространены на территории и Верхнего, и Среднего Прикамья, их русское название *чертеж* укрепилось и в коми-пермяцком языке [КПРС: 533], вытеснив во многих местах коми синонимы *тыла* и *воль*. В Пермском крае возникали деревни с названием *Чертеж* [СГТ: 400], первая из которых отмечена Иваном Яхонтовым на реке Боровой в писцовой книге по Перми Великой 1579 г. [*Я*: 10 об.]. Сохранилось много микротопонимов, образованных от термина *чертеж*: луг Чертеж в селе Вильгорт, поле Чертеж на реке Уролка, поле Чертежи у села Карагай и т.д.

Земледелие было осложнено не только большими затратами труда на подготовку участков, но и суровым климатом, особенно на севере края, в Перми Великой. Сохранилось несколько документов из Ныроба (старое название – Нырыб), в которых жители просят отменить подати: *У нас место украйное Подкаменное*[8] *самое студеное хлеб мало родится и морозом озябает по вся годы* [*Ш* 3: 791]. Тем не менее в XVI–XVIII вв. зерновые растили по всему краю и слово *хлеб* постоянно попадало в документы.

Земледельческая лексика в Перми Великой складывалась на основе говоров Русского Севера (ныне Архангельская и Вологодская области), так как именно оттуда шел основной поток крестьянской миграции в Верхнее Прикамье. Об этом свидетельствуют многочисленные пермские прозвища, а затем возникшие на их базе фамилии: *Белослудец* – переселенец из Белой Слуды на Северной Двине, *Вологжанин* – из Вологды, *Двинянин* – с Северной Двины, *Колмогоров* – из Холмогор, *Мезенец* – с реки Мезени, *Пинежанин*, *Пенягин* – с реки Пинеги и т.д. [СПФ].

В Прикамье XVI–XVII вв., как и на Русском Севере, лексика, обозначающая вспахивание земли, была образована от глагола *орать* ‘пахать землю’: *оранина*, *ораный*, *оранье*, *взораный*, *взорать*, *переарывать*. Ср.: *В их чертежах явилось старой* ***оранины*** *и вновь* ***взорано*** *по смете переездов десять* [*КЗСИ*: 439]; *Подал челобитную я*

сирота твой Васька на него Ивашка в насильстве в ***оранье*** *в перемене… и тою* ***ораною*** *землею владеть мне Ваське* [*КЗСИ*: 2]; *По речке Кызгану* ***взораных*** *земель, что* ***взорали*** *кунгурцы* [*КЗСИ*: 439]; *В земли после сего друг к другу не вступатца… и меж не* ***переарывать*** [*КМ*: 66].

Глагол *пахать* пришел в Прикамье с деловым языком в официальных текстах, где употреблялся в оборотах *пашню пахать* ‘владеть пашенной землей и платить подати в соответствии с этим владением’, *пашенный крестьянин* ‘владелец земли под посев’, *беспашенный* (*непашенный*) *крестьянин* ‘лицо, не владеющее пахотной землей’, *хлеб пахать* ‘выращивать зерновые’, ср.: *Говорил он Федька что де он половничает и* ***хлеб пашет*** *исполу* [Полякова 1979: 54]. Семантика глагола *пахать* хорошо видна в отрывке из кунгурского акта 1687 г.: ***Пахать*** *исполу: посеяти нам исполшиком*[9] *вешнего севу ярового всякого хлеба 10 переездов… и тот хлеб нам исполшиком ять… никакого хлеба не обронить и скотом не стравить и под снег не пустить и в клады скласть сухо и в кладях тот хлеб обгородить* [*КА*: 130]. Таким образом, *пахать* в данном тексте означает ‘вырастить хлеб, собрать его, сберечь от потравы скотом, от мороза, сложить в клади, которые следовали обгородить’.

В живой речи жителей Прикамья у глагола *пахать* лишь постепенно утверждается значение ‘взрыхлять землю под посев’. Он вытесняет синоним *орать*, хотя последний употребляется в речи старшего поколения в сельской местности до настоящего времени [Акчим. сл. 3: 120; СПГ 2: 47: СРГКПО: 171].

Все названия зерновых культур в пермских памятниках являются общерусскими. Общим названием для них было слово *хлеб*, вместе с тем оно зафиксировано с разной семантикой. Хлебом называли 1) зерновые культуры (рожь, пшеницу, овес, ячмень) на корню: *Потравили скотом своим насевного моего* ***хлеба*** *в бору ржи… и пшеницы озимовой без четверти сороковой переезд* [*КЗСИ*: 444]; 2) сжатые зерновые культуры: *Досматривал на поле… сжатого немолоченого* ***хлеба*** *ржи в кладе… и* ***хлеб*** *на овине насажен* [*КЗСИ*: 814]; 3) зерно: *В клети* ***хлеба*** *ржи четверик да овса два четверика* [*КСАУ*: 123]; 4) выпеченный хлеб: *Покрали у меня неведомые воровские люди на поле из стану мешок холщевый с* ***хлебом*** *печеным* [*КЗСИ*: 159]; 5) одна штука (буханка, каравай) испеченного хлеба: *Он де Федор ему Конану на дорогу дал два* ***хлеба*** *ярушников* [*КЗСИ*: 797].

Многозначным является и образованное от него прилагательное *хлебный*, отмечаемое в сочетании с различными существительными, ср.: *хлебный извоз, хлебный недород, хлебная потрава, хлебное жалованье, хлебные запасы, хлебный бус, хлебное вино, хлебная пахота, хлебный анбар, хлебные полки, хлебные магазины, хлебный струг, хлебная квашня, хлебная память* (документ) и др. [СПП 6: 81].

В Прикамье выращивали такие зерновые культуры, как рожь, пшеница, ячмень и овес: *А как бог подаст и та нам* ***рожь*** *пожати вместе* [*Уд*: 237]; *Он истец ему Еремке семенного* ***хлеба ржаного****… не давал* [*КА*: 136]; *Пахать и сеять* ***орженой*** *и яровой* ***хлеб*** [*КА*: 150]; *Потравили скотом насевного моего хлеба…* ***пшеницы*** *озимовой 2 четверти* [*КЗСИ*: 444]; *Репишо засеять* ***ячменем*** [*КМ*: 37]; *У меня Михаила Бабинова полтора переезда* ***овса*** *съели по смете 5 овинов* [*КЗСИ*: 328].

Климатические условия Перми Великой требовали посева наряду с яровыми озимых культур, и в деловых документах с помощью слов *озимовой*, *озимый*, *озимое*, *озимь* и *яровой*, *яровое*, *ярица*, постоянно уточняется, о каких зерновых идет речь. Озимой культурой была рожь, противопоставляемая в документах остальным, яровым культурам: *Того хлеба моей половины* ***ржи*** *20 четвертей да* ***ярового*** *хлеба ярицы ячмени и овса 16 четвертей* [*КА*: 135]; *На монастырской земле монастырских семян сеять* ***озимого*** *ржи по мере а* ***ярового*** *овса и ячмени по две меры* [*ГКЭ* 17: 11261]. Рожь называли *озимью* и *ржаной озимью*: *Насевной* ***озими*** *и пшеницы озимовой переезда з два* [*КЗСИ*: 121]; *Досматривал на поле… насевной* ***ржаной озими*** *пеезда з два* [*КЗСИ*: 814]. Однако в памятниках отмечается и *озимая, озимовая пшеница*: *Потравили у меня… на поле насевного нежатого хлеба переезд ржи да переезд* ***пшеницы озимовой*** [*КСАУ*: 201]; *В кладях с овин* ***ярицы*** *с овин* ***озимой*** *пшеницы* [*КЗСИ*: 121]. *Ярица* в последнем тексте противопоставлена *озимой пшенице*. *Ярицей* называли яровую пшеницу в отличие от других яровых культур: *В клети хлеба… ржи четверик* ***ярицы*** *полтретья четверика ячмени полтора четверика* [*КА*: 4]; *Ярового хлеба* ***ярицы*** *ячмени и овса 16 четвертей* [там же]. *На поле в кладях с овин* ***ярицы*** *с овин озимой пшеницы* [*КЗСИ*: 121].

Изредка пшеницу в пермских текстах характеризовали как *летнюю* или *зимовую*: *Овина з два ячмени с овин пшеницы* ***летней*** [*КЗСИ*: 121]; *Насевного хлеба пшеницы* ***зимовые*** *по смете четыре овина* [*КСАУ*: 204]. Слово *зимовой* в таком употреблении (*зимовая рожь*) отмечается в других русских памятниках и в историко-лингвистическом словаре [СлРЯ XI-XVII вв. 5: 391], но слово *летний* в характеристике хлеба не встретилось в других памятниках и отсутствует в этом словаре. Вместе с тем оба слова отмечаются в говорах XIX-XX вв. [СРНГ 3: 279; СРНГ 17: 18]. Это дает основание считать слова *летней* и *зимовой* в характеристике зерновых попавшими в пермские тексты из живой речи, из говоров. При редактировании документов писцы обычно заменяли их принятыми в деловом языке словами *яровой* и *озимой*.

Посев яровых называли словосочетанием *вешний сев* или словом *вешная*: *Посеяти нам исполшиком* ***вешнего севу*** *ярового всякого хлеба 10*

переездов сороковых [*КА*: 130]; *Прежний муж ея Федосьицын на ево Ефремкове лошаде* ***вешную*** *сеял* [*КА*: 125]. В пермских говорах XIX-XX вв. в таком значении отмечается слово *вёшна* [СПГ 1: 94].

Зерновые в Прикамье XVI – начала XVIII в. мололи на мельницах разного вида: *Да тое ж деревни Сереговы* ***мельницы колотовки*** *на ручью* [*К*: 61]; *Сожгли у меня* ***мельницу мутовку*** *на речке Березовке* [*КСАУ*: 1009]; ***Мельница*** *на ручью* ***мутовочная*** *мелет хлеб* [АПМ: 61 об.]; *На той речке на Толыче ему Богдану поставить* ***мельницу мутовчатую*** [*Ш* 2: 164]; *Посадцкого человека Андрея Клестова на речке на Черной* ***мельница немецкое колесо*** [*Я*: 6].

В писцовых и переписных книгах XVI-XVII вв. помимо населенных пунктов отдельно отмечаются как поселения мельницы: *Да на реке ж на Усолке 2* ***мельницы*** *колесныя а оброку с них три рубли* [*К*: 140]. Обслуживали мельницу *мельник* и *засыпка* ‘работник на мельнице, подносящий мешки с зерном и засыпающий зерно для помола’: *Двор монастырской где живет мельник и засыпка* [*АПМ*: 167]. Слово *засыпка* дало фамилию Засыпкин и сохраняется в пермских говорах до настоящего времени: *Мельник был и* ***засыпка***. ***Засыпка*** *он как помощник, он примет зерно, он сосчитат* [СРГКПО: 105].

В пермских материалах много текстов, в которых упоминаются продукты, полученные из злаковых культур (*мука*, *крупа*, *толокно*, *солод*) и используемые для приготовления пищи. Чаще всего упоминается *мука*: *Унесли с той мельницы два четверика* ***муки ржаной*** *неведомо хто* [*ЧА*: 144]; *В мешках три осмины* ***муки пшенишной****… згорело в мешках три осмины* ***муки пшенисной*** [*КЗСИ*: 1009]; *Четверть* ***муки овсяной****… осмина* ***муки яшной*** [*КСАУ*: 698].

В процессе работы на мельнице появлялась мучная пыль – *бус*, который собирали и использовали как муку: *Привели в Чердынскую приказную избу… с поличным з* ***бусом*** *хлебным Офонку да Пантелейка Розепиных* [*Ар*. к. 6: 1421]; *Привод… с покраденным хлебным* ***бусом*** *Петрушки Игумнова* [*РСЧ* 8:44]. Это слово отмечается в диалектных словарях пермских говоров XX в.: *В войну-то зерна мало было, так мы когда его молотили, весь* ***бус****, пыль мучную, со стенок сметали, дак потом хлеб пекли из нее* [СПГ 1: 67]; *Раньше хлеб-от пекли, сеяли муку – дык полным-полно на стенках* ***бусу****-то насадится* [Акчим. сл. 1: 101]. От него образованы синоним *бусенец* и глагол *бусить* ‘распространяться в виде мельчайшей пыли’ [там же]. Из русских говоров Прикамья слово попало в коми-пермяцкий язык: *бус* ‘мельничная пыль’ [КПРС: 47].

До настоящего времени слово *бус* не найдено в русских памятниках других территории России. Оно не зафиксировано в «Словаре русского языка XI–XVII веков», а в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» отмечено только по чердынским

документам [СОРЯМР 1: 310]. Оно является диалектным в настоящее время [Архипенкова 2007: 71]: в «Словаре русских народных говоров» зафиксировано только в вятских, пермских и сибирских диалектах, в которых отмечаются также образованные от *бус* ‘мучная пыль’ синонимы *бусок* и *бусь* [СРНГ 3: 307, 308], слова *бусиха* ‘мельница’, *бусовик* ‘сторож на мельнице, заметающий и хранящий мучную пыль’ [СРНГ 3: 302, 305], словосочетания *бусовитое сито* и *бусовое сито* [СРНГ 3: 306].

Источником исследуемого слова в Прикамье были говоры Русского Севера (архангельские), в которых зафиксированы *бус, бусица*, *бусок* ‘мучная пыль’, *бусак* ‘ковш для пива’, *бусник* и *бусовик* ‘хлебное изделие из мучных высевок или отходов от помола’ или ‘пирог из гороховой муки’, *бусной* ‘предназначенный для муки’ [АОС 2: 185–187; СГРС 1: 226, 229].

В Пермском крае широко использовались ячневая (из ячменя) крупа и овсяное толокно: *В том анбаре запечатано… полосмины* ***круп яшных*** [*КА*: 262]; *У него Якова на Кунгуре в дому хлеба пшеницы и ржи и муки ржаной и* ***круп яшных*** [*КЗСИ*: 358]; *Да вместо* ***круп*** *и* ***толокна*** *дватцеть две четверти ржи* [*Ар*. к. 3: 933].

В приготовлении пищи и напитков использовался *солод*, полученный из проращенных, высушенных и размолотых семян злаков: *Осмина муки яшной полосмины* ***солоду*** *немолотого* [*КСАУ*: 698]; *Полторы осмины* ***солоду*** *молотого* [*РГАДА* 829: 1001]. В памятниках упоминаются *солодовни*, в которых проращивали семена, и процесс изготовления солода – *солодорощение*: *Да за монастырем же* ***солодовня*** *ростят в ней хлеб на монастырский обиход на квас* [*АПМ*: 61 об.]; *Всяких мелких промыслов квасу сусла масла конопляного и коровья ветчинного сала* ***солодорощения****… на откуп не давати* [*АПМ*: 158].

В XVI – начале XVIII в. мерой сыпучих тел, в частности муки, круп, толокна, молотого солода, была *кадь* [СлРЯ XI-XVII вв. 7: 13]. В пермских памятниках, когда идет речь о зерне, обычно фиксируются части этой меры – *третник*, *четверть*, *четверик, четь, осмина* или их части: *За 307* ***четвертей*** *с* ***полуосминою*** *и за* ***полчетверика*** *и за малый* ***третник*** *круп и толокна* [*Ш* 3: 489]; *В том анбаре* ***четверть*** *пшеницы яровой* [КЗСИ: 128]; ***Осмина*** *муки яшной* [*КСАУ*: 698]; *3* ***осмины*** *овса* ***полосмины*** *пшеницы* ***полосмины*** *круп ячных* [*КА*: 252]; ***Полполполчетверик*** *муки ржаной* [*Ш* 2: 441].

Но на севере Пермского края в середине XVII в. для измерения муки и круп использовали такую меру сыпучих тел, как *позмог*: *Пшеницы же семенной 6* ***позмог*** *да на нем же Пимене взяти муки* ***позмог*** *пшеничные* [*Уд*: 237]; *Ржи три* ***позмоги*** *да хмелю полбезмена да ячменю* ***позмог*** [*Уд*: 238]. Все случаи употребления этого слова записаны от жителей чердынского погоста Цыдвы.

В этом же значении слово отмечается лишь в одном из северных русских актов: *Собрали крупы и толокна… обоего пополам, в вес в государев железной* ***позмог****... Всякая четь мука и крупы и толокна в вес в государев железной* ***позмог*** *в пять пуд* (СлРЯ XI-XVII вв. 16, 118).

Вместе с тем в пермских текстах 1623 г. оно встречается и в совершенно ином значении – как географический термин или топоним: *Пожня на усть речки Усолки, а межа от Усолки-речки, от Лиханкины пожни, с нижную сторону от* ***Позмога*** *да с нижную ж сторону от Панкратовские пожни*. Попытки установить этимологию слова *позмог*, найти однокоренные слова в каких-либо источниках привели пока только к обнаружению в коми-зырянском (удорском) говоре глагола *позмögасьсьыны* ‘застрять, задержаться где-либо’ [ССКЗД: 290]. Эта семантика глагола дает возможность рассматривать как связанные два разных значения слова *позмог* в пермских текстах: 1) емкость, в которой остается (застревает) при измерении часть сыпучих тел; определенное количество, мера сыпучих тел; 2) то, в чем застревает (утопает, увязает) кто-либо, т.е. топкое место. Их связывает общая сема ‘застревать’. По-видимому, слово *позмог* коми происхождения.

Обычно заимствованные русскими в XVI–XVII вв. коми слова отмечаются в настоящее время и в коми-пермяцких, и в коми-зырянских говорах: *шором*[10], *шутем* и др. Слово *позмог*, судя по источникам исследования, либо попало к русским из коми-зырянского языка, либо существовало в прошлом и в коми-пермяцких, однако со временем исчезло.

В пермских памятниках XVII – начала XVIII в. представлены названия пищи, приготовленной из продуктов, полученных из зерновых. Хлеб округлой формы называли *колачем*: *Паворозы*[11] *ему дала выняв из пристена татарка девка Кулпика и говорила она ему чтоб он шел и заложил на* ***колачех****… принес к ней паворозы шелковые и дал ей в закладе в копеешном* ***колаче*** [*КА*: 10].

Другое название такого хлеба – *челпан*: *Взял два* ***челпана*** *хлеба* [*КСАУ*: 566]; *Несла* ***челпан*** *хлеба* [*КСАУ*: 708]. Это слово было распространено на широкой территории в Пермском крае и сохранилось в современных русских говорах: ***Челпаны*** *на руках помесишь, потреплешь и на доску… Оне все из оржаной муки* [СПГ 2: 524]; *Раньше* ***челпаны*** *из пшенисной муки пекли, счас хоть из какой… К жениху-то невесту везут, ей дают от жениха-то родители хлеб-****челпан*** [СРГКПО: 258]. Слово заимствовано из коми-пермяцкого языка (*човпан* ‘каравай’ [КПРС: 540]), отмечается в коми-зырянских говорах (*чöвпан*, *чöлпан* ‘каравай, коврига’ [ССКЗД: 417]) и, возможно, восходит к прапермскому языку [КЭСКЯ: 310].

Существовали и другие названия печеных или жареных хлебных изделий. К сожалению, они не попали в тексты как слова нарицательные, но об употреблении их свидетельствует ономастика. В XVI–XVII вв. появлялись прозвища людей метафорического характера, возникшие в результате сравнения человека с каким-либо предметом. Многие из них легли в основу формирующихся в этот период семейных именований – фамилий. В основе пермских фамилий оказалось немало «хлебных» именований, либо данных полным людям, либо образованных в каких-то особых ситуациях, связанных с хлебными изделиями. Ср. зафиксированные в пермских памятниках фамилии *Алябышев, Блинов, Житнухин, Житнушкин, Капустников, Катышев, Ковригин, Короваев, Козулин, Колобов, Кулебакин, Левашов, Лепехин, Лепешкин, Мякишев, Мяконькин, Мякотников, Оладнев, Пирогов, Пирожков, Пресняков, Прянишников, Пшенишников, Пыжов, Репников, Ситников, Соковнин, Сыромолотных, Шаньгин, Ягодников* [СПФ].

Апеллятивы, ставшие основой этих фамилий, употребляются в пермских говорах до настоящего времени. Часть их называла печеный, обычно круглый хлеб разной величины, ср.: *алябыш – **Алябыши** из солоду замешаны в печи испекены… Я тебе привезла два **алябышка** на квас,* [СПГ 1: 10]; *катыш* ‘колобок’ [СРНГ 13: 137]; *коврига – Ныне ведь **ковригами** хлеб-от продают, в магазинах-то, и стряпать не надо бабам* [СПГ 1: 399]; *коровай* ‘каравай’; *мякиш* ‘булка’ [СРНГ 19: 78]; *мяконьки* ‘хлеб из мелко смолотой муки’ – *Стала **мяконьки** катать, по сусекам собирать* [СПГ 1: 534]; *мякотник* ‘хлеб из ржаной или овсяной муки’ [СРНГ 19: 80]; *пресняк* ‘печеное изделие из пресного теста’ [СРНГ 31: 93]; *пшеничник – На праздник **пшеничники** пекли. Пшеница-то белая, а белый хлеб только ко празднику пекли* [СПГ 2: 250]; *ситник* ‘хлеб из просеянной ячменной муки’ [СРНГ 37: 354]. Из теста и пекли, и жарили *блины*, *оладьи*, *лепешки*. Готовили к праздникам *пряники* и *козули*, *козулечки* ‘рождественское печенье в виде фигурок животных’ – ***Козулечки** настряпают – и рога, и хвостик, и ножки выстряпают’* [СПГ 1: 401].

Пекли пироги и пирожки с разной начинкой, ср.: *пирог*, *лепеха* ‘пирог’ [СРНГ 16: 362]. Название пирога зависело от названия его начинки, ср.: *капустник* ‘пирог с капустой’ – *Я люблю **капустники**, стряпаем их частенько. Свежую капусту изрубишь, кипятком заваришь, отожмешь горесть-ту, сметанки добавишь; тесто изладишь* [СПГ 1: 377]; *репник* (*рипник*) ‘пирог с репой’ – *Поешь пироги-**рипники**. Правда масло замерзло на них уже* [СПГ 2: 289]; *соковой пирог* ‘пирог, испеченный из теста, замешанного на «соке» – осадках перетопленного сливочного масла’ – ***Соковые** пироги хорошие, вкусные* [Акчим. сл. 5: 113], *соковина* ‘пирог с конопляным семенем’ – *Вкусная **соковина** ноне вышла* [СРГСУ 6: 38].

Неудачный пирог или другое мучное изделие называли *кулебакой*: ***Кулебака*** *– которой не удастся хлеб-от. Пирог сёдни у меня кулебака вышел* [СПГ 1: 449]. Такой хлеб получался иногда из *сыромолотой* (сыромолотной) муки, т.е. полученной без предварительной сушки зерна в овине – *Сейчас почему хлеб плохой? Потому что мука-то* ***сыромолотная*** [СПГ 2: 430].

Пекли *пыжи* – пирожки из смеси различной муки [СРНГ 33: 187], пирожки с ягодами – *леваши*, *левашки* [СРНГ 16: 306], шаньги с кашей, ягодами, творогом: *житнуха* ‘ватрушка из ячменной муки’ [СРНГ 9: 192]; *шанька* ‘печеное изделие в виде ватрушки или лепешки’: *Налевка для шанег быват… из каши, из заспы* [СПГ 2: 541]; *ягодник* ‘шаньга ягодная’: ***Ягодник*** *стряпали, ростреплешь тесто на жаровнике, польешь ягодами, вареньем. То же самое звали шаньга ягодная* [СПГ 2: 570].

В пермских памятниках упоминаются некоторые предметы, используемые при подготовке теста и изделий из него: *сельница* ‘деревянный лоток, на который сеют муку и на котором раскатывают тесто’, *сито*, *квашня, решето*: *Посуды две кади* ***сельница сито квашня*** [*КЗСИ*: 358]; *блинная сковорода*: *В онбаре … топор дроворубный* ***сковорода блинная*** [*КЗСИ*: 123].

Фамилии XVI–XVIII вв. (*Колобов*, *Опарин*, *Пирожников*, *Сподобин*) и сопоставление с данными диалектов XIX–XX вв. дают возможность реконструировать названия предметов и продуктов для подготовки хлебных изделий и дополнить список лексики XVI–XVIII вв.: *опара* ‘закваска для теста’:*У нас на огороде все как на* ***опаре*** *киснет – добрая земля* [СПГ 2: 43]; *колоб* ‘ком, скатанный из теста’ [СРГСУ 2: 38]; *пирожник* ‘скалка для раскатывания теста’: *Раскатывают тесто* ***пирожником***. ***Пирожник*** *делается из дерева, ручки маленьки, тонкие, чтобы держатся было ладом, а в середине толстый, чтоб раскатывать можно* [Акчим. сл. 4: 45]; *сподоба* ‘сдоба, молоко, масло, яйца и т.п., добавляемые в тесто для вкуса’ [СРГСУ-Д: 515].

Фамилии *Лапшин* и *Пельменев* [СПФ: 210, 286] свидетельствуют об употреблении пищи из вареного теста (*лапша*, *пельмень*). Заимствование из коми-пермяцкого языка *пельмень*, образованное из слов *пель* ‘ухо’ и *нянь* ‘хлеб’ («хлеб в виде уха»), подверглось при вхождении в русские говоры Прикамья фонетическим изменениям. В части *нянь* Н > М, а гласный А после мягкого согласного под ударением перед мягким согласным перешел в Е, как в русских диалектных словах *грезь* (*грязь*), *опеть* (*опять*). Однако в XVII–XVIII вв. процесс адаптации слова *пельнянь*, видимо, еще не завершился: в пермской ономастике отмечается и фамилия Пельленев [СПФ: 286]. Слово *пельмень* еще не утвердилось в русском языке, его не отмечает «Словарь русского языка XI–XVII вв.». Не исключено, что пермская (кунгурская) фамилия Пельменев, записанная в

1686 г. (*Житель города Кунгура Федотко* ***Пельменев*** [*КА*: 117]), является самой ранней фиксацией основы *пельмень* в русской письменности.

Пельмени с древности были распространены в Прикамье, они были удобной пищей для охотников, зимой уходивших на промысел надолго и далеко. Можно было быстро растопить на костре снег в котелке (*котлике*: ***Котлик*** *медной ветхой красной меди* [*КЗСИ*: 814]) и сварить пельмени, которые были сытной пищей из хлеба и мяса одновременно.

Однако, судя по исследованиям материалов XIX–XX вв. [Чагин 1991: 77] и современному приготовлению пельменей в Прикамье, их делали не только с мясом, но и с рыбой, капустой, редькой, репой, грибами, творогом. Видимо, так было и в XVI–XVIII вв.

Крупы (в памятниках, преимущественно ячневая) использовались для приготовления каш. Однако словом *каша* называли не только пищу, сваренную из крупы, но и продукты питания в целом (преимущественно крупы и муку): *Где ему старцу жить построить келью и* ***кашу*** *и одежду и питие давать ему им земским старостам с мирскими людьми* [*Ш* 5_1: 222].

В памятниках отмечается слово *кашевар* ‘повар’ (*До Перми генваря с числа найму три рубля дватцать алтын с денгою послом по четыре денги человеку* ***кашеваром*** *их по три денги человеку на день* [*Ар. к.* 2: 708]) и фамилии Кашев, Кашин, Кашкин, Кашеваров [СПФ: 160] и Густокашин [СПФ: 108] и прозвище Мерзлая Каша: *Крестьянин деревни За Осиновым Федька Иванов сын* ***Мерзлые Каши*** [*Е*: 123].

Фамилия Саламатов [СПП: 314] свидетельствует об употреблении каши из муки, ср.: *саламата* ‘жидкий кисель, мучная каша, болтушка’: *Пойду-ка* ***саламату*** *заварю* [СПГ 2: 314]. Фамилия Сальников [СПФ: 333] могла быть образована из многозначного слова *сальник*, одно из значений которого (‘овсяная каша с маслом или с салом’) отмечено в архангельских и вологодских говорах [СРНГ 36: 68], связанных с русской речью Перми Великой.

С мукой или крупой могли варить жидкое кушанье (род супа): *року* (ср. фамилию Рокин) ‘похлебку с крупой’ или ‘похлебку из ржаной муки с рыбой’ [СРНГ 35: 3], *репню* (ср. Репнин) ‘похлебку из рубленой репы с крупой или мукой’ [СРНГ 35: 72], *бебеню* (ср. Бебенин) ‘жидкое кушанье из солода’ [СРНГ 2: 168]. Эти названия не зафиксированы в современных пермских говорах, но они отмечаются в других севернорусских источниках.

Распространенным кушаньем была *тюря* (ср. пермскую фамилиюТюрин [СПФ: 388]) ‘хлеб или сухари, корки, покрошенные в воде с солью; хлебная окрошка на квасу, ино с луком’ [Даль 4: 451].

Возникшие в Прикамье фамилии Кулагин и Сырчиков [СПФ: 202, 368] говорят о приготовлении в XVI-XVIII вв. изделий из муки или крупы

с яйцами, сметаной и другими продуктами, ср. в современных пермских говорах: *кулага* ‘тестообразное кушанье из ржаной муки и солода (иногда с ягодами)’: ***Кулага** – это замешают просяной солод, не шибко густо; иногда клюкву бросят* [СПГ 1: 448]; *сырчик* ‘мучное изделие в виде шариков из творога, яиц, сметаны’ [СРГКПО: 235]. Однако слово *сырчик* называло в коми говорах птицу трясогузку и могло попасть в пермскую антропонимию в этом значении.

Лексика и ономастика памятников донесли до нас только часть названий различной пищи из муки и крупы, но и эта часть свидетельствует о широком употреблении злаковых культур. Они играли существенную роль и в приготовлении напитков (*кваса*, *гущи*, *браги*, *пива*, *вина*).

Большое место в питании жителей Пермского края XVI–XVIII вв. занимали огородные культуры. В исследуемый период еще не был известен картофель, главными овощами, судя по лексике, были капуста и репа. В документах обычно отмечаются *огороды* (чаще *огородцы*) *капустники* и *конопляники*: *Два огорода один огород* ***конопленик*** *а другой* ***капусник*** [*КМ*: 1]; *У того двора с подгорья огородец* ***капусник*** [*КМ*: 15]; *Подписал яз Прокопей ему Григорью на Цыдве погосте огородец* ***конопляник*** [*Уд*: 244].

Конопля была важна в хозяйстве, так как давала волокна для грубого холста (*Два конца холсту* ***конопляного*** *мерою 28 аршин* [*КЗСИ*: 786]), а также конопляное семя и конопляное масло, используемые в пище: *Купити масла коровьяго и* ***конопляного*** [*Ш* 2: 285].

Большие площади – *репища* – были засеяны репой*: Да мне ж Семену досталось* ***репище*** *под двором в межах с сиверу и з западу круг того* ***репища*** *гсдрвы улицы* [*ЧМ* 2561: 37]. Репы выращивали много: *Искал судом я сирота ваш на нем Сеньке за потравленной свой хлеб и за* ***репу*** *пяти рублев 28 алтын* [*КА*: 65].

Апеллятивы *капуста* и *репа* становились прозвищами, давшими фамилии Капустин, Капустников, Репин, Репнин, Репнинов, Репняков [СПФ: 156, 320, 321]. Словом *капустник* называли не только огород под капустой, но и пирог с капустой (см. выше). Отмечаются в документах Прикамья слово *редька* (*И в том огородце сеяна общая* ***ретка*** [*ПКМ*: 127]) и фамилии Редькин, Редькиных [СПФ: 321], а также фамилия Кушманов из коми-пермяцкого названия редьки *кушман* [КПРС: 207]. Видимо, выращивали в Прикамье и брюкву, которая, судя по фамилиям Калюшев, Колегин, Ланкин [СПФ: 155, 173], могла иметь несколько названий: *калюша*, *ланка* и *колега* (или *калега*, как в настоящее время). Ср.: в пермских говорах XIX-XX вв. *колега* [СРНГ 14: 122], в других русских диалектах: *калюшка* [СРНГ 13:10], *ланка* [СРНГ 16: 255]. Пермские фамилии Печеницын и Печенкин [СПФ: 292, 293] образованы

от прозвищ из слов *печеница* и *печенка*, которыми называли печеные репу и брюкву [СРНГ 26: 347, 349]. До настоящего времени сохранилось в говорах Прикамья название *паренки* ‘пареные в печи репа, брюква, морковь’ (ср. фамилию XVII в. Паренкин [СПФ: 282]): ***Парёнки** есть всякие. Репу на **парёнки** сушили: соломы в печку настелют, на солому репы накладут, вместе с корой, и печку замажут, с утра до утра.* [СПГ 2: 75].

В прошлом широко употреблялся в пищу горох: *Будучи де на Мяхком поле созвал де он Савка ево Сидорку **горох** молотить* [*КЗСИ*: 121].

В пермских документах зафиксированы прозвища Огурец и Чеснок, свидетельствующие о выращивании соответствующих растений: *Житель Усолья Камского Фед(ь)ка **Огурец*** [*КС*: 156 об.], *Крестьянин починка На Горе на реке Чусовой Федька Андронов сын **Чеснок*** [*Е*: 134].

Однако не все названия огородных растений попали в исследованные пермские памятники или в прозвища и фамилии. Так, не упоминаются морковь и лук, хотя сопоставление пермских материалов с другими источниками свидетельствует об их употреблении в прошлом.

В Пермском крае всегда подспорьем в питании были грибы и ягоды, названия которых, к сожалению, не представлены в пермских памятниках как апеллятивы, но отмечаются как основа прозвищ и фамилий. Так, об использовании грибов могут свидетельствовать пермские фамилии XVI-XVIII вв. Грибов, Боровиков, Быков, Вогненкин, Еловиков, Кульбиков, Масленников, Матрехин, Пыжев, Синевин, Синягин [СПФ]. Приведем результаты сопоставления их с данными диалектных словарей, позволяющих установить, от названий каких грибов образованы антропонимы. Часть названий грибов существует в современных пермских говорах и приводится в словарях.

Бык ‘гриб валуй’: ***Быки**, оне всех первее растут из соленых-то грибов; оне горькие, их мочить надо; мало скрасна, кругленькие, низенькие* [СПГ 1: 71].

Еловик – в одних местах (Чердынский район) так называют белый гриб: *У нас белые-то грибы **еловиками** зовут* [СПГ 1: 247]. В других (Соликамский район) – гриб рыжик: ***Еловик** есть, рыжик, токо жарим его; он растет около ёлочек, около маленьких. Одне рыжики боровые, а другие рыжики – **еловики**: **еловики** не мочат, токо заваривают* [там же].

Кульбик ‘гриб валуй’: *У нас боле быками зовут эти грибы, а которы опять говорят **кульбики**… В прошло лето совсем ни одного гриба не принесла, только **кульбиков** насолила.* [СПГ 1: 450].

Масленник ‘гриб масленок’: *Идти по-за полю, немного в стороне **масленники** и растут… **Масленник** – тожё сухопутной гриб, его сушат;*

он жёлтенькой ли чё ли, оболочка у его верхняя снимается, она слизкая [СПГ 1: 507].

Другие слова, хотя и не попали в пермские источники XVI–XVIII вв., также могли называть виды грибов в Прикамье, так как отмечаются в севернорусских говорах.

Боровик ‘гриб подосиновик’ или ‘гриб рыжик’: *У* ***боровика*** *головушка красная, растёт под осиной*; *Рыжики, которы на борах растут,* ***боровики*** [СГРС 1: 154].

Пыж ‘гриб дождевик’ [СРНГ 33: 187].

Матрехи ‘вид грибов’; *матрешка* ‘гриб свинушка тонкая’: *А* ***матрешки****, они широки и они черны. Я новеньку* ***матрешку*** *сорвала, белу, ядрену* [СРНГ 18: 36].

Иногда диалектные названия грибов близки основам пермских фамилий (Вогненкин, Синевин [СПФ: 82, 347]).

Вогненец ‘гриб волнушка’: *Раньше* ***вогненцы*** *белые были, щас ничего не стало* [СГРС 2: 135].

Синявка ‘гриб сыроежка’: *Из* ***синявок*** *губницу варят. Синявки и солить можно* [СРНГ 37: 341].

Однако можно лишь предполагать, что фамилии Пыжев, Матрехин, Вогненкин, Синевин образованы от прозвищ из названий грибов. Слова, давшие фамилии, могли иметь в пермских говорах и другие значения.

Названия ягод тоже не попадали в тексты деловых памятников как слова нарицательные, но отмечаются в Прикамье XVI–XVIII вв. как основы прозвищ (Берсень, Малина) и фамилий (Жаравихин, Морошкин, Смородинин, Черницын). Ср.: *берсень* ‘крыжовник’: *Крестьянин погоста Пянтег на реке Каме Иванко* ***Берсень*** [*Я*: 34 об.]; *малина*: *Крестьянин дервни Советная Петр прозванием* ***Малина*** [*КЗСИ*: 1031]; *жаравиха* ‘клюква’: *Крестьянин деревни Усть-Уролка Иван Пантелеев сын* ***Жаравихин*** [*Ч*: 65]; *морошка*: *Чердынец Ивашко* ***Морошкин*** [*РСЧ* 4: 89]; *смородина*: *На мельнице на речке Пыскорке помольщик Сенька* ***Смородинин*** [*Е* 1: 12 об.]; *черница* ‘черника’: *Беспашенный крестьянин погоста Вильгорт на реке Колве Анисимко* ***Черницын*** [*Я*: 22.].

Использовались также плоды черемухи и шиповника, ср.: *Черемхин* от *черемха* ‘черемуха’ – *Чердынец Тереха* ***Черемхин*** [*Я*: 13 об.]; *Шипицин* от *шипица* ‘шиповник’ – *Крестьянин погоста Пянтег на реке Каме Петрушка Петров сын* ***Шипицын*** [*КЧ*: 104].

Ягоды употребляли в свежем виде, в виде *наченки* ‘начинки’ или *налевки* ‘заливки’ в печеных изделиях и заготовляли впрок, о чем может свидетельствовать слово *леваш* (ср. фамилию Левашов [*К*: 193]. В севернорусских говорах *леваш* – ‘род смоквы или сухого варенья, приготовляемого из протертых ягод (редко с добавлением сахара или

меда), высушенных на специальных досках (на солнце или в печи) в виде тонкого листа' [СРНГ 16: 306].

Использовали и орехи, ср. прозвище Орех: *Игнашко Семенов сын* ***Орех*** *с сыном Савкою* [*К*: 141]. Это могли быть кедровые орехи, кедры росли в Верхнем Прикамье: *Веретея от Сергиева камени и от* ***кедра*** *вниз по Каме* [*Ш* 2: 304].

В пермских памятниках нет специальных текстов, посвященных описанию питания в крае. Однако изучение многочисленных фрагментов деловых текстов разных жанров способствовало выявлению названий употреблявшихся в Прикамье продуктов питания и видов приготовленной из них пищи. Рассмотрение лексики в контекстах памятников и в сопоставлении с материалами историко-лингвистических и диалектных словарей позволило установить семантику выявленных слов и представить тематическую группу лексики «Питание: пища из продуктов растительного происхождения», а также характеризуемую ею область быта русских жителей Пермского края. Анализ языкового материала показывает, что питание в XVI – начале XVIII в. было основано на продуктах, полученных из растений, выращенных в Прикамье.

Сопоставление полученных материалов XVI – начала XVIII вв. с описанием этнографами данных второй половины XVIII–XX вв. свидетельствует о последовательном развитии быта русских в Прикамье, о сохранении многих навыков, традиций в питании на протяжении ряда столетий, о связях Прикамья и Русского Севера в этой области быта. Это актуально как для этнографии, так и для истории языка, т.е. для описания отражения культуры и истории в лексике и ономастике Пермского края.

Вместе с тем исследование языка памятников письменности в этнографическом аспекте дает возможность охарактеризовать некоторые особенности лексики тематической группы «Питание» и связанной с нею ономастики. Так, названия злаковых культур представлены общерусскими словами; в то же время среди названий приготовленной пищи достаточно много диалектизмов (*алябыш*, *мякиш*, *рипник* и др.), реконструированных по данным ономастики. Диалектная лексика Прикамья XVI-XVIII вв. совпадает с данными севернорусских говоров, кроме того содержит заимствования из коми-пермяцкого языка (*кушман*, *пельмень*, *челпан*), что свидетельствует о тесных бытовых связях народов Пермского края.

Не меньшую роль, чем продукты, полученные из растений, в питании жителей Верхнего и Среднего Прикамья играли мясной и молочный стол, а также рыба. Их роль особенно возрастала в холодные, неурожайные годы, которые в крае случались нередко, о чем свидетельствует ряд памятников письменности. Так, в XVII в. жители деревни Нырыб (ныне поселок Ныроб) неоднократно составляли челобитные с просьбой освобо-

дить их от уплаты подати и церковной руги из-за обнищания вследствие неурожая: *У нас место украйное подкаменное пустое самое студеное хлеб мало родится и морозом озябает по вся годы* [*Ш3*: 791].

Поэтому в пермских памятниках письменности представлена лексика, отражающая употребление мяса, молока и рыбы. Ее анализ актуален для русской исторической лексикологии, диалектологии, а также для изучения истории культуры Верхнего и Среднего Прикамья.

В писцовых книгах 1579 и 1623 гг. при переписи населения в починках, деревнях и погостах указывалось количество отводимой ему пахотной земли, леса и (что важно для данного исследования) сенокосных угодий. Последние измерялись количеством копен заготавливаемого сена, ср.: *Деревня Толстик на реке на Каме… пашни сорок чети да перелогу десять чети с осминою в поле… сена на реке на Каме по обе стороны и по заполью сто пятьдесят копен* [*Я*: 32 об.]; *Деревня Кондратьева… сена на реке на Вишере сто двадцать копен* [*Я*: 37]; *Деревня Латырь на ключе… сена по конец поль и меж пашен сто тридцать копен* [*КЧ*: 71]; *Починок Спиридоновской на Мошевском озере… сена по Мошевскому озеру тридцать пять копен* [*КС*: 123].

В Прикамье были хорошие заливные луга по берегам рек и озер, что давало возможность разводить скот. Еще в дорусской истории края животноводство было одной из важнейших форм хозяйства [Поляков 2001: 16], оно активно развивалось и в XVII–XVIII вв. Русские памятники Прикамья свидетельствуют о разведении лошадей, крупного рогатого скота, овец, коз, свиней. Следов употребления в пищу мяса лошадей в текстах не обнаружено, больше всего документов посвящено выращиванию крупного рогатого скота и использованию его мяса.

Слово *скот* зафиксировано и как общее название всех домашних животных: *Подписал… всякой свой конской и рогатой и мелкой* ***скот*** [*КСГ*: 156 об.], и как название крупного рогатого скота: ***Скота*** *у него две коровы редры*[12] *да бычек редрой же* [*Ар*, к. 3: 799]. Однако название одной особи скотина относилось только к единице крупного рогатого скота: *Взял де он Яков… у Никиты Голузина пасти* ***скотину*** *ево корову* [*КЗСИ*: 488]; *Скотину де нетель красную у Ивана Окунева… украли* [*КЗСИ*: 825]. И *скотским стадом* называли обычно стадо коров: *Та ево Никитина корова из* ***скотцкого стада*** *бежала* [*КЗСИ*: 488].

В XVII в. отмечается синоним к скотина – слово *животина*: *Украли у нас … неведомые воры две* ***животины*** *быка да телицу* [*КА*: 28]. Огороженное место пастьбы скота называли *скотным выпуском, скотским выпуском* и *животинным выпуском*: *Украли… у меня сироты Степанова Городища из* ***скотного выпуску*** *две животны* [там же]; *Скот выходил ис той вашей деревни Кляповы ис* ***скотского выпуску*** *воротами Ивана Дубровина и стояли те ворота полы многое число за очеп веревкой не привя-*

заны [*КЗСИ*: 475]; *Посадских людей* ***животинный выпуск*** *за Колвою-рекою против города* [*Ш* 2: 200]. Использовались также синонимичные словосочетания *скотинный выгон, скотский выгон* и *животинный выгон*, ср.: *От троеганные ели через согру впрямь до монастырсково* ***скотинново выгону*** [*Ш* 3: 1038]; *Дворами построиться где будет угодно и* ***скотский выгон*** *загородить* [*Ш* 51: 295]; *У Соли же Камской около городу* ***животинной выгон*** *Пыскорского монастыря* [*Ш* 3: 195].

Слово *животинный* было характерно, видимо, лишь для оборотов делового языка и только при определении места пастьбы, в других случаях оно не применялось. Так, при определении продуктов, полученных от крупного рогатого скота употреблялось прилагательное *скотский*: *Сала* ***скотцкого*** *на 10 алтын* [*КЗСИ*: 358]; *Безмен шерсти овечьи кожа* ***скотцкая*** *сырая* [*КСАУ*: 123]. Традиция такого употребления слова скотский сохранилась в пермской живой речи, в говорах, до настоящего времени, ср.: *Сичас, наверно, есь, не разобрали (у соседей)* ***скотское*** *мясо: корову кололи* [Акчим. сл. 3: 150].

Синонимом к нему в памятниках было слово *говяжий*: *Иван Демьянов принес к нему Степану в дом мяса* ***говяжья****… и то де мясо у него было воровской ли скотины или нет про то де он Степан не ведает* [*КЗСИ*: 825]; *Челобитье на Лазарка Клементьева в неотдаче проданного сала* ***говяжья*** *семи пуд* [*РСЧ* 5: 80]. Однако при наличии прилагательного говяжий *слово говядина* в исследованных текстах не зафиксировано.

В пермских памятниках XVI–XVIII вв. пока не отмечены и другие названия мяса с суффиксом -ин(а), хотя они употреблялись в иных русских источниках того же времени, ср.: *Мясо свиное и говядина тучная и боранина* [*СлРЯ* XI–XVII вв. 4: 54]; *Товару у него две кипы хмелю да четыри туши мяса свинины* [*СлРЯ* XI–XVII вв. 23: 162]; *Людем посольским… з дворца: 11 частей говядины, 2 гуся…5 частей лосины* [*СлРЯ* XI–XVII вв. 8: 284]. В документах Прикамья словами на -ин(а) называли только кожи, шкуры животных: *Принесли государева ясака только 8 соболей да две* ***лосины*** [Ш 4: 520]; *У Григорья да у Луки лосиных кож дватцеть… пять* ***оленин*** [Ар, к. 3: 815]; *Кожа сыромятная четыре* ***телятины*** *деланные* [КЗСИ: 814]; *Жил де он истец у них и шил три шубы овчинных и украл 3* ***овчины*** [КА: 69]; *Купил он… на Ирбитцкой ярманке про свой домовой обиход… белки и* ***зайчины*** *на шубы* [КСАУ: 229].

Возможно, такое употребление слов с суффиксом -ин(а) было диалектной особенностью Прикамья. Здесь в живой речи, в частности в просторечии, и в настоящее время названия видов мяса на -ин(а) иногда употребляются по-особому. Так, в г. Перми в 90-е гг. XX в., когда в продаже в связи с перестройкой появилось мясо, в витринах некоторых магазинов появлялись и надписи: *Мясо говядины, Мясо свинины, Мясо баранины*, т.е. слова с -ин(а) требовали уточнения в том, что они относятся к мясу.

В памятниках письменности Прикамья зафиксирован ряд слов, свидетельствующих о заготовке мяса впрок в больших количествах, о торговле мясом. В писцовых книгах и в других документах упоминаются мясники, занимавшиеся убоем скота, торговлей мясом: *В городе Камского Усолья… лавка Митрофана* ***мясника*** [*Я*: 5]; *В городе Чердыни… Степанко* ***мясник*** [*Я*: 14]; *А мерою поперег двора от проезжего общего нашего места что меж Никитинским двором и крестьянским двором Ивана* ***мясника****… полшестнадцати сажени* [*Ш* 2: 300]. Мясники образовывали в городах Прикамья в XVII в. свой цех – мясницкую полусотню, ср.: *Велено владеть соляными промыслами по договорной рядной записи и по зарушной росписи мясницкой полусотни Федоровской жены Щепоткина Авдотьи* [*КСГ*: 160]. О *торговле мясом свидетельствуют записи, в которых отмечается прилагательное мясной: Полки мясные и хлебные… всего 7 полков* [*КЧ*: 54]; *На Кекуре же 26 лавок да анбар торгуют в них мясным и всяким мелочным товаром* [*Ш* 52: 620].

Название человека по профессии нередко становилось индивидуальным прозвищем, на основе которого впоследствии возникала фамилия. Так появилась в Прикамье отпрозвищная фамилия *Мясников*, ср.: *Чердынец Михалко Завьялов сын* ***Мясников*** [*КЧ*: 49]; *Крестьянин деревни Кропачиха Потапко Никитин сын* ***Мясников*** [*Е*: 104].

Употреблялась в пищу и свинина – *мясо свиное*: *В постороннем же анбаре* ***мяса*** *говяжья и* ***свиного*** *провеслого пять пуд* [*КСАУ*: 123]. В памятниках много записей о свиньях. Тогда как крупный рогатый скот пребывал в хозяйском дворе или в скотском стаде (*Отдана была у меня… скотному пастуху Созону Петрову в стадо… пасти корова шерстью красная* [*КЗСИ*: 488]), свиньи свободно перемещались по населенному пункту, а иногда и за его пределами: *Из того де ево двора вышли и у сенец двери не затворили… и* ***свинья*** *де розбила у них в доме корчагу с квасом* [*КСАУ*: 211]; ***Свиньи*** *де ево ответчиковы у него исца хлеб ево и репу съели а выходили де поскотинным огородом* [*КА*: 61]; *По конец поскотинного огорода его Лучки Перфирьева у реки Шаквы водою* ***свиньи*** *оплывали Семена Панова и того поскотинного огорода у реки Шаквы по обе стороны в воду и из воды на берег тропы пробиты* [*КА*: 62]. Кроме того, в судебных документах есть немало записей о краже свиней, особенно маленьких поросят: *Взял де он Степан на поле гулящего поросенка и того де поросенка он Степан на поле своем ел… чюжих де овец и свиных поросят он не крадывал* [*КЗСИ*: 825]; *Убила де она Ефросиньица свинью веприка*[13] *небольшого а чей де тот веприк про то де он Савинко не ведает… Зарезав де она Ефросиньица того вепря спрятала во двор свой… и того веприка ела* [*КЗСИ*: 116].

Из судебных актов узнаем, что ели и баранину. Так, в одном из кунгурских актов читаем о краже и употреблении в пищу барана: *Ево Пет-*

рушку и сына ево вором и баранником называл для того что де он Петрушка с сыном своим Сенкою… Тимошки Пискуна воровски заколол овцу – ***барана*** [*КЗСИ*: 139].

Есть записи о приготовлении пищи из свежего мяса, которое называли *свежиной*: *Он де Петрушка ево Данилка и татарина Кинку держал у себя в таях под овином… и свежину варил* [*КА*: 243]. Но чаще в памятниках встречаются записи о мясе, заготовленном для хранения. Его либо просто солили, либо солили и вялили. Вяленый продукт называли *провеслым*: *Мяса говяжья и свиного провеслого пять пуд пять гусей соленых же* ***провеслых*** [КСАУ: 123].

Слово *провеслый* ‘вяленый, высушенный на открытом воздухе’ отмечается в центральных и северно-русских текстах XVI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII вв. 20: 102], с Русского Севера оно попало в пермские говоры того времени, но, к сожалению, не сохранилось в них (его нет в пермских диалектных словарях). Однако оно зафиксировано в соседних с пермскими говорах Среднего Урала: *Мясо посолят и вывесят, вот и было провеслое мясо… Ране летом-то* ***провесло*** *мясо едим* [СРГСУ 5: 23]. Отмечено оно в памятниках письменности XVII в. и в русских говорах Сибири XIX в., ср.: *Тринатцать пуд сала говяжья… мяса говяжья* ***провеслово*** *на четыре гривны* [Том. сл.: 231]; ***Провесло*** *мясо ладили, засолишь, на мочалку свяжешь, повешашь, на покос возили… Мяса провеслого наберут в поле, крупы, лапши, там котлы, там и варят* [СРНГ 32: 95].

По-видимому, мясо еще и коптили. Об этом свидетельствует употребление слов *ветчина* и *окорок*, прошедших в ономастику (ср.: *Крестьянин слободки Пыскорского монастыря Федька Прокопьев сын* ***Ветчина*** [*Е* 1: 4]; *Крестьянин деревни Зырянка на речке Зырянке Иванко* ***Окороков*** [*Я*: 11]), а также упоминание о *ветчинном сале*, получаемом при копчении окороков и используемом для смазывания: *В откуп не отдавати… всяких мелких промыслов квасу сусла масла конопляново и коровья* ***ветчинного сала*** [*АПМ*: 158].

Есть тексты XVII в., показывающие, что мясо в Прикамье использовалось иногда и в ритуальных целях. В 1675 г. в деревне Степаново Городище (около города Кунгура) житель деревни Кобеняковы, черемисин (сылвенский мариец) Умербахтка Метяков украл белого быка. А в товарищах у него были Ишпулатко Ишинбаев да Екшибайко Келметев [КА: 21]. Быка увели в свою деревню, а через неделю убили на богомолье, как пишет составитель судебных документов об этом событии. Но богомолье было языческим: сылвенские марийцы до 70-х гг. XX в. хранили обычай моления в рощах и принесения жертвы определенному богу. «Подсчитано, что они поклонялись 41 богу и духу. Во время молений каждому из них предназначалась определенная молитва и жертва – жеребенок, бык,

корова, гусь, утка» [Чагин 2002: 224]. Особенно ценились для жертвоприношений животные белой масти.

В нескольких допросах свидетелей по этому делу о краже говорится о том, что быка молили, т.е. в соответствии с ритуалом приносили в жертву, сопровождая это определенными молитвами: *Жена ево сказала принесли де то мясо которые молили* [*КА*: 23]. *Потом носили де мясо на всю деревню и делили, опрочь двух дворов. А которым де того мяса носили и тое деревни и оне де про то не ведали что краденое мясо или нет* [*КА*: 21]. *Во показаниях скрывалось, где именно было моление: И того де он не знал… где де у них была мольба* [*КА*: 22].

Названия домашних и диких животных, мясо которых употребляли в пищу, проникали в антропонимию, становились некалендарными именами или прозвищами: *Житель деревни Чюдское Городище на реке Усолке Андрюшка Романов сын* ***Вепрь*** [*К*: 142]; *Крестьянин слободы Новое Усолье Кирилко Михайлов сын прозвище* ***Кабан*** [*Е*: 106]. На базе прозвищ из названий животных возникали фамилии, сохраняющиеся до настоящего времени: *Житель слободы Новое Усолье Максимко Анисимов сын* ***Баранов*** [*Е*: 88]; *Житель деревни Посетанка Степан Леонтьев сын* ***Свиньин*** [*Стр* 1: 142 об.]. Антропонимы памятников позволяют восстанавливать употреблявшиеся в прошлом названия животных, не отмеченные в текстах в качестве слов нарицательных, например *заяц, коза, телят* ‘теленок’ ср.: *Беспашенный крестьянин Камского Усолья Иванко* ***Заяц*** [*Я*: 4 об]; *Житель Чусовского Нижнего городка Ивашко Кузмин сын* ***Коза*** [*К*: 113]; *Крестьянин сельца Камасино на реке Чусовой* ***Телят*** *Глазунов* [*К*: 118].

Антропонимы позволяют восстановить некоторые коми-пермяцкие названия животных, употреблявшиеся в Прикамье XVI-XVIII вв. – *ыж* ‘овца’, *чань* ‘жеребенок’, *порсь* ‘поросенок’ [КПРС:], ср.: *Крестьянин села Комарово Григорей* ***Ижиков*** [*Кун*: 810 об.]; *Крестьянин погоста Янидор Федька* ***Чанев*** [*Я*: 25]; *Чердынец Савка* ***Сюряпорсев*** [*РСЧ* 4: 27] – из *сюр* ‘здоровый, упитанный’ и порсь.

Итак, в памятниках есть названия животных, мясо которых идет в пищу, а также основных продуктов из них (мясо, сало), но, к сожалению, нет апеллятивов, которыми называли виды пищи из этих продуктов, кроме слова *варево*: *Иван Демьянов принес к нему Степану в дом мяса говяжья с* ***варивом*** [*КЗСИ*: 825]. Однако гипотетически по данным ономастики можно восстановить названия кушаний, в которых могли употреблять мясо. Это печеные изделия (пирог) и вареные (пельмень), названия их реконструируемые по фамилиям XVII в., ср.: *Житель слободы Новое Усолье Федор Григорьев сын* ***Пирогов*** [*Стр* 2: 389]; *Житель Кунгура Федотко* ***Пельменев*** [*КА*: 117]. Впрочем, пельмени, как и пироги, в прошлом могли быть с различной начинкой, а не только с мясом. С мясом могли готовить лапшу (*Крестьянин деревни Шайтанова Васька Емельянов сын* ***Лапшин***

[*КЧ*: 66]) и другие кушанья. Мясо (свежину, мясо провеслое) варили отдельно от других продуктов.

Кроме мясного стола в питании жителей Прикамья большую роль играли молочные продукты, о которых мы знаем по лексике (масло коровье), но преимущественно по данным антропонимии (*молоко, сметана, простокваша и простокиша, забела*): *Купить им… рыбы всякой и* ***масла коровьяго*** *и конопляного* [*Ш* 2: 285]; *Крестьянин Деревни Кушпелева Офонька Григорьев сын* ***Маслов*** [*КЧ*: 59]; *Крестьянин деревни Очга Андрушка* ***Молоков*** [*Я*: 26]; *Келарь Пыскорского монастыря Мисаил* ***Сметана*** [*АПМ*: 28]; *Крестьянин деревни Шакшер Ивашка* ***Простоквашин*** [*РСЧ* 5: 57 об.]; *Били челом великому гсдрю… старцы Соли Камской на посацкого члвка на Андрюшку* ***Простокишу*** [*АПМ*: 201 об.]; *В Усолье Камском Федька* ***Забелин*** [*КС*: 154]. Диалектное слово *забела* ‘сметана как приправа к кушанью, преимущественно жидкому’ сохранилось в пермских говорах: С крошками, с *забелой редьки нахлебашься… Грибы с* ***забелой*** *ели сметанки положишь в соленые грибы* [СПГ 1: 268].

Продукты животноводства играли большую роль не только в питании, но и различных промыслах. В документах Прикамья записано много овчинников и кожевников: *В городе Чердыни Митка* ***овчинник*** [*Я*: 14]; *В городе Камского Усолья Никитка* ***кожевник*** [*Я*: 4]. Они выделывали овчины и кожи: *Овчина черная* [*КЗСИ*: 358]; *Шил три шубы овчинных* [*КА*: 69]; *Мехи кузнишные кожи дубленой* [*КЗСИ*: 916]; *Взяли… ис той кузницы с железом моим да з запоном* [фартуком] *железным козловым цена железу и запону гривна… и запон телятиной изрезали* [*КЗСИ*: 1010].

В Кунгуре, основанном на современном месте в 1663 г., уже в XVII в. закладывается такой промысел, как мыловарение, для которого был необходим жир: *Дал я… на мылное варение тринатцать пуд сала говяжья зореного* [топленого] *а от того мылного варения ряжено было найма рубль 31 алтын… Иван ис того моего сала сварил и отдал мне мыла только шесть пуд* [*КСАУ*: 9]; *Шесть безмен мыла масляного цена 10 алтын* [*КЗСИ*: 522 а]. Кунгурское мыло славилось хорошим качеством, его вывозили во все уезды Пермского края и за пределы Прикамья. Оно упоминается в народных песнях: *Как у немзинских*[14] *у девушек / Затоплялися мыленки, / Разгоралися дровечика, / Дровечика-то самосушные, / Самосушные да самовальные, / Наносили воды колодезные, / Нагревали слизкого щелоку, / Набирали мыла кунгурского* [Чердынская свадьба: 170].

В Прикамье активно разводили разную домашнюю птицу – кур, гусей, уток, индюков, которых называли индейскими курицами: *Крала она у темной* [слепой] *Марьи Исаковой жены пять куриц и сало топленое* [*КЗСИ*: 843]: *Кто того гуся убил или собака свела или сам тотгусь пропал того де он Степан не ведает* [*КЗСИ*: 945]; *Сапаи Жданов стравил у меня собаками своими… моих шестнадцать гусей кормленых белых и се-*

рых и пестрых [*КЗСИ*: 970]; *Вынели де ис-под гусихи Марфины пять яиц* [*КЗСИ*: 408]; *Сулил он Андрей ему Исааку хмелю мешек да индейских куриц гнездо* [*КЗСИ*: 1005].

Кроме того, добывали диких птиц: *Никаким людем в той реке рыбы ловить и уток не велеть* [*КА*: 1]; *Андрея в доме не было уходил в лес рябей [рябчиков] ловить* [*КЗСИ*: 271]. Причем обычно в птиц не стреляли, их ловили с помощью сетей, установленных на просеках: *По Яйве ж вниз до плохи перевесные что птицы ловят* [*Ш2*: 298].

Жители Прикамья хорошо представляли птичий мир своего края, в их языке была развита тематическая группа названий птиц. Идущая из древности традиция употреблять эти названия как некалендарные имена или прозвища (*Белогузка, Воробей, Ворон, Ворона, Гагара, Гусь, Жаравль, Клест, Коростель, Орел, Рябок, Рябуха, Синица, Совка, Сокол, Соловей, Тетеря, Утка, Чиж, Чирок*) позволила сохранить их в составе формирующихся фамилий, ср.: ***Бакланов, Балабанов, Бугуев, Галкин, Гоголев, Голубев, Горкунов, Дроздов, Дятлев, Жаворонков, Жунев, Журавлев, Канюков, Клепицын, Клестов, Колпицын, Коршунов, Кречетов, Крохолев, Куликов, Куров, Лебедев, Моклоков, Перевощиков, Плишкин, Рябев, Селезнев, Скворцов, Снегирев, Соколов, Соловьев, Сычев, Турпанов, Цаплин, Чевелев, Черников, Черногузов, Чернышев, Шилоносов***. В основе пермских прозвищ и фамилий лежат и заимствования из коми языка в русских говорах Прикамья: ***Дозморов*** (*дозмор* ‘глухарь’ [КПРС: 124]), ***Сизев*** (*сизь* ‘дятел’ [КПРС: 428]), ***Сюзев*** (*сюзь* ‘сова, филин’ [КПРС: 467]), ***Сырчиков*** (*сырчик* ‘трясогузка’ [КПРС: 461]), ***Яборов*** и ***Ябуров*** (*ябыр* ‘скворец’ [КПРС: 591]).

Среди птиц, названия которых сохранились в лексике пермских текстов или в составе антропонимов, были и добываемые для питания: *гусь (дикий), дозмор, рябок, рябь, тетеря, разные породы диких уток – гоголь, крохаль, моклок, турпан, утка (дикая), черник, черныш*. Птицу, как и мясо животных, заготовляли впрок, в основном вялили: *Пять* ***гусей*** *соленых же провеслых* [*КСАУ*: 123].

Таким образом, разведение скота и птиц, а также охота на лосей, кабанов, зайцев и ловля диких птиц давали жителям Прикамья надежную основу мясного и молочного стола.

Вместе с тем большую долю в питании жителей Пермского края составляла рыба, даже существовало прозвище *Кова*, одно из значений которого – ‘человек, питающийся более рыбой, чем хлебом’ [СРНГ 14: 23]. От него могла быть образована пермская фамилия *Ковин*: *Житель Соли Камской Микифор Ильин сын* ***Ковин*** [*КСГ*: 126], *Крестянин деревни Сыскова Тимофей Киприянов сын* ***Ковин*** [*Кун*: 288 об.].

Действительно, Пермский край богат реками (по подсчетам географов их более 30 тысяч), есть в нем озера, и уже в далеком прошлом здесь

создавали пруды. Все это давало большие возможности для ловли рыбы. В писцовых книгах обычно за жителями записывали на оброк определенное место рыбной ловли, ср.: *За рекою за Колвою посадцких людей Гриши да Ерша Ивакиных з братьею рыбная ловля в речке Чюдовке да в озере… оброку им с тое речки да с озерка давати по десяти алтын на год* [*Я*: 16 об.]; *Покчинского погоста у крестьян рыбная ловля… в старой реке Колве в прокопи Пиминка Андреева… в речке Немыди Гилки Кочетова да Гриши Головы…* [*Я*: 22 об.]. Иногда место рыбной ловли находилось за многие десятки километром от дома, например на реке Немыд, притоке Березовой, впадающей в Колву. Учитывалась даже подледная ловля рыбы: *Посадских же крестьян рыбная ловля подледная в Григорове озерки а с тое ловли давати им чердынскому намеснику… по две бочки мелкие рыбы на год а за рыбу денгами рубль две гривны по дватцати алтын за бочку* [*Я*: 6].

В деловых памятниках разных жанров встречаются отрывки, в которых употребляются названия рыб, а также образованные от них антропонимы и лексика рыбного промысла. Так, в кунгурском акте 1668 г. читаем о рыбе, обнаруженной в стане у реки Иргины (бассейн Сылвы): *Досматривали рыбы на езу* [о слове ез см. ниже] *у священника Михайла с товарыщи… и у них рыбы нашли в стану 16 рыб красных в колоде да харьюзины и щюченины 7 колод да мелких харьюсов кадочка да икры красные рыбы 8 безмен… и ту де он красную рыбу… в реке Иргине в езу поимал а 9 колод харьезов и сшук и ту де он рыбу ловил ездя по реке Иргине сырпом* [*КА*: 2].

Слова на -ин(а) (*харьюзина, щученина*) употребляются здесь как собирательные существительные. Особо ценилась красная рыба – лосось и белая рыба – *белорыбица*: *Челобитье… на наемного своего работного человека Никитку Ферапонтова в утерянных трех белых рыб* [*КЗСИ*: 539 а]. «Член-корреспондент Академии наук П.И. Рычков отмечал в 1762 г., что в Каме “рыбы довольство всякой, а особенно белой рыбицы и лососей более, нежели в Волге”» [Кирьянов и др. 2007: 18]. Каспийский лосось поднимался до Чусовой и даже выше [там же], а цитируемый нами выше памятник 1668 г. свидетельствует о том, что лосось в XVII в. из Чусовой заходил в Сылву, далее в ее приток Ирень и во впадающую в Ирень речку Иргину.

В расспросных речах 1667 г. о землях к северу и востоку от Перми (т.е. в XVII в. от центра Перми Великой – города Чердыни), в которых записаны результаты опроса чердынцев, сообщается: *Озеро прозваньем Чюсовое*[15]*… в том озере имеется мелкие щуки язи и плотицы… Река прозванием Печера а до той де реки от города Чердыни болши трехсот верст а та река немногорыбна рыбы де в той реке бывают нельма лини щюки сиги харьюзи лещи семга а семгирыбы в той реке мало и бывает не по вся*

годы [*Ар*, пер. 7. III: 939]. Хариуса в памятниках Прикамья называли словами *харьюз* и *харьюс*.

В Прикамье, как и в других регионах России, названия рыб нередко становились некалендарными именами и индивидуальными прозвищами: *Крестьянин погоста Ильинский на реке на Обве Гришка Васильев сын* ***Гольян*** [*КЧ*: 137 об.]; *Чердынец* ***Ерш*** *Ивакин* [*Я*: 13]; *Крестьянин деревни Бегич на реке Колве Митка Яковлев сын* ***Ерш*** [*КЧ*: 79]; *В деревне Таман над Таманскою курьею* ***Окунько*** *Иванов сын Богатырев* [*Б*: 91 об.]; *Крестьянин деревни Чудское Городище на реке Усолке Васька Матвеев сын* ***Осетр*** [*К*: 142]; *Крестьянин деревни Чернышева Федька Лазарев сын* ***Стерляг*** (стерлядь) [*Е 1*: 136]; *Крестьянин починка на речке Чермосе Алешка* ***Щучка*** [*Б*: 13].

На основе индивидуальных именований возникали фамилии (*Ершов, Окунев, Осетров, Стерлягов, Трескин, Щукин*), и именно фамилии позволяют восстановить многие названия рыб, не попавшие в памятники в качестве слов нарицательных – *карась, лох, налим, острец, палтан, пыжьян, ряпус, ряпуха, сазан, сом, судак, терпуг, чабак*. Это касается прежде всего названия мелких, непромысловых рыб – *вандыш, молява, тюлька, частик, шаклея*: *Крестьянин починка Красная Слутка Ивашко Данилов сын* ***Вандышев*** [*Б*: 65]; *Чердынец Тимошка* ***Молявин*** [*РСЧ* 5: 36]; *Крестьянин села Верх-Муллинское Матюшка Федоров сын* ***Тюлькин*** [*Е*: 119]; *Житель Камского Усолья Иванка* ***Частиков*** [*Я*: 5]; *Крестьянин деревни Чазева Семен Гаврилов сын* ***Шаклеин*** [*Ч*: 171 об.].

В речи жителей Прикамья отмечаются антропонимы из названий не только речных, но и морских рыб (*палтус, терпуг, треска*): *Крестьянин сылвенской Рождественской вотчины Степан* ***Палтусов*** [*Кун*: 3]; *Крестьянин слободки Кишконогова на роднике Иванко* ***Терпугов*** [*Я*: 26]; *Чердынский беспашенный крестьянин Васюк* ***Треска*** [*Я*: 14 об.]. В пермские памятники попадали и антропонимы из названий морских животных (*морж, тюлень*): *Крестьянин села Комарово Наум* ***Моржов*** [*Кун*: 565]; *Крестьянин починка Княгинина Гора на реке Чусовой Сенька* ***Тюлень*** [*К*: 117]. Ономастика из названий северных морских животных и рыбы была естественна в памятниках Прикамья, так как среди пермских жителей XVI-XVII вв. было много выходцев с Русского Севера, из Поморья, связанных ранее с морским промыслом, ср.: *Крестьянин починка Веселков на реке Косве Ивашко* ***Поморец*** [*К*: 149]; *Житель Соли Камской Ивашка Федоров сын* ***Поморцов*** [*Ш 51*: 108].

В писцовых и переписных книгах XVI–XVII вв. отмечается род занятий жителей края, среди которых упоминаются рыболовы: *Чердынец Михалко* ***рыбалов*** [*Я*: 13 об.]; *В городе Чердыни Романко* ***рыболов*** [*Я*: 13]; *Чердынец Кондрашко Нифонтов сын рыбалов* [*КЧ*: 49 об.]. Названия лю-

дей по роду занятий становились прозвищами, а затем на их основе возникали фамилии.

Судя по памятникам, в Прикамье использовали различные орудия ловли рыбы (*мережи, морды, неводы, оханы, переметы, подольники, сырпы, уды*), названия которых иногда непосредственно зафиксированы в деловых текстах: *Герасим с Девятькилдеевского озера мережу рыболовную украл… он Герасим тое* ***мережу*** *с вешал у меня украл* [*КЗСИ*: 835]; *А буде уловят бобра в* ***мережу*** *или в* ***морду*** *и им Павлу с товарыщи тех бобров не таить* [*КЗСИ*: 183]; *В Каме рыбная ловля… в весне оханами плавают и* ***подолниками*** *ловят* [*Ш* 2: 311]; *Для рыбной ловли русские люди ходили до Писаного камени и рыбу ловили* ***сырпами*** *а не большими* ***неводами*** [*Ш* 51: 405]; *И ту де он рыбу ловил…* ***сырпом*** [*КА* : 2].

Некоторые названия орудий для рыбной ловли возможно предположительно восстановить на основе образованных от них фамилий (*ветель* ‘рыболовная снасть’, *кипа* ‘род невода из прутьев’, *кукан* ‘бечева, на которую нанизывают рыбу’, *перетяга* ‘рыболовная сеть, которую ставят поперек реки’, *шарда* ‘один из рыболовных снарядов’[16]), ср.: *Крестьянин погоста Мошево Софонко* ***Ветелиных*** [*РСЧ* 4: 72]; *Чердынец Ивашко* ***Кипин*** [*РСЧ* 5: 49]; *Крестьянин Вознесенского острожка Ярафей* ***Куканов*** [*Кун*: 802 об.]; *Житель Вознесенского острожка Данила* ***Перетягин*** [*Кун*: 589 об.]; *Крестьянин Чусовского Нижнего городка Ивашка Данилов сын* ***Шардин*** [*К*: 112].

В зависимости от вида лова рыбы называли и определенные угодья на реке: И оханные и мережные и переметные и подолнишные и переводные и бережные и всякие угодья кому которые достались [Ш 2: 312]. Орудия и места ловли рыбы охарактеризованы в исторической и краеведческой литературе [ср.: Кирьянов и др. 2007; Рыбалка 2007].

На реках били (создавали, строили) *бережники* и *езы*. Бережник из вбитых в дно стволов деревьев для задержания рыбы строился от одного берега и перекрывал только часть русла: *В Камереке и в Яйве за межами против своих деловых земель* ***езы*** *и* ***бережники*** *волно бити* [*Ш* 2: 298]. Ез перекрывал русло реки или протоку между берегом и островом: *Был де у них к рыбной ловле ез* [*КЗСИ*: 983]; *И* ***езы*** *ему бити через Каму волно в своей меже* [*Ш* 2: 295]; *Да на Тулве-реке езишко* [*Ш 2*: 471]. Место на реке, где ставили ез, называлось езовищем: *Исстари езовище бывало на Яйве-реке меж новотеребом и меж Санниковыми* [*Ш 2*: 299].

Слово *ез* отмечается еще в древнерусских текстах XIV в. [СлРЯ XI–XVII вв. 5: 37]. Его более древняя форма – *яз*, родственная украинскому *яз* ‘запруда, плотина’, болгарскому *яз* ‘запруда, шлюз’, сербохорватскому *jaз* ‘отводной канал рядом с мельничной запрудой’, чешскому *jez* ‘запруда’, словацкому *jaz, jez*, польскому *jaz*, полабскому *jaz* ‘канал’, восходит к праславянскому **jězъ* [Фасмер 4: 549]. Оно было широко распространено в

русских говорах центра России [Сл. Подмосковья: 129], новгородских [НОС 2: 115], Русского Севера, откуда шла основная масса русских переселенцев в Прикамье в XVI–XVII вв. [СГРС 3: 309].

Езы создавали по-разному: либо забивали в дно реки стволы деревьев, в которых застревала рыба, отсюда выражение *бить ез*, либо создавали ез как сложное сооружение. Особым образом забивали в дно реки сваи, между которыми располагались жерди; к отверстию между ними присоединяли длинный рукав, сделанный из сети, или вершу, морду, куда и попадала рыба. Ез обслуживал караульный, дававший знак рыболовам на лодке, что в ловушку набилась рыба и можно подъезжать и выбирать ее. Фиксируется и такое название *еза*, как *езовой завод*, например: *Будучи пониж деревни Леку обсиля водою нанесло нас на езовой завод а на том езовом заводе караулу никакова никово не было* [*КЗСИ*: 983]. *Иногда езы сооружали только на зимнее время для ловли налимов, ср.: Через Каму ез бьют зимней* [*Ш 2*: 311].

Ез на реке Каме около города Перми, сооруженный на протоке между берегом и исчезнувшим ныне (в связи с подъемом уровня Камы) островом, подробно описан и зарисован в 60-е гг. XVIII в. путешествующим по России адъюнктом Академии наук И.И.Лепехиным [Кирьянов и др. 2007: 49-50]. Сведения о том, что здесь было езовое место, отмечены и в более ранних деловых документах Строгановых, например в 1623 г.: *А что был на реке Каме ез ниже Чусовского устья и ныне того езу нет а то езовое место ныне за Иваном да за Максимом по-прежнему* [*РГАДА* 1278: 46]. Ез там ставили в разное время на протяжении столетий до начала XIX в.

В пермских памятниках отмечаются названия изготовителей орудий для рыбной ловли с суффиксами -ник или -щик (*оханщик, удник* и др.): *Житель Усолья Камского Лучка Евтефеев сын удник* [*КС*: 156 об.]; *Работники именитых людей Строгановых… Семен оханщик…* [*ДАИ* 2: 114].

От таких названий образовывали фамилии: *Крестьянин деревни Кропачиха на речке Поповке Сенька Михайлов сын Оханщиков* [*Е*: 104]; *Чердынец Ивашко Удников* [*КЧ*: 50 об.]; *Крестьянин Медянского острожка Артемей Мережников* [*Кун*: 149 об.].

Из пермских фамилий мы черпаем некоторые сведения о ночном лове рыбы. Так, в разных местах Верхнего Прикамья была зафиксирована фамилия Кибанов: *Крестьянин деревни ВерхУролка Ивашка Кибанов* [*Я*: 41 об.]; *Чердынец Исачко Кибанов* [*РСЧ* 5: 131]. Она восходит к прозвищу, видимо, из коми-зырянского слова *кыбан*, ср. *кыбан кцрт* ‘род светца для огня, лучины (употребляется на носу лодки при лучении рыбы’ [ССКЗД: 184, 169], т.е. ночной ловле, когда рыбу, плывущую на свет, били острогой; *кыбны* – ‘лучить рыбу, ловить рыбу острогой, лучением’ [ССКЗД: 184]. Самый простой способ освещения реки заключался в осве-

щении реки зажженным свертком бересты, воткнутым в расщепленную палку, закрепленную на носу лодки.

Иногда на носу лодки устанавливали *козу лучебную* [КЗСИ: 910] – ‘Жаровню для разведения огня’ [СПЛСР 2: 70]. «Лучением занимались, как правило, парами. Один из рыбаков находился на корме и осторожно управлял лодкой при помощи весла или шеста. Луч освещал прибрежную часть реки, и рыбак, стоящий на носу лодки, закалывал в воде рыбу острогой, надетой на длинный шест» [Кирьянов и др. 2007: 70]. Прозвище *Кыбан* мог получить высокий, длинный, как палка светца или шест остроги, человек. Название этого способа лова связывают со словом *луч*, отмечая, что такой лов возможен только ночью при освещении лучом [там же: 69]. Однако изначально глагол *лучить* был связан со словом *лук* ‘орудие для стрельбы’ и имел значение ‘стрелять, бить из лука, бросать’ ср.: *лучить* – диалектное вятское ‘бросать’, оренбургское ‘бить из лука’, украинское *лучити* ‘метить, попадать’, болгарское *лучá* ‘целюсь’, словенское *lučiti* ‘бросать, кидать’, чешское *lučiti* ‘стрелять из лука, бросать, попадать’, польское *łuczyć* ‘метить, попадать’ [ЭССЯ 16: 133; Фасмер 2: 538]. Так что первично *лучить рыбу* – ‘бить острогой’ (в любое время суток). Но так как днем рыбу добывали разными способами (ловили сетями и другими орудиями лова, а также били острогой), а ночью лишь били, то такой способ добычи, как лучение стали связывать только с ночным ловом, с освещением реки, со словом луч.

Добывали большое количество рыбы, ее употребляли в пищу, заготовляли впрок, ею торговали, уплачивали подати. И в XVI в. в самых ранних пермских памятниках появляется название торговца рыбой – *рыбник*: *Беспашенный крестьянин Камского Усолья Демка рыбник* [*Я*: 4]; *Житель слободы Новое Усолье на реке Каме Тимошка Григорьев сын рыбник* [*Е*: 88]. По сведениям из памятников о заготовке рыбы следует, что ее в основном вялили: *Флор привезл с Ырбитской ярманги на Кунгур щук вяленых дватцать пуд* [*КЗСИ*: 945].

Несмотря на активную ловлю рыбы в Прикамье, ее еще и покупали (см. цитату выше) или добывали за пределами Пермского края. Ряд памятников Перми Великой сообщает о взятии чердынцами на оброк в XVII в. печорских падунов, т.е. притоков Печоры, для ловли рыбы: *Он, Лаврушка, взял на оброк рыбную ловлю печорский падун реку Илыч на пять годов… И кто из них сверх прежнего оброку наддаст, тому тот печорский падун – реку Щугор и рыбные ловли отдать* [*Ш* 4: 522]; *Взял на оброк рыбную ловлю – печорский падун реку Подчерьу* [*Ш* 2: 414].

В Чердынском уезде для добычи рыбы собирали артели, направлявшиеся вверх по Колве (далее – по ее притоку Вишерке, Чусовскому озеру, Березовке, Еловке, Вогулке) на Печорский волок, перейдя который, по речке Волоснице спускались на Печеру и входили в ее правые притоки

Щугор, Илыч, Подчерья. Там рыбу ловили, а также покупали или выменивали на вещи у вогулов (манси): *Ходили на Печору-реку в Порыч и в Илыч Микифор Ларионов сын из Искора-погоста да Онцифорко Васильев сын Судницын, Иван Макарьев сын, имали на артиль Сидора Яковлева сына Бушкова. В Илыче покупали рыбу у вогулич, Микифор в артиль клал, Анцифер рыбу покупал в артиль не клал. А пошедцы говорили так: сколько рыбы накупим – в артиль класти… Онцыфорко Судницын березовским вагуличам товар на рыбу променивал а что променивал вагуличам на рыбу… наволочку шита одна сторона шолком да пугвицы серебреные без нашивки да двои завяски одне шолковы а другие шолковы протыканы золотом* [Ар, к. 3 799].

Обоз на Печору надо было отправить к определенному сроку, чтобы не упустить большой улов. Об этом говорят челобитные чердынскому воеводе с просьбой дать орудия лова – *дели* ‘сети’ и *ужища* ‘длинные толстые веревки, используемые для подъема из воды рыболовной сети’, ср. челобитную 1646 г. чердынскому воеводе: *Государю Ивану Васильевичу рыболове твои Ивашко Федулов да Ивашко Калашников челом бьют. Хотел ты, государь Иван Васильевич, жаловать отпустить на Печору-реку на рыбную ловлю с неводом… надобе к походу невод изготовить… да пожалуй, Иван Васильевич, вели дать рожь и всякой запас, чтоб, государь, хлеб к дороге и к походу испетчи. А рыбная, государь, ловля, Иван Васильевич, такова: который преж приехал, тот больши и добыл. А лед государь от берегу, а у нас бы всего того было. А твоего, государь Иван Васильевич, жалованья – делей и ужищ – нам дать* [*Ар*, к. 3: 849].

Этот документ XVII в. перекликается с рассказом Д.Н. Мамина-Сибиряка «Зимовье на Студеной» конца XIX в. о чердынском санном обозе на Печору: «Обоз состоял возов из пятидесяти... На Печору чердынские купцы отправляли по первопутку хлеб, соль, разные харчи и рыболовную снасть, а оттуда вывозили свежую рыбу. Дело было самое спешное, чтобы добыть печорскую рыбу раньше других – шла дорогая печорская семга. Обоз должен сломать трудную путину в две недели, и ямщики спали только во время кормежки, пока лошади отдыхали. Особенно торопились назад, тогда уж и спать почти не приходилось. А дорога через волок была трудная... Дорога скверная, каменистая, сани некованые, а по речкам везде наледи да промоины. Много тут погублено хороших лошадей, и людям приходилось работать как нигде: вывозить возы в гору на себе, добывать их из воды, вытаскивать из раскатов. Только одни колвинские мужики и брались за такую работу, потому что гнала на Печору горькая нужда» [Мамин-Сибиряк 1978].

Таким образом, в Прикамье XVI-XVIII вв. и много позже традиционно добывали и употребляли в пищу большое количество рыбы, о чем свидетельствуют памятники письменности. В них не попали прямые све-

дения о том, как готовили рыбу, хотя по косвенным данным можно судить о том, что ее ели соленой, вяленой, варили и жарили, ср. наличие котлов для варки и сковород в хозяйстве жителей Перми: *Котел красной меди до сковорода* [КЗСИ: 358]. Варили *року* ‘похлебку из ржаной муки с рыбой’, ср.: *Чердынец Марчко* ***Рокин*** [РСЧ 4: 90].

Приведенный фактический материал из памятников письменности (и оставшийся за пределами данной статьи) и сопоставление его с данными памятников письменности других территорий и различных русских говоров XIX-XX вв., в частности пермских, позволяют сделать некоторые выводы о чертах языка и культуры в Прикамье XVI-XVIII вв.

В области лексики (апеллятивов) оказалось возможным уточнить некоторые этимологии (например *лучить рыбу*, лучение). Анализ синонимов (*скотина* – животина, *скотский* – животинный, *скотский* – говяжий, *выпуск* – выгон, *провеслый* – вяленый, *ряпус* – ряпуха) позволяет увидеть причины их использования в прошлом и изменения в их функционировании.

Так, для живой речи было характерным употребления слов *скотина* и *скотский*, сохранившихся в пермских говорах, тогда как их синонимы *животина* и *животинный* были устаревающими, хотя и обычными в деловом языке XVI-XVII вв.

Слово *выпуск* ‘место пастьбы скота’ было связано с обычными в живой речи глаголами *выпускать, выпустить* (ср.: *Скот которой мой во дворе был заперт и тот скот из двора выпустили* [КСАУ: 211]). Его синоним *выгон* в Прикамье был характерен для официальных текстов.

Употребление разных слов в значении ‘подсоленный и высушенный на воздухе, в подвешенном состоянии’ в исследованных пермских памятниках связано с определяемым словом: мясо скота и птицы называлось *провеслым*, а рыба – *вяленой*. Причины того, как сложилась такая специализация и почему из двух синонимов в современных пермских говорах сохранился только один (вяленый), пока еще требует дальнейшего исследования.

Наличие однокоренных синонимов (***ряпус*** – ***ряпуха*** ‘ряпушка’) продиктовано их разными источниками на различных территориях Пермского края.

Ономастика позволяет восстановить многие территориально ограниченные слова нарицательные, особенно из тематической группы «Рыбы» (вандыш, варзуга, вахня, лашка, ленок, мендир, палтан, ряпус, ряпуха, стерляг и др.), тогда как диалектные названия рыб (преимущественно мелких) не зафиксированы в текстах Прикамья в качестве апеллятивов. Они реконструируются на основе некалендарных имен, прозвищ и фамилий, образованных от таких апеллятивов.

Попавшая в поле нашего исследования диалектная лексика пермских памятников, зафиксированная непосредственно или являющаяся основой антропонимов, связана прежде всего с диалектной лексикой Русского Севера. Так, названия диких птиц в архангельских и вологодских говорах, принесенные в Пермский край, стали основами многих антропонимов Прикамья.

Для изучения языка и культуры Пермского края важны результаты взаимодействия русских и коми-пермяцких говоров, отразившиеся в памятниках письменности XVI-XVIII вв., а именно в антропонимах от коми-пермяцких названий животных и птиц (ыж, чань, порсь, дозмор, сизь). Продукты питания и приготовленная пища в исследованных текстах имеют обычно русские названия.

Культура питания края в лексике и ономастике отражена фрагментарно, можно восстановить лишь некоторые ее особенности, преимущественно касающиеся источников мясной, молочной пищи и рыбы, заготовки продуктов питания, способов их хранения. Вместе с тем изучение этого материала позволяет восстановить некоторые стороны жизни в Прикамье в XVI-XVIII вв. (взятие на оброк пахотной земли, лугов, участков рек и озер, активное разведение домашнего скота и домашней птицы, различные способы ловли рыбы, заготовка продуктов впрок и др.) и особенности культуры многонационального края (ср. ритуальное языческое освящение мяса марийцами в кунгурской деревне).

Примечания

[1] Глава в виде статей была опубликована: [Полякова 2009а, Полякова 2009б].

[2] Аббревиатуры названий источников даны курсивом в отличие от аббревиатур в списке литературы. Цитаты из текстов памятников и из записей говоров также даются курсивом, исследуемое слово в них выделяется полужирным шрифтом.

[3] Шутем – оставленное поле, заросшее травой и кустарником.

[4] Пожня – место покоса, заготовки сена.

[5] В цитатах буква «ять», употреблявшаяся в памятниках непоследовательно, передается как «е» (ср.: *лес*). Знаки препинания в пермских и других русских деловых текстах XVI – начала XVIII в. не употреблялись, в цитаты они не вводятся.

[6] Прицыщать – очищать от пней.

[7] Перелог – участок ранее возделываемой земли, оставленный без вспашки, залежь.

[8] Место украйное Подкаменное – расположенное на окраине России XVI-XVII вв. около Камня, т.е. около Уральских гор.

[9] Испольщик – работающий на кого-либо за половину урожая.

[10] Шором – скирда, кладь хлеба.

[11] Паворозы – ленты.

[12] Редрый – красный, рыжий.

[13] Веприк – поросенок мужского пола.

[14] Немзя – деревня в Красновишерском районе Пермского края.

[15] Ныне Чусовское озеро в Чердынском районе Пермского края.

[16] Слово шарда в пермских говорах могло быть связано с коми-пермяцким глаголом шардыны ‘испугаться, напугаться; быстро ходить, бегать’, а также иметь и другие значения, не относящиеся к названию орудия ловли рыбы.

Условные сокращения

ГАПК – Государственный архив Пермского края; Д. – дело; Док. – документ; Ед. хр. – единица хранения; Кол. – коллекция; Короб. – коробка; Л. – лист; об. – оборот; Оп. – опись; РАН – Российская академия наук; РГАДА – Российский государственный архив древних актов; РГБ – Российская государственная библиотека; СПб. ИРИ – Санкт-Петербургский Институт российской истории; Ф. – фонд; Ч. – часть

Список источников с условными сокращениями

АПМ – Акты Пыскорского монастыря. Рукопись. Архив СПб. ИРИ РАН. Кол. 115. № 388. Л. №.

Ар. к. – *Пермские* документы XVII – начала XVIII в. Рукопись. Архив СПб. ИРИ РАН. Ф. 122. Короб. №.

Ар. пер. – Пермские документы XVII – начала XVIII в. Рукопись. Архив СПб. ИРИ РАН. Ф. 122. Переплет. №.

Б – Список Соли Камской переписных книг переписчика князь Феодора Бельского 187 (1678) году. Копия. Рукопись. ГАПК. Ф, 597. Оп. 1. Д. 22.*ГКЭ* – Грамоты Коллегии экономии. Рукопись. РГАДА. Ф. 281. Оп. №.

ДАИ 2 – Дополнение к «Актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией». СПб., 1846. Т. 2.

Е – Переписная книга воеводы Прокопья Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып. 2. С. 87-146.

Е 1 – Список с переписных книг Соли Камской переписи воеводы Прокофья Кузмича Елизарова 7155 (1647) году марта в 27 день. Рукопись. ГАПК. Ф. 597. Оп. 1. № 18.

К – Писцовая книга Михаила Кайсарова Перми Великой 1623 года. Рукопись. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256. Д. 308. Л. №

КА – Кунгурские акты XVII века (1668-1699 гг.). СПб., 1888.

КЗСИ – Кунгурская земская судная изба. Рукопись. РГАДА. Ф. 687. Оп. 1. Ед. хр. №.

КМ – Соликамские столбцы XVII в. Рукопись. Кунгурский краеведческий музей. Док. №.

КС – Писцовая книга Михаила Кайсарова Соли Камской 1623 г. Рукопись. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256. Д. 208. Л. №.

КСАУ – Кунгурские судебно-административные учреждения XVII-XVIII вв. Рукопись. РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Ед. хр. №.

КСГ – Копии соликамских грамот XVI-XVIII вв. Рукопись. Пермская краевая библиотека им. А.М.Горького. Ф. редкой книги. № 61593. Л. №.

Кун – О приписных и государственных крестьянах Кунгурской округи, 1782 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 3. Ед. хр. 374.

КЧ – Писцовая книга Михаила Кайсарова Перми Великой 1623 г. Рукопись. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256. Д. 308. Л. 46-152. РГАДА 1278 – Фонд Строгановых. Рукопись. РГАДА. Ф.1278. Оп. 2. Ч. 1.

ПКМ – Свитки XVII в. Рукопись. Пермский краевой музей. Фонд 11101. Ед. хр. №.

РГАДА – Кунгурская таможня. Рукопись. РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Ед. хр. №.

РСЧ – Расписные списки. Рукопись. РГАДА. Ф. 137. Оп. г. Чердынь. Л. №.

РСЧ 4 – Расписные списки. Рукопись. 1682 г. РГАДА. Ф. 137. Оп. «г. Чердынь». Ед. хр. 4.

РСЧ 5 – Расписные списки. Рукопись. 1697 г. РГАДА. Ф. 137. Оп. «г. Чердынь». Ед. хр. 5.

Стр 1 – Сказки о числе дворовых, мастеровых, крестьян в вотчинных селениях и деревнях барона Строганова Соликамского уезда Пермской губернии по ревизии 1762 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 2950. Л. 1-211.

Стр 2 – Сказки о числе дворовых, мастеровых, крестьян в вотчинных селениях и деревнях барона Строганова Соликамского уезда Пермской губернии по ревизии 1762 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 2950 а. Л. 212-391.

Уд – Удинцев В. История займа / В.Удинцев. Киев, 1908.

Ч – Ревизская сказка Чердынского уезда 1711 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. № 2357. Л. №.

ЧА – Спасский Г. Чердынские юридические памятники с 1606 по 1718 г. // Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1857. Кн. 25.

ЧМ – Чердынские свитки XVII-XVIII вв. Рукопись. Чердынский краеведческий музей. Ф. № 2558, 2561. Л. №.

Ш – Шишонко *В.* Пермская летопись. Периоды 1-5. Пермь, 1880- 889.

Ш 2 – Шишонко В.Н. Пермская летопись. Второй период. Пермь, 1882.

Ш 3 – Шишонко В.Н. Пермская летопись. Третий период. Пермь, 1884.

Ш 4 – Шишонко В.Н. Пермская летопись. Четвертый период. Пермь, 1885.

Ш, 51 – Шишонко В. Пермская летопись. Период 5. Часть 1. Пермь, 1885.

Я – Писцовая книга Ивана Яхонтова Перми Великой 1579 г. Рукопись. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256. Д. 308. Л. №

Список литературы с условными сокращениями

Акчим. сл. – *Словарь* говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области / Под ред Ф.Л.Скитовой. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984-2003. Вып. 1-5.

АОС – *Архангельский* областной словарь / Под ред. О.Г.Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. Вып. 2.

Архипенкова И.С. Группа слов с корнем *бус* ‘мучная пыль’ в русских диалектах XIX-XX вв. // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: Материалы и исследования / Перм. ун-т. Пермь, 2007. Ч. 1. С. 71-74.

Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Гайдамашко Р.В. Финно-угро-самодийские заимствования в системе охотничей терминологии Северного Прикамья // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: Материалы и исследования / Перм. ун-т. Пермь, 2007. Ч. 2. С. 216-223.

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1955.

Кирьянов И.К., Коренюк С.Н., Чагин Г.Н. Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена. Пермь: «Книжный мир», 2007.

КПРС – *Коми-пермяцко-русский* словарь / Сост. Р.М. Баталова, А.С.Кривощекова-Гантман. М.: «Русский язык», 1985.

Кривощеков И.Я. Географический и статистический словарь Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914.

КЭСКЯ – *Краткий* этимологический словарь коми языка / Сост. В.И. Лыткин, Е.С.Гуляев. М.: Наука, 1970.

На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII-XX вв. / Отв. ред. В.А. Александров. М.: Наука, 1989.

НОС – *Новгородский* областной словарь / Отв. ред. В.П.Строгова: В 13 вып. Новгород: Изд-во НГПИ. 1992-2000.

Пермская область: Административно-территориальное деление. Пермь: Перм. книж. изд-во, 1963.

Поляков Ю.А. Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья: сборник статей / Перм. ун-т. – Березники, 2001.Вып. 1. С. 10-19.

Полякова Е.Н. Лексика местных деловых памятников XVII – начала XVIII века и принципы ее изучения: Учебное пособие по спецкурсу / Перм. ун-т. Пермь, 1979.

Полякова Е. Н. Коми-пермяцкие материалы в рукописных пермских памятниках XVI-XVIII вв. // Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности: Материалы межрегиональной научной конференции / Перм. пед. ун-т. Пермь, 2008а. С. 27-37.

Полякова Е. Н. Коми наследие в лексике русских говоров Пермского края // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии (Материалы и исследования). Вып. 3. Пермь: Перм, ун-т, 2009. С. 180-194.

Полякова Е. Н. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья первая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 1. 2009. С. 5–17.

Полякова Е. Н. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья вторая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 5. 2009. С. 5–15

Рыбалка – *Рыбалка* в Пермском крае. Изд. 3-е с доп. и изм. Пермь: «Раритет-Пермь», 2007.

СГРС – *Словарь* говоров Русского Севера / Под ред. А.К.Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2005. Т. 3.СГТ – *Полякова Е.Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Перм. ун-т. Пермь, 2007.

Сл. Подмосковья – *Иванова А.Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М.: МОПИ., 1969.

СлРЯ XI-XVII вв. – *Словарь* русского языка XI-XVII веков. М.: Наука, 1975-2008. Вып. 1-28.

СОРЯМР – *Словарь* обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков / Под ред. О.С.Мжельской. СПб.: Наука, 2004. Вып. 1.

СПГ – *Словарь* пермских говоров / Ред. А.Н.Борисова, К.Н.Прокошева: В 2 вып. Пермь: «Книжный мир», 2000-2002.

СПЛСР – *Словарь* промысловой лексики Северной Руси / Ред. Ю.И.Чайкина. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2005. Вып. 2.

СПП – *Словарь* пермских памятников XVI – начала XVIII века: В 6 вып. / Сост. Е.Н.Полякова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та: 1993-2001.

СПФ – *Полякова Е.Н.* Словарь пермских фамилий. Пермь: «Книжный мир», 2005.

СРГКПО – *Словарь* русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Ред. И.А.Подюков. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006.

СРГСУ – *Словарь* русских говоров Среднего Урала: В 7 вып. / Под ред. А.К.Матвеева. Свердловск. изд-во Урал. ун-та. 1964-1988.

СРГСУ-Д – *Словарь* русских говоров Среднего Урала: Дополнение / Под ред. А.К.Матвеева. Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та, 1966.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров / Под ред. Ф.П.Филина, Ф.П.Сороко-летова. СПб., 1966-2008. Вып. 1-41.

ССКЗД – *Сравнительный* словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В.А.Сорвачевой. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1961.

Том. сл. – *Словарь* народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / Под ред. В.В.Палагиной, Л.А.Захаровой. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2001.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс.

Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века: Учебное пособие по спецкурсу. Пермь: Изд-во Томского ун-та. Перм. отд., 1991.

Чагин Г.Н. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века: Учебное пособие по спецкурсу. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993.

Чагин Г.Н. Народы и культуры Урала в XIX-XX вв.: Учебное пособие для учащихся 10-11 классов общеобразовательных учреждений. Екатеринбург: «Сократ», 2002 а.

Чагин Г.Н., Черных Г.Н. Народы Прикамья: Очерки этнокультурного развития в XIX-XX вв. Пермь, 2002 б.

Чердынская свадьба / Сост. И.Зырянов. Пермь: Перм. книж. изд-во, 1969.

ЭССЯ – *Этимологический* словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Отв. ред. О.Н.Трубачев. М.: Наука, 1974-2008. Вып. 1-34.

E. N. Polyakova
Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

FOOD CULTURE IN PRIKAMYE IN THE 16th–18th CENTURIES (according to the vocabulary and the proper names of the Perm written records)

According to the vocabulary and the proper names of the written records of Perm Krai of the 16th–18th centuries the names of the herbal, fish, meat and milk products and also stems of the nicknames and the surnames which are its derivatives, are researched. The vocabulary and the proper names demonstrate succession of food culture of the Russian North, preservation of traditions of this culture in Prikamye from 16th to 20th centuries, the language and culture relations between the Russians and the Komi-Permyaks. Observations of the Perm ethnographers supplement with results of the research of the business texts of the 16th – early 18th centuries which are actual both to ethnography and to history of the Russian language and onomastics.

Key words: vocabulary; onomastics; food culture; cereals; vegetables; mushrooms; meat; milk; fish.

УДК 81’37(470.53/531)

Елена Николаевна Полякова
профессор кафедры теоретического и
прикладного языкознания
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15,
32polyakova@mail.ru

ЧТО НОСИЛИ МОДНИЦЫ В ПРИКАМЬЕ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА (по данным лексики пермских памятников письменности)[1]

По данным лексики пермских памятников письменности XVII – начале XVIII в. рассмотрено употребление названий женской одежды, головных уборов и обуви в Прикамье. Показаны преобладание общерусской лексики в этой тематической группе и вместе с тем использование диалектных слов (головодец, скуты), семантических диалектизмов (коклюшки), связи с коми-пермяцким языком (дубас), определены источники некоторых слов. Исследование дополняет новыми материалами XVIXVIII вв. отраженный в словарях свод русской лексики, а также наблюдения этнографов над пермскими данными XIX-XX вв. Оно актуально как для истории русского языка, так и для этнографии Прикамья.

Ключевые слова: Прикамье; лексика; женская одежда; головные уборы; обувь.

В памятниках письменности XVII–XVIII вв. разных территорий России и в исторических (историко-лингвистических) словарях зафиксировано большое количество названий предметов одежды, дающих возможность представить на общерусском фоне эту тематическую группу слов в пермских памятниках письменности и некоторые особенности материальной культуры Прикамья исследуемого периода. В 70-е гг. прошлого столетия мы уже обращались к анализу лексики одежды в пермских текстах XVII-XVIII вв. [Полякова 1977], однако размеры статьи не позволили тогда детально охарактеризовать ее.

Обращаясь вновь к изучению этой тематической группы слов, в данной работе останавливаемся только на рассмотрении названий предметов женской одежды в сопоставлении с материалами пермских говоров XIX–XXI вв. [Зверева 2009 а; Зверева 2009 б; Акчим, СПГ, СРГКПО] и текстов памятников письменности и исторических словарей других территорий [РИС, СНРРТ, СОРЯ, СПЛСР, СлРЯ XI-XVII вв., СлРЯ XVIII в. и др.].

В Прикамье названия женской одежды отмечаются в основном в описях имущества в судебных текстах, завещаниях, а также при описании каких-либо событий (передачи приданого невесты, торговых сделок,

© Полякова Е.Н., 2014

воровства, грабежа). Лексика женской одежды в пермских памятниках более разнообразна, чем названия предметов мужской одежды и представлена большим количеством словоупотреблений. Детская одежда не имела своих названий, именовалась теми же словами, что и одежда взрослых, но с добавлением прилагательного указывающего, что она принадлежит ребенку: *Шубенко* ***робячье*** *маленькое* [*СПИИ*, к. 3, 815][2], 14 *рубашек тонких муских и женских и* ***робячьих*** [*КСАУ*: 698], *15 пар рукавиц барановых* ***децких*** [*Тамож*: 15][3].

В пермских текстах отмечается преимущественно горничная, а также верхняя женская одежда. В качестве названия нижней одежды зафиксированы слова ***рубаха*** и ***рубашка***, сопровождающиеся во многих случаях определением ***женский***: *Покрал у меня…* ***женских*** *рубах и сарафанов числом 15* [*КСАУ*: 106], *Двух рубашек* ***женских*** *у нее Мавры она Марфа не имывала* [*КСАУ*: 125].

В отличие от результатов исследования Г.В.Судаковым названий одежды Северной Руси и других территорий России XVI-XVII вв., где зафиксировано много случаев употребления слова ***сорочка*** [Судаков 1988: 18], в памятниках Прикамья оно встречается редко и лишь при описании дорогих вещей: *Вершок шапошной золотой поношенной цена рубль* ***сорочка*** *золотая рубль с полтиною* [*ЧА*: 140]. Возможно, его употреблению препятствовало использование в Прикамье слов ***сорок*** и ***сорока***, называвших связку сорока шкурок меха ценных пушных зверей: *Собрали они сотники Кунгурского уезду со всех четвертей с ясашных татар и с черемис кунного ясаку на нынешней 206 год 11* ***сороков*** *4 куницы* [*КА*: 267], *Ясаку по окладу на нанешней на 147 год четыре* ***сороки*** *7 соболей… ясаку с вогулич* [*СПИИ*, к. 2: 634].

Шили рубашки из ткани домашнего изготовления, общим названием которой было слово ***холст***. Холст характеризовался по материалу, из которого был изготовлен (***льняной*** и ***конопляный***), по качеству – толщине ткани (***толстый***, ***тонкий***), по особому способу изготовления – переплетения нитей (***браный***): *8 аршин холсту толстого цена 4 алтына 15 аршин холсту* ***тонкого*** *цена 10 алтын* [*КА*: 33], *Конец холсту тонкого ляного 10 аршин холсту* ***конопляного*** *10 же аршин 2 конца холста-****хрящу*** [*КСАУ*: 106], ***Браные*** *две рубахи женские тонкие* [*КСАУ*: 708].

Хрящом называли грубую льняную или конопляную ткань. Кроме слова холст, в пермских памятниках использовали его синонимы ***полотно*** и ***портно***: *Взяли…* ***полотна*** *3 аршина* [*КА*: 20], *60 аршин* ***холста****-хрящю* [*КЗСИ*: 838], ***Портна****-хрящю дватцать шесть аршин* [*СПИИ*, к. 3: 815].

Нередко указывается, из какой ткани сшита женская рубашка: *Три рубашки тонкие* ***ляные*** [*КЗСИ*: 1001], *15 рубашек мужских и женских* ***холщовых*** *цена 24 алтына шесть рубашек* ***портяных*** *тонких* [*КА*: 33], *Пять рубашек женских* ***хрящевых*** [*КЗСИ*: 838].

Этот предмет женской одежды был универсальным: рубашка

использовалась и как нижнее белье, и вместе с тем как часть горничной одежды. Ее надевали под сарафан, шушун или дубас.

Повседневные рубашки шили обычно из толстого холста, но выходную, праздничную рубашку делали из тонкой, иногда браной ткани, рукава рубашки украшали прошвами или кружевами (коклюшками): *Пять рубашек женских тонких с* ***прошвами*** [*КЗСИ*: 838], *Рубашка женская тонкая с* ***коклюшками*** *нитными… рубашка тонкая с* ***коклюшками*** *ветхая не ценена затем что обмочена* [*КЗСИ*: 814]. ***Коклюшками*** в Прикамье называли плетеные из льняных ниток кружева в отличие от привозных шелковых кружев или плетеных украшений с жемчугом*: Два портища* ***кружив*** *кизылбашских* ***шелковых*** *шестерных* [*КСАУ*: 229], *Шапка отласная с перередьем и с* ***круживом женчюжным*** [*ЧА*: 139].

В региональных исторических словарях слово ***коклюшки*** отсутствует [СПЛСР СРНДРС и др.], в словарях, обобщающих материалы разных территорий России, ***коклюшка*** – ‘коклюшка’ [СлРЯ XI-XVII вв. 7: 230]; ‘точеная палочка для наматывания ниток и плетения кружев’ [СлРЯ XVIII в. 10: 84]. Таким образом, пермское слово ***коклюшки*** ‘кружева’ является семантическим диалектизмом.

Нередко тонкие и украшенные рукава пришивали к более грубой станине (основной части) рубашки, их так и называли – ***рукава***: *На пай досталось сарафан киндяшной рукава женские* ***белые*** [*КЗСИ*: 830], *Хотела де она Анисья ей Марье дать холста на* ***рукава*** [*КЗСИ*: 843].

Повседневной рабочей женской одеждой, которая надевалась на рубашку (***рукава***) был ***дубас***: *Покрали… дубас ветхой дубленой* [*КСАУ*: 698]; дубленой, т.е. крашеный дубом ‘отваром березовой или ивовой коры’. К сожалению, в лексической картотеке исследованных пермских памятников[4] это слово отмечается всего лишь 1 раз. В исторических словарях оно зафиксировано только по материалам XVIII в.: как областное в значении «Род одежды, подобной сарафану, употребляемой в некоторых областях России, и названный по тому, что красят в дубовом листу» [СлРЯ XVIII в. 7: 21, цитируется по САР 2: 782] и как «Особого покроя сарафан» в памятнике Тюмени [СРНДРС: 39].

В говорах слово ***дубас*** широко употреблялось в XIX-XX вв. на территории Верхнего и Среднего Прикамья и описано во всех диалектных пермских словарях [Акчим 1: 260; СГСРПО: 148; СПГ 1: 236; СРГКПО: 91] как название одежды, похожей на современный сарафан «с узкими лямкима» (бретелями), сшитой из крашеной (преимущественно в синий цвет) ткани домашнего производства (крашенины или пестряди). Автору данной статьи в одной из первых диалектологических экспедиций в «холодное лето 53» пришлось примерять дубасы в населенных пунктах Чердынского района (Бигичи, Долды, Пянтег), чтобы оценить их особенности, достоинства и недостатки. И все носители говоров при этом постоянно подчеркивали, что дубас не сарафан: у них разный покрой,

различные материалы для изготовления и назначение. Для жителей Прикамья XX в. слова ***дубас*** и ***сарафан***, хотя и называли похожую одежду, не были абсолютными синонимами, как не были они таковыми и в Пермском крае в XVII-XVIII вв. Дубас как особый, косоклинный сарафан из крашеного холста отмечается и в коми языках [КПРС: 130; КЯД: 110; ССКЗД: 114].

Так как исконная пермская диалектная лексика генетически связана с говорами Русского Севера, мы ожидали найти истоки пермского слова ***дубас*** именно в последних. Однако надежда не была оправдана: этого слова как названия одежды не оказалось ни в архангельском и вологодском словарях [АОС, СВГ], ни в словаре говоров Русского Севера [СГРС], ни промысловом словаре Северной Руси XV-XVII вв. [СПЛСР], ни в исследовании географии названий женской одежды XVI-XVII вв. [Судаков 1988: 31], хотя в архангельских говорах отмечается слово ***дубак***[2] как название сарафана [АОС 12: 330], словом ***дубас*** называли лодку, выдолбленную из цельного дерева [СГРС 3: 280].

Актуальные данные для исследования истории слова ***дубас*** оказались в «Словаре русских народных говоров»: оно отмечается как название одежды в пермских, вятских говорах и далее – на востоке: на Среднем Урале, в Зауралье, на Алтае и в Сибири [ср. также: СРГСУ 1: 146; СРГСУ-Д: 142; СРГНО: 138; СРГЮРКК: 80; СРГА 2: 50 и др.].

На восток оно пришло, скорее всего, именно с пермской территории, так как сибирские старожильческие говоры создавались переселенцами, многие из которых в XVII – начале XVIII в. были выходцами из Прикамья или прошли через него.

Но если названия одежды ***дубас*** не было принесено в Прикамье с Русского Севера, то откуда оно появилось на Пермской земле? Ряд финноугроведов, в частности М.Фасмер предполагали, что это слово финно-угорского происхождения, «из языка, близкого к пермскому (ввиду наличия d), ср. хантыйское topes ‘передник’» [Фасмер 1: 548]. Приведенные выше русские и коми диалектные данные, казалось бы, не противоречат этому предположению, т.е. ***дубас*** можно рассматривать как диалектизм пермского (финского) происхождения. Однако не исключено, что слово родилось на пермской территории, но в русской речи [ср. также: Аникин: 190].

В качестве названия выходной, праздничной одежды в пермских памятниках было распространено общерусское слово ***сарафан***. Пришедшее к русским из тюркского языка и называвшее сначала вид мужской короткополой распашной одежды, в XVII в. в Прикамье оно относилось уже только к женской одежде.

Сарафаны здесь шили из разных тканей. Самыми дешевыми были изготовленные из крашеного домотканого холста – ***крашенины***: *Сарафан* ***крашенинной*** *поношеной* [*КСАУ*: 698], *Два сарафанишка* ***крашенинных***

[*КСАУ*: 698], *Коробка окованная и з замком а в ней сарафан* ***крашенинной*** *зеленой подержанной* [*КСАУ*, 814], *Покрали де у него Васки из клети…* ***крашенинной*** *сарафан новой* [*КА*, 74].

Более дорогие сарафаны шили из привозных с Востока хлопчатобумажных (бумажных) или шелковых тканей. Бумажные сарафаны изготавливали из зендени (*Сарафан* ***зенденой*** *цена восьм гривен* [*ЧА*: 139], *Сарафан желтой* ***зенденной*** [*КСАУ*: 698], *Сарафан зенденной* [*КЗСИ*: 910], *Видал он Иван… сарафан* ***зенденой*** [*КСАУ*: 271]), кумача (*Сарафан* ***кумашной*** *поношенной* [*КСАУ*: 123], *Два сарафана* ***кумашных*** *цена полчетверта рубли* [*КЗСИ*: 522 а]), киндяка (*Ему Родиону на пай досталось сарафан* ***киндяшной*** *рукава женские белые* [*КЗСИ*: 830], *Взяли…* ***киндяшной*** *сарафан синей да два кумашные* [*КЗСИ*: 814] и китайки (*Приданого дал сарафан* ***китайчатой*** *цена 40 алтын* [*КСАУ*: 225]. Шелковые сарафаны отмечаются реже других, их шили из ткани, называемой дороги, или из тафты: *Владеная… на платье… на два кавтана да на сарафан* ***тафтяные*** *на шубу билью под тавтою да на сарафан дорогил(ь)ной* [*КСГ*: 148 об.].

Тексты памятников дают возможность восстановить, как выглядели сарафаны в Прикамье в XVII – начале XVIII в. Они были тонкими и толстыми*: Покрал у меня … ис клети моей сарафанов* ***тонких*** *и* ***толстых*** *числом 15* [*КСАУ*, 106]. Толстые шили с подкладкой: *Сарафан женской дорогильной* ***подклад*** *крашенина цена 4 рубли* [*КЗСИ*, 522 а]. Сарафаны были распашной одеждой, о чем свидетельствует наличие пуговиц: *Сарафан кумачной красной подклад холщевой с* ***пуговицы*** *и с кружывом мишурным* [*КСАУ*, 814]. Богатые сарафаны украшали кружевами (с кружывом мишурным). Стоимость такой одежды была очень высокой, сарафаны передавали по наследству, отдавали в приданое, но требовали возврата этого приданого, если молодая жена умирала.

Описание различных ситуаций дает возможность выявить некоторые не известные ранее особенности сарафанов. Так, в одном из кунгурских судебных дел говорится: *Кунгурец села Тихоновского Гарасим Люкодуев обвив у себя голову травою для того чтоб ево не узнали и выскоча из стороны з деревиною и сестру мою девицу Анну с ног зшиб и угрожал ея зарезати ножем и взял у нее грабежем сарафан кумачной подержанной* ***по вороту обложен белою бармой*** [*КЗСИ*, 435]. Здесь впервые в русской исторической лексикологии появилось слово ***барма*** как название отделки ***крестьянского*** сарафана – большого воротника или оплечья. Обычно в словарях это слово толковали как богато украшенное жемчугом и драгоценными камнями оплечье царского или княжеского наряда. В новом значении ‘оплечье, отделка по вороту женского сарафана’ оно введено в региональный «Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века» [СПП 1: 21], а оттуда со ссылкой на этот источник – в общерусский «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-

XVII вв.» [СОРЯ 1: 81].

Так региональные памятники позволяют пополнять сведения о лексическом фонде русского языка прошлых эпох.

Пермские деловые тексты дают возможность представить, как выглядел в Прикамье женский сарафан: он напоминал платье без рукавов иногда на подкладке, был долгополым, распашным, с пуговицами и мог быть с большим воротником или оплечьем. Лексика, использовавшаяся при описании сарафанов была общерусской, но от заимствованных названий тканей (***киндяк, дороги, тафта*** и др.) образовывали прилагательные, отражавшие произношение жителей края: ***киндяшной, дорогильной, тавтяной***).

Еще одним названием женской одежды, надеваемой на рубашку (рукава), было слово ***шушун***: ***Шушун*** *мухоярный с пуговицы серебряными…* ***шушун*** *крашенинной* [*ЧА*: 139]. Оно отмечается только на севере Пермского края, в Чердынском районе, где функционировали самые ранние русские говоры Прикамья. Его принесли в Прикамье с Русского Севера, где оно отмечается в памятниках письменности [Судаков 1988: 31]. Употреблялось оно и в памятниках XVI в. Карелии [Михайлова 2004: 260].

Известно, что в Прикамье шушуны были сшиты из крашеного холста (***крашенины***) или ***мухояра*** – ткани из смешанных волокон (льняных и шерстяных или льняных и шелковых). Установить, каким видом одежды был шушун, по пермским текстам не представляется возможным, однако есть памятники других территорий, дающие некоторое представление о нем: «Шушун теплой крашенина желтая, а подклад заечей, нашивки шелку чер(в)чатого, пугвицы оловянные, розпашной. 1609 г.» [СлРЯ XI-XVII вв. 10: 322].

В современных русских говорах Пермского края это слово отмечено только в одном из диалектных словарей: «**Шушун**. – Стеганое короткое пальто без воротника. Шушун на вате простегашь, сверху-то холшовица: осенью надевашь – тепло» [СПГ 2: 564]. Но в коми говорах оно имеет другое значение: ‘сарафан с косыми клиньями из домотканого полотна’ [КПРС: 574], ‘косоклинный сарафан из домотканого пестрядинного холста’ [ССКЗД: 439]. Анализ судьбы различных слов в русских и коми говорах показал, что в коми языках иногда сохраняются пришедшие в далеком прошлом из русского языка слова или значения слов, исчезнувшие впоследствии из русской речи, например: слово ***жир*** ‘помещение, комната, этаж в избе’ отсутствует в русских говорах Прикамья, но живет и развивается в коми-пермяцком языке, где им называют комнату, класс, аудиторию [Полякова 1982]. Видимо, и слово ***шушун*** в коми говорах сохраняет близкое к старому значение: в прошлом это была женская одежда, похожая на старинный сарафан, который мог быть теплым (на подкладке), распашным (на пуговицах).

Слово ***шушун*** отмечается во многих русских говорах XIX-XX вв. Но семантика его в диалектах различна: «шубейка, телогрея, душегрейка.., род женской блузы, верхней крашенинной сорочки.., головной убор» [Даль 4: 650].

«В вологодских, вятских и новгородских говорах ***шушун*** – «крашенинный сарафан и старушечий шушпан», в олонецких – «сарафан из красной кумачины с воротом и висячими позади рукавами» [там же]. О.Н.Трубачев, исследуя этимологию слова ***шушун***, обращает внимание на последнее значение и, сопоставляя с финским hiha ‘рукав’, приходит к выводу о празападнофинском его источнике (*ьіьа). Оно могло в прошлом называть одежду с висящими сзади рукавами, отражение чего мы видим в олонецких говорах [Трубачев 1961: 50-51]. В этом значении оно пришло в прошлом на Русь, но постепенно менялся вид одежды, и слово в разных местах приобретало разные значения, а затем выходило из живой речи.

Сейчас в России о нем помнят по стихотворению Сергея Есенина «Письмо матери»:

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.
Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне,
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

В итоге исследование слова ***шушун*** по пермским и другим источникам показало, что в Прикамье оно попало с переселенцами с Русского Севера [ср.: Судаков 1988: 31], в диалект которых пришло в далеком прошлом из западнофинских говоров, и могло называть женскую долгополую одежду, напоминающую сарафан, но с висящими сзади рукавами. Постепенно шушун переживал изменения, потерял свисающие рукава, стал напоминать сарафан, что привело и к утрате слова ***шушун*** в русских говорах Прикамья (замене его словом ***сарафан***).

На других территориях рукава шушуна сохранялись, одежда укоротилась и напоминала уже шубейку, телогрейку, теплую верхнюю одежду с застежкой (у С.Есенина). И в этом значении позднее, чем в ранние чердынские говоры, оно тоже могло попасть в Прикамье. Следы его и находим в приведенной выше записи в «Словаре пермских говоров», сделанной в деревне Меча Кишертского района (в южной половине Пермского края). Здесь русские говоры формировались на два столетия позднее северных (чердынских) и при участии не только северных диалектов Прикамья, но и других источников. Видимо, с ними слово ***шушун*** пришло вторично на Пермскую землю, но уже с другой

семантикой.

Еще одним словом пермских памятников, установить значение которого помогает сопоставление с материалами современных говоров края, является слово ***верхница***, отмечаемое в кунгурских актах XVII-XVIII вв.: ***Верхница*** *синяя ветхая* [*КСАУ*: 698], *Две* ***верхницы*** *желтые* [*КСАУ*: 281], *Взяли…* ***верхницу*** *дубленник новой цена 4 алтына* [*КА*: 20]. Очевидно, что это дубленая, т.е. крашеная дубом (отваром из коры деревьев) или покупной краской одежда. Но какая? В пермских и других уральских говорах оно отмечалось как одно из названий сарафана [Даль 1: 184; СРГСУ 1: 72]. По данным середины и конца XIX в., ***верхница*** – «Сарафан из холста. Охан. Перм., 1854… Сарафан из грубого холста. Перм. Кунгур, 1858… Синий сарафан из холста. Перм., 1848…Сарафан с проймами. Охан. Перм., 1930. Сарафан без боров, Перм., 1896» [СРНГ 4: 161]. Территориальные пометы показывают, что слово верхница было характерно для говоров южной части Пермского края. В пермских памятниках оно отмечается тоже в южных, кунгурских текстах.

В XVII – начале XVIII в. шили и теплые женские сарафаны из сукна или сукманины (полушерстяной ткани домашнего изготовления). Их называли по материалу для изготовления – ***сукня*** и ***сукман***: *Взяли… сукню зеленого* ***сукна*** *анбурского* [*КЗСИ*: 814], ***Сукню*** *темно-зеленого сукна анбурского… купил* [*КА*: 241], ***Сукман*** *женской желтой* [КЗСИ: 838.]. Если сукманы шили сами, то сукни могли быть покупными, привезенными в Прикамье, о чем свидетельствуют деловые документы. В современных пермских говорах эти слова не отмечены, но появилось слово ***сукманка*** ‘юбка из домотканой шерсти’ [СПГ 2: 417], ведущее свое начало от старого слова ***сукман***.

Верхней шерстяной одеждой были ***свитки*** и ***однорядки*** – короткополая одежда с рукавами и застежкой. Свитки были мужскими и женскими, что иногда отмечалось в пермских документах: *Грабежом де взяли…* ***свитку*** *женскую сукна зеленого* [*КЗСИ*: 814], *Роспись животом…* ***свитка*** *женская сукна летчинного поношена* [*КСАУ*: 123]. Чаще свитки шили из привозного сукна – ***летчинного*** (польского), ***анбурского*** (гамбургского): *Свитка красна сукна* ***анбурского*** *поношена* [*КСАУ*: 698]. Иногда в описях имущества указывался только цвет свитки: *Грабежом взяли свитку сукна* ***зеленого*** [*КЗСИ*: 830], *Взяли… свитку сукна* ***зеленого****… две свитки* ***красныя*** [*КСАУ*: 281]. Иногда шили свитки и из сукна домашней выдели: *Украли… свитку суконну самокрашону* [*СПИИ*, к. 6: 1529]. Свитки были дорогими: *Свитка поношенная добрая с радою цена 2 рубля* [*ЧА*: 139].

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [28: 167] слово ***свитка*** толкуется как «род верхней или нижней одежды (преимущественно священнослужителей или монахов)». Пермские памятники говорят о широком использовании этого вида теплой (верхней) одежды, которую

носили и мужчины, и женщины. Однако детального описания ее в пермских текстах нет.

Другим видом теплой одежды была ***однорядка*** ‘верхняя одежда из шерстяной ткани без подкладки’ [СлРЯ XI–XVII вв. 12: 289]. Описанные в документах ситуации показывают, что в Прикамье однорядки носили как мужчины, так и женщины. Ср. упоминание мужской одежды: *Едет в судне из заречья из-за Сылвы против посаду Поспел сам гребет веслом а Акилдей седит а* ***однорятка*** *на нем грязна и сам плачет* [*СПИИ*, к. 1, 461 об.]. В то же время свитка упоминается в приданом невесты: *Приданого взял…* ***однорядка*** *без пугвиц поношена да шушун крашенинной* [*ЧА*: 139]. Иногда в памятниках специально подчеркивается, что однорядка является женской одеждой: *Покрали ночью… однорядку поповскую да* ***женских*** *две однорядки одна красновишневая а другая вишневая* [*СПИИ*, к. 3: 799]. Характеризуются однорядки в пермских актах по цвету: *Поповская однорядка* ***голубая с ыскрою*** [там же]. В «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.» [2: 303] ***однорядка*** характеризуется как вид мужской одежды, пермские памятники свидетельствуют об использовании в Прикамье и женских однорядок.

Среди названий теплой зимней одежды в пермских памятниках зафиксировано слово ***шуба***. Отмечаются шубы ***ношебные*** (одежда для ношения) и ***шубы-одеяльницы*** (одеяла из шкур животных): *Да пожитков в клети две* ***шубы*** *бараньи ношебны… да шуба****-одеяльница*** [*КСАУ*: 281], *Утерялось из дому моего шуба баранья-****одеяльница*** *да шуба баранья ж ношебна* [*КСАУ*: 211].

Шубы были мужскими и женскими: *Две шубы овчинные* ***муские*** [*КСАУ*: 123], *Украл де он Данила… шубу* ***женскую*** *под крашениной* [*КЗСИ*: 1001]. Однако чаще всего в текстах документов не обозначено, женской или мужской являлась шуба. Вместе с тем женские шубы называли и ***шубами***, и ***шубками***.

Шубы шили мехом внутрь, они могли быть ***простыми*** или ***непокрытыми***: *Шуба овчинная* ***простая*** [*КЗСИ*: 262], *Взяли 5 шуб бараньих новых* ***непокрытых*** [*КСАУ*: 114]. Их шили из овчины, белок, зайчин, куниц.

Но чаще упоминаются шубы, имевшие ***поволоку*** ‘ткань, нашитую на шубу сверху, покрывающую шкуры’: *Хотел ис тех белок и зайчин зделать мехи и шить шубки жене своей да племяннице невесте Марье… китайку де тюневую... купил он... к белкам и зайчинам на шубы на* ***поволоку*** [*КСАУ*: 229].

Женские шубы (шубки) покрывали разными тканями в зависимости от достатка – крашениной, выбойкой, кумачом, киндяком, зенденью, дорогами, тафтою: *Украли шубку овчинную под* ***крашениной*** [*СПИИ*, к. 6: 1529], *Андрюшка у той шубы тое* ***выбойку*** *спорол* [*КЗСИ*: 287], *Покрали шубу кунью под голубым* ***киндяком*** [*СПИИ*, к. 3 799], *В клете ж была*

шубка овчинная покрыта ***зенденью*** *цена рубль* [*КЗСИ*: 334], *Шубка женска мех хорьковой под зеленами* ***дорогами*** [*КЗСИ*: 121], *Владеная… на платье… на шубу билью под* ***тавтою*** [*КСГ*: 148 об.].

У шуб были меховые воротники (***ожерелки***): *Грабежем они воровские люди взяли… шубу под крашениной овчинную* ***ожерелок*** *бобровой* [*КЗСИ*: 814], *Шуба ношебная* ***ожерелок*** *бобровой* [*КСАУ*: 123]. *Вдоль застежки шубу украшали пухом 'оторочкой' из ткани или меха: Покрали… шубу боранью под кумачем красным пух и* ***ожерелок*** *бобровой* [*КЗСИ*: 522 а].

Женские шубы (шубки) украшались дорогими пуговицами, вышивкой, кружевами: *Шуба белья под киндяком поношена* ***с пугвицы серебряными*** [*ЧА*: 139], *Владеная… на шупку женскую* ***золотом шиту*** [*КСГ*, 148 об.], *А* ***кружыва*** *де* ***шелковые*** *купил к вышеявленным шубам* [*КСАУ*: 229].

Таким образом, женские шубы были очень дорогой одеждой, поэтому их описание попадало во многие документы на владение имуществом или в судебные акты о воровстве и грабеже.

Большую роль в женском костюме играли головные уборы. Девушки не покрывали волосы и использовали нарядные головные уборы, которые повязывали вокруг головы. Их назвали словами ***перевязка, перевязченка и головодец***: *Снесла* ***перевязку*** *шелкову* [*КА*: 20], *20* ***кокошников*** *и* ***перевязок*** *женских* [*КСАУ*: 106], *Выняли… в сенцах две* ***перевязки*** *женских одна новая красная… подкинули ево Афонку двема перевязченками* [*КА*: 75], *Взяли…* ***головодец*** *золотой* [*КЗСИ*: 121], *Паворозы от* ***головодца****… нашивок де она и паворозов никаких малому Никитке не давывала* [*КА*: 10]. Паворозы – ленты для головодца – были шелковыми.

Замужняя женщина должна была закрывать волосы, появление ее на людях с непокрытой головой было верхом неприличия. Головными уборами женщин были ***волосник, подзатылник, подубрусник***, надевавшиеся непосредственно на волосы, ***кокошник*** и головные платки, имевшие разные названия: ***плат повязывальный, фата, обрус, убрус, убрусец***: *Долгу платить… под наволочку да по ширинку шесть алтын да попадье Василисе Васильевской под* ***волосник*** *з завязками рубль* [*ЧМ* 2561: 4], ***Подзатыльник*** *шит золотом* [*КА*: 76], *Шуба да* ***подубрусник*** *да китайки два аршина* [*КА*: 162], *Да сверх же явочной челобитной шуба да* ***подубрусник*** [*КА*: 162], *6* ***платов повязывальных*** *в головы* [*КСАУ*: 698], ***Кокошник*** *кумачной красной* ***плат повязывальной*** *пестрой красной подержаной* [*КЗСИ*: 814], *Отдано… 38 очелков 2* ***обруса*** [*КА*: 162].

Украшением замужней женщины был **кокошник**. К лицу женщины примыкала его часть, называемая словами ***очелок*** или ***очелье***: *Из лавки украдено…* ***очелки*** *женские* [*КА*: 162], *Вынесла…* ***очелья*** *кокошников женских* [*КЗСИ*: 128]. Очелья готовились на твердой основе (бересте),

обшитой тканью, по которой делалась вышивка: *Восьм* ***очелей*** *кокошников женских холшевых шитых шелками* [*КЗСИ*: 128], *С собою унесла…* ***очелья*** *отласны да десять кокошников* [*КЗСИ*: 1010].

Фата являлась частью кокошника, закрывающей волосник и подубрусник: *Взяли* ***фату*** *пеструю* [*КА*: 76], ***Фата*** *женская ветхая малой руки* [*КСАУ*: 123], *Украли* ***фату*** *красную бумажную* [*КЗСИ*: 838], *Взяли…* ***фату*** *шелковую* [*КЗСИ*: 814].

Выходные кокошники были дорогими, их покупали в лавках, привозили в Прикамье с ярмарок: *Купленного на Макарьевской ярмонке… два* ***кокошника*** *женских простых лазоревого байбереку нешитых два ж* ***кокошника*** *один камчатой а другой зеленой китайского атласу кроеных а нешитых же… хотел де он Кирило чтоб те* ***кокошники*** *сшить вышеявленным золотом и серебром жене своей и племяннице и невеске* [*КСАУ*: 229].

Кокошники делали и из тканей домашнего изготовления (холста), и из привозных бумажных и шелковых тканей: *Кокошник* ***кумачной*** *красной* [*КЗСИ*: 814], *Кокошник* ***китаешной*** *шит золотом* [*КЗСИ*: 522 а]. Их вышивали шелком, золотыми и серебряными нитями: *20 кокошников женских по кумачю и по холсту шыты* ***шелком*** *и* ***нитми*** [*КСАУ*: 106], *Кокошник* ***золотом*** *шит купил* [*КА*: 242], *Взял… пять кокошников белых* ***шитых шелком*** [*КЗСИ*: 998].

Названия платка ***убрус*** и ***убрусец*** в XVII–XVIII вв. тяготели к высокому стилю и использовались при описании икон: *Образ Пречистыя Богородицы…* ***убрусец*** *и ожерелье низано жемчужком мелким* [*Ш 2*: 193]. На основе слова убрус ‘названия платка, которым при замужестве покрывали голову невесты’, появился деловой термин убрус ‘плата наместнику за выдачу девушки замуж’: *Кто дочерь дает замуж и наместнику за* ***убрус*** *три белки* [*Ш 3*: 32].

В пермских судебных актах немало дел о воровстве или срыве с головы зимних шапок, так как нередко они были весьма дорогими: *Челобитье на Трофима Бабашкина в* ***срыве шапки*** *з головы* [*КЗСИ*: 539 а]. В памятниках иногда подчеркивали, мужской или женской является шапка: *Купил я сирота у него Терентья шапку мускую… украл…* ***шапку женскую*** [*СПИИ*, к. 3: 799]. Шапки покупали и шили сами: *И тое де шапку* ***шыл*** *он Онцыфорко сам дома из старинного своего суконного лоскутья* [там же].

Шапки состояли из верха (***вершка***), ***испода*** (подкладки) и ***опушки***, которую называли ***пухом*** или ***напушицей***: *Шапка женская верх золотой пух бобровой* [*КЗСИ*: 121], *Шапка с* ***пухом*** [*СПИИ*, к. 3: 799], *Шапка женская верх тафтяной* ***пух*** *язвишной*[5] *черной* [*КЗСИ*: 522 а], *Шапка овчинная черная* ***опушена*** *бобром в 5 алтын… шапка овчинная черная с* ***напушицей*** *бобровой* [*КЗСИ*: 441], *Пропало… шапка сукно лазоревое с лисицею* ***испод*** *белей*[6] [*КА*: 10]. Женские шапки со стороны лица иногда

украшали жемчугом или кружевами: *Приданого взял шапка отласная с перередьм и с* ***круживом женчужным*** [*ЧА*: 139].

Кроме шапок, женщины носили также ***треухи*** ‘теплые шапки с опущенными наушниками и задком’: ***Тряух*** *соболей женской… тряух соболей верх камчатой травчатой…* ***треух*** *женской бобровой верх красной изарбатной* [*КЗСИ*: 522 а], ***Треух*** *бобровой а верх золотой… треух ветхой собольих лапок* [*КЗСИ*: 121].

Лексика женской обуви в пермских памятниках менее разнообразна, чем названия одежды. Носили ***чулки***, вязаные и сшитые из ткани: ***Чюлки*** *вязаные цена 4 алтына* [*КА*: 20], *Украл он Василей с прилавку* ***чюлки*** *вязаные новые* [*КЗСИ*: 1004], *Вершек сукна светло-зеленого да того ж сукна* ***чюлки*** *у него Карпа были… ис той свитки он Карп сшил себе шапку и* ***чюлки*** [*КСАУ*: 281]. Чулки были теплыми, их делали из сукна, чаще сермяжного: *Двои* ***чюлки*** *суконные сермяжные цена 2 гривны* [*КА*: 33], *Досталось* ***чюлки*** *сукна сермяжного крашения* [*КСАУ*: 698]. Иногда их обшивали бумажной тканью: *Взяли…* ***чюлки*** *суконные обложены китайкой* [*КЗСИ*: 814].

Ноги обертывали ***скутами*** (онучами из сукна): *Двои ступни красные поношенные двои* ***скуты*** *суконные белые* [*КСАУ*: 123]. Их надевали под лапти или ступни: ***Скуты*** *суконные белые подержанные* [*КСАУ*: 814]. Слово ***скуты*** ‘портянки из домотканой шерсти’ отмечается в пермских диалектных словарях [СПГ 26 349; СРГКПО: 222], но отсутствует в этом значении в исторических словарях. Оно зафиксировано в Сибири, но только как название снастей для крепления убранного паруса [СРНДРС: 143]. Так что в XVII–XVIII вв. пермское значение слова ***скуты*** было диалектным, как и в настоящее время.

В качестве женской обуви в пермских памятниках отмечаются ***ступни, коты*** и ***башмаки***. В Прикамье использовали и ***лапти***, о чем свидетельствуют некоторые тексты: *Рогожного товару* ***лаптей*** *шлей хомутов на откуп не давати* [*АПМ*: 158]. Зафиксировано и диалектное слово ***коточиг*** ‘кочедык; шило для плетения лаптей’: *Челобитная… в краже с поля ральников топора долото дву серпов* ***коточига*** *шила сохи и иной рухляди*[7] [*РСК* 1: 37]. Однако север Пермского края был не богат липами, которые необходимы для «рогожного товара», поэтому лапти не были здесь распространены. Ступни ‘вид кожаной обуви без твердой подошвы’ в картотеке пермских памятников зафиксированы лишь один раз: *Двои* ***ступни*** *красные поношенные* [*КСАУ*: 814].

Самой распространенной женской (и детской) обувью были кожаные ***коты***, их изготовляли сами и покупали. Так, в Соликамске на торгу существовал котовый ряд, где продавалась обувь: *Дала сие договорное письмо… в котовом ряду на лавочное место* [*ГКЭ* 17: 11300].

Коты шили на твердой подошве (*Девятеры подошвы дубленые котошные* [*КЗСИ*: 814], *Взяли из дому моего грабежом восмеры* ***подошвы***

котовые *дубленой кожи* [*КЗСИ*: 786]) с обшивкой (***опушкой***) из ткани или мягкой кожи (*Коты красные* ***опушка*** *красная… коты ж красные опушка вишневая* [*КЗСИ*: 1004]; *Взяли… кот* ***опушен****, серой* [*КЗСИ*: 814]). Упоминаются украшенные дорогие коты с подбором, и можно предположить наличие у них каблука (***подбора***): *Утерялось… коты красные с* ***подбором*** *с прошивкой мишурной ценою в 6 алтын* [*КЗСИ*: 1004].

Башмаки упоминаются в пермских текстах как кожаная обувь, но никаких деталей их не выделено: *Взяли… десятеры* ***башмаки барановые****… прислал он Лучка с матерью своею одне де башмаки ей Оленке а другие де* ***башмаки*** *сестре своей замужней Фетиньице* [*КА*: 163].

Женщины могли использовать и другую называемую в памятниках обувь (***сапоги, тюни, валенцы, уледи***), но она не характеризуется в них как женская, поэтому не останавливаемся на ее характеристике.

Рассмотрение названий предметов женской одежды из пермских памятников письменности в сопоставлении с данными исторических словарей и современных пермских и других диалектных материалов позволяет сделать следующие выводы.

Лексика одежды представлена в деловых памятниках письменности разных видов (жанров): в завещаниях, описях имущества, таможенных документах, судебных актах, расписных книгах и других текстах. Требования жанра текста накладывают отпечаток на отражение названий предметов одежды. В расписных книгах и таможенных записях, где требовалась лаконичность, вещи только называются, а в судебных документах (челобитных, допросных сказках, очных ставках) еще и характеризуются: из какого материала, какого цвета, с какими дополнениями и т.д. изготовлена одежда.

Исторически сложилось так, что на севере Пермского края (на Чердынской земле), где русские говоры сформировались ранее (с XV в.), чем на юге края, было много пожаров, в которых погибло большое количество документов. Но в Москве сохранились расписные списки, составленные при передаче дел от одного пермского воеводы к другому, и в списках коротко перечислялись все передаваемые документы и их содержание. Поэтому в расписных списках достаточно много названий одежды, но нет характеристики называемых предметов.

В южной части края, в Кунгурском уезде, картина иная. Русские говоры там формировались с первой половины XVII в., поэтому в них могла не попасть устаревающая лексика (например, слово шушун). Вместе с тем там сохранилось большое количество судебных документов, хранящихся сейчас в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. В этих текстах представлена характеристика многих предметов (в частности одежды), по поводу которых шла тяжба. Поэтому в данной статье основные

характеризующие исследуемую лексику тексты представлены главным образом кунгурскими материалами (КА, КЗСИ, КСАУ). Это подсказывает, что в дальнейшем, изучая лексику XVIII–XIX вв., при поисках материалов для характеристики одежды (и других предметов быта) целесообразно обращаться, прежде всего, к региональным юридическим текстам.

Изученные названия предметов одежды говорят о значительном имущественном неравенстве населения Прикамья. Так как в документы попадали обычно названия дорогих предметов, которые передавали по наследству, покупали и продавали, пытались вернуть, если их украли, то в памятниках оказывается лексика, свидетельствующая о ценных вещах. О дешевых предметах не делали таких записей, и они гораздо реже отмечались в текстах Прикамья, хотя могли быть широко распространены.

Например, судя по данным говоров XIX–XX вв., женщины и в прошлом должны были использовать такой предмет одежды, как передник, фартук, который называли ***запоном***. Название этой необходимой и практичной вещи не записывалось в памятники, так как она не представляла собой никакой ценности. Вместе с тем слово запон все-таки встречается как название передника, но только у кузнецов и металлургов. У них запоны для защиты от огня и раскаленных металлических брызг были из кожи, имели цену, и их названия попадали в пермские тексты: *Да с ними же принесли* ***запон*** *телятиной… с поличным ис той кузницы с железом моим да з* ***запоном*** *железным козловым цена железу и* ***запону*** *гривна… и* ***запон*** *телятиной изрезали* [*КЗСИ*: 1010].

По этой же причине редко назывались и другие недорогие предметы женской одежды и обуви (дубасы, лапти, ступни и т.д.), но подробно описывались ценные вещи. Потому и введено в название статьи слово ***модницы***, в данном случае как именование носителей дорогой одежды.

Пермские тексты XVII–XVIII вв., рассмотренные в сравнении с материалами диалектных и исторических словарей, позволили выделить несколько диалектизмов в составе исследуемой тематической группы. В настоящее время имеется несколько исторических словарей русского языка (СлРЯ XI-XVII вв., кончая словом ***сулебный***; СлРЯ XVIII в., кончая словом ***открутить***; СОРЯ, на буквы А-В), словники при публикациях текстов памятников, подготовленные в Институте русского языка АН СССР под руководством С.И.Коткова, и исторические региональные словари (РИС; СРНДРС; СЯМП; СПП и др.). Кроме того, существует большое количество работ по исследованию различной лексики памятников. Все это позволяет рассматривать отдельные слова русского языка с точки зрения их территориальной характеристики и выявлять диалектную лексику прошлых эпох (она не всегда совпадает с современной).

Обнаружены диалектизмы XVII – начала XVIII в. среди названий предметов одежды в пермских текстах: ***дубас, головодец, скуты, ступни,***

сукман, шушун. Часть слов пермских памятников представлена семантическими диалектизмами: ***барма*** ‘воротник женского сарафана’, ***коклюшки*** ‘кружева домашнего изготовления’. На основе старых диалектизмов возникали новые, обозначавшие видоизменившую одежду: из ***сукман*** ‘сарафан из сукна’ ***сукманка*** ‘юбка из домотканой шерсти’ [СПГ 2: 417]. Часть современных диалектизмов в прошлом относилась к общерусской лексике: ***однорядка, портно, свитка***.

Конечно, по сравнению с данными XIX–XX вв. памятники дают гораздо меньше материала: современные диалектологи собирают его целенаправленно, стараясь не пропустить ничего, а историки языка вынуждены довольствоваться тем, что сохранили для них писцы, не подозревавшие, какими ценными окажутся их записи через несколько столетий. Но для исторической лексикологии, исторической диалектологии и нередко для этимологии, а также для описания культуры прошлого выявленные диалектизмы представляют собой ценный материал.

Изученные названия иллюстрируют и некоторые процессы в языке. Так, не решенный однозначно вопрос об этимологии слова ***дубас*** свидетельствует о тесном взаимодействии русских и коми говоров на территории Перми (Перми Вычегодской и Перми Великой).

Исчезновение в памятниках некоторых старых слов (ср.: ***шушун***), вытеснение их близкими по значению (***сарафан***) свидетельствует о постоянном движении в лексике. Причины этого движения в названиях одежды кроются прежде всего в экстралингвистических обстоятельствах: в связях с центром (Москвой), Русским Севером, участием в ярмарках (в XVII в. Макарьевской и Ирбитской), торговле с югом (до Соли Камской доходили караваны верблюдов, которые везли шелковые и бумажные ткани), с востоком (через Томский острог до Чердыни и далее в центр государства «чайный путь», по которому везли не только чай, но бумажные ткани). Все это не могло не отразиться на характере одежды в Прикамье.

Материалы второй половины XVIII в. (в частности указы 1766-1767 гг. «О сборе пошлин таможням с привозных и отвозных товаров») свидетельствуют о появлении новых тканей и предметов одежды и новой лексики. Все это очень медленно, но проникало и в Прикамье и приводило к изменениям в культуре и языке.

Хорошо сохранялись традиции изготовления повседневной, рабочей женской одежды и ее названия, но выходная претерпевала изменения. Когда в 1953 г. нам показывали сохранившиеся дубасы, продемонстрировать старинные сарафаны уже не могли. Эту выходную одежду давно сменили ***парочки*** – нарядные юбка и блуза (кофта), обтягивающая фигуру.

Результаты исследования лексики одежды в памятниках Прикамья

XVII – начала XVIII в. позволяют представить судьбу отдельных слов и всей тематической группы на протяжении веков. Однако между нею и лексикой конца XIX-XX в., изучаемой диалектологами, большая лакуна – XVIII-XIX вв. Эту лакуну необходимо заполнить, обратившись к поиску лексического материала и его анализу.

Примечания

[1] Глава опубликована в виде статьи [Полякова 2010].

[2] В ссылках курсивом обозначены условные сокращения названий источников, прямым шрифтом – сокращения названий в списке литературы.

[3] Примеры из памятников даются курсивом, анализируемое слово в них выделяется жирным шрифтом. Буква «ять», употреблявшаяся непоследовательно, передается как «е». В исследуемых текстах знаки препинания отсутствовали, в цитаты они не вводятся.

[4] В лексической картотеке пермских памятников более десяти тысяч слов и около 100 тысяч словоупотреблений.

[5] Из меха барсука или козы.

[6] Из меха белки.

[7] Рухлядь – ‘имущество’.

Список источников

АПМ – Акты Пыскорского монастыря. Рукопись. Архив СПб. Ин-та русской истории РАН.

Коллекция 115. № 388.

ГКЭ – Грамоты Коллегии экономии. Рукопись. РГАДА. Фонд 281, оп. 17.

КА – Кунгурские акты XVII века (1668-1699 гг.). СПб., 1888.

КЗСИ – Кунгурская земская судная изба. Рукопись. РГАДА. Фонд 687, опись 1.

КСАУ – Кунгурские судебно-административные учреждения XVII-XVIII вв. Рукопись. РГАДА. Фонд 1015, опись 1.

КСГ – Копии соликамских грамот XVI-XVIII вв. Рукопись. Пермская государственная краевая универсальная библиотека им. А.М.Горького. Фонд редкой книги. № 61593.

СПИИ – Пермские документы XVII – начала XVIII в. Рукопись. Архив СПб. Института истории РАН. Фонд 122., коробки 1-6.

Тамож – Таможенные выписи Новоусольской таможни на предъявленные в ней товары. Рускопись. 1741 г. РГАДА. Фонд 829, № 1284.

ЧА – Спасский Г. Чердынские юридические памятники с 1606 по 1718 г. // Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1857. Кн. 25.

ЧМ – Чердынские свитки XVII-XVIII вв. Рукопись. Чердынский краеведческий музей. Фонды 2558, 2561.

Ш 2 – Шишонко В. Пермская летопись. Второй период. Пермь, 1882.

Ш 3 – Шишонко В. Пермская летопись. Третий период. Пермь, 1884.

Список литературы с условными сокращениями

Акчим – *Словарь* говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области / под ред Ф.Л.Скитовой. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984-2003. Вып. 1-5.

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: «Наука», 2000.

АОС – *Архангельский* областной словарь / под ред. О.Г.Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. Вып. 12.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Госиздат иностр. и нац. словарей, 1955.

Зверева Ю.В. Наименования одежды в пермских говорах как источник этнокультурной информации // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009а. С.95-96.

Зверева Ю.В. «Одежда для ног» в пермских говорах // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования; Перм. ун-т. Пермь, 2009б. С.128-142.

КПРС – *Коми-пермяцко-русский* словарь / сост. Р.М.Баталова, А.С.Кривощекова-Гантман. М.: «Русский язык», 1985.

КЭСКЯ – *Краткий* этимологический словарь коми языка / сост. В.И.Лыткин, Е.С.Гуляев. М.: Наука, 1970.

КЯД – *Лыткин В.И.* Коми-язьвинский диалект. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.

Михайлова Л.П. История края в народном слове. Русские говоры Карелии; ГОУВПО «КГПУ». Петрозаводск, 2004.

Полякова Е. Н. Севернорусское слово жир – «этаж» // Системные отношения в лексике севернорусских говоров; Волог. пед. ин-т. Вологда, 1982. С.136-142.

Полякова Е.Н. Названия предметов одежды в пермских памятниках XVII – начала XVIII века // Лингвистическое краеведение Прикамья; Перм. пед. ин-т. Пермь, 1977. С. 42-52.

Полякова Е.Н. Что носили модницы в Прикам ье в XVII – начале XVIII века (по данным лексики пермских памятников письменности) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 2(8), 2010. С. 14–24.

РИС – *Региональный* исторический словарь второй половины XVI-XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края / отв. ред. Е.Н.Борисова; Смол. гос. пед. ун-т. Смоленск, 2000.

САР – *Словарь* Академии Российской. СПб., 1789-1794. Ч. 1-6.

СВГ – *Словарь* вологодских говоров / ред. Т.Г.Паникаровская; Волог. пед. ин-т. Вологда, 1983-1997. Вып. 1-7.

СлРЯ XI-XVII вв. – *Словарь* русского языка XI-XVII вв. М.: «Наука», 1975-2008. Вып. 1-28.

СлРЯ XVIII в. – *Словарь* русского языка XVIII века. СПб.: «Наука», 1984-2007. Вып. 1-17.

СНРРТ – *Словарь* народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / ред. В.В.Палагина, Л.А.Захарова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.

СОРЯ – *Словарь* обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв. / под ред. О.С.Мжельской. СПб.: Наука, 2004-2006. Вып. 1-2.

СПГ – *Словарь* пермских говоров / ред. А.Н.Борисова, К.Н.Прокошева: В 2 вып. Пермь: Книжный мир, 2000-2002.

СПЛСР – *Словарь* промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. / ред. Ю.И.Чайкина. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003-2005. Вып. 1-2.

СПП – *Словарь* пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 6 вып. / сост. Е.Н.Полякова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993-2001.

СРГА – *Словарь* русских говоров Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. Т.2. Ч.1.

СРГКПО – *Словарь* русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Ред. И.А.Подюков. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006.

СРГНО – *Словарь* русских говоров Новосибирской области / под ред. А.И.Федорова. Новосибирск: Наука, 1979.

СРГСУ – *Словарь* русских говоров Среднего Урала. Свердловск: Сред.-Урал. книж. изд-во, 1964. Т. 1.

СРГСУ-Д – *Словарь* русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред А.К.Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1966.

СРГЮРКК – *Словарь* русских говоров южный районов Красноярского края. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров. СПб.: Наука, 1966-2008. Вып. 1-41.

СРНДРС – *Словарь* русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л.Г.Панин. Новосибирск: Наука, 1991.

ССКЗД – *Сравнительный* словарь коми-зырянских диалектов / под ред. В.А.Сорвачевой. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1961.

Судаков Г.В. География старорусского слова: учеб. пособие по спецкурсу; Волог. пед. ин-т. Вологда, 1988.

СЯМП – *Словарь* языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв. / сост Н.А.Цомакион; Краснояр. пед. ин-т. Красноярск, 1971.

Трубачев О.Н. Этимологические исследования по русскому языку. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961.

Условные сокращения

РАН – Российская академия наук, РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

FASHION IN PRIKAMYE OF THE XVII – THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURIES (on the lexics data of Perm written monuments)

Elena N. Polyakova
Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

On the data of Perm written monuments of the XVII – the beginning of the XVIII centuries we deal with the names of woman dress, headdress and footwear in Prikamye region. The prevalence of common Russian lexics in this sphere is revealed as well as the dialect variants, semantic dialecticisms, Komi-Permiyak words. The origin and etymology of certain words is shown The present research adds new research materials of the XVI-XVIII centuries to the data of dictionaries of Russian lexics and supplies with the ethnographical information about Perm region of the XIX-XX centuries. It's urgent as for the history of Russian language, as well as for the ethnography of Prikamye region.

Key words: Prikamye; lexics; woman dress; headdress; footwear.

УДК 801.81:398.21(470.53)

Ирина Ивановна Русинова
доцент кафедры теоретического
и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
irusinova@mail.ru

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ, СВЯЗАННОЙ С КОЛДУНОМ (на материале лексики говоров и мифологических рассказов Пермского края)[1]

В статье на материале мифологических рассказов, данных диалектных словарей Пермского края рассмотрены языковые воплощения представлений о связи колдуна с нечистой силой, которая на уровне лексики выражается в участии корней бес- и черт- в формировании нескольких номинаций колдуна, глагольных словосочетаниях, содержащих имена нечистой силы. Наиболее многочисленная группа единиц вербализует главное направление магической деятельности колдунов – причинять вред людям. В статье рассмотрены также облик, особенности звукового поведения и номинации духов, выступающих помощниками колодуна, и духов, вселяющихся в человека. Бесы могут принимать антропоморфный, зооморфный облик, вид бытовых предметов. Рассмотрены инвариантные и вариантные признаки этих духов. Акцент в статье делается на тех признаках, которые слабо освещены в литературе и которые характеризуют пермский материал как специфический.

Ключевые слова: мифологические рассказы Пермского края; мифологическая лексика; колдун; духи – помощники колдуна; «вселяющийся» дух.

1. Вербализация представлений о связи колдуна с нечистой силой[2]

Языковые материалы пермских диалектных словарей, картотек и фольклорно-этнографических источников[3] говорят о популярности магических верований в Пермском крае. Их стержень составляет вера в колдунов. Пермские мифологические рассказы перекликаются с материалами других регионов Русского Севера и Сибири и обнаруживают устойчивость общих сюжетов и мотивов, основой которых выступает представление о связи колдунов с нечистой силой. (См. перечень мотивов, а также их реализацию в: [Зиновьев; Мифологические рассказы… 1996а и др.].)

Связь человека с миром нечисти реализуется прежде всего на уровне сюжета: бесы, находящиеся у колдуна в услужении, выступают источником его магической силы (*Злые колдуны чертей держат. С ними*

© Русинова И .И., 2014

те слова по ветру и пускают (Пыскор Усол.). *Или вот тут тётя Граша. Тоже у неё черти. Надя оставалась у неё кормить скота, ну, в подвал ходила. Там эти мышки бегают. Ночью, вот когда спят, ну, они, видать, выходят домой* (Кольчуг Черд.). *Я детей колдунов спрашиваю: «Что у вас дома есть». – «Есть маленькие птички всяких цветов: голубые, красненькие, зелёные. В голбце в коробочке сидят». – «Пойдём посмотрим». – «Нет, мама ругаться будет»* (Чердынь). *И он* [колдун] *сказал, где черти: «Черти у меня на вышке-де, в пестере»* (Ратегова Краснов.). *Одна тут у нас была* [колдунья]. *Баночки у неё под полом поставлены. Оне* [черти] *в них и жили* (Половодово Сол.). *Колдуны-то, те чертей кормят. Я ещё маленькая была, с ребятами в окошко подглядывала. Налепят они много пельменей, и отец их, Трофимов, перву тарелку покладёт и в голбец несёт. А зачем их туда нести, как не чертям?* (Лимеж Черд.).

Не только сюжет и мотивы быличек, но и языковые единицы, используемые в текстах, отраженные в диалектных словарях, могут многое сказать о связи человека с нечистой силой, характере этой связи, образах и поведении духов, выполняющих «работу» у колдуна, видах деятельности людей, обладающих магическими знаниями и способностями.

1. Прежде всего, мифологема «колдун – его помощники-черти» реализуется в названиях самого колдуна. Эта группа единиц составляет только часть в обширном корпусе номинаций людей, обладающих магическими свойствами.

По данным О.А.Черепановой, на Русском Севере распространены разнообразные названия этого типа персонажей: *баловни́ца, бели́ца, веду́н, вещу́н, ворожéц, гад, га́даль, га́мка, ерестýн, ерети́к, знато́к, изво́дчица, ико́тник, киля́тник, клохту́н, ломо́тник, сперчи́ха, три́ха, харку́нья, шомору́нья* и др. [Черепанова 1983: 15]. При рассмотрении семантики этих лексем обнаруживается, что увеличение числа наименований ведьм, колдунов и знахарей может происходить, во-первых, за счет персонификации одной из присущих им функций (*гад*, *гадаль* – тот, кто гадает; *изводчица* – та, кто насылает извод, т.е. порчу; *икотник* – вызывающий у людей «икоту», т.е. нервную болезнь – кликушество; *килятник* – насылающий килу, т.е. грыжу; *ломотник* – причиняющий ломоту; *порченник* – насылающий порчу; *сперчиха* – та, что сдавливает, стискивает, сжимает; *триха* – лечащая растиранием и пр.); во-вторых, за счет наименований, персонифицирующих те или иные свойства ведунов (*клохтун* – человек, издающий звуки, стонущий; *харкунья* – харкающая женщина); в-третьих, за счет персонификации самой соотнесенности ведунов с мифическими существами, наделившими их магической силой и сверхъестественными способностями (*бесиха, бесистый, чертиха, чертистый; шишко, шишкун*) [Криничная 2004: 386-387]. Пермские

материалы обнаруживают довольно большой круг лексических единиц, персонифицирующих связь колдунов с нечистой силой и включающих имя духа.

Данные словарей и фольклорных текстов свидетельствуют о неопределенности, размытости границы между «вредоносными» и «доброносными» персонажами указанной группы – колдунами, знахарями (например, в пермских говорах они могут обозначаться одними и теми же или однокоренными единицами, образованными от глагола *знать*: ***знатко́й, знатко́й человек, знатли́вый, знатливый человек, знатный, знатный человек, знаток, знахарка, знахарь, знающий, зна́ющий*** (***зна́ючий***) ***человек***). Однако маркером «вредоносности» персонажа можно считать присутствие в его названии корней *бес-* и *черт-*. Разнообразие и обилие дериватов свидетельствуют о высокой распространенности и популярности данного мотива в пермской мифологии:

Бесист. *Ак попробуй-ко узнай их, где они, бесисты-те. Их эть нету. Они эть не скажутся. Ты что! А эсле буэшь дознаваться, оне тебя испортят* (Ныроб Черд.). *И вот встали в машину оне троё или четвёро. Он-де мне хлоп по плечу. «Держись, – говорит этот, которой бесист-от. – Держись», – хлопнул-де меня. А рука заболела* (Карпичева Черд.). *Хитка, вот если бесисты-то подденут… Мужик дурит, дурит с нами и посадил мне этих бесей* (Камгорт Черд.).

Бесистый, сущ. *В верховьях бесистые есть. Если я корову купил, а ты продаёшь, ты можешь что-то сделать, отнять молоко* (Березовая Черд.). *Одна баба рассказывала: её мужа бесистый испортил. Они звали знахарку* (Вильгорт Черд.). *Бесистые назывались, еретники-то бесистые, людей портили* (Камгорт Черд.). *А тут тожо одна женщина сказывала: где-ко там, в верьхах* [Колвы] *тожо один бесистый есть, портит тожо людей-то* (Карпичева Черд.). *Был тут кладовшык бесистой. Не колдуны, а бесистые. Колдуны-те – которые превращаются. Бывает, в человека бисей насадят, он и разговаривает другим голосом* (Чердынь). *Умели тут людей привязывать без верёвки. Таких людей называли бесистыми. Чё-то наговорят, и человек с места сдвинуться не мог* (Ныроб Черд.). *Если бесистый попу не покается, биси ему помереть не дают, мучают* (Искор Черд.).

Бесистая, сущ. *Некоторые* [есть] *бесистые. Вот она, эта женщина, пересекла* [дорогу], *дак она, девка-та, она уже знат. Бесистая, говорит, перешла, дак мы вот заблудилися* (Нюзим Черд.). *Колдунья, бесистая – всяко обзовёт* (Рожнево Черд.).

Бесястый, сущ. *У меня нога от болела. Мне бесястый подделал хорошо в сенокос. А вечером домой уже не могла идти, меня в лодке приплавили. Я два месяца в постеле вот лежала* (Дий Черд.). *В Черепанове все бесястые. Мы не знаем, дело прошлое. Или глаз у человека, или чёрт его знает* (Петрецово Черд.).

Бесистый человек. *Еретники людей портят, бесистые люди* (Камгорт Черд.). *Люди бесистые, знатливые, они и портят, говорят* (Вильгорт Черд.). *Порчи у неё, биси насажёны. Такие люди есь бисистые. А по-настояшшому, надо сказать, поговорка на них. Та поговорка на них, что они знают каких-то бисей* (Чердынь). *Кто знат, тот и садит* [бесей], *бесистые, еретник дошлый, бесистой* (Рожнево Черд.).

Бесястый человек (старик *и под.). У него ещё родня была бесястая. Тожно мать повела к его родне-то, он ей дал семецьки, на семецьках ему попало от старика-то от бесястого. Он если бесястый, возьми да заткни иглу. Иглу заткнёшь от на двери, он никуды не уйдёт* (Петрецово Черд.). *Бисястые ки-ко люди были. В бане, говорят* [учили], *в баню уводят. Там собака огненная. Ей в хайло лезь, и с бисями будешь. Корову могут испортить* [бесястые люди]. *Другие бисястые лечат. В коробице, в пере их держали, бисей. У кого* [как] *птички, у кого мышки* (Талово Черд.).

Чертист. *Заговоры мы никакие не знам. А те, которы знают, их чертистами зовут* (Ныроб Черд.). *Был у нас на деревне чертист. Он одну девочку поймал и хотел зарубить, а люди вовремя его руку споймали и топором по голове дали. Дак он жив остался и на деда одного чертей перевёл. Дак они его до самой смерти царапали* (Редикор Черд.). *Чтобы чертиста узнать, надо иголку воткнуть. Если чертист, то он или кругами ходить будет, или стоять будет. Так чертистов привязывали* (Редикор Черд.). *Колдуны, чертисты могут тебе порчу наложить, вот и будешь болеть* (Рябинино Черд.).

Чертистая, сущ. *Старухи сказывают, у них была чертиста, дак, кому надо, науку давала* (Ратегова Краснов.). *Рядом чертистая приехала. Их привязывают, молитву «Воскреснет Бог» задом наперёд читатют. Привязывают, чтоб сидела* (Губдор Краснов.). *Одна женщина шла, навстечу ей чертистая. Та ей показала кукиш. А чертистая подошла к ней и сказала: «Ты зачем мне кукиш показываешь?»* (Черд.).

Чертистка. *Я один раз к чертистке пришла. Она села со мной рядом и хлопает меня в бок. Не помню, как от неё до дому дошла, всё в боку кололо* (Камгорт Черд.). *Сели обедать. Одна чертистка угостила женщину лепёшками. Та и стала заговариваться* (Камгорт Черд.).

Чертистый, сущ. *У нас вот Тамару шшэлкал чертистой ныробской. Мужик колдун, чистой колдун* (Искор Черд.). *Я говорю: «Тожно люди все цисты, цертистых нету, ешьте»* (Коэпты Черд.). *Ну вот у нас здесь, в Серёгово, вот по этой улице был один дом, дак всё чертистый его* [хозяина дома] *называли* (Серегово Черд.). *Колдуны испортят человека, чертистые, пустят в человека чертёнка* (Покча Черд.).

Чертистый человек (***женщина, старуха*** и под.). *Есь цертистые люди, колдуны* (Редикор Черд.). *Тоже никто не видел чертей. Есь люди*

черьтистые, которые портят людей, говорили (Пянтег Черд.). *Старуха, сказывают, у них была чертиста, дак, кому надо, науку давала* (Ратегова Краснов.).

Чертиха. *Пошли в лес за смородиной двое взрослых и двое детей. Идут по улице, а у одной калитки стоит бабка и просит их взять в лес свою дочь. Согласились и сказали, чтобы она их догоняла – они идут тихо. Шли-шли – нет нигде бабкиной дочери. Ну, думают, не пошла девка… Ходили-ходили по лесу, но так ничего и не смогли найти, хоть и знали места хорошо. Пришлось возвратиться ни с чем. Идут по деревне, а бабка уж тут как тут: «Ну что, набрали ягод? Говорила вам, подождите мою девку! Вот так-то вам!» А звали эту бабку в деревне чертихой* (Добрянка).

Чертознай, чертызнай. *Мать мне рассказывала, что, когда они жили в Половодово, у их в деревне жил чертознай Истома. Дак когда он помер, стало в доме нечисто* (Усолье). *Дедушка у Капы был, он чертознай был, килы сажал, пчёл портил* (Большие Кусты Куед.). *Дедушка тоже чертызнай был, все к ему ходили эти килы снимать. Он сам другу молитву вычитат и эту килу снимат* (Кашка Куед.).

Черчист. *Черчист может испортить, и человек болеет* (Покча Черд.).

Встречаются в наших материалах такие контексты, в которых имя нечистой силы прямо переносится на человека, который с бесами связан (*Колдуны – они и есть* ***биси***. *Ты поругался – они тебя спортили* (Печинки Черд.). *Вот этот, про которого я рассказывала, у них, у этих, все были* ***биси***, *колдуны-те* (Бондюг Черд.). *А сосед настояще* <u>*чертей знат*</u>, *сам бес* (Большие Долды Черд.)).

Записаны даже такие тексты, в которых утверждается кровное родство колдуна со своими чертями (*Прасковья Николаевна была. Её отец был колдуном. Она с мужем взяла дочку, детей-то своих у них не было. Так девочка та умерла. И, говорят, они её сами убили. Потом другую взяли, вырастили её, воспитали, замуж выдали. Дак, говорят,* ***дети у неё черти***. *Значит, передали родители её чертей. Она сама говорила: «Надоели мне черти эти»* (Купчик Черд.)).

Нередко связь колдуна с нечистой силой осуществляется в тексте былички через общий корень, т. е. контекст содержит и производящее, называющее нечистую силу, и производное, называющее колдуна, слова (*Я вам вот какой случай расскажу ишо про* ***бесистых***. *Одного мужика звали, что он чё-то знает* ***бисей*** *каких-то* (Петрецово Черд.). *Сказывают, что* ***чертисты*** *с* ***чертями*** *водятся и на людей порчу наводят или взглядом или прикосновением руки* (Редикор Черд.)). Но чаще в текстах с помощью производного и производящего слов указывается способность чертей проникать в человека и служить причиной болезни, т. е. в этом случае имя нечистой силы служит обозначением одной из ипостасей

мифологических персонажей зла – «вселяющихся» духов (*А она сама-то, женщина, тоже* ***чертистая***. ***Посадила чертёнка*** *в кошку. Они ещё учатся тожо кто на собаках, кто на кошках* (Пянтег Черд.). *Ну, например,* ***чертистый посадит*** *на кого-нибудь* ***чертей*** (Кольчуг Черд.). *Еретник – кто людей портит, в чём-нибудь* ***чертей пускает***. *По ветру, говорят, отпускают, в пиве выйдет, в молоке.* ***Чертисты*** [тех людей] *называют* (Покча Черд.)).

Анализ мифологических материалов и диалектных словарей разных русских территорий дает возможность предположить, что подобные названия колдунов не везде представлены так широко. На наш взгляд, этому может быть два объяснения. Первое объяснение: названия колдуна, образованные от корней *-бес-*, *-черт-*, бытуют и в других локальных культурах, но они не зафиксированы собирателями. Однако сегодня существует обширный корпус опубликованных мифологических материалов, записанных на разных территориях России (см., например: [Былички и бывальщины… 1991; Криничная 1993, 1994; Легенды. Предания. Бывальщины 1989; Мифологические рассказы Архангельской области 2009; Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири 1987; Мифологические рассказы и легенды Русского Севера 1996а; Народная проза 1992; Представления славян о нечистой силе… 2004; Прозаические жанры… 1977] и др.), поэтому говорить о серьезных лакунах в отражении этими текстами мифологических представлений вряд ли возможно. Однако мы оставляем это предположение в силе, потому что для выявления максимального количества номинаций мифологических персонажей, в частности названий колдунов, нужен целенаправленный и углубленный сбор полевого материала, т. е. с учетом распространенности конкретных мотивов и их вербальных воплощений как на исследуемой территории, так и на других русских территориях. Например, словари пермских говоров не отражают названий колдунов с корнями *бес-, черт-*, а полевые материалы К.Э.Шумова, несколько лет записывавшего былички на севере Пермского края, частично отраженные в его публикации [Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье 1991], и автора статьи такие номинации содержат.

Второе объяснение может быть связано с предположением о неравномерном распределении названий колдуна по русской территории, что, в свою очередь, определяется кругом сюжетных мотивов, мифологических и магических представлений, распространенных в тех или иных регионах, связью этих русских регионов с инославянскими этнокультурами. В качестве примера, делающего второе предположение возможным, можно привести трактовку О.А.Черепановой птичьего облика бесов-помощников колдуна на Русском Севере: «Зооморфный, в частности орнитологический код, в котором реализуется образ чертенят-гномиков, характерен для восточных регионов Русского Севера – Вятской

(Кировской) и Пермской областей, Предуралья, для русских территорий Республики Коми. Эта тенденция просматривается и в образах других мифологических персонажей, например домового и дворового. Очевидно, актуализация зооморфного и орнитологического кодов в известной мере является одной из форм мифопоэтического видения мира, свойственного этим регионам, что может иметь свои истоки в финно-угорской мифологии. В мифологических материалах и в искусстве народа коми известны изображения существ с птичьим головами в числе многочисленных образов полиморфных божеств. Зооморфные и птицеобразные существа нашли отражение и в прикладном искусстве и малых формах пластики коми-пермяцкого края» [Черепанова 2005: 161]. Подтверждение данной мысли исследователя находим не только в работах фольклористов (см., например: [Петрухин 2003]), но и в исследованиях искусствоведов. В одной из последних работ, посвященных изучению произведений пермского звериного стиля, читаем: «Изображение пернатых, пожалуй, единственный мотив, существовавший в древнекамской торевтике[5] на протяжении нескольких археологических эпох» [Доминяк 2010: 25].

Словари русских говоров содержат немного названий колдуна с корнями *бес-*, *черт-*. Нами обнаружено лишь несколько фиксаций:

Беси́ха. 1. Колдунья, ведьма. Даль [без указания места] [СРНГ 1: 267].

Бе́сник. Тот, кто, по суеверным представлениям, знается с бесами (колдуны и под.). *Олон.*, 1872 [СРНГ 1: 268].

Бесо́ванной(ый). 2. Знакомый с чертями. *Старуха-то была бесованна, бесий зналась. З. Улита у коневала-то бесованного спрашиват: «Где ты их дёржишь, бёсиков-то, каку работу даёшь?». Ст.* [СРГНП 1: 31].

Бесо́вка. Ведьма, колдунья. *Урал.* Даль [СРНГ 1: 268].

Бесовши́нка, собир. Колдуны. *Нам бесафшишинка знакома, фсё исвесна, бесафшишинка з бесам знаеца. Сер Подполозье*, 1956 [ПОС 1: 188].

Черти́ха. 2. Женщина, которая знается с нечистой силой. *Дем.* [НОС: 1278]. Нечистая сила; ведьма. *Наряжались один чёртом, другой чертихой и барином. Медв.* [СРГК 2: 780].

Чертозна́й. Колдун. *Чертознаи нонце перевились, народ грамотный стал* (*Сукс, У-И*). *Щертознай – колдун, он много знат* (*Н-Тур, Елк*).

Чертозна́йка. 1. Колдун. *А етот щертознайка ущился у главного щёрта* (*Камен, Пир*). *Он-от щертознайкой был* (*Камен, Пир*). 2. Колдунья. *Щертознайка-то на отшибе и жила* (*Камен, Пир*). *Мы колдовок ишо щертознайками зовём* (*Камен, Пир*). *Чертознайки знают наговоры* (*Н-Тур, Елк*) [СРГСУ 7: 27].

Анализ словарей показал, во-первых, малое количество номинаций (всего 8 единиц на огромную Россию), во-вторых, связь этих единиц с территорией Русского Севера и Урала.

Отсутствуют названия колдуна, образованные от имен нечистой силы, и в специальных изданиях, например в словаре «Демонология севернорусского села Тихманьги» Е.Е.Лекиевской [Левкиевская 2001: 432–476]. Хотя опубликованные материалы касаются только одного населенного пункта.

2. Обнаруживаются в пермских материалах такие единицы с корнями *черт-*, *бес-*, которые называют не субъекта, как в вышеприведенных примерах, а объекта магического действия – человека, которому колдун «посадил бесёнка».

Бесо́вный. *Бесовные кричат бывает в церкви на службе* (Лысьва) [СРГЮП: 54].

Бесово́й. *Говорят, молились в церкви. А бесовой не любит, когда запоют: «Иже херувим, херувим». Дак двери и откроются, он выходит, тяжело ему* (Бондюг Черд.).

3. Связь колдунов с нечистой силой выражается разнообразными устойчивыми сочетаниями, включающими в свой состав главные имена нечистой силы (*бес, черт, нечистый и т. п.*). Эта связь реализуется в ряде мотивов: передачи, приобретения сакрального знания, обладания таким знанием, вызывания болезни и ее излечения.

3.1. Мотив обладания сакральным знанием обозначается сочетаниями имен нечистой силы с опорными глаголами *знать, знаться*: ***знать бесей (чертей)*** (*Колдуны каких-то бесей знают. Вроде человеку чё-то сделают. И, вроде, человек может умереть. Бесей знают, дак испортят человека* (Гадья Черд.). *Колдун чертей знает. Сделает что-нибудь над человеком, дак никто вылечить не может* (Лимеж Черд.). *Знахарка знает слова, колдунья знает чертей* (Тагъяшер Черд.); ***знаться с бесям (лесным, лешим, нечистым, окаянным, чёртом)*** (*А еретики вот чертей-то учатся, бесей, с бесями знаются* (Петрецова Черд.). *Касибская женщина пошла в лес. Вот Санко ей попал покойной. Он, видно, с лесным знался. Она ему попала встричу, и всё, заблудилась. Вот токо зашла в лес – и заблудилась* (Сорвино Сол.). *Говорят, леший, говорят, лесной какой-то. У нас туда три километра одна женщина зналася, говорят, с им. Так вот ему, говорит, на пень принесёт пачку сигарет и бутылку водки* (Зуево Сол.). *Жила в войну старушка с Ленинграда, была в школе техничкой. Она зналась с лешим, разговаривала с ним в трубу* (Губдор Краснов.). *Есть у меня знакомая старушка. Дак она зналась с нечистым. Она ему и задания давала: от одной бабы, значит, отвести мужика, к другой привести* (Усолье). *А вот жил у нас враг. Говорят, знался с окоянным. Идёт он по лесу с женой, она за его пояс держится, он свистит, лес шатается* (Лимеж Черд.). *У нас мужик был, с чёртом*

знался. Этот человек может изурочить, сглазить (Пянтег Черд.). В приведенных примерах описано обладание сакральным знанием только для двух магических субъектов – колдуна и знахаря, однако в нашей картотеке есть словосочетания, относящиеся и к другим персонажам – пастуху, мельнику.

Единицы этой группы не относятся к разряду уникальных. Диалектные словари отражают целый перечень названий колдуна, образованных от глагола *знать*. Выше мы приводили список таких наименований для пермских говоров, но подобные слова, словосочетания фиксируются и на других русских территориях. Кроме того, глагол *знать* активно используется и для обозначения мотива обладания магическими знаниями, способностями, что нашло отражение в ряде диалектных словарей:

Знать, ***знаться*** ‘уметь лечить с помощью заговоров, наводить и снимать порчу, знаясь с нечистой силой’ [СГРС 4: 273-274].

Знать ‘уметь ворожить, колдовать’ [СВГ 2: 174]; ‘уметь колдовать, ворожить’ [Селигер 2: 166]; ‘быть знакомым с нечистой силой’ [ОСВГ 4: 200]; ‘уметь колдовать’ [СРГНП 1: 283]; ‘уметь колдовать, ворожить’ [СРНГ 11:309-314]; ‘уметь колдовать, ворожить, быть знахарем’.

Знать на добро ‘знать слово против колдовства’ [СРГСУ 1: 202-203].

В лексикографических материалах Е.Е. Левкиевской описано еще несколько единиц: ***Знать колдовать***. Уметь колдовать, обладать магическим знанием. ***Знать (слова, молитвы)***. Обладать магическим знанием. ***Знать слова на хорошо.*** Использовать магические знания для помощи людям [Левкиевская 2001: 445].

Наши материалы убедительно показывают, что в диалектной речи для передачи указанного значения используются не только глаголы *знать, знаться,* приведенные выше выражения и подобные им, но и словосочетания, сформированные на основе указанных глаголов и включающие слова *бес* и *черт* (или их дериваты и синонимы). Правда, это положение не находит подтверждения в диалектных словарях, но мифологические материалы (в частности, Русского Севера) подобные единицы отражают: *Пошёл он на охоту. Он оленей бил, лосей. Про него говорили, что он с бисями знался. Говорит: «Люди бегают за оленема, а я приду – увижу след: лось ходил. Я, – говорит, – сяду на кочку, посижу, закурю. Эвон у меня собака закостерится, – говорит, – смотрю: лось бежит. А я, – говорит, – не хожу за лосями, – всё хвастал, – а лоси сами ко мне идут. Ну, вот, – говорит, – знай только стреляй». Дак по сколько лосей убьёт за осень-то* (304); *У Фёдора Ивановича была белая телушка. Было дело, шчо она потерялась. Он сходил к Романку (был у нас мужик один уродливый, он с бисями знался*). *Так Романко-то ему сказал: «Иди домой, телушка твоя сама завтра домой прибежит»* (305)

[Мифологические рассказы Архангельской области 2009: 140-141]. *Вот которы знаются с им, с бесом-то, дак они тоже, видимо, каку-ту службу несут. А как жо! Чё-то оне дарят лешому-ту. Это чёрту-ту* (346) [Мифологические рассказы и легенды Русского Севера 1996б].

Еще одно словосочетание, которое используется в пермской речи для передачи указанного выше значения – ***иметь бесей*** (*Колдуны бисей имеют. Им каждому выдают по тринадцать штук. Колдун их хранит. У нас был один старик, у его биси жили в корчаге, в углу она стояла. Сосед у нас раз к нему пришёл за чем-то и подошёл, поглядел через плечо… Насчитал тринадцать мышек, бесову дюжину* (Половодово Сол.)). Похожее словосочетание ***иметь чертей*** мы обнаружили в [Мифологические рассказы и легенды Русского Севера 1996б].

Аналогичные выражения известны и за пределами русской территории. Например, в полевых материалах по народной демонологии из украинского и белорусского Полесья «характер связи колдуна с нечистой силой обозначается выражениями: *той, шчо знаецца з чэртями* или *знае чорты; той, хто чэрты мае* или *чэртоў прымае ў хати; владеет нечыстыми; занимаецца з йими*» [Народная демонология Полесья 2010: 267].

3.2. Мотив приобретения сакрального знания передается следующими единицами: ***выучиться на чертей*** (*Один рассказывал мужик, что он учился на зайцей, а выучился на чертей* (Вильгорт Черд.); ***научиться бесам (бесей, чертей)*** (*Научатся этим бесам, и потом* [бесы] *их мают, потому что работать заставят* (Рябинино Черд.). *Вот лесовать пошли они вместе. Он его все подговаривал учиться: «В глухаря-де лезь, в пасть». Чтобы научиться бесей* (Тименская Черд.). *Вот один парень у нас чертей научился* (Тименская Черд.); ***перенять бесей*** (*Тут у нас есть* [колдунья]. *Мать-то у неё умерла, а она, видимо, от матери и переняла бесей* (Искор Черд.); ***учиться бесей (чертей, на чертей)*** (*А еретики вот чертей-то учатся, бесей, с бесями знаются* (Петрецово Черд.). *Я ни одного слова не знаю, я же не училась на чертей-то. А кто на чертей учился, тот знат* (Керчевский Черд.)).

3.3. Мотив передачи магического знания тоже представлен несколькими словосочетаниями с участием имен нечистой силы: ***научивать на чертей*** (*Ну, это уж боже избав. Это на чертей научивают колдуны* (Усть-Уролка Черд.); ***научить бесей (на чертей)*** (*Где-то там, в верхах* [Колвы] *тоже один бесистый есть. А другой-де говорит: «Научи-де меня, бисей-де научи»* (Карпичева Черд.). *Приехали коновалы холостить жеребят к им* [колдунам] *и стали на квартиру. Вот они* [коновалы] *совсем люди были таки чистые, простые. Оне жеребят стали охолашшывать. Говорит* [колдун]: *«Давай тебя научим заячьим словам и охолостим жеребёнка». Он научился на заячьи слова. Учился – научился. Говорит, совсем* [слова] *были простые, потом стали* [учить] *с*

поговоркой. [А с поговоркой – это как?] *Ну вот что у колдунов поговоркой-то считатся.* [На заячьи-то слова – это чтобы зайцев ловить?] *Да, заячьи слова ети. Он* [колдун] *уж* <u>*научил на чертей*</u> *их, а не на заячьи слова* (Пянтег Черд.); ***учить к чертям (на чертей, чертей)*** (*Он её стал учить. Дак ей показалась в бане собака и красную пасть открыла.* [А что колдун заставлял ее делать?] *Дак* <u>*учил*</u> *её* <u>*к чертям*</u> (Ратегова Краснов.). *Она была раньше не колдунья. Родители её были не колдуны, а она стала колдунья. Её научила женщина. Она учила её на присушки, чтобы она присушивала там мужиков. Она сказала: «Я тебя научу на присушки», а* <u>*учила на чертей*</u>*. И она стала колдунья теперь* (Керчевский Черд.). *Ч*<u>*ертей учат*</u> *колдуны. Надо лезть в собаку, в пасть. Зализёшь – научишься чертей* (Губдор Краснов.)). Эти единицы чаще используются в речи тогда, когда говорится об «учебе» добровольной, принудительной или произведенной путем обмана, как в текстах, записанных в Пянтеге и Керчевском. Подобные единицы фиксируются и на других севернорусских территориях (*Ну, думаю, мужик-то этот скотина,* <u>*бесей*</u> *мне* <u>*напустил*</u>*,* <u>*бесям*</u> *меня* <u>*науцил*</u>*…*) (343) [Мифологические рассказы и легенды Русского Севера 1996б].

Но существуют в этой группе и другие единицы, которые обозначают передачу сакрального знания умирающим колдуном: ***передавать чертей*** (*Если есть родственники в семье, колдуны после смерти им* <u>*чертей передают*</u> (Чердынь); ***передать бесей (чертей)*** (*Не могут они* [колдуны] *умереть, пока* <u>*бисей не передадут*</u> (Тетерина Сол.). *А иной раз хитрят* [колдуны], *когда помирают. «Прими, – говорят, – от меня молитвы». А если перекрестишься, то они замолчат. Значит,* <u>*чертей*</u> *хотели* <u>*передать*</u> (Городище Сол.)). Эту же коммуникативную ситуацию описывают словосочетания ***передать чертей, отдать чертей***, зафиксированные в Новгородской области: *Все говорят, что* <u>*чертей передают*</u>*. Манька у нас, переданы ей от батьки черти… Ей батька* <u>*отдал чертей*</u>*, говорят. Кто имеет чертей, тот долго не умирает, трудно умирает* (326) [Мифологические рассказы и легенды Русского Севера 1996б].

3.4. Мотив вызывания болезни, персонификацией которой выступает «вселяющийся дух» – бес (черт), – выражается разнообразными глагольными сочетаниями и используется в большом корпусе пермских мифологических текстов: ***вселять чертёнка*** (*А дак вот икотка – та же порча. У нас была одна с икоткой, всё икала ходила. А ещё вместо икотки колдун* <u>*вселяет*</u> *в человека* <u>*чертёнка*</u>*. Была у нас и такая. Когда в ней чертёнок говорил, дак она будто задыхалась, говорила не своим голосом* (Губдор Краснов.); ***наводить чертей*** (*Да и мужик может быть чертистом, ну, это, так* <u>*чертей наводит*</u> (Рябинино Черд.); ***насадить бесей (чертей)*** (*Был тут кладовшык бесистой. Не колдуны, а бесистые. Бывает, в человека* <u>*бисей насадят*</u>*, он* [человек] *и разговаривает другим*

голосом (Чердынь). *Он* [колдун] *у нас на квартире жил в Мисюрёво. Угостил меня так. Вот там и насадил чертей. Ухают там* [в груди] *и каркают. А нынче не верят этому, не верят* (Вильгорт Черд.); ***насаживать чертей*** (*Чертей-то насаживают. Одного человека спортишь, а их ещё десять, чертей-то станет* (Печинки Черд.). *Он безрукой, настоящий колдун. Портит много, чертей, видно, насаживает. Откуль-ко берёт, не знаю* (Талица Черд.)); ***подавать чертёнка*** *(У нас мамке подавали в кружке чертёнка-то, в пиве. Она пиво-то пьёт. Она тожно до донышка выпила – там большой жук* (Кольчуг Черд.); ***подать бесёнка*** (*А верно, этого бесёнка подадут кому-то с едой, и человек чахнет и умрёт* (Бондюг Черд.); ***посадить бися (беса, бесёнка, бесей, чертёнка, чёрта, чертей, черчёнка)*** (*Какие-то хитрые люди есть. Мужик дурит, дурит с нами, и посадил мне этих бесей. Ись нисколько не замогла. Вот тебе и биси. Хитка – вот если бесисты-то подденут* (Камгорт Черд.). *Или вот разговаривает, разговаривает, как попрощаться – «До свиданья» и рукой заденет, бесёнка посадит* (Искор Черд.). *Колдуны порчу сделают, беса внутрь посадят. Икает человек. Икотка это* (Дойная Куед.). *Бабушка говорит: «Ты пришла ко мне поздно. Если бы раньше, я бы тебя вылечила. У тебя посажено два чертёнка даже. И смертные уже»* (Керчевский Черд.). *У колдунов черти есть. Рукой в кружку махнёт – чертей может посадить. Чертей выкашливать нужно. «Кашляй, кашляй сильней, – мне говорили, – вот и выкашляешь чертей»* (Купчик Черд.). *И чёрта посадили. Ну если, как говорят, на смерть, то он* [человек] *умрёт, а есь кто гавкат. Ну вот чертёнка посадили. Дак она сидит, сидит, ни с того ни с сего начнёт гавкать, как собака* (Рябинино Черд.). *Я ведь не знаю. Черчёнок посажен. Посадят, разговариват, и он всё рассказыват* (Нижнее Керчево Черд.). *Вот тут живёт колдунья. Вот она задела вас, скажем, и она вам посадила чертёнка. Будто бы она наговором своим садит чертёнка. А вы должны, если она вас задела вот так рукой-то, а вы должны ей вот так обратно: «Ешь ты своё мясо, пей свою кровь, до моёва белого тела нет тебе дела». Это отговорка от этих чертей. Старые люди так говаривали* (Пянтег Черд.); ***пускать чертей*** (*Еретник – кто людей портит, в чём-нибудь чертей пускает. По ветру, говорят, пускают, в пиве выйдет, в молоке. Чертисты* [тех людей] *называют* (Покча Черд.); ***пустить чертёнка*** (*Колдуны испортят человека, чертистые, пустят в человека чертёнка* (Покча Черд.); ***разгонять чертей*** (*Он* [колдун] *стал учить, бить жену. И тоже научилась чертей разгонять* (Кольчуг Черд.); ***распространять чертей*** (*Казарки – это вроде как мошки. Враги же это, черти. А колдуны их распространяют* (Лекмартово Черд.); ***рассаживать чертей*** (*Она будет с тобой разговаривать, дак вот обьязательно тебя рукой* [заденет], *колдунья. Она чертей рассаживает* (Пянтег Черд.); ***садить бесей (чертей, чертёнка)*** (*Еретик – он бисей садит. Старуха*

девку учила еретничать: «Пойдем в баню». Девка пошла, там собака, такая большая. «Ты, – говорит, – залезай в пасть». Девка испугалась. Собака огненная. Она от этого не того стала (Дойная Куед.); *Этих чертей не везде садят. Вот у нас в деревне бабушка пошла и переругалась. Она запнулась и переругалась. Это чертёнок сидел на воротах где-то и в неё залетел* (Керчевский Черд.). *Портят людей колдуны. В питьё чертёнка садят, могут просто задеть и сказать слова* (Исаково Черд.); ***сажать бесей*** (*Вот это говорят, что будто бы сажают бисей друг другу. А вот эта бабка, она, мол, говорит бесёнком. Вот у неё такой период придёт, она начинает говорить таким грудным голосом изнутри и совсем другое… И ей плохо. Это она думает, что это в неё был посажен какой-то бес* (Петрецово Черд.)).

Из примеров видно, что единицы данной группы наиболее многочисленны и вербализуют главное направление магической деятельности «бесистых» – причинять вред (главным образом вызывать болезнь, психическое расстройство) человеку, используя бесов как инструмент, «насылая» их на людей разнообразными способами.

3.5. Мотив излечения болезни выражается сочетаниями ***снимать чертей*** (*Тогда стали лечить. У него тоже был брат, тоже слова-де знал снимать чертей-то* (Искор Черд.); ***снять чертей*** (*Мужик тот, Никола, подвыпил, как-то к нему пришёл (а голова побаливала), Гавря задел его, голова перестала болеть. Знать, снял чертей Гавря* (Лимеж Черд.)).

Как видим, связь колдуна с нечистой силой на уровне лексики пермских говоров проявляется совершенно отчетливо и выражается прежде всего в участии корней *бес-* и *черт-* в формировании множества единиц: номинаций колдуна, различных устойчивых глагольных словосочетаний, связанных с владением магическими знаниями и способностями, с их приобретением и передачей, вызыванием болезни и ее излечением. Самая представительная группа единиц характеризует основную, с точки зрения данной региональной культуры, направленность деятельности колдуна – причинение вреда здоровью человека.

2. Облик духов – пмощников колуна и «вселяющихся» духов по данным мифлогических рассказов Пермского края [4]

Существует обширная литература, посвященная изучению народной демонологии славян. Это статьи, монографии, словари [см.: Черепанова 1983; 2005: 83-156; Толстой 1995: 245-286; Новичкова 1995; Виноградова 2000; Левкиевская 2005; Славянские древности Т. 1-4 1995-2009 и др.]. Однако каждое следующее исследование, масштабное или не очень, выполненное с учетом фактов различных славянских языков или на локальном материале, вносит свой вклад в общую картину славянских мифологических воззрений.

В настоящей статье речь пойдет об облике и названиях только одной разновидности славянских мифологических персонажей – пермском региональном варианте духов, вселяющихся в человека. В качестве материала в статье использованы данные электронной картотеки «Этнодиалектного словаря мифологических и рассказов Пермского края», составляемого И.И.Русиновой, А.В.Черных, К.Э.Шумовым, Л.С.Нечаевой на основе полевых материалов авторов и опубликованных источников по этнографии и фольклору Пермского региона.

В «Русском демонологическом словаре» Т.А. Новичковой нет специальной статьи, посвященной этому персонажу низшей мифологии. Его описание подается в статьях «бес», «черт», в которых нерасчлененно обозначены черты персонажа зла высшего ранга христианской традиции, черты нечистой злой силы (духов пространств), черты духов, выступающих в качестве помощников колдуна и вселяемых им в человека [Новичкова 1995:45-57; 577-614].

Однако другие исследователи отмечают разницу этих персонажей: «Поверья о вселении злого духа в человека представляют особый интерес для изучения такой категории мифических существ, которые не могут быть охарактеризованы как тип персонажей, имеющих четко закрепленный за ними круг индивидуальных признаков. Это скорее некое множество слабо персонифицированных мелких духов неясного облика и происхождения с единственной достаточно выразительной функцией проникать во внутренности человека, вызывая тем самым разного рода недуги. И хотя по признаку номинации они соотносятся с чертом, бесом, все же явственно обнаруживается ряд особенностей, позволяющих рассматривать группу «вселяющихся» духов как особую категорию нечистой силы» [Виноградова 2000: 290-291].

Этой же точки зрения придерживается и О.А. Черепанова, показавшая в своих работах, основанных на анализе древних русских письменных памятников и текстов севернорусских быличек, что «в древних текстах бесы выполняют ***две*** [*выделено нами*. – И.Р.] основные мифологические функции – беса-мучителя, вселяющегося в человека в виде разного рода болезней и недугов, и беса-искусителя, вводящего слабого духом человека во грех. Первая функция является дохристианской и отражает отмеченные в широком межэтническом ареале мифологические представления о причинах болезней в виде вредоносных существ, попадающих в организм человека. Поверья эти сохранились до XIX-XX столетий в традиционных народных верованиях различных народов, в том числе и у русских. Вторая является собственно христианской и связана с морально-этическими постулатами, существенно важными в христианстве [Черепанова 2005: 96].

На Русском Севере, по данным О.А. Черепановой, мифология маленьких существ бесовского происхождения, выступающих как

помощники колдуна, представлена весьма широко. Обращение к пермским материалам подтверждает это положение, показывая устойчивость данных мифологических представлений: в быличках постоянно подчеркивается мотив наличия в услужении у колдуна *бесов (чертей)*, которых он «садит» на людей, вызывая у них разного рода заболевания: *У* ***колдуньи черти есть****. Рукой в кружку махнёт – чертей может посадить. Чертей выкашливать нужно* (Купчик Черд.). ***Колдуны бисей имеют****. Им каждому выдают по тринадцать штук.* ***Колдун их хранит*** (Половодово Солик).

О.А. Черепанова пишет о том, что рассказы об этих существах составляют целый класс быличек. Эти существа нередко выступают в антропоморфном виде, но наиболее часто эти бесенята имеют зооморфный облик. Из животных тварей упоминаются кошка, маленькие собачки; из земноводных – ящерица, лягушка; из насекомых – мухи, жуки, жужики, медуницы [Черепанова 2005 160-161].

Материалы, записанные на территории Пермского края, дополняют этот образный ряд. Из зооморфной группы можно отметить следующие виды живых существ, не вошедших в список О.А. Черепановой (полужирным курсивом поданы формы слов, зафиксированные в текстах быличек):

животные – заяц (***зайчики***) – пример ниже; мышь (***мыши***, ***мышки***, ***мышата***): *А ещё ведь черти-то в виде* ***мышей*** *бывают. Всяки мыши есь тоже. Вот парень один пошёл нам показывать, в голбец спустился, открыл, а* ***мыши****-то побежали. Мать-то с поля прилетела, отлупила его* (Мысы Усол.). *У нас был один старик, у его биси жили в корчаге, в углу она стояла. Сосед у нас раз к ему пришёл за чем-то. И подошёл, поглядел через плечо. Видит: в корчаге что-то шевелится. Насчитал тринадцать* ***мышек****, бесову дюжину* (Половодово Солик); кошка (***котята***, ***котятки***): *А вот эта Катя, ихняя дочь, всех девчонок собрала и говорит: «Пойдёмте, девчонки, пойдёмте, у нас у тяти, он держит* ***котяток*** *маленьких». Раньше, знаете, из бересты делали большие туески. «В туеске у нас, – говорит, – тятя в туеске держит маленьких* ***котят****. Так они там пишшат. Ну пойдёмте, посмотримте»* (Вильва Сол.); крыса (***крысы***): *В Шварёвой колдун был, у него черти-то* ***крысами*** (Мысы Усол.);

птицы – цыпленок (***цыплята***, ***цыплятки***)*: Черти в голбце в виде* ***цыплят****, во хлеву. Хозяин их кормит* (Городище Сол.); воробей (***воробушки***): *Черти кажутся где-ко в голбце есть, да как* ***воробушки*** *есть. Его куды-ко садят, этого воробушка. Слыхала, что их кормить надо* (М. Долды Черд); гусь (***гуси***) *Иногда в* ***гусей,*** *жаб черти кажутся* (М. Долды Черд.);

пресмыкающиеся – змея (***змеи***): *Колдун был в Городище. У него был туесок, в нём он держал то ли* ***змей****, то ли червей. Он, говорили, их сушил,*

делал из них муку и подсыпал людям – в питьё, в еду. И потом человека душить начинало. Врачи даже помочь не могли, и только знающие бабушки (Пожва Юсьвин.); черепаха (***черепахи***): *Ой, видали люди. И птички, и жабы, и всякие… Всякие есь. Даже вот эте, как они, круглыте? У нас ишо вон в Езово́й вон черепахи, черепахи и чё всякие есь, эти беси* (Нюзим Черд.);

насекомые – мошка (***мошки***, ***казарки***): *Каки-то* ***казарки****, слыхала я, есть.* ***Казарки*** *– это вроде как* ***мошки****. Их много так, хоть руками сметай, хоть греби в кучу. Враги же это, черти. А колдуны их распространяют* (Лекмартово Черд.); оса (***осы, козютки***): *Жена у него* [колдуна] *пошла в сарай, заходит, а там много* ***ос*** *ползает. Она приходит к мужу и спрашивает: «Что это у тебя там* ***осы*** *какие-то?» А он спрашивает: «А что, они тебя кусали?» Дак она потом от него ушла* (М. Долды Черд.); *У нас в деревне была старушка одна. Про её говорили, что она колдунья, что она знает, что у неё есть такие насекомые. У неё было две маленьких внучки. Сидим мы, значит, с подругой Катей на поляночке под черёмухой, играем с внучками. Играли, и вдруг, до сих пор это я так внятно помню, вдруг стала куча* ***ос****. А тут они, главно, никуда не летят, а вот так вот, как мураши, друг на дружку лезут. Ну, как мураши на муравьище. Старуха нам и говорит: «Девки, топчите их, топчите». Я Кате шёпотом говорю: «Это у неё* ***козютки****». У матерей-то слыхали, что она колдунья.* (В. Кондас Усол.); червь (***червь***, ***черви***): *Колдун был в Городище. У него был туесок, в нём он держал то ли* ***змей****, то ли* ***червей*** (Пожва Юсьвин.); таракан (***тараканы***, ***тараканьё***): *Вот когда-то раньше работников держали. Одна-то работница была у колдуна. Они в город поехали и сказали ей: «Пол мети, а в туесок, что в углу стоит, не заглядывай». Они ушли, а она, конечно, заглянула. Открыла туесок – а там полно* ***тараканья****.* [Кто это был?] *Да биси* (Черд.); бабочка (***бабочки***): *Черти под вид* ***бабочек****. Всякий колдун их по-разному хранит. Маша рассказывала: у одного мужика в подвале много-много* ***бабочек****.* (М.Долды Черд.); паут (***пауты***): *Который маму испортил, Илья Николаич, у него жена была. Он, когда стал умирать, никак не мог умереть. У него всё это колдовство нужно принять кому-то. Он никак, мучается, мучается, никак не может* [умереть]. *А вот это всё колдовство вышло на окна, раму всю облепили, вот как* ***пауты*** *большие летают летом* (Вильва Сол.).

Данные пермских быличек свидетельствуют о следующем: бесы могут принимать и другой (не антропоморфный или зооморфный) облик – вид предметов, не имеющих высокой хозяйственной ценности: булавка (***булавки***): *Да всякими икотки кажутся: птичками,* ***булавками*** *всякими. Хто-ко где-ко увидит дак, всяким кажется* (Пянтег Черд.); лоскуток (***лоскутки***):*У его* [брата] *хозяйки был приёмыш. Они с ним поехали как-то раз пахать, а затем вернулись на обед, а приёмыш брату говорит:*

«Пойдём чертей искать». Пошли в амбар. В амбаре стояла маленькая коробка, в ней лоскутки и коврижка хлеба. Вернулись в дом. Парень-то говорит хозяйке: «Мы у тебя чертей нашли». Наверно, у неё, у хозяйки, на самом деле черти водились (Редикор Черд.); стеклышко (***стеклышки***): *А ещё у одного тракториста были в гостях две девочки маленькие. В голбце нашли они банку со стёклышками. Не знают же, что это биси* (М. Долды Черд.); рыбья чешуя: *Был злостный колдун. У него дочь была Катя. У него туесок был. И вот Катя говорит подругам: «Пойдёмте, у нас у тяти в голбце маленькие котята пишшат». Им-то родным-то они котятами маленькими казались. Отец с матерью в это время в лесу были. Достали они туесок, а в нём не котята, а* ***рыбья чешуя****, пишшыт и пишшыт. Хотели достать её. Только подносят кверху, а она опять вниз падает, они её достать-то не могут. Вот какая нечистая сила, не могли не одну чешуенку достать* (Вильва Сол.).

Иногда описание того или иного облика бесов бывает очень живым и выразительным, например: *Две девочки пришли к одной женщине. Пришли, а она лук из одной корзины в другую пересыпает. Выбежали* ***тараканы****. Один забежал девчонке в бок, а другой – другой девчонке в живот. У первой девчонки на боку чирей выскочил, а* ***таракан*** *оттуда усам шевелит* (Чердынь).

Отношение простых людей к бесам двоякое: с одной стороны, как причина болезней и психических расстройств (в частности кликушества) бесы вызывают живое неприятие и даже отвращение. Об этом говорит набор образов-воплощений данного персонажа (жуки, лягушки, мыши, черви, непонятные существа с множеством глаз и лап и пр.); с другой стороны, они похожи на что-то (или кого-то) вроде домашних животных. Чертей, как маленьких детей или детенышей животных, колдуны носят с собой; держат в подполе (голбце), дворе или хлеву и кормят. ***Носят*** *колдуны бисей* ***с собой****. Их в сумку ли куда складут* (Талица Черд.). *Колдуны-то, те* ***чертей кормят****. Я ещё маленькая была, с ребятами в окно подглядывала. Налепят они много пельменей, и отец их, Трофимов, перву тарелку покладёт и в голбец несёт. А зачем их туды нести, как не чертям?* (Лимеж Черд.).

Теплое отношение к бесенятам в пермских быличках подчеркивается неоднократно. Оно создается с помощью образов детенышей животных, маленьких птичек или птенцов, вызывающих скорее умиление, чем брезгливость или отвращение, и набора слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами:

У него, у колдуна, в голбце черти сидят. Я один раз в голбец спустилася, там стоит большой туесок, старинный, берестяной. Мне чё-то стало интересно. Я поглядела, а там черти сидят, рты разевают, как ***маленькие мышата****, красные рты* (Поселье Усол.).

Это были черти. Как ***з а й ц ы****,* ***маленькие****,* ***пузатенькие****,* ***с ножками****,* ***с хвостиками****.* (Половодово Сол.).

Черти кажутся где-ко в голбце есть, да как ***в о р о б у ш к и*** *есть. Его куды-ко садят, этого воробушка. Слыхала, что их кормить надо* (М.Долды Черд.).

Бесястые ки-ко люди были. Корову могут испортить. Другие бесястые лечат. В коробице, в пере их держали, бисей. У кого как ***п т и ч к и****, у кого-то* ***м ы ш к и*** (Талово Черд.).

А она сама [колдунья] *помирала когда, по огороду вот такие* ***малюсенькие-малюсенькие ц ы п л я т к и*** *бегали, по всем бороздам бегали цыплятки. Их хватали, дочь хватала. Потом она их всех собрала, всех поймала.* (Вильва Сол.).

Недаром ***цыпленок***, теплый, трогательный облик которого знаком каждому, – один из частотных обликов, который принимают бесы.

Но наиболее распространенной личиной бесов в пермских материалах является м у х а. Л.Н. Виноградова, посвятившая анализу «вселяющихся» духов целый раздел своей монографии, отмечает: «“Вселяющиеся” духи – это незримые и бестелесные мифические существа, способные при определенных обстоятельствах принимать вид насекомого (чаще всего м у х и [*выделено нами*. – И.Р.], – что не типично для форм оборотничества черта) или хтонического животного…» [Виноградова 2000: 298]. Автор приводит в подтверждение устойчивости именно «мушиного» облика бесов данные славянской фразеологии, проанализированные в статье О.А. Терновской «Ведовство у славян. 2. «Бзык» (Мухи в голове)», в которой описывается множество фразеологических выражений, построенных по стереотипной модели: «у него мухи в голове». Главное их значение – ‘человек со странностями, с причудами, ненормальный, сумасшедший, дурак’. Наряду с этим в ряде диалектов отмечаются и демонологические интерпретации: с мухой в носу – ‘колдун’. По наблюдениям автора статьи, в составе этих вербальных стереотипов семантические колебания происходят в рамках оппозиции: дурак (идиот) – мудрец (знахарь, кудесник) [Цит. по: Виноградова 2000: 297]. Фразеология подобного рода во всех славянских языках опирается преимущественно на энтомологическую лексику: помимо мух, упоминаются в сходных ситуациях мотыльки, муравьи, пауки, тараканы, хрущи, жуки, сверчки и т.п. Реже используется лексика зооморфного и орнитологического ряда («мышь в голове», «заяц в голове», «воробьи, сойки, совы – в голове») [Виноградова 2000: 296-298]. (К слову, в качестве русской параллели к приведенным выше данным можно назвать еще одно выражение – «у каждого свои тараканы в голове». Это выражение имеет значение ‘каждый человек имеет свои странности, причуды’. Как видим, его смысл соотносится с тем инвариантным значением, которое приводит

в своей статье для фразеологизма «у него мухи в голове» О.А. Терновская).

Пермские данные подтверждают общеславянскую тенденцию, обозначенную Л.Н. Виноградовой – «вселяющие» духи чаще всего имеют «мушиный» облик: *А вот если так колдун заденет, то посадит чертёнка.* [А какие черти бывают?] ***Мухами*** *есть черти-те. А если он посадит, ты же не знаешь, то ли* ***муха****, то ли кто* (Н. Язьва Краснов.). *Была одна* [колдунья], *Анастасия Григорьевна. Над ней над покойной* ***мухи*** *летали, черти, целый рой* (Губдор Краснов.). *Черти и порча как* ***мухи*** *большие. Живут они в дому. Она* [колдунья] *их в подвале держит и на ворот людям садит. Как заругаешься, она в тебя и залетит, эта* ***муха*** (Тетерина Сол.). *У меня три порчи в жизни было. Первая в тринадцать лет. С грибами* ***муха*** *в рот попала. На меня одна колдунья порчу навела, маленькая я ещё была. Колдунья принесла грибы белы: «Ешь, ешь», – говорит и в рот мне суёт. Только вышла я –* ***муха*** *в рот попала. Отцу рассказала, а он говорит: «Девка, порчу на тебя навели* (Белкина Сол.). *Когда мама картошку копала, то залетела* ***муха*** *в рот. И всё, как голос не свой, собакой лаяла* (Исаково Черд.).

Инвариантными признаками вселяющихся духов в диалектах Русского Севера, по данным О.А. Черепановой, являются: бесовская, нечистая природа; множественность, маленький размер, «служба» у колдуна, вредоносность по отношению к людям [Черепанова 2005: 160-161].

Мы можем посмотреть, как преломляется набор этих признаков в пермском материале.

О бесовской, нечистой природе «вселяющихся» духов мы уже говорили, показывая выше устойчивость мотива наличия чертей, бесов в услужении у колдунов, и приводили примеры.

Множественность как постоянный признак данного мифологического персонажа показана почти каждой пермской быличкой, повествующей о бесенятах. И в текстах используется целый набор лексических воплощений этого признака (наречия ***полно***, ***много***, ***наголо***, прилагательные ***плодистый,*** глагол ***плодиться***, ***кипеть***, различные описательные конструкции): *Мне всё Алёна рассказывала: её подруга как-то ночевать звала. Так та: «Не, – говорит, – я не пойду к вам ночевать, у вас казарок* ***полно****» – «Дак я им не велю ползать». У них всё так: если мать чего знат, дак вся семья знат* (Лекмартово Черд.). *Каки-то казарки, слыхала я, есть. Казарки – это вроде как мошки. Их* ***много так****,* ***хоть руками сметай****,* ***хоть греби в кучу****. Враги же это, черти* (Лекмартово Черд.). *Вот когда-то раньше работников держали. Одна-то работница была у колдуна. Они в город поехали и сказали ей: «Пол мети, а в туесок, что в углу стоит, не заглядывай». Они ушли, а она, конечно, заглянула. Открыла туесок – а там* ***полно*** *тараканья.* [Кто это был?] *Да биси*

(Черд.). *Жена у него* [колдуна] *пошла в сарай, заходит, а там* ***много*** *ос ползает* (М. Долды Черд.). *Они* [черти] *шибко* ***плодисты***, ***шибко*** *их* ***много***, *говорят* (Пянтег Черд.). *В следующем доме никого не было. Мы зашли, стояли, стояли, смотрели, смотрели: из-под печки вышли цыплята, жёлтые. Круглые, много их.* ***Так много – не могли поймать***. *Потом взрослые говорили, что в этом доме колдуны живут, у них цыплята. Взрослым не показываются, а дети увидели* (Чердынь). *Черти под вид бабочек. Всякий колдун их по-разному хранит. Маша рассказывала: у одного мужика в подвале* ***много-много*** *бабочек* (М. Долды Черд.). *Колдунья жила в Говорливом, дом у неё над рекой был. Мы к ней пришли. Она куда-то пошла и сказала: «Не лазьте в подвал». Но мы под печку заглянули, а там из бересты коробочка, а в ней куделька. И они там, чёртики,* ***прямо кипели*** *в ней. Они, говорят, тоже* ***плодятся*** (Нечкино Краснов.). *Биси какие-то есь. Одна женщина рассказала. Я чё-то слезла в голбец. Там, говорит, такое лукошко. Там подёрнула – там-де* ***наголо*** *жужики. И она ушла от мужика-то, не стала с ним жить. Я, грит, бисей-де боюся* (Карпичево Черд.). *Который маму испортил, Илья Николаич, у него жена была. Он, когда стал умирать, никак не мог умереть. У него всё это колдовство нужно принять кому-то. Он никак, мучается, мучается, никак не может. А вот это всё колдовство вышло на окна,* ***раму всю облепили, всё облепили полностью-полностью, даже ничего не видно было****, окно облепили эти мухи* (Вильва Сол.).

Иногда эта множественность приобретает конкретный характер и передается с помощью количественных числительных:

Дак вот, этих бисей выдают каждому колдуну по ***тринадцать*** *штук. И колдун должен их хранить и кормить* (Гайвинские хутора). *Нет никакого остехондроза. У тебя дьявольские черти, дьявольские черти,* ***двадцать девять*** *штук* (Покча Черд.). *Колдуны бисей имеют. Им каждому выдают по* ***тринадцать*** *штук. Колдун их хранит. У нас был один старик, у его биси жили в корчаге, в углу она стояла. Сосед у нас раз к ему пришёл за чем-то. И подошёл, поглядел через плечо. Видит: в корчаге что-то шевелится. Насчитал* ***тринадцать*** *мышек, бесову дюжину* (Половодово Солик). Как видно из примеров, чаще всего количество бесов, находящихся на службе у колдуна, равно «чертовой дюжине», то есть составляет 13 штук.

Маленький размер, как признак данных персонажей, устойчиво подчеркивается в текстах пермских быличек с помощью прилагательных ***маленький***, ***малюсенький, меньше***: *Колдунья жила в Говорливом, дом у неё над рекой был. Мы к ней пришли. Она куда-то пошла и сказала: «Не лазьте в подвал». Но мы под печку заглянули, а там из бересты коробочка, а в ней куделька. И они там, чёртики, прямо кипели в ней. Они, говорят, тоже плодятся. Они* ***маленькие***, ***в половину меньше мураша***. *И ноги у их всё кругом-кругом* (Нечкино Краснов.). *А она сама* [колдунья]

помирала когда, по огороду вот такие ***малюсенькие-малюсенькие*** *цыплятки бегали, по всем бороздам бегали цыплятки. Их хватали, дочь хватала. Поймала, и она тогда тоже померла. Они – отец, Наталья и вот этот Илья – колдуны, злые колдуны* (Вильва Сол.).

Этот признак данного вида нечистой силы нашел отражение и в ее номинациях – субстантивированных прилагательных ***мелкие, маленькие***: *Мушшыну увели. Он знал этих,* ***мелких****-де. Живут богато, а чертей знал, грит* (Петрецово Черд.). *Этта люди суковатые многи есь, вот с* ***мелкими-то****, с бесами-то* (Дий Черд.). ***Маленькие-то*** *в голове уснули, а она и говорит тогда* (Бахари Краснов.).

С маленьким размером вселяющихся духов можно связать еще одну их интересную номинацию. Колдуну, в соответствии с мотивом приобретения маленьких «бесенят» в услужение, необходимо в чем-то их держать. Былички постоянно описывают разного рода сосуды, вместилища для хранения этих существ. Это, как правило, посуда или другие емкости: ***банка, коробочка, корчага, кадца, лукошко, русло, туесок***. В этом же ряду стоит слово ***пестерь***. Пестерем в русских говорах называют сплетенную из бересты заплечную сумку. В пермских быличках встретилось слово ***пестерь*** для обозначения бесов: *Не мог он мне передать* ***пестерь*** *этот. Чертей-то* ***пестерём*** *называют у нас* (Петрецово Черд.). Как видим, в данном случае произошел процесс метонимического переноса названия (с предмета, в котором что-либо находится, хранится, на тот предмет, который находится, хранится). Думается, что этому процессу, как и в случае с номинациями, приведенными выше (***мелкие, маленькие***), в немалой степени способствует табуирование имени нечистой силы.

Вместе с тем, пермские былички демонстрируют не только очень маленький, но, напротив, необычно *большой размер* вселяющихся духов, с помощью прилагательных ***большой, большущий***. Этот мотив обнаруживается в случае, когда бесы принимают облик насекомого. В тех контекстах, которые будут приведены ниже, насекомые выглядят значительно крупнее, чем обычные представители этого вида. То есть былички и в том, и в другом случае подчеркивают необычность облика, отклонение в величине в ту или иною сторону от обычного, стандартного размера. Приведем примеры: *У нас маме подавали в кружке чертёнка-то, в пиве. Она пиво-то пьёт, всё в норку тычет. Она тожно до донышка-то допила – там* ***большой жук*** (Камгорт Черд.). *Я тут у одних была, они нам родственники. Она с ребёнком лежала в больнице. У них корова была. Я иду с работы, парень говорит мне: «Тётя Нюра, зайди к нам, корову подой». Я зашла, корову подоила. Он говорит: «Пойдём к нам в избу, смотри, чего у нас в корчаге». Раньше ведь корчаги были. Открыл мне, и вот такие* ***мухи большущие****, всякие, всякие: светлые, блестящие,* ***большушшы*** (Лызиб Сол.).

Для мифологических персонажей, принимающих антропоморфный облик, в частности лешего, тоже существует ряд черт, подчеркивающих его потустороннюю природу и отличающих его от обычного человека: левый лапоть надет на правую ногу, а правый на левую, на ногах у него загнутые когти ..., нет бровей и ресниц, правый глаз неподвижен и больше левого, у него нет правого уха, он не отбрасывает тени [Славянские древности 3 2004: 105]. То есть названная нами черта вполне согласуется с общими закономерностями формирования облика персонажей русской мифологии.

Пермские материалы показывают еще один устойчиво проявляющийся признак данных персонажей, не отмеченный О.А. Черепановой. Это их *цветовая характеристика*. Заключается она в следующем: какой бы облик ни принимали эти мифологические персонажи, они описываются рассказчиками, очевидцами как существа или предметы самых разных, чаще всего очень ярких, необычных, расцветок, окрасок, то есть таких, какие обычно не встречаются у настоящих животных, насекомых или предметов.

А она сама [колдунья] *помирала когда, по огороду вот такие малюсенькие-малюсенькие* ***цыплятки*** *бегали, по всем бороздам бегали цыплятки. Их хватали, дочь хватала. Потом она их всех собрала, всех поймала. Там* ***и красные, и жёлтые, и зелёные – всякие*** *бегали. Поймала, и она тогда тоже померла. Они – отец, Наталья и вот этот Илья – колдуны, злые колдуны. И у меня уже две сестры Зина и Дуся, они уже очевидцы* (Вильва Сол.). *Вот у нас девка одна была, однажды она и говорит: «Пойдёмте, у меня у папы в туеске, там* ***цыплята*** *сидят, они маленькие». Мы поднялись, открыли, они все из туеска-то всякие:* ***сиреневые, жёлтые****. А отец-то в избе был, его из избы-то как метлой сшибило. Он идёт, матерится: «Я те дам!» А потом он дочери-то передал всё колдовство-то* (Мысы Усол.).

А ещё ведь черти-то в виде ***мышей*** *бывают. Всяки мыши есь тоже. Вот парень один пошёл нам показывать, в голбец спустился, открыл, а мыши-то побежали. Мать-то с поля прилетела, отлупила его. Они тоже* ***разноцветные*** *были* (Мысы Усол.).

Биси-то величиной с маленькую ***птичку*** *с* ***цветастым оперением*** (Ныроб Черд.). *«Ох, у нас на русле-то всякие птички:* ***зелёненьки, синеньки, красненьки****», – она рассказывала. Черти это были* (Губдор Краснов.). *Я детей колдунов спрашивала: «Что у вас дома есть?» – «Есть маленькие птички* ***всяких цветов****:* ***голубые, красненькие, зелёные****. В голбце в коробочке сидят». – «Пойдём посмотрим». – «Нет, мама ругаться будет»* (Чердынь). *Ну, рядом жила с ней-то тётя Зина. Ну, она их* [чертей] *днём выпускала, разных птичек* ***цветных****. А потом их обратно запускала. В подвале там хранила* (Кольчуг Черд.).

Да, черти ***мухи всяких цветов*** (Губдор Краснов.). *Там у нас Наташа-то видела нечаянно чертей-то у Николы. Мухи****! Зелёные какие-то, всякие*** (Ратегово Черд.). *Вот она, эта женщина, суседка, пришла. Был шкафик у её* [колдуньи] *вот с посудой. И она говорит: «Я-де открыла этот шкаф, так ты знаешь, скока там мух! Жгуток такой пошёл, там всяки мухи,* ***всякого цвету****! Это черти-то мухи* (Ратегово Черд.).

Тут одна женщина умерла, у неё, видно, сноха туесок взяла в руки, открыла, а там ***жуков разноцветных*** *– не сосчитать! Тьма*! [А что это за жуки?] *Да черти-то и были* (Пянтег Черд.).

А ещё у одного тракториста были в гостях две девочки маленькие. В голбце нашли они банку со стёклышками, а ***стёклышки такие красивые, разноцветные****. Они стали просто перебирать. Не знают же, что это биси. Так тракторист в Пянтеге был, а прибежал домой быстро-быстро. Почувствовал, что его трогают* (М. Долды Черд.).

Данные, представленные в настоящей статье, позволили увидеть разнообразие облика и номинаций пермского варианта «вселяющихся» духов, региональной специфики реализации их общерусских инвариантных признаков.

* * *

Идея одержимости бесами как причина многих заболеваний, помешательств, истерических состояний людей, по свидетельствам этнографов, носит почти универсальный характер в верованиях большинства народов мира [Виноградова 2000: 290]. Э.Б.Тайлор в своей книге «Первобытная культура» приводит многочисленные примеры вселения «болезнетворных духов» в человека. Процитируем здесь только один пример, который показывает, как устойчиво воспроизводятся древние магические представления в традиционной культуре: «Этнография Америки указывает малокультурные племена, приписывающие болезни действию злых духов. … Эти духи обладают способностью посылать в тело человека дух любого существа или предмета, например дух медведя, оленя, черепахи, камня, покойника; эти духи, входя в человека, причиняют ему болезни. … Монах Роман Пане упоминает в своем курьезном рассказе, как туземный колдун снимает с ног пациента болезни (подобно тому, как снимаются панталоны), выходит за двери, отгоняет духа дуновением и посылает его в горы или в море. Церемония заканчивается обыкновенно высасыванием больного места и воображаемым извлечением *камня, куска мяса* или *другого предмета* (выделено мной. – *И.Р.*), которые были вложены в больного покровительствующим ему духом или божеством в наказание за то, что он не построил ему храма или пренебрегал молитвами или приношениями» [Тайлор 1989: 323].

Л.Н. Виноградова в монографии «Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян» пишет о поразительной живучести архаических представлений о болезненных состояниях как следствии вселения в человека вредоносных духов и приводит отличительные особенности «вселяющихся» духов, в числе которых следующие: «…они способны при определенных обстоятельствах принимать вид насекомого или хтонического животного; они могут вполне независимо существовать в теле человека, покидать его под воздействием ритуалов «изгнания» и переселяться в новую жертву; внутри человека размещаются в голове, горле, груди, сердце, желудке, иногда в крови; моменты вселения или выхода из больного нередко сопровождаются дуновением ветра; результатом вселения было не только странное поведение, психические расстройства, но пострадавший якобы приобретал пророческий дар и чудесное сверхзнание» (разрядка автора. – *И.Р.*) [Виноградова 2000: 298].

Устойчивость представлений о «вселяющихся» духах подтверждают записи мифологических рассказов, сделанные в Пермском крае. Причем характеристики духов, отмеченные Э.Б.Тайлором для первобытных народов, данные Л.Н.Виноградовой для славянского ареала по фольклорным записям XIX–XX вв. и имеющимся письменным памятникам, удивительно перекликаются с теми, которые обнаруживаются в пермских материалах: *Пришла какая-то цыганка и сказала матери, что вылечит отца. Потом достала золотое яичко и начала ему катать. И выкатала* ***камень****, как яйцо* (Чердынь); *С грибами* ***муха*** *в рот попала, а теперь она* ***лягушка*** *уже. Прёт всё время, водички надо* (Белкина Сол.); *Поветрище – это люди плохие говорят и* ***через ветер отпускают*** *человеку, который потом болеет. Это врачами не лечится. Нужно к знахаркам ходить. Они чем-то брызгают, читают что-то* (Лопвадор Кудымкар.).

«Вселяющиеся» духи, по данным пермских источников, переживают два «превращения», дважды «пересекая» границы человеческого тела, и, таким образом, имеют три ипостаси: 1) выступают в качестве помощника колдуна, орудия магического воздействия, будучи еще не вселенными в жертву; 2) обитают в теле жертвы, будучи вселенными туда колдуном; 3) покидают тело жертвы, будучи изгнанными с помощью лечебной магии.

В первой статье, посвященной бесам-помощникам колдуна, мы показали, какой облик и наименования наиболее характерны для данных персонажей в пермской фольклорной традиции [Русинова 2010]. В данной статье анализируется следующая стадия «развития» этих персонажей – ипостась духов, находящихся внутри человека. В соответствии с пермскими мифологическими рассказами, при вселении беса в человека происходит значительное изменение его облика и поведения. Если на «стадии» до вселения бесы, выступающие в качестве помощников

колдуна, представляют собой консолидированное множество существ с четкими внешними признаками, но слабо выраженным звуковым портретом, то на стадии «вселившегося» духа все наоборот: былички почти ничего не сообщают о «внешности» персонажа, зато активно включают сюжеты о его звуковом поведении. Мы покажем различия первой и второй ипостасей изучаемого персонажа через их характеристики.

Наименование персонажа. Вселившийся дух, так же, как и помощник колдуна, в быличках называется ***бесом***, ***чёртом*** (*Уж во мне сидит* ***бес****, да не один ещё. Крест-от в своё время не носила, колдуны и напоили, опутали. Завидовали семье нашей* (Перино Караг.); *Она* [порча] *внутре посажёна. Какой-ко* ***бес*** (Рожнево Черд.); *Мужа моего погубили* ***черти-****те. Он в Березниках лежал в больнице. Говорили, что камни в почках. А это в него чёртики забрались. Они невидимы, нам не покажутся. Какое место болит – от* ***чертей*** *это* (Лимеж Черд.)).

Часто в качестве названия обеих ипостасей персонажа употребляются производные от ***черт***, ***бес*** с уменьшительными суффиксами − ***бесёнок*** и ***чертёнок*** (*Вот это говорят, что будто бы сажают бисей друг другу. А вот эта бабка, она, мол, говорит* ***бесёнком****. Вот у неё такой период придёт, она начинает говорить таким грудным голосом изнутри и совсем другое. Это она думает, что это в неё был посажен какой-то бес* (Петрецово Черд.); *У меня* ***чертёнок*** *есь. Я сама грешна, где-ко поймала. Фетиска-покойничек был тоже. Они* [семья] *знали* [были колдунами]. *Дак вот я, наверно, толды испортилась* (Усть-Уролка Черд.)). Об использовании в качестве имени духов-помощников колдуна слов с уменьшительными суффиксами мы уже писали [см.: Русинова 2010]. В данном же случае народное сознание подчеркивает не только маленький размер персонажа (он должен поместиться внутри человека, например в голове), но и особое к нему отношение. Бесноватые такого рода часто могли предвещать, к ним обращались за помощью, поэтому через номинацию передавалось если не уважение, то желание задобрить духа. Кроме того, задобрить духа должен и человек, носящий его в себе: будучи рассерженным, «бесенок» вызывал приступы болезни, чревовещания, а иногда даже «не позволял» жертве есть (*А у матери порча была. Она когда выкатится, она* [мать] *говорит: «Смотрите, смотрите, в этом месте как мышонок вот такой». Она его поймает и говорит: «Я тебя счас задушу». А был посажен мужчина ей, мужская порча была. Как начнёт матькаться, как начнёт матькаться! Она* [порча] *говорит: «Я тебя с голоду заморю!» Никак эта старушка не могла ложку взять, не могла кушать, она не давала, эта порча, есть. Вот день она голодует, два, три. Потом же опять эта порча ей скажет: «Ну что, поумнела? Ладно уж, иди пожри маленько»* (Вильва Сол.) [Подюков 2006: 165]).

Наши материалы показывают, что в сознании носителей традиционной культуры часто происходит смешение понятий о приеме магического воздействия, болезни как результате такого воздействия и духе, вселенном колдуном в человека и эту болезни вызывающем. Это приводит к использованию в качестве номинаций и болезненных состояний, по народным представлениям, причиненных колдовством, и «вселяющихся» духов одних и тех же лексических единиц, например, слов ***порча*** (ср.: «Порча, чары – совокупность вредоносных магических *приемов* и предметов, используемых ведьмами, колдунами и другими «знающими» для причинения ущерба здоровью… Одной из наиболее тяжелых форм порчи являлось насылание на человека нечистой силы, которая поселялась внутри него, мучила его, в результате чего человек становился бесноватым» [СД 2009, 4: 178, 181]), ***икота (икотка)*** (ср.: «В районах Русского Севера термин икота, икотка обычно является синонимом кликушества – одного из *видов бесноватости*, вызываемого порчей и проявляющегося в сильных нервных припадках, сопровождаемых криком. В этом случае икота обозначает одновременно *и саму болезнь*, *и злого духа*, который эту болезнь вызывает» [СД 1995, 2: 402]), ***хитка*** и др. (*А дак вот* ***икотка*** *– та же* ***порча****. У нас была одна с икоткой, всё икала ходила. А ещё вместо икотки колдун вселяет в человека* ***чертёнка****. Была у нас и такая. Когда в ней чертёнок говорил, дак она будто задыхалась, говорила не своим голосом* (Губдор Краснов.); ***Порча*** *есть ещё внутри человека, сидит. Она даже разговаривает* (Вильва Сол.); ***Икотку*** *подсаживают. Дак он* [испорченный человек] *заичёт, заичёт. Вот когда* [знахарки] *слова говорить будут, тогда вот сильно ичут* (Пянтег Черд.); *У меня была* ***хитка****, всю правду говорила. Лонись она из меня вышла – видно, умирать мне скоро* (Пегушино Сол.); ***Икотку*** *ишо* ***хиткой*** *называют. На колышке да и от подружки ей попало* (Пянтег Черд.)).

Нередко бес, живущий внутри человека, получает собственное имя-антропоним. Этому способствуют раздвоение языкового поведения, характерное для «испорченного» колдуном человека (данную черту кликуш отмечают ученые (см.: [СД 1995, 2: 509]) и персонификация болезни, типичная для традиционного сознания. (См.: «Антропоморфическое представление болезней весьма часто в заговорных формулах и вообще свойственно мифологическому мышлению, обладающему свойством конкретно-чувственного восприятия мира в значительно большей степени, чем сознание современного человека» [Черепанова 2005: 18]). Чаще всего бес получает мужское имя (*И вот живёт сейчас во мне бес* ***Егорка****. Тридцать лет уж живёт* (Перино Караг.); *Мясо никогда не ела икотка. Сидит, бывало, и вот начинает икать. То конфеты попросит. Она как говорит, и не она. Тот* [чертёнок] *её заставляет. А, бывает, они называются. Того-то, кажется,* ***Иваном***

звали. Говорил мужским голосом (Чермоз Ильин.). *У Маланьи Федотовны порча-икотка был. Его* ***Григорием Ивановичем*** *звали. Он пищал так, когда говорил. И заикой был. Ворожил* (Б. Кусты Куед.).

Иногда в человеке «поселяется» «семейная» пара бесов (*Говорили, у мамы два чертёнка внутри сидели. Их звали* ***Филарет Васильевич***, ***Миладора Васильевна***. *Как в горло они кинутся, так её скипидаром отваживали… А кто спортил, тот и имя давал чертям* (Черд.) *У нас одной порчу по ветру пустили. «****Манька*** *да* ***Ванька****» – так они себя называли. Её старухи как-то достают. Она как колобок с глазами* (Никольск Куед.)).

Известны тексты, в которых фигурирует целая «семья» подобных духов: *Потом она* [высушенная ящерица] *сростатся. И стала разговаривать. Люди узнали: «Как, говорит, у тебя зовут там живульку?» Она* [хозяйка] *говорит: «****Макарко****»…* [Хозяйка бесу] *говорит: «Я тебя выживу», а он отвечает: «А у меня* ***Макариха*** *есть». – «Я и её выживу». – «А у меня* ***макарёнки*** *есть»* (Камгорт Черд.); *Ой, у меня мать сама с порчей была… Сидели у ней четверо. «Я* ***Павел-Григорий****, − говорил, а* ***баба*** *моя татарка и двое* ***робята*** *у нас»* (Пожва Юсьвин.).

Духи – помощники колдуна чаще всего не имеют собственного имени, потому что они представляют собой совокупность существ, обитающих вместе, вместе совершающих какие-либо действия и поэтому носящих общее название, даже если оно образовано от имени человека (*Был злостный колдун. У него была дочь Катя. У него туесок был. И все колдунские* ***иванушки*** *у него лежали в туеске. А* ***иванушки****-то – это колдунские приспособления… Им-то, родным, они котятами казались* (Вильва Сол.)).

Визуальный облик персонажа.

Как мы упоминали выше, былички часто не описывают внешнего облика изучаемой ипостаси «вселяющихся» духов. Если же такая характеристика присутствует, дух имеет «вид мелкого животного или насекомого (жабы, мыши, змеи, мухи и пр.)» [СД 2009, 4: 180]. (*Порча, икота-то разговариват – как* ***лягуша*** *или как* ***ящерица*** *сидит в человеке* (Монастырь Гайн.); *С грибами* ***муха*** *в рот попала, а теперь она* ***лягушка*** *уже. Прёт всё время, водички надо* (Белкина Сол.); *Колдуны выпускают их. Они их выпустят,* ***муха*** *маленькая залетит в тебя, и всё – будешь жить и мучиться. Муха-то там растёт в человеке – болеет человек… Она там у него всё проест, точит его* (Лызиб Сол.)).

Нами обнаружена следующая тенденция: если у духа описано звуковое поведение, то, как правило, отсутствует визуальный портрет, но если описан внешний облик духа, то он чаще всего «молчит». Данная зависимость объясняется, на наш взгляд, тем, что возникает противоречие между образом-воплощением духа и его звуковым поведением. Когда

злой дух (бесёнок, чертёнок, порча, икотка, хитка) под воздействием приемов лечебной магии покидает организм больного человека (это уже следующая ипостась духа), он имеет облик насекомого, мелкого животного, маленького человечка или полиморфного существа, предмета с явными признаками животного (глазами, усиками и т.п.). Однако, находясь внутри, дух часто говорит как человек или производит звуки, характерные для домашних животных и птиц (собаки, петуха и под.). То есть налицо несовпадение двух кодов – визуального и звукового. Именно поэтому, имея в виду конкретность сознания авторов мифологических текстов (собака, петух большие, в человеке поместиться не могут), мы можем сказать: по этой причине внешние признаки вселенного духа вербализуются.

Звуковое поведение.

Среди наиболее типичных признаков бесноватости в русских поверьях считались непроизвольные крики пострадавшего, который под воздействием злого духа начинал кликать, отзывался голосами животных, бранился «черными словами». Кроме того, состояние невменяемости, одержимости часто сопровождалось сильной икотой, зевотой, ознобом, истерическими припадками. В севернорусских областях одной из разновидностей кликушества признавали икоту. Эта по преимуществу женская болезнь проявлялась по-разному, но почти всегда, по народным поверьям, была связана с особенностями речевого поведения человека, который либо лишался дара речи и начинал «ухать», кричать по-звериному, либо в нем начинал вещать «не свой» голос [Виноградова 2000: 293].

Приведем из пермских материалов примеры речевого проявления «вселенного» в человека духа. Звуки, производимые духом, всегда непроизвольны, они не зависят от воли пострадавшего, по тембру и высоте тона они непохожи на голос пострадавшего и чаще всего чрезвычайно громки.

Пермский вариант духа может обнаруживать себя

иканием: *Старинну-то порчу признают.* ***Ичут****, как душа ладит выскочить* (Вильва Сол.); *Жила-была у нас женщина высокая, красивая, но любила выпить. А соседка поймала ящерицу, высушила, измолола и дала выпить той женщине. И началась у неё* ***икота****: как заорёт, заорёт,* ***заикочёт****, загорюёт* (Камгорт Черд.); *Чё-то другим голосом каким-то, как икотка у ней начинает «ик-ик-ик», начинает* ***икать*** (Петрецово Черд.); *А старуха-то* [колдунья] *и посадила порчу. Косит* [женщина], *голова болит, болит, болит. Потом всяко* ***заикала****. Ну, её, значит, это, повели домой* (Могильниково Черд.);

выкликанием имени духа: *У меня у мамы порча, и мне всё равно попала. Он* [бес] *у меня не говорит, токо* ***кличет****. Вот Илья не дас соврать: кличет, как сова.* ***Покличет****, покличет у меня опять* (Покча

Черд.). *Есть, есть, это есть.* ***Покликушей кличут****. У нас одна женщина, господи! Она билася, билася! Говорят, её испортил мужа брат.* ***Бесёнка*** *какого-то посадил, она его и* ***кликала*** (Петрецова Черд.);

смехом: *У нас сватья Бореиха была. Дак у неё какая-то* ***хохотунья*** *опеть была. Господи! На её какой-то* ***смех найдёт****, дак из мозгов кровь пойдёт, так хохочет!* (Ратегово Черд.);

пением: *У меня в голове черти сидят. Старушка одна посадила. Как выпьешь сто грамм,* ***песни поют*** *там в голове всякие* (Бахари Краснов. *Вот какая-то у неё пошибка посажена, что она ей даже Богу молиться помогает.* ***Поёт*** *вместе с ней… «Я, говорит, Богу молиться люблю… я с хозяйкой молюсь. Вот такие пошибки бывают ещё* (Сив.). [Разговаривают ли черти внутри?] *Если когда будешь лечиться, так он и всячески* ***споёт****, и матькает, ругает: «Поздно-де хватились лечить-то меня». И култыкается, и обзывается* (Губдор Краснов.);

бранью: *А у меня крёстная была, двадцать девять лет ей в ту пору было. Однажды колдун её испортил. Вот и маялась потом. Враг в ней сидел. Раз зовёт меня крёстная: «Приходи ко мне вшей чесать». Ну, я пришла… А она как заорёт на меня не своим голосом: «А, ты погубить меня хочешь, смерти моей хочешь!» И ругаться на меня матом. Испугалась я. И тут крёстная своим голосом давай успокаивать меня: мол, не пугайся. Вот правда была, до смерти не забуду. То враг в ней говорил. Испортили её, посадили врага. Ну, враг-от на меня и* ***матерился****, а не крёстная* (Чермоз Ильин.). *Ну, она чёртика садила. Икоты же здесь полно. Поставят икоту тебе, и она* ***матерится****… Не ты, а она будет материться* (С. Коммунар Сив.). *У кержаков же у нас ведь чёртики сидят. Лукавые в них. Они* ***матерятся****. Вот у одной женщины, вот сватью провожали – за столом заматерилася, и всё* (Сив.)[6]. [А вот бывает, что человек вдруг другим голосом начинает говорить, это как называется?] *Говорят, что это бесёнок начинает говорить.* [А икоткой не называют?] *И икоткой, и бесёнком. Говорят, что вот опять мой бесёнок заговорил. У одной, я пришла, мы разговаривали, ей плохо стало, они меня* ***матькали*** (Камгорт Черд.). *Моей маме как умереть – она* [порча] *заговорила. Говорят,* ***матькаются*** *они, ещё как!!! И ругалась икотка. Рот откроется, и оттуда из горла какой-то звук издаётся. Сама-то она может и не может, через силу* ***матерятся****. Тут женщины знали, как с этим обращаться: та матерится – те тоже матерятся. До того матерятся, уже, видимо, кто кого пересилит. Если уж они пересилили, то уж сил нет, обвиснет, некоторое время минут пять-шесть посидит и потом уже так просто разговаривает* (Пожва Юсьвин.). *Внутре посажёно, какой-ко бес. Он* ***матькатся*** *и чё ли* (Рожнево Черд.). *У нас во время войны (там ниже, в своем я родном доме жила) стояла* [на постое] *женщина. С матерью жила. А у* [ее] *матери была порча. И она, значит, звала его, эту порчу молодчик. Она когда*

выкатится, она говорит: «Смотрите, смотрите, в этом месте как мышонок вот такой». Она его поймает и говорит: «Я тебя счас задушу». А был посажен мужчина ей, мужская порча была. Как начнёт матькаться, как начнёт ***матюкаться****!* (Вильва Солик.). *Пил он как-то с одним амборским, тот на сплаву робил. Так после этого у него уже четвёртый год голоса какие-то в голове* ***матюкаются****. Люди ему молитву дали, он и ходит с ней, помогает она* (Данькова Черд.). *Он нам мать спортил. Он всё к нам ходил, всё, вроде, с добрыми намерениями, всё улыбается. Она попила с квасом и поперхнулась. Врачи ничего не признавали. А потом к лекарю возили. Он сказал, что спортили. И цыганка то же сказала. Лекарь-то матери наговорил, а икотка-то сначала мычал, а потом, после воды-то,* ***заматерился*** *он и заговорил* (Левино Караг.). *Заставили: мол, помолитесь по Акулине-то* [старушке, которая «посадила пошибку»]. *Как начали читать, это, «Отче наш» что ли, или чё читали… как она* [пошибка] ***заматерилася****, как заорала, как меня заколотило*! [Это значит, что за нее молиться нельзя?] *Да, за её не даёт молиться, за её хозяйку… Мол, говорит – прямо напрямую на «хэ» букву сказала – вот ейно царство* (Сив.). *Если когда будешь лечить его, так и всячески* [чертёнок] *отматькает и отругает: «Поздно, мол, меня выживать-то». Выживать-то выживают. Ну, словами, словами лечили* (Губдор Краснов.);

членораздельной речью: *А ещё вместо икотки колдун вселяет в человека чертёнка. Была у нас и такая. Когда в ней чертёнок* ***говорил****, дак она будто задыхалась, говорила не своим голосом. Одни как-то с ней разговаривали, она говорит: «У вас на чердаке шубы висят, ночью сегодня к вам воры залезут». И правда, ночью шубу-то у них украли. То чертёнок в ней говорил, и он знал* (Губдор Краснов.). *Дак ведь он* ***скажет****, чертёнок-от. Когда-ко-сь у нас на Суземье жила Анна. Она сама была из Макаровай. А там Троица праздник. Раньше ведь пировали, ходили все в гости, и вот она идёт по-за бане, по-за бане идёт, поскользнулася и перелешакалася. Он и залетел. Потом стал* ***говорить****: «Я на колышке сидел, тебя ждал»* (Яранина Черд.). *Пошибку садили колдуны. У кого бывала такая пошибка, начнёт* ***говорить*** *чё попало, когда захочет* (Терехино Караг.). *Раньше люди были – врага могли посадить, порчу. Она в человеке и* ***говорит****, ничем не выведешь* (Ст. Пашня Караг.). *Мною командует Егорка* [вселенный колдуном дух]. *Егорка* ***говорит*** *мне: «Машка, пошли спать», и я спать хочу. И вот мы с ним и спим* (Перино Караг.). *Тут у одной женщины, тоже нет уж жива, тоже* ***говорила*** *пошибка-та. Одоляла её шибко. Она церковную книгу у нас попросила, мы дали Псалтырь новопечатную, она читала. Потом Евангелие брала читала. Говорит* [пошибка]: *«Ой, хозяюшка-то, ой, догадалася, я её хотела задавить, догадалась, книги стала читать. Как она стала читать, так у меня хвост-от, говорит, отпал, язык-от у меня отпал,*

шерсть-то у меня спала. Дак только у меня в левой ноге в пятке место» (Сив.). *Про икотку вот знаю. Так, бывало, вселится в человека и* ***говорит*** *со всеми. У одной здесь была икотка, Семён Иванович звали. Вот он ей и говорит: «Ты без молитвы ходишь, я в тебя и сел»* (Сепыч Вер.). *А-а! Пошибку садят, да. Садят пошибку – человек будет* ***выговаривать****. Если чё тебе надо заворожить, там в ней бес, говорят, он выговариват, ему надо вино, он просит, вино надо купить за это* (Сретенское Ильин.). *А с колокольца надо пить, чтобы порча* ***заговорила****. У бабки была порча,* ***разговаривала****. Ей операцию стали делать, она как соскочила со стола и бежать: «Я, говорит, ножик мимо себя поверну, сама спрячусь, вы меня не найдёте», – порча-то и говорит* (Красновишерск). *Помянешь лягушку или ещё кого, вот она* [порча] *и* ***заговорит*** (Пянтег Черд.). *Напоили с молитвой, и икота у парня* ***заговорила*** *–* ***рассказыват****, что я-де с питьём залетела* (Монастырь Гайн.). *Это у меня уж эта боль есть, так она пушшэ губит. Колды* [икота] *зачнёт, дак и всю ночь* ***проговорит****, спать не даст* (Сив.). *У нас икотой это называется. Вот икота в человеке живёт. А вот на Вае живёт писанская баба, в ней* ***разговариват****. Икота разговаривает человеческим голосом* (Акчим Краснов.). *Мы как-то на свадьбе рядом с одной женщиной сидели. Заговорили при ней про что-то страшное, мышь или лягушка, она вся смешалась. Чертёнок сидит в ней, чертёнок-говорун,* ***разговаривает*** *сам с собой* (Пянтег Черд.). *Да у кого-то икотка* ***разговариват****, у кого-то нет. Икотка у меня вот говорит. Она вот тебе может правду сказать и* ***наговорить*** *чё попало может. Растравишь её, икотку дак, она чё попало наболтат* (Пянтег Черд.). [А этот чертенок, который кутька, он какие-то звуки производит?] *Могут на человека посадить, они буут* ***розговаривать****, керкать из горла. Могут разговаривать* (Камгорт Черд.). *Икота* ***разговаривать*** *может. Заичет, заичет и будет разговаривать, а человек себя даже не помнит. Вот такие дела. Лечили, а ничего не могли сделать. Икота изнутри говорит: «Я, – говорит, – была с мошку, а выросла с кошку». У неё, правда, живот был как это…* (Монастырь Гайн.). *Икота* ***разговаривает****. Она просто разговаривает внутри человека. Этот человек даже... Он сам по себе рот открываэт – она уже разговаривает у него.* [Голос отличается?] *Дак конечно, вы чё! Даже мужским голосом у одной говорила. Мужицким, да* (Усть-Зула Юрл.). *Икота́-то* ***разговаривал****. Тридцать три года ему было. Я спрашивал, где ад. А он мне всё сказал, что в Сибири, под землёй. Я, говорит, мысли читаю через своих собратьев. Я с ним в шутку когда как говорю: «Давай мать-то отпускай». Он говорит: «Сейчас ещё подавлю и отпущу»* (Левино Караг.). *Ак колдуны-то ещё икоту могут навести. Посадят её в человека, он и начнёт икать. Это икотка в нём* ***разговаривает*** (Чермоз Ильин.). *У мамы внутренняя икота* ***разговаривает****.* [А Вы различаете, когда говорит она, а когда икота?] *Да. Она же* [мать] *говорит нормально, а тут* ***выкрикивает слова*** (Вер.). *Эту*

бабку я помню. Всё ***разговаривала*** [в ней «икота»], *пока не умерла. Они, говорят, долго умирают, порча-то не даёт* (Печмень Бард.);

нечленораздельными выкриками («уханьем»): *Жила у нас Евдокия, все её Дуней звали. Она с кем разговаривает, а внутри-то у ней как* ***заухает, заухает****! Ну вот как мы с вами разговариваем. Потом Дуня молчит, и внутри молчит* (Половодово Сол.);

подражаниями крику животных: *Меня самую портили. Я хворала. Собаку мне посадили. Как я* ***лаяла****!* (Керчевский Черд.); *Колдуныте жили у нас под окном, колдовали, людей портили. Вот маме садили* [чертенка]. *То жука садят, то лягушку, то* ***по-собачьи лают****. Маме был чертёнок посажен. У ней ухал или* ***как собака залает****. У кого как: и* ***по-лягушачьи,*** *и* ***всяко*** (Красновишерск); *Колдунья ей порчу посадила, дак она* ***по-собачьи лаяла****. Как начнёт лаять эта собака в ней! Порча там в ней сидит* (Касиб Сол.); *Старикашка у нас один был. У него жену в больнице медсестра спортила. В январе у ней в левом ухе кобылка начала* ***ржать****, а в марте она умерла* (Купчик Черд.); *В 1984 году поехала я в Кудымкар к одной знакомой женщине. Сидим мы с ней за столом, чай пьём да разговариваем. И тут она вдруг* ***по-петушиному запела****, и до того живо и по правде, что я испугалась. Спрашиваю: «Что с тобой?» − «Это, − говорит, − порчу на меня навели… я этим уже 35 лет болею»* (Гайн.).

Если говорить о звуковом портрете духов – помощников колдуна, он совершенно другой: во-первых, эти духи чаще всего «молчат», во-вторых, для них нехарактерна человеческая речь, в-третьих, налицо совпадение визуального и звукового кодов: если дух имеет образ птички (например воробья), он чирикает, если котенка, он пищит: *И вот Катя* [дочь колдуна] *говорит подругам: «Пойдёмте, у нас у тяти в голбце маленькие* ***котята пишшат****»* (Вильва Сол.).

Подведем итог. «Вселяющиеся» духи – «особая категория нечистой силы» [Виноградова 2000: 290-291]. Как показал анализ мифологических рассказов Пермского края, находясь внутри человека, они представляют особый «этап» развития, трансформации злых духов, связанных с колдуном. Эти духи, в отличие от духов – помощников колдуна, характеризуются своими визуальными, звуковыми параметрами, имеют отличия в номинации.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов РГНФ (№ 12-34-01043а1, № 14-04-00437, № 13-14-59008), гранта в рамках тематических планов по заданию Министерства образования РФ (№39).

[2] Материалы данной части опубликованы в статье [Русинова 2011].

[3] Материалы, использованные при написании статьи, почерпнуты из картотеки готовящегося к печати «Этнодиалектного словаря мифологических рассказов Пермского края» (авторы И.И.Русинова, А.В.Черных, К.Э.Шумов, Л.С.Нечаева),

которая составлена на основе полевых записей авторов, данных диалектных словарей территории, а также фольклорно-этнографических сборников (см. обзор последнего источника в [Русинова 2010а: 106–112]).

[4] Материалы данной части опубликованы в статьях [Русинова 2010б, Русинова 2010в].

[5] Торевтика (греч. toreutikos – искусный в рельефной работе по металлу, от toreuo – вырезываю, чеканю), искусство рельефной обработки художественных изделий из металла. Чаще всего Т. называют обработку изделий путем чеканки или тиснения. Иногда термином Т. обозначают и отделку литых изделий [БСЭ].

[6] Материалы по Сивинскому и Верещагискому районам без указания населенного пункта приведлены из монографии [Христофорова 2010].

Список литературы с условными сокращениями

БСЭ – Большая советская энциклопедия. URL:http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Торевти-ка/ (дата обращения: 18.02.2011).

Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. К.Э. Шумов. Пермь: Кн. изд-во, 1991. 412 с.

Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.

Доминяк А.В. Свидетельства утраченных времен: человек и мир в пермском зверином стиле. Пермь: Кн. мир, 2010. 152 с.

Зиновьев В.П. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин (публикация Н.Л. Новиковой, Г.Н. Зиновьевой). URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/zinoviev1.htm (дата обращения: 15.02.2011).

Криничная Н.А. Лесные наваждения. Мифологические рассказы и поверья о духе – «хозяине» леса. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1993. 50 с.

Криничная Н.А. На синем камне: мифологические рассказы и поверья о духе – «хозяине» воды. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1994. 56 с.

Криничная Н.А. Русская мифология: мир образов фольклора. М.: Акад. Проект; Гаудеамус, 2004. 1008 с.

Легенды. Предания. Бывальщины / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н.А. Криничной. М.: Современник, 1989. 287 с.

Левкиевская Е.Е. Демонология севернорусского села Тихманьги // Восточнославянский лингвистический сборник. Исследования и материалы. М.: Индрик, 2001. С.432–476.

Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «Люкс», 2005. 366 с.

Мифологические рассказы Архангельской области / сост. Н.В. Дранникова, И.А. Разумова. М.: ОГИ, 2009. 304 с.

Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. 400 с.

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост., авт. коммент. О.А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996а. 212 с.

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост., авт. коммент. О.А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996б. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/mip/hol/ogi/che/skye/index.htm (дата обращения: 17.03.2011).

Народная демонология Полесья: Публикация текстов в записях 80-90-х гг. XX века. Т.1: Люди со сверхъестественными свойствами / сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М.: Языки славянских культур, 2010. 648 с.

Народная проза / сост. С.Н. Азбелев. М., 1992. 589 с. (Биб-ка русского фольклора, Т.12).

Новичкова Т.А. Русский демонологический словарь. М.: «Петербургский писатель», 1995. 640 с.

НОС – *Новгородский* областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А.Н. Левичкин и С.А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.

ОСВГ – *Областной* словарь вятских говоров. Вып. 4. Киров, 2006. 256 с.

Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2003. 463 с.

Подюков И.А., Черных А.В., Хоробрых С.В. Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2006. 224 с.

Представления славян о нечистой силе и контактах с ней: материалы и полевой архив коллекции Л.М. Ивлевой / сост., подг. текстов и справочный аппарат В.Д. Кен. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 448 с.

ПОС – *Псковский* областной словарь с историческими данными. Вып.1. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967.

Прозаические жанры русского фольклора / сост. В.Н. Морохин. М., 1977. 296с.

Русинова И.И. Пермская диалектная лексикография: результаты и перспективы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010а. Вып. 1(7). С.106–112.

Русинова И.И. Еще раз об облике бесовском. Статья 1 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010б. Вып. 3(9). С.18–25.

Русинова И.И. Еще раз об облике бесовском. Статья 2 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010в. Вып. 6(12). С.13–17.

Русинова И.И. Вербализация представлений о связи колдуна с нечистой силой (на материале лексики пермских говоров и мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 2(14). 2011. С.15–23.

СВГ – Словарь вологодских говоров / под. ред. Т.Г. Паникаровской. Вып. 1–19. Вологда, 1983–2007.

СГРС – *Словарь* говоров Русского Севера / под. ред. чл.-кор. РАН А.К. Матвеева. Т.4: З–И. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 358 с.

Селигер – *Селигер*: Материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып.2. Д–И. СПб., 2004. 188 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н.И.Толстого. М.: Международные отношения. Т. 2. 1995. 584 с. Т. 4. 2009. 656 с.

СРГК – *Словарь* русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 5 вып. Вып.1 / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. 512 с.

СРГНП – *Словарь* русских говоров Низовой Печоры / под. ред. Л.А. Ивашко: в 2 т. СПб., 2003–2005.

СРГСУ – *Словарь* русских говоров Среднего Урала. Т. 1–6. Свердловск, 1964-1987.

СРГЮП – *Словарь* русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1 / И.А. Подюков (науч. ред), С.М. Поздеева, Е.Н. Свалова, С.В. Хоробрых, А.В. Черных; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2010. 456 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М.; Л., 1965–2010. Вып. 1–43 (издание продолжается).

Тайлор Э.Б. Первобытная культура / пер. с англ. Д.А. Коропчевского. М.: Политиздат, 1989. 573 с.

Толстой Н.И. Каков облик дьявольский // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд-е 2-е, испр. М.: Индрик, 1995. С. 250-269.

Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ, РГГУ, 2010. 432 с.

Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского севера. Л., 1983. 169 с.

Черепанова О.А. Мифологические функции птиц в русских быличках и других материалах // Черепанова О.А. Культурная память в древнем и новом слове: Исследования и очерки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. С. 156–168.

Условные сокращения районов Пермского края

Бард. – Бардымский, Вер – Верещагинский, Гайн. – Гайнский, Ильин. – Ильинский, Караг. – Карагайский, Краснов. – Красновишерский, Куед. – Куединский, Сив. – Сивинский, Сол. – Соликамский, Усол. – Усольский, Черд. – Чердынский, Юрл. – Юрлинский, Юсьвин. – Юсьвинский.

I.I. Rusinova
Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

LANGUAGE IMAGE OF THE EVIL FORCES RELATED TO THE SORCERER (on the materials of the vocabulary of Perm dialects and the mythological stories)

The language incarnations of the ideas about the relationships between sorcerer and the evil forces which realize in the several names of the sorcerer with the roots bes- and chert- in the vocabulary, in the verb word-connections which include names of the evil forces, are researched in the paper on the materials of the mythological stories, of data of dialect dictionaries of Perm Krai. The most numerous group of the units verbalizes the main area of activity of the sorcerers – to harm people. The shape, features of sound behavior and the names of the evil spirits which are the assistants of the sorcerer, and the evil spirits which give a person, are researched too. A demon can take the anthropomorphous, zoomorphic shape, the views of the household items. The article deals with the invariant and variant features of this spirits. Emphasis is on the features that purely covered in the literature and are specific for the Perm material.

Key words: mythological stories of Perm Krai; mythological vocabulary; sorcerer; evil spirit – assistant of a sorcerer; “giving” evil spirit.

УДК 81’37

Николай Валентинович Чугаев
учитель МАОУ «Гимназия № 31» г. Перми
aegolios@yandex.ru

АНТРОПОНИМИЯ ПЫСКОРСКИХ ДОКУМЕНТОВ 1740–1741 гг.[1]

Статья посвящена антропонимам, извлеченным из текстов рукописной книги XVIII в. Предметом статьи является определение дистрибуции антропонимов, классификация имен и фамилий. Новизна работы определяется выявлением новых антропонимов, не представленных в работах Е.Н. Поляковой.

Ключевые слова: антропонимия; письменные памятники XVIII в.; структура сложного антропонима.

Предметом настоящей статьи является исследование антропонимов, представленных в памятнике XVIII в. под названием «Столп приходной пыскорской денежной казны 1741 году». Памятник хранится в Государственном архиве Пермского края (ГАПК) и представляет собой рукописную книгу (тетрадь) объемом 141 лист. В книге собраны тексты разных жанров: доношения, выписки в доклад, промемории, росписи, реэстры и др. В ней содержится 150 фамилий, 77 личных имен и 9 патронимов. Рукописные памятники XVIII в. являются надежным источником изучения ономастики названного периода деятельности Пыскорской медеплавильной конторы.

Антропонимия территорий Пермского края XVI – начала XVIII в. подробно изучена и описана Е.Н. Поляковой. Результатом многолетнего исследования антропонимии стали «Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков» (далее – СИ) [Полякова 2007] и «Словарь пермских фамилий» (далее – СФ) [Полякова 2005], при создании которых использована масса рукописных документов XVI–XVIII вв. Все личные имена и основная масса фамилий, встретившихся в памятниках, представлены в этих словарях. Перспективным представляется, с одной стороны, изучение функционирования фамилий в текстах, с другой стороны, поиск фамилий, не попавших в названные словари, наконец, системных изменений. Небезынтересным представляется и изучение структуры сложного антропонима в памятнике. Для сопоставления в статье также используются материалы других территорий.

Актуальность и новизна работы определяется тем, что в исследовании Е.Н. Поляковой по прикамской антропонимии материал в

© Чугаев Н.В., 2014

основном ограничивается рамками первого десятилетия XVIII в. Изучение антропонимов середины века представляется логичным продолжением ее работы в данной области.

Основные проблемы, рассмотренные в работе, – это выявление закономерностей функционирования антропонимов в текстах памятников: типы контекстов, в которых встречаются антропонимы, грамматическая сочетаемость антропонимических единиц, формула сложного антропонима, распространенная в памятнике. Кроме того, представляется необходимым классифицировать извлеченные из текста антропонимы, сравнить их с материалом предыдущей эпохи, зафиксировать принципиальные изменения в употреблении тех или иных классов антропонимов.

Сопутствующими задачами исследования является описание орфографических колебаний антропонимов, а также установление связей между людьми, упоминаемыми в словарях и рукописных памятниках, на основании анализа личных имен, фамилий и отчеств (например, возможное родство людей).

Следует отметить, что изучаемые тексты содержат множество ошибок, что затрудняет работу с материалом. Так, одного человека ошибочно могут называть разными именами [2], (Марк и Макар Бобров, Ларион и Лаврентеи Черных) [3], может искажаться фамилия (Шилков и Шилоносов; Емашев и Ямышев), фамилия может быть написана с ошибкой (Шувилов вместо Шувалов). Наконец, само написание фамилии может быть неразборчивым, в связи с чем приобщить ее к исследуемому материалу представляется невозможным (так, не рассматривается написанная неразборчиво фамилия с предположительным прочтением *тереневъ). С учетом этого факта в ряде случаев встает вопрос о правильном прочтении фамилии с опорой на антропонимы, зафиксированные в авторитетных исследованиях на материале XVI–XVIII вв.

Рассматриваемые антропонимы в основном представляют собой мужские именования. В текстах встречается несколько женских имен Агафья, Ненила, Татьяна, женское именование по мужу Миниева жена и женское именование вдова Каркина, причем форма *вдовы каркиноі* указывает на то, что это действительно фамилия, а не именование по мужу (вдова (кого?) каркина).

Отдельной немногочисленной группой антропонимов являются имена иностранных специалистов. Эти антропонимы также употребляются с указанием должности, их личные имена русифицированы: *в писме от капитана берглина, з бывши-м гармахеро-м иноѕе-мцо-м яково-м касо-м, обо-рште-игера саму-ила ки-ргнера* [4].

Основная масса антропонимов содержится в финансовых документах – 6 росписях и 2-х реэстрах, где приводятся обширные списки крестьян и горных служителей. В таких документах антропоним имеет форму косвенного падежа, которая определяется конструкциями *на ком* (числится), *с кого* (взыскано), *за кого с кого* (взыскано): *На алЬ+Ье Зуеве одинъ рубль тритцат / одна копЬика*; *С оѳонас-я баина дватцать семь копЬекъ; за клеме-нтья на-иданова сына ево / івана на-иданова з брато-м*.

Собственные имена упоминаются в текстах доношений, докладных выписок, промеморий и других документов в более расширенном контексте, соответственно расширяется и список грамматических форм, в которых употребляются данные антропонимы*: доста-лные по исправе sa osначенные меха іпри/пасы днги два рубли восемдесятъ восемъ / с половинои копеики объявляю я баянди-н о-т себя; за бывшаго припыско-рски-х saво/дахъ целова-лника въ 725-м году мокея бая-ндина; а плателщику баяндину дать о-тпись*. Наконец, еще одним источником являются подписи на документах (закрепы): *Nикита о-сиевъ, Але+Ь-и калачовъ*. Во всех таких случаях употребляется именительный падеж.

Очевидно, что в указанных случаях антропонимы употреблены в разных контекстах: *в нормальных (полных)* – в объеме текста, *в микроконтекстах* – в объеме полного или неполного предложения и *изолированно* – в объеме подписи. В зависимости от типа контекста антропонимы имеют разную структуру.

В ***полных контекстах*** антропоним повторяется несколько раз в пределах текста, причем вторичные упоминания отличаются от первичных: *принято присланного от пыскорскои заводскои канторы/ григоровского селца* ***у малолЬтного але+Ья осокина*** *мелкого пороху ше/снатцать ѳунтовъ* (первичное появление) *о вsыскании sa неотданныя припасы /* ***с поkasанного осокина*** *по ценЬ денег и по вsыскании о sаписке / вприход и о репортовании сюда учинить* (вторичное появление); *велено мне* ***с плотиншика лариона шилкова*** *... взыскать* (первичное появление*) которые денги /* ***с него шилкова*** *і вычтены* (вторичное появление). В ***микроконтекстах*** (в списках лиц) антропоним появляется, как правило, только один раз и в полной форме. Традиция не повторять имя при вторичном упоминании лица фиксируется и другими исследователями на материале тюменских памятников более позднего периода – конца XVIII – начала XIX вв.: «При повторном именовании лица используются только семейные прозвания (фамилии): куплено у него Шмотина; ... заплачено ему же Парфенову» [Безбородова 2004: 20].

Структура сложного антропонима в основном двучленная (личное имя – фамилия). В томских памятниках XVII в. двучленная структура является наиболее частотной [Палагина 1976: 58]. В пермских документах двучленная структура доминирует в XVI в., в XVII в. «в качестве основно-

го утверждается трехкомпонентный сложный антропоним со словом сын при патрониме» [Полякова 2010: 53]. Материал изучаемой рукописной книги, впрочем, дает несколько иной результат: основным в нем является двучленное именование. Вероятно, это связано с тем, что трехчленное именование употреблялось в документах, требующих особой точности, отсылавшихся в столицу, например, писцовых и переписных книгах XVI–XVII вв. В документах, предназначенных для внутреннего пользования, достаточно было двучленного именования. Собственно именование при этом в полных контекстах сопровождается указанием профессии (социального статуса) непосредственно рядом с фамилией. Эти единицы, обозначающие, в соответствии с С.И. Зининым [Зинин 1969: 60], можно считать вспомогательными антропонимическими элементами: *с конюховь ѳотея никонова, аѳонасья дивликЬева; малолЬтнаго але+Ья осокина*. Встречается именование человека с указанием только профессии и фамилии: *невозъврашено ... сплотинных подмастереи нисовитинова / ишилкова*. В росписях и реэстрах социальный статус обозначается для группы лиц и вынесен в название документа (в 7 документах из 8; в одном документе просто «роспись»): *роспись ского имяны за прошлыя: 736:737: і 738 годы* ***з горных слу/жителеи*** *за розданнои изказны правиантъ ... велЬно; Роспись с кого имяны* ***рекрутъ*** *за данное имъ / платье и обувь колико с кого вз3ыскано.*

В ***неполных контекстах*** встречаются в основном двучленные антропонимы. В одном из документов (реэстре) зафиксированы трехчленные и четырехчленные именования (личное имя – патроним – фамилия / личное имя – патроним с компонентом сын / фамилия): *на ларионе а-рте-мевЬ сне черны-х; с лавре-нтья артемьева сна черны-х; с никиты тере-нтьева сна ша-дрина; с калины павлова сна шаврина; с тихона аѳона-сева сына борински-х*; *івана аверкиева боброва; с ывана степанова ѳроловы-х; на іване захарове бардакове; с карпа григорьева зарубина; а-ндрЬя ѳадЬева осокины-х.* Модель образования отчества на -ов, зафиксированная в памятниках, сохраняется в севернорусских говорах вплоть до XX в. [Качинская 2011: 53–54].

В некоторых случаях материал «Словаря пермских фамилий» Е.Н. Поляковой дает возможность выявить вероятных родственников названных людей. Так, отцом Тихона Афонасьева сына Боринских с территории Пянтежского стана мог быть *крестьянин деревни Вилесова Афонасей Исаков сын* Боринских [Полякова 2005: 61]. Между современными Пянтегом и Вилесово, правда, около 90 километров, но речь идет не о самой деревне Пянтег, а об округе вокруг этой деревни. Отцом Калины Павлова сына Шаврина из деревни Мелехина – *крестьянин деревни Мелентиева Павел Потапов сын Шаврин* [там же: 509].

Последнее соображение подтверждается тем обстоятельством, что Калина Шаврин в тексте памятника записан за деревней *Мелехиной. Мелеха,* как следует из «Словаря имен» – дериват от имени *Мелентий* [Полякова 2007: 260]. Соответственно, речь идет об одной деревне с варьирующим названием *Мелентиева/Мелехина*. Возможно, в документах, требующих большей строгости, бытующее в народно-разговорной речи название *Мелехина* было отредактировано в соответствии с полной формой имени - производящей основы. Наконец, сам Андрей Фадеев Осокиных из деревни Кулаковы встречается в словаре Е.Н. Поляковой под фамилией *Осокин* [Полякова 2005: 321].

Остается неясно, почему в одном и том же документе крестьяне именуются то с отчеством, то без него. Можно предположить, что появление именования по отцу связано с необходимостью разграничить однофамильцев.

Так или иначе все названные факты свидетельствуют о неустойчивости, высокой степени вариативности антропонимов XVIII в.

Орфографию личных имен характеризует неустойчивое употребление букв *е* и *«ять»* (*Ь)*, *и* и *і*, *а* и *о*, а также некоторых других. Так, в именах Алексей, Андрей и Терентий встречаются колебания *Ь/е* в окончании: *але+еи / але+Ьи / алЬ+еи / алексеі; андреи / андрЬи / анъдреи; терентеи / терЬнтЬи*. Имя Алексей повсеместно пишется через букву + («кси»), лишь в одном случае встречается написание *кс алексеі.* В написаниях имен Афонасий и Симон отражаются фонетические процессы, связанные с оканьем: *афонасеи / афонасии / офонасеи; сімон/симан/симон*. Отражение оканья (в частности, в начальной позиции в соответствии с А) в антропонимии отражается также в работах А.А.Добряк на материале нижнетагильских памятников [Добряк, 1974: 81]. В имени Матвей фиксируется мена в конечном слоге Ь/и: (на ком? – местн. пад.) *на матвие / на ма-твЬе*.

В отличие от предыдущих периодов в памятниках встречаются только календарные имена. Некалендарные имена были нормой при именовании людей в XVII в. [Палагина, 1976: 58; Полякова, 2010: 226–227], в XVIII в. они сходят на нет. В памятниках деловой письменности также перестают фиксироваться неполные антропонимы.

Все зафиксированные имена входят в пермский именник XVI–XVII вв., отображенный в СИ. Встречаются как канонические имена, так и их народные формы: Аверкий, Акинфей, Але+еи / Але+Ьи / АлЬ+еи / Алексеі, Андреи / АндрЬи / Анъдреи, Андреян / Андреянъ, Аника, Анисим, Анфим, Афонасеи / Афонасии / Офонасеи, Борис, Василии, Влас, Григореи, Дементеи, Денис, Дмитреи, Евдоким, Евтехии, Елisар, Епифан, ЕремЬи, Ефим, Ефрем, Зиновеи, Иван / іван, Игнатеи / ігнатеи, Калина, Карп, Кирил, Кosма / Козма / Кysма, Кондратеи, Константин / Костянтин,

Лаѕарь / Лазарь, Лаврентеи, Ларион, Леонтеі, Лука, Макар, Марко / Марк, Матвии / МатвЬи, Мирон, Минии, Михаил, Михеи, Мокеи / Мокии, Никита / Nикита, Никон, Обросим, Осип, Павел, Пантелеи, Петр, Поликарп, Потап, Прокопеи, Родион, Роман, Сава, Самуил, Семен, Сергеи, Сімон / Симан / Симон, Сила, Спиридон, Степан, Тарх, Терентеи / ТерЬнтЬи, Тимофеи, Тихон, Трофим, ѳедор, ѳедот, ѳотеи, Юда, Яков, Ярафии [Полякова 2007: 31– 451].

Имя Иустин в словаре не отображено, однако приводится женское имя Иустина [там же: 191] и мужское Устин [там же: 404]. В другом отрывке текста того же человека называют просто Устин. В словаре не встречается имя Осий, однако есть близкие к нему формы Осей/Осийко [там же: 312]. Написание іаков позволяет двойную трактовку антропонима – как имени Яков (со старой лигатурной буквой я), или как имени Иаков, также встречающемся в других пермских памятниках [там же: 173]. Первая трактовка представляется маловероятной: как в целом в памятнике, так и в почерке писца, в текстах которого зафиксировано это имя, подобное написание Я не зафиксировано.

Основная часть фамилий также встречается в работах Е.Н. Поляковой (СФ). Первое и основополагающее разделение фамилий – на образованные от некалендарных имен и прозвищ и на образованные от календарных имен. Фамилии, образованные от некалендарных имен и прозвищ, можно классифицировать по мотивирующему значению производящей основы-прозвища. Некоторые из этих прозвищ восходят к топонимам и этнонимам: Вяткин, Вятчанинов, Колмогоров, Москвин, Пермяков, Турчанинов, Черкасов, Южанинов / Юженинов [Полякова 2005: 90–453]. Часть производящих прозвищ[4] образованы от названий профессий: Кадешников, Калашников, Кашеваров, Могильников, Понамарев / Пономарев, Попов, Ременников, Рогожников, Сторожев, Швечиков [там же: 151–434]. Другие производящие прозвища[5] образованы от названий животных, птиц и растений: Баранов, Барсуков, Бобров, Воронин, Воронов, Гагарин, Жаравлев, Коровин, Мулов, Дурницын, Дягилев, Осокин, Петухов, Свистунов, Сиухин [там же: 38-348].

Некоторые фамилии имеют финно-угорское и тюркское происхождение: Баяндин / Баендин (манс.) [там же: 44, 34], Бардаков (тюрк.) [там же: 38], Малакодин (тюрк.) [там же: 226], Тохтуев (тюрк.) [там же: 379], Шаламов (тюрк.) [там же: 430], Шварев / Шворевых (коми-перм.) [там же: 434], Шувалов (тюрк.) [там же: 446].

Ряд фамилий образован от прозвищ, называющих порядок появления ребенка в семье: Вторушин [там же: 88], Девятков [там же: 109], Малков [там же: 227], Поздеев [там же: 300], Поздин [там же: 300]. Часть фамилий образована от прозвищ, характеризующих человека по внешности (Беляев,

Горбунов, Кожин, Кривцов, Мальцов, Сивков, Сурнин, Хохрин, Хрептов, Шаврин, Шадрин, Шилоносов [там же: 48–439]) или по чертам характера (Булдаков, Бушуев, Гилев, Завьялов, Зуев, Клушин, Мазунин, Накаряков, Потеряев, Самохвалов, Торопов, Хлопин, Щетинин, Шилков / Шильков [там же: 63–439]).

Ряд фамилий образован от традиционных некалендарных имен: Головков, Жданов, Нечкин, Поспелов, Русинов, Угримов, Черных [там же: 98–418].

Некоторые производящие прозвища образованы от названий предметов материальной культуры: Заворницын, Колачев/Калачев, Клепиков, Коркин, Леденцов, Лепешкин, Палкин, Пушкин, Сил(ь)ницын, Скобелин, Хомутов, Чечюлин, Чюлков [там же: 134–427]. Основы части фамилий указывают на некие обстоятельства жизни человека: Новоселов [там же: 264], Палехов [там же: 279]. Зафиксирована фамилия, происходящая от сложного прозвища Худые Рога – Худорошков [там же: 406].

Меньшая часть фамилий образована от календарных имен и их дериватов: Аристов, Власов, Володиных, Габов, Дементьев, Елькин, Емельянов, Ермаков, Иванов/Іванов, Ильиных, Клементьев, Козьминых, Максимов, Матвеев/МатвеЬв/МатвЬев/Матвиев, Михалев, Нестеров, Никонов, Окулов, Панков, Паршаков/Паршуков, Першин, Петров, Романов, Селиванов, Семенов, Федуловых, Фефилов, Фоминых, Фролов, Хамкин, Юдин [там же: 31–452]. Настоящее исследование подтверждает данные Е.Н.Поляковой [Полякова 1979: 30], о том, что бóльшая часть фамилий образована от полных имен, и незначительное количество – от дериватов.

Часть фамилий не была обнаружена в памятниках в том виде, в каком она приведена в СФ, но фамилии, при этом, достоверно этимологизируются на его основе. Так, фамилия Зиминскои / Зяминскои, по-видимому, является суффиксальным образованием от Зимин [Полякова 2005: 141]. Фамилия Каргин / Коргин связана с зафиксированной фамилией Каргиных [там же: 158] на основе распространенного в XVI–XVIII вв. варьирования формантов -ин/-иных [там же: 5]. Фамилия Мещеряков является образованием от Мещеряк, в соответствии с прозвищем Мещера [там же: 238], зафиксированным в словаре и указывает на происхождение человека по месту или на его принадлежность к этносу. Фамилия Невольский восходит к некалендарному имени Невольский «из прилагательного *невольский* ‘зависимый, угнетенный’, связанного со словом *невольство* ‘насилие, притеснение’» [там же: 162]. Фамилия Низовитинов восходит к прозвищу Низовитин, образованному по продуктивной модели (москвитин, пермитин, двинятин) от названия Нижнего Новгорода. В словаре

фиксируется фамилия Низовцев от прозвища Низовец с тем же значением [там же: 263]. Фамилия Самороков, по всей видимости, является фонетическим изменением фамилии Суморoков (ср. Жаравлев/Журавлев) [там же: 364]. Фамилию Серетин следует читать как Сереткин: СФ фиксирует *жителя Лимежского погоста Ивана Васильева сын Середкина (1711)* [СФ, 344], а в памятнике упомянут *погоста лимеша иван серетин.* Фамилия Эремиевых является вариантом зафиксированной словарем фамилии Еремиевых [там же: 126]. Буква Э в памятнике встречается крайне редко. Интересно, что имя крестьянина с фамилией Эремиевых – Еремей, пишется через букву Е. Возможно, буква Э данным писцом воспринималась как графический вариант Е. Фамилия Юклиевских/Юклиевых связана фонетическим чередованием е/и с фамилией Юклеев [там же: 453] (ср. Матвиев / Матвеев).

Наконец, некоторые фамилии не находят соответствий в СФ. Таковы фамилии Дивликеев, Зломанов, Катычев, Клепин, Лошкомоев, Масихин (Мясихин), Осиев, Ратаев, Сафьянов, Солонинин, Турков, Емашев (Ямышев). Рассмотрение их происхождения требует отдельного исследования.

Таким образом, в статье был рассмотрен ряд вопросов, связанных с антропонимией пыскорских памятников. Так, были исследованы вопросы дистрибуции антропонимов. Выделено 3 типа контекстов: полный контекст, в рамках которого антропонимы используются в разных грамматические формах; неполный контекст, чаще всего, представляющий собой списки (росписи) фамилий, в котором множество антропонимов стоит в одной заданной форме (например, в родительном падеже); а также микроконтекст, представленный подписями (закрепами) в котором антропоним употребляется изолированно в начальной форме. Установлено, что формула сложного антропонима в полном контексте зависит от первичности его появления в тексте. Так, при первичном употреблении используется полная формула именования (*у малолЬтного але+Ья осокина*), при последующих употреблениях используется усеченная формула (*его осокина*). Основная формула сложного антропонима, как и в документах XVII века, состоит из личного имени и фамилии (фамильного именования) на -ов/-ин.

В исследовании изучалась также орфографическая вариативность написаний антропонимов. В памятнике фиксируется неустойчивое употребление букв *е* и *Ь*, *и* и *і*, *а* и *о*: : *але+еи / але+Ьи / алЬ+еи / алексеі; андреи / андрЬи / анъдреи; терентеи / терЬнтЬи*; *афонасеи / афонасии / офонасеи; сімон/симан/симо.*

Представляют интерес изменения в составе именника пермского региона, состоящие, прежде всего, в исчезновении из документов некалендарных имен (например, *Бык, Зык*) и имен с уничижительными

суффиксами (например, *Трофимко, Евдокейка*). На смену им приходят календарные христианские имена в полной (канонической или неканонической) форме. Что касается фамилий, то количество этих антропонимов, образованных от некалендарных имен и прозвищ, значительно превышает количество фамилий от календарных имен. Практическая ценность статьи состоит в том, что выявлены антропонимы, не зафиксированные пермскими словарями: Дивликеев, Зломанов, Катычев, Клепин, Лошкомоев, Масихин (Мясихин), Мещеряков, Низовитинов, Осиев, Ратаев, Сафьянов, Солонинин, Турков, Емашев (Ямышев).

Примечания

[1] Статья выполнена при поддержке грантов РГНФ 14-34-01279 (рук.: Шкураток Ю.А.), 12-34-01043а1 (рук. Русинова И.И.), 14-04-00437 (рук. Боброва М.В.)

[2] В документе одно и то же лицо называется сначала Марк, потом Макар. Аналогичным образом допущены ошибки и в других случаях.

[3] Здесь и далее антропонимы, извлеченные из текстов, даются с заглавной буквы, но с сохранением прочих орфографических особенностей XVIII в.; в отрывках из текстов, в соответствии с орфографией XVIII в., антропонимы пишутся со строчной буквы.

[4] В цитатах из памятников выносная буква обозначается с помощью тире перед выносной буквой, например, о-бявление, б выносная; Ь передает букву «ять», + – «кси», / – перенос строки.

[5] Термин производящие прозвища в настоящем исследовании употребляется в значении ‘прозвище, от которого произошла фамилия’.

Список словарей и источников с условными сокращениями

Столп – *Столп* приходной пыскорской денежной казны 1741 году. Рукопись. ГАПК. Ф. 180., оп. 1, ед.хр. 26.

СИ – *Полякова Е. Н.* Словарь имен жителей Пермского края XVI-XVIII веков. Пермь: Издательский дом Бывальцева, 2007. 464 с.

СФ – *Полякова Е. Н.* Словарь пермских фамилий (XVI–XVIII века). Пермь: «Книжный мир», 2005. 464 с.

Список литературы

Безбородова Ю. В. К вопросу об антропонимических структурах приходно-расходных книг (конец XVIII–XIX вв.) // Славяно-русское духовное пространство в Сибири: материалы 27-й межрегиональной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч.1 Тюмень: изд-во Тюменского госуниверситета, 2004. С. 19-21.

Добряк А. А. Диалектные явления в ономастической лексике нижнетагильских памятников деловой письменности XVIII–XIX вв. // Вопросы ономастики. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1974. Вып. 7. С. 80–86.

Зинин С. И. Введение в русскую антропонимию: пособие для студентов заочников / С.И.Зинин; Ташкент. ун-т. Ташкент, 1972. 277 с.

Качинская И. Б. Модели отчества в севернорусских говорах. // Вопросы ономастики. 2011. №2. С.51-–60.

Палагина В. В. Варьирование антропонимических структур в томских деловых документах XVII в. // Вопросы ономастики. Вып.11: Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1976. С.57–69.

Полякова Е. Н. История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII вв.: Монография / Е.Н.Полякова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 280 с.

Полякова Е. Н. О связях фамилий и имен нарицательных в XVII в.(по материалам деловой письменности Прикамья) // Вопросы ономастики. Вып. 13. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1979. С.29–38.

Условные сокращения

ГАПК – Государственный архив Пермского края;
ед. хр. – единица хранения;
коми-перм. – коми-пермяцкий;
манс. – мансийский;
оп. – опись;
тюрк. – тюркский;
ф. – фонд.

N.V. Chugayev
school teacher
Gymnasium №31 of Perm

ANTHROPONYMY OF PYSKOR DOCUMENTS IN 1740-1741

The article is devoted to the anthroponymy extracted from the handwritten books of XVIII century. Subject of the article is determining of anthroponyms distribution and names classification. Novelty lies in detection of new anthroponyms unpresented in E.N.Polyakova research.

Key words: anthroponymy; written records of the XVIII-th century; the structure of complex anthroponymy.

УДК 81’28

Юлия Анатольевна Шкураток
старший преподаватель
кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
shkuratok@mail.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КОЛДУНАХ И ЗНАХАРЯХ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА (на материале пермских говоров) [1]

В статье описываются представления о колдовстве и знахарстве, сохраняющиеся в сельской местности Пермского края. По мнению носителей традиции, колдуны и знахари являются носителями особого сакрального знания, потенциально опасного для человека.

Ключевые слова: мифологическая лексика; Пермский край; колдовство; знахарство.

Пермский край, по сравнению со многими другими регионами России, отличается большей сохранностью традиционного фольклора. Диалектологи, фольклористы, этнографы и сейчас записывают в сельских районах удивительные истории о нечистой силе и встречах с ней, о людях, способных на расстоянии нанести вред человеку и скотине, умеющих лечить при помощи заговоров и других магических средств, и т.п.

Вера в колдунов и, шире, в людей, обладающих сверхъестественными способностями, сохраняющаяся в современном обществе, базируется на архаических представлениях о существовании двух миров, противопоставленных друг другу: мира человеческого, освоенного им, и мира чужого, звериного, нечеловеческого, мира духов. Как пишет А.К. Байбурин, в традиционной модели «связи между своим и чужим основаны на принципе сообщающихся сосудов: недостаток в одной сфере означает избыток в другой, нарушение порядка в одной из них расценивается как следствие действия разрушительных сил иного мира» [Байбурин 1990: 4]. В таком обществе возникает насущная потребность выделения особой группы людей, задача которых состоит в поддержании хрупкого равновесия между мирами. Этой функцией в русской деревне наделяются ведьмы, колдуны и колдуньи, знахари и знахарки, ворожеи, провидцы, чернокнижники, деревенские «специалисты» [2].

Для людей, которые обладают этими сверхъестественными, по мнению носителей традиционной культуры, способностями, в пермских гово-

© Шкураток Ю.А., 2014

рах существует огромное количество наименований: *бабка* (*бабка-знахарка* и *бабка-колдунья*), *бесист* (*бесистый*, *бесистая*, также в составе словосочетаний *бесистый мужик*, *бесистая баба* и др.), *бормотушка*, *ведун* (*ведунья*, *ведущие люди* и т.п.), *ведьма* (*ведьмарь*), *вещица* (*векша*, *векшица*, *вештица*, *вещелица*,), *волшебник* (*волошебник*, *волшебница*, *волхитка*), *ворожея* (*ворожейка*, *ворожица*, *ворожья*, *ворожец*), *вредитель* (*вредун*), *гадалка*, *дошлый* (*дошлый человек*, *дошлые люди*), *еретник* (*ерекник*, *еретик*, *ерекник*, *еретница*, *еретниха*, *ерекница*), *ехидный* (*ехидный человек*, *ехидные люди*), *заговорщик*, (*заговорщица*, *заговоруха*), *знаткий* (*знаткой*, *знатный*, *знатетный*, *знатливый*, *знатка*, *знаток*, *знахарь*, *знахарка*, *знающий* и др. наименования с корнем *зна-*), *икотник* (*икотница*), *истошник* (*истошница*), *килун* (*киловяз*, *киловязка*), *колдун* (*колдунья*, *колдовка*, *колдуха*), *лекарь* (*лекарка*, *лекарша*, *лечебница* и др.), *мухлушка*, *нечистый* (*нечистая*), *оборотень*, *окоянный*, *опасный*, *понапрасливый* (*понапрасливый человек*, *понапрасливые люди*), *портун*, *правильщица*, *присушник*, *сильный* (*сильный человек*, *сильные люди*), *словеник* (*словесник*, *словник*, *словник*, *словарка*, *словеница*, *словеница*, *словница*, *словщица*), *травник* (*травяник*, *травница*, *травиница*, *травяница*, *травяшница*), *хитрый* (*хитрый человек*, *хитрые люди*), *чародей*, *чернобай* (*чернобайка*), *чернокнижник* (*чернокнижница*), *чертист* (*чертистка*, *чертистый*, *чертистая*, *чертиха*, *чертознай*), *шептун* (*шептальничек*, *шептарь*, *шептунья*, *шепотунья*, *шептуха*) [КСМР].

Бытование на одной территории большого количества синонимичных лексем и словосочетаний обусловлено, по всей видимости, не диалектной вариативностью, а табуированием. Мифологическому сознанию свойственно признание действенной силы слова: назвать представителя иного мира или человека, обладающего особыми способностями, означает привлечь его внимание. По этой же причине значительная часть рассказов о встречах с нечистой силой не содержит каких-либо специальных лексем, ее называющих. Представители иного мира в текстах мифологических рассказов названы по их семейно-возрастному статусу: *девка, баба, женщина, мужик, дедушко*, часто используются описательные конструкции: *Мать рассказывала. Александра Федоровна звать, блазнило ей. На ветках елок <u>девки</u> сидят, песни сказывают, да над ней хохочут* [Былички: 42]; *У нас дедушка ехал через мельницу. Едет – у мельницы сидит <u>баба</u>, волосы чешет. И лошадь не пошла и все* [там же: 43]; *Вижу: <u>мужик</u> стоит, рубаха белая, а полы-то пиджака так и вертятся…Не один год его видели, еще бабушка моя видела. И все в лесах* [там же: 51]; *Вот уснуть-то не успела ишшо, гляжу, а из-за печки ко мне <u>мужичок</u> выходит, махонький такой. Подошел ко мне и ноги-то так шшупат, шшупат* [там же: 94]; *Глаза закрою – с меня кто-то одеяло тянет. Снова закрою – снова тянет, вдруг чувствую: <u>мохнатый</u> какой-то под бок подкатил* [там же: 98]; *Са-*

дит она хлеба, глядит в окно: в баню востроносые шапки заходят, ноги волосатые. Около молодухи вертятся, всё к ней ладятся [там же: 130].

Носители традиции прямо говорят о суеверном страхе перед колдунами: *А про котников, про колдунов-то ничего говорить нельзя, они всё слышат* [СРГКПО: 128], поэтому точно так же, как в рассказах о нечистой силе, в значительной части текстов о людях, обладающих сверхъестественными способностями, отсутствуют специальные лексемы, обозначающие колдунов, знахарей, провидцев и т.п.: *Что-то свёкр приговаривал, не даром же ходил там. Вот змеи-то и пропали*; *Женщина у нас в селе шибко толковая, травами лечила от уроков и от дурного глазу заговаривала*; *Подсердечный хомутец мне садили. Я не пустила спать одних, мне-ка и приляпали подсердечной хомутец. В груди болит и болит, на спине приступ сделатся* [КСМР].

В традиционной культуре распространителями слухов о том, кто из соседей способен наслать болезнь или несчастье, являются «пострадавшие». Те же, кого считают колдунами, иногда принимают приписываемую им роль и выгоды и неудобства, с нею связанные. В некоторых случаях они охотно рассказывают о своем «ремесле», но встретить человека, открыто объявляющего себя колдуном, даже если соседи приписывают ему этот статус, можно крайне редко [Христофорова 2010: 66]. Вредоносная деятельность колдуна является предосудительной, никто не хочет прослыть среди односельчан колдуном: *Это было ведь позорно. Это было конфузно, что ты колдуешь. Киловязов, после них знаешь, как болит страшно. А они похаживают. А они тоже болеют. А у нас такой был, он много износил* [СРГЮП 1: 348].

В деревне обладание сверхъестественными способностями, как правило, приписывалось «чужим среди своих» – находящимся на периферии культурного сознания лекарям, мельникам, кузнецам и т. д. «Эти “профессионалы” могли жить среди крестьян, но оставались маргиналами из-за того, что трудились не на глазах у окружающих, не “на людях”, и “людям” были неподвластны секреты их профессиональной деятельности» [Березович 2007: 105]. Их пограничное положение определяет и особое двойственное восприятие их как членов общины: «отношение к таким маргинальным личностям похоже на отношение к мертвецам: их и боялись, и нуждались в их связях с иным миром» [Байбурин 1990: 13]. Обладающим бóльшими знаниями, по сравнению с окружающими, приписывалось и умение общаться с иным миром, которое, в свою очередь, дает им огромные преимущества по сравнению с обычными людьми: обладание магическими способностями, возможностями лечить людей, животных или вредить им, узнавать будущее, находить потерянные или украденные предметы и др.

В народной культуре четко прослеживается противопоставление профанного знания (знания, известного каждому члену общины) и знания сакрального, которое доступно немногим [Толстая 2000]. Последнее почти всегда осмысливается как потенциально опасное для человека: *Всё бы знахарки были на свете, людей не было бы – всё знали* [КАС]. Таким образом, перед нами складывается мировоззренческая позиция: любой, кто обладает знаниями большими или иными, чем у остальных, является «знающим» – не-своим, чужим.

По концепции О.Б. Христофоровой, мельники и другие ремесленники не только обладают особыми, недоступными остальным крестьянам умениями, но и большей, чем у рядовых членов общины, сферой ответственности, а следовательно, властью: «Ответственность, с которой справляется специалист, и его опыт наделяют его особыми умениями, которые интерпретируются окружающими как власть над вещами или животными (например, у коновала – над лошадьми, у пасечника – над пчелами). Эта власть может быть осмыслена (мифологически перекодирована) как власть над природными стихиями, воплощенными в образах мифологических персонажей (или же как особая связь с ними – пастух связан с лешим, помогающим пасти стадо, мельник – с водой, персонифицированной в образе “водяного черта” <…>). Эта особая связь понимается в терминах магического *знания/силы* и, следовательно, власти над людьми» [Христофорова 2010: 183].

О важности роли сакрального знания в традиционной культуре и в то же время о суеверном страхе, который оно вызывает, свидетельствует следующий факт. Многие рассказы информантов о колдунах и знахарях сопровождаются охранительным «не знаю», даже если человек готов охотно поведать о своем опыте в этой сфере: *Вот в обозе ездил Леонтий, говорил, у нас де есь эта чуть колдуют да чё. Не знаю, насколько справедливо* [КАС]; *Я ничего не нашивала, так и не знаю, есть ли колдуны. А быват, килу садят, краснеет, багреет* [СПГ 1: 14]; *Колдуны силу-то передают, слова ли, я не знаю* [КСМР]; *Когда портят, чертей садят. Где они у них, с собой или как, я не знаю* [там же]. В следующем тексте информант после охранительного «не знаю» подробно описывает способ лечения «испорченной» коровы: *Колдуны бывают, коров портят которые колдуны-то. Заговаривали или как, не знаю. У женщины одной корова не заходила в конюшню. Пошли к знахарке. Она сказала, что в конюшне как будто медведь. Она из колодца воды принесла, в ней иконы вымыла, на хлебушко молитвы читала. И этим хлебушком корову кормила, а водой спину и голову надо мазать. И так три раза. И тогда всё пройдёт* [КСМР].

Особенно заметно стремление подчеркнуть свою непринадлежность к категории обладающих сверхъестественными способностями в

ситуации, когда информант владеет некими навыками лечения, магического воздействия, умением предсказывать будущее, но отрицает, что владеет особым знанием: *А тут (уже я здесь жила) пошла – нету уже этой женщины в живых, – пришла, деньги принесла, а она на картах гадала. Я говорю: «Брось мне». Она говорит: «Да ну, я ничё не знаю!» Я говорю: «Да ну тебя!» Она только карты выкинула – говорит: «Ой, девка, ты сама себя накажешь»* [СРГСПК 1: 150]; *Один мужик говорил: чертей не знаю, но кровь любому могу закрыть, закрыл у одного мужика, и ноги у него почернели* [СРГЮП 1: 305]; *Я ничё не знаю, только от пуга лечить умею* [СПГ 2: 244]; *Есь ить тожо* [бабушки], *словами-то и закрывают мочу и кров. Кров-ту закроют дак, тогда уж умрут. Фролка всё говорил: «Я ничё не знаю, а кров закрыть могу»* [КСМР].

Представления жителя деревни существенным образом отличается от мировоззрения горожанина. В сознании современного человека *колдун* – ‘человек, занимающийся колдовством; волшебник, чародей, ведун’ – и *знахарь* ‘целитель, врачеватель, использующий наряду со средствами народной медицины также энергетическое воздействие, магические, колдовские приемы, заговоры и т.п.’ [БАС 8: 219; 6: 778] – противопоставлены по направлению колдовского воздействия – отрицательного или положительного. При обращении к мифологическим рассказам границы между ними стираются: и то, и другое лицо может как причинять вред, так и избавлять от этого вреда. Для всех них существует общее наименование – *знающий*.

В.К.Антчак выносит термин «знающие» в заглавие диссертации: «“Знающие люди” в традиционной культуре русских» [Антчак 2005]. Согласно его концепции, в категорию «знающих» попадают только колдуны – носители сакрального знания, обладание которым приписывалось также, как правило, специалистам в некоторых сферах (кузнецам, мельникам и т. п.), в деятельности же колдуна магическая составляющая профессионала выражена в концентрированном виде. По его мнению, наличие знания/силы отличает сильных колдунов от других магических специалистов и формирует представление о профессиональной мужской магико-мистической деятельности; женская магия, напротив, всегда носила домашний характер, даже общепризнанные женщины-лекарки отрицали какую-либо связь с сакральным знанием-силой.

Проблему разделения «знающих людей» на колдунов и знахарей В.К. Антчак решает следующим образом: «знахари в русской традиции занимаются исключительно врачеванием. Они могут быть сильными или слабыми в магическом отношении, но отличительным признаком является апелляция к Богу во время обрядовых действий над больным. В случае со знахарской практикой, магико-заклинательные действия сведены к минимуму (шептание молитв, магические действия над телом больного). Кол-

дун же воспринимается в традиционной культуре как человек, занимающийся собственно магической деятельностью в полном объеме», хотя колдун и может совершать действия, свойственные знахарю [Антчак 2005: 105–106].

В текстах мифологических рассказов *знающий*, *знаючий*, прич. и прил., в составе сочетаний *знающий человек* (*бабушка*), *знающие люди*, субстантивированные *знающий*, *знающая*, *знающие* встречаются достаточно часто. На уровне языкового выражения круг «знающих» достаточно сложно очертить: в него входят как сильные колдуны (и реже колдуньи), получившие свое сверхъестественное знание/силу либо по наследству, либо в результате проведения обряда посвящения/передачи магических знаний, вредящие людям и животным; колдуны и колдуньи-оборотни, сближающиеся по функциям с ведьмами; колдуны на свадьбах, могущие как наслать порчу на свадебжан или превратить их в волков, так и оберегающие свадебный поезд и молодых от действий других колдунов; деревенские «профессионалы» – пастухи, мельники, плотники, повитухи; знающие приемы любовной магии; люди, умеющие определить порчу и вылечить от нее; различного рода лекари и предсказатели. Таким образом, «знающие» – это люди, владеющие неким магическим знанием, которое невозможно однозначно отнести к доброносному и вредоносному; «знающими» являются как люди-полудемоны, связанные со сферой сверхъестественного, так и обладающие некими способностями, знаниями обычные люди, не наделяемые демоническими свойствами.

Подобная неопределенность, амбивалентность значения свойственна и мотивирующему глаголу *знать*. И.И. Русинова на материале северных пермских говоров рассматривает семантику лексических единиц, включающих глаголы *знать, знаться: знать, знать слова (бесей, добро, заговоры, колдовство, колдунов, махлушки, молитвы, отговоры, привязывать, к худу, чертей); знаться с лешим (с бесом (бесями), с дедушкой, с лесным хозяином, с нечистым (духом), с окаянным, с сатаной, с чертом*), определяя их значение как ‘обладание сверхъестественной силой (знанием)’. Некоторые из этих единиц, по мнению И.И. Русиновой, обозначают «действия общего характера, то есть не указывает на его вредоносную или доброносную направленность. Это глагол *знать* и словосочетание *знать слова*». Другие единицы имеют дифференциальную сему, указывающую на направление магической деятельности. Значением ‘обладать сверхъестественным знанием с целью доброносного воздействия на людей и животных’ обладают единицы *знать добро, знать молитвы*. Еще одна группа лексических единиц с глаголами *знать* и *знаться* имеют противоположную дифференциальную сему и приобретают значение ‘обладать сверхъестественным знанием с целью вредоносного воздействия на людей и животных’: *знать чертей (бесей, к худу); знаться с лешим (с лесным хозяи-*

ном, с сатаной, с бесом (бесями), с нечистым (духом), с окаянным [Русинова 2009: 26].

Некое сверхзнание человек получает от нечистой силы, и обладатель этого знания может использовать его как во благо, так и во вред человеку. «Эти особенности семантики глаголов *знать*, *знаться* сообщают амбивалентность значению образованных от них единиц, обозначающих человека, обладающего магическим знанием», то есть способность в разных контекстах передавать антонимичные значения. И именно амбивалентность, неопределенность семантики глагола вынуждает его употреблять со словами, уточняющими направление магической деятельности, что является причиной появления в диалектной речи сочетаний различной степени устойчивости [Русинова 2010: 74–76]. Стоит отметить, что существуют и маркеры «вредоносности» деятельности человека, обладающего сверхъестественными способностями. Ими можно считать присутствие в его названии корней *бес-* и *черт-*. Например, в пермских говорах функционирует множество единиц подобного рода: *бесист, бесистый, бесястый, бесистый человек* (*старик* и под.), *бесястый человек* (*старик* и под.), *чертист, чертистка, чертистый, чертистый человек* (*женщина*, *старуха* и под.), *чертознай, чертызнай* [Русинова 2011: 16–17].

Таким образом, в Пермском крае до сих пор сохраняются традиционные представления о колдунах, знахарях и прочих людях, обладающих, по мнению односельчан, сверхъестественными способностями. Истоки этих представлений коренятся в мифологическом разделении мира на мир человеческий и мир нечеловеческий, мир духов. Для поддержания связи между ними в крестьянской общине выделялась особая категория людей, которых одновременно и боялись, и уважали. На роль «проводников» между мирами претендовали «чужие среди своих» – люди, имеющие особенности во внешности, отличающиеся поведением, деревенские «профессионалы», работающие не на виду у всех, этнически чужие и т.д. Все они, по мнению носителей традиции, обладают особым знанием – знанием сакральным, потенциально опасным для человека. Любой, кто обладает знаниями большими или иными, чем у остальных, является «знающим» – чужим, соприкасающимся с «иным» миром, человеком опасным, обладающим сверхъестественными способностями и силой управлять людьми и животными, насылать болезни и лечить их.

Примечание

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ 12-34-01043а1.

[2] Содержание главы основано на материалах диссертации Ю.А.Шкураток Шкураток 20012].

Список литературы с условными сокращениями

Антчак В.К. «Знающие люди» в традиционной культуре русских: дисс. … канд. истор. наук. СПб., 2005. 177 с.

Байбурин А. К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990. С. 3–17.

БАС – Большой академический словарь русского языка. Т.1–13. М., СПб.: Наука, 2004–2009.

Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.

Былички – Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. К.Шумов. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. 410 с.

КАС – картотека «Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области».

КСМР – Картотека «Этнодиалектного словаря мифологических рассказов Пермского края», составляемого И.И.Русиновой, А.В.Черных, К.Э.Шумовым, Л.С.Нечаевой.

Русинова И.И. Вербализация представлений и связи колдуна с нечистой силой // Вест. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып.2. С.15–23.

Русинова И.И. Об амбивалентности семантики магической лексики (на примере названий колдуна, знахаря в русских говорах) // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования / Перм. ун-т. Пермь. 2010. Вып. 2. С.64–80.

Русинова И.И. Процессуальная магическая лексика в говорах Пермского края // Вест. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып.4. С.25–32.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И.Толстого. М.: Международные отношения. Т.1. 1995. 584 с. Т.2. 1999. 704 с.

СПГ – Словарь пермских говоров. Вып.1–2 / под ред. А.Н.Борисовой и К.Н.Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2000–2002.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И.И.Русинова; Перм. ун-т. Пермь, 2011. Вып. 1. А–В. 364 с.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып.1 (Абалтус – Кычига) / под ред. И. А. Подюкова; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2010. 456 с.

Толстая С.М. Опасность знания (из народной гносеологии) // Слово в тексте и словаре. Сб. к 70-летию акад. Ю.Д.Апресяна. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 236–242.

Шкураток Ю.А. Развитие мифологической семантики у слов с корнями *-vĕd- и*-zna- в русском языке. Дис. … канд. филол наук. Пермь, 2012. 217 с.

Y.A. Shkuratok
Senior lecturer of Russian Languages and Stylistics Department
Perm State University

TRADITIONAL REPRESENTATION OF WITCHES AND WHITE WITCHES BASED ON THE LINGUISTIC DATA (of the Perm krai dialect)

This article analyses witchcraft (as a general term for both harmful, and benevolent magic) in the Perm krai countryside. According to bearers of tradition, witches and white witches have a certain type of knowledge, that is sacred and potentially harmful.

Key words: mythological lexis; Perm krai; witchcraft.